

vk.com/lovebookstranslate

Норма Джин Карлссон

Кружки

Любви

Автор: Норма Джин Карлссон

Название на русском: Кружки любви

Серия: вне серии

Перевод: Carina Kocharyan (1–2),

Anastasia Kolomina,

Юлиана Кулагина, Afortoff

Сверка: betty_page

Редактор: Ясмينا

Вычитка: Eva_Ver, Екатерина Попович

Оформление:

Eva_Ver

Обложка: Вета Светлова

Глава 1

Эмили

Это аромат, который захватывает ваши чувства с первого вдоха. Сильный и богатый, он задерживается на вашем языке, в то время как тепло мягко обволакивает ваши легкие. Он может принести вам глубокий сон или дать сил после бессонной ночи. Ваш лучший друг, местечко, где вы чувствуете себя спокойно, даже если только на мгновение.

Кофе.

Независимо от того, как вы возьмете его, или если вы используете ломаный, сухой язык, чтобы заказать его, кофе — это маяк. Сидеть утром за столом, выглядывая из-за ободка дымящейся чашки, в то время как жена купается в лучах счастья, когда она смотрит на мужа и поправляет ему галстук.

В шуме и суете оживленного города, в окружении жужжащего управляемого хаоса, выходящего за все рамки, настал тот момент, когда бизнесмен берет тайм-аут, чтобы дать себе отдохнуть от его сто-часовой рабочей недели. Небольшой магазин, в котором молодая женщина нервничает и беспокоится о своей челке, как будто это ее первое свидание, но чашка латте, стоящая перед ней, успокаивает расшатавшиеся нервы.

По крайней мере, я на это надеюсь. Ей не нужно нервничать. Я дарю ей добрую улыбку и в знак поддержки слегка похлопываю по плечу, перед тем как идти обратно за прилавок.

Женщина глубоко вздыхает, а затем осторожно делает поток, слегка улыбнувшись уголками губ, когда высокий мужчина, выглядевший как герой романа Джека Керуака, проходит мимо панорамного окна. Он идет вдоль него, а затем останавливается около тяжелой двери цвета вишни, ее улыбка отражается на его губах.

Они подходят друг к другу. Она миниатюрная, с добрыми, цвета карамели глазами, одетая в простое кремовое платье. Мужчина разворачивает свой широкий, в синюю и серую клетку, шарф, снимает толстые очки в черной оправе, затем наклоняется, чтобы поцеловать ее в уже покрасневшую щеку.

Он предлагает ей что-нибудь, она отказывается, указывая в сторону латте. Он нежно сжимает руку девушки, прежде чем отправиться ко мне.

— Чем я могу вам помочь? — спрашиваю я привычно приятным голосом.

Мужчина откашливается и делает глубокий вдох. Он нервничает.

— Латте, пожалуйста, — бормочет он, теребя края своего черного кожаного бумажника, лежащего на баре.

— Я принесу его вам за столик.

— Можно мне... — шепчет он, прежде чем остановиться. — Я могу подождать его здесь?

— Конечно, можно, — заверяю я с мягкой улыбкой.

Напряжение покидает его плечи под бордовым свитером, в то время как улыбка облегчения расцветает на бледных губах. Я заглядываю через плечо, чтобы увидеть — его девушка тоже стала дышать немного легче.

Я отворачиваюсь от него и иду делать порцию кофе, кофемолка громко гудит, заглушая Фрэнка Синатра. Мне нравятся джаз и пронзительные звуки играющей группы, доносящиеся из динамиков. Не подавляющие, но достаточные для того, чтобы наполнить мое кафе шумом.

Пока я взбиваю молоко, решаю, что взволнованного парня нужно немного подтолкнуть. Поэтому я думаю, что сегодня на пене будет сердце, только это кажется уместным. Я приступаю к бурлящей пене на чашке. Латте-арт стал своего рода моей навязчивой идеей. Я люблю то, что делаю, и думаю, этот стиль покажет моим клиентам, что я серьезно отношусь к работе.

Или я могла быть очень странной женщиной, которая просто мается от безделья. В любом случае, мне нравится смотреть на тюльпан, или лебедя, или розочку, плавающих в чашке. Это заставляет меня улыбаться.

— Вот, пожалуйста.

Я протягиваю тяжелую белую кружку в сторону нервничающего парня и колокольчиком оповещаю его об этом. Когда я отдаю ему сдачу, то подмигиваю с понимающей улыбкой. Он усмехается, потом хватает напиток и идет обратно к своей девушке. Я люблю эту часть — смотреть, как расцветает новая любовь.

Нет ничего более прекрасного, чем это. Это ожидание, затем нарастание, неуверенность, потом наступает пик, когда кто-то смеется, и все напряжение тает в легкой дымке первого свидания. Как красиво.

Я часто вижу это. С момента открытия «Кофе и торты от Эмили» пять лет назад, я становлюсь свидетелем свиданий в Блафсайде. Это великолепный маленький городок на реке Миссури, возвышающийся над долинами деревьев и полей. Осень пахнет свежестью и чистотой, в то время как листва украшает пейзаж янтарными, медными, золотыми и багряными красками. Это мое любимое время года. На самом деле, все времена года.

Я всегда занята. Население Блафсайда достаточно для того, чтобы ты не знал всех в городе, но был со многими знаком. Здесь есть небольшой университет, который приносит «новую кровь» каждый учебный год, так что все не настолько запущено. Мне здесь очень нравится. Это теперь мой дом.

За спиной слышится звон таймера, и я вижу голову, выглядывающую через проем открытой темно-зеленой двери, ведущей из кухни.

— Ты хочешь, чтобы я заменил тебя? — спрашивает Джордан, вытирая рот после съеденного перекуса.

— Наверное, да. Мне нужно выключить маффины и сделать еще один тыквенный хлеб. Я не могу поверить, мы продали сегодня уже восемь, — отвечаю я, вытаскивая маффины с клюквой, покрытые белым шоколадом, из духовки.

— Так у тебя их полно, — издевается Джордан, проходя вокруг большого белого мраморного стола в центре небольшой кухни.

Джордан начал на меня работать, будучи еще на первых курсах колледжа. По его

мнению, ему нужно было чем-то занять себя, а мне нужна была помощь, ведь тогда прошла лишь неделя с открытия кафе. Я никак не ожидала, что с первых дней кафе будет так популярно, но я помню первый раз, когда колокольчики звякнули над моей дверью. С того момента кафе процветает.

— Ты врешь, Джордан. Как минимум одна буханка точно нашла свою смерть в твоём желудке.

Я машу на него лопаткой, как старая училка. Я всего на три года старше его, но чувствую себя наполовину его матерью, наполовину старшей сестрой.

— Я ничего не могу поделать, твоя выпечка практически уничтожает весь мой самоконтроль. Это действительно твоя вина. Так что сделай две буханки. Тогда это устроит нас обоих.

Молодой человек ухмыляется мне через плечо, его ярко-голубые глаза мерцают озорством, когда он толкает дверь.

— Мальчишка, — бормочу я и начинаю делать две буханки.

Обычно Джордан стоит за прилавком рядом со мной. Утром я пеку, прежде чем мы открываемся, и, когда рабочий день подходит к концу, то заканчивается он вот так. Мне пришлось поставить все точки над «і» в самом начале, чтобы не работать до изнеможения. Но жители любят тыквенный хлеб, и я чувствую, что не должна бросать это.

Так что я нарушаю свои собственные правила и выпекаю в течение дня, пока не распродам все. Кексы являются лакомством для меня. И они не попадают под правила.

По крайней мере, вот что я говорю себе, когда в конечном итоге делаю их большинство из дней.

Как только кладу хлеб в духовку, я беру кексы на толстом, белом, керамическом блюде и несу в зал. Подхожу к двери и вижу свою милую нервничающую пару, их переплетенные пальцы на столе и улыбки. Люблю это.

— Латте и зеленый чай, Эм, — Джордан кричит через плечо, когда я расставляю маффины за стеклянной витриной.

— У вас есть тыквенный хлеб? — спрашивает клиентка, и я начинаю выполнять заказ.

— Сожалею. Мы все продали, — Джордан извиняется, и я дарю виноватую улыбку.

— Это мой любимый. Ну, не самый любимый. Мне также нравится шоколадный торт. Ох, и клубничное песочное печенье весной. Ох... персиковый пирог летом тоже! — взволнованно восклицает она, улыбка до боли расплывается на моих губах.

Я оборачиваюсь и подвигаю к ней ее напитки. Она постоянный клиент, преподаватель, я так думаю. Анна.

— Анна, мне нужен час-полтора, чтобы выполнить ваш заказ, — говорю я, в то время как Джордан берет ее деньги.

— Я буду ждать. Спасибо, Эмили, — девушка отзывается с теплотой в голосе, и эта теплота сделала мой день.

Я переключаю внимание с Джордана, принимая заказы, ряды наших клиентов редуют. Еще есть постоянный поток клиентов в течение дня, так что не бывает ни одного свободного столика. Моя нервничающая пара заказала еще латте и тыквенного хлеба через два часа после встречи. На этот раз я нарисую два сердца, и подарком мне будет их смех, когда я принесу им кружки любви.

— Ты такая сентиментальная, — отчитывает меня Джордан, пока я двигаюсь обратно к прилавку, который стоял в этом кафе с тех пор, как оно было построено в начале 1900-х

годов.

Хотя оно и реставрировалось бесчисленное количество раз, но блеск и тепло, которое оно дарит, до сих пор захватывает дух.

Я толкаю Джордана локтем в бок и принимаюсь переставлять тающие пирожные и выпечку за стеклянную витрину у конца прилавка.

— Эм, ты должна признать, что у тебя самые радужные перспективы на жизнь.

— Ты просто брюзга, — фыркаю я, выкладывая последние две буханки тыквенного хлеба на передний план.

— Кто, черт возьми, называет кого-нибудь брюзгой в твоём возрасте? Тебе двадцать восемь или девяносто?

— Хорошо. Ты придурок, Джордан. Так лучше? — насмехаюсь я, вставая и приглаживая мой грязный, темно-серый фартук вниз.

— Ты только что назвала меня придурком? — спрашивает парень в ужасе, его большие голубые глаза выкатились под копной белокурых волос, явно нуждающихся в парикмахере.

Я поднимаю бровь, скрестив руки на груди. Это сестра-брат — часть наших отношений. Он толкает меня, но я не двигаюсь с места, тогда Джордан изображает удивление.

— Я думал, что ты ругаешься только, когда пьешь текилу. Ты уже потягиваешь соус на кухне?

— Да, это дает мне силы выдерживать тебя каждый день, — говорю я с сарказмом.

Парень протягивает ко мне свои длинные, мускулистые руки и кладет их на плечи, не забывая положить подбородок на мою голову.

— Ты бы не знала, что делать без меня, — бормочет он в мои волосы.

— Нет, не знала бы, — говорю я со вздохом, обнимая его за талию.

Джордан — мой лучший друг. Он, наверное, лучший друг — кроме моей мамы — который когда-либо у меня был. Мы пререкаемся и дразним друг друга почти постоянно, но, когда доходит до дела, мы не боимся показать свою любовь.

Я переехала в Блаффсайд из пригорода Канзас-Сити после того, как моя мать умерла. Она боролась с раком молочной железы почти десять лет. Я горжусь, что стояла рядом с ней, помогала держаться, но так и не смогла больше оставаться там, когда она ушла.

Слишком больно было находиться в доме без нее. Я трачу три часа на езду, чтобы навестить бабушку с дедушкой и отца раз в пару месяцев. Они понимают, почему я ушла. До того, как в моей жизни появился Джордан, моим лучшим другом была мама.

Она всегда была моей матерью, заботливой и доброй, строгой и оберегающей, но я могла поговорить с ней, как с подругой. Даже будучи подростком, я проводила свои выходные вместе с ней, смеясь и шутя. Даже когда она была больна, мама никогда не теряла искру. В ее зеленовато-золотых глазах горел огонь. До тех пор, пока она не сделала свой последний вздох, он оставался. И когда тот ушел, часть меня умерла.

Джордан принес обратно свет в мою жизнь. Я действительно не знаю, что буду делать без него. Он это тоже знал, когда сжимал меня крепко в объятиях. Прочистив горло, я выворачиваюсь из рук Джордана, чтобы поприветствовать клиента.

— Что я могу для вас сделать? — спрашиваю я коротко. Мне не нравится Сара. Она работает в бутике по улице вниз от магазина. Одевается красиво и модно — так, как ей нравится. Я зашла к ней в бутик, как и в любой другой, расположенный на улице Крест, главная дорога, которая проходит через центр города, где расположены все магазины — когда только-только открылась.

Я взяла все кексы и кофе. И чувствовала себя, как Красная Шапочка с корзинкой в руках и моим красным шарфом, обмотанным на голове.

Сара взглянула на меня и высокомерно вздернула нос. Ее слова были достаточно вежливыми, но выражение лица было таким, как будто я помочилась на ее пол. Я предложила ей свое угощение и умчалась оттуда со всех ног. Когда я вышла и перешла на другую сторону, то увидела, как она выбросила кексы в помойку. Я чувствовала себя, как Большой Плохой Волк, но ничего не сказала и не сделала. Просто продолжила свой путь к другим магазинам. Это были чертовски хорошие кексы!

Кафе просто искрит от напряжения, когда она приходит. Я не хожу в ее бутик Тайлоред, и поэтому она редко заходит сюда выпить кофе. Когда она приходит, я прошу Джордана обслужить ее. Сегодня не повезло.

— Обезжиренное карамельное латте, но без кофеина и сахара, — она говорит, как будто я должна была все запомнить.

— Было проще заказать воду, — слышу я ворчание Джордана себе под нос.

Я прячу ухмылку, записывая ее заказ. Не стесняйтесь, заказывайте кофе, которое вам нравится. Мне нравится старый добрый американо и меня не волнует, что пьют другие люди. Чем бы дитя ни тешилось. Джордан считает, что если ты заказываешь кофе и рассказываешь ему, что ты не хочешь, чтобы в нем было, то заказывать кофе смысла нет.

— Так, какие планы на осенний фестиваль? — спрашивает она, щелкая своими ухоженными ногтями по прилавок, перебрасывая шелковистые каштановые волосы через плечо. Как может кто-то такой красивый быть таким уродливым внутри?

Я услышала однажды, как она разговаривает по телефону. Она говорила об одной своей сотруднице, которая набрала вес. Алисия Грэвс — милая девушка из города. Она обожала Сару и всегда хотела работать на нее с тех пор, как открылся Тайлоред, хоть и весила, около 100 фунтов.

Я понятия не имею, что Сара говорила в тот день. Но несколько дней спустя Алисия оказалась без работы. Я видела ее в городе. Девушка выглядела как скелет, и маленький город наполнился слухами о том, что у нее какое-то расстройство желудка. Я должна винить Сару за это? Не знаю. Но виню.

Сколько яда под этим прекрасным фасадом. Но я не повелась на это.

— Все, как обычно. Розыгрыш выпечки, украшение кексов, коф...

— Тайлоред предлагает розыгрыш полного макияжа. Ты можешь тоже поучаствовать в нем, — резко обрывает она меня.

Я делаю медленный вдох, чтобы успокоиться, и сжимаю руку, лежащую в кармане, в кулак. Она пытается достать меня. Я не доставлю ей такого удовольствия. Ухмылка на ее красных накрашенных губах — это все, что она получит от меня.

— Звучит здорово! — восклицаю я, сбив с нее спесь своим энтузиазмом. — Ты тоже участвуешь?

— Э, нет. Я — организатор всего этого, — усмехается она.

— Я просто подумала, что ты уже профессионал, чтобы предлагать свои услуги.

Ее ухмылка пропадает.

— Держи, — говорит Джордан, пододвигая ей ее чашку.

Он кладет свою руку в защитном жесте на мое плечо, ожидая ее ответный ехидный комментарий в мою сторону.

— Я профессионал, Эмили. Вижу, тебе этого не понять. Если ты когда-либо захочешь

получить некоторые советы, как привлечь посетителей в свое кафе, дай мне знать. Я буду рада предложить тебе несколько советов о текущих тенденциях. Что-то чуть раньше девяностых. Будь уверена, ты участвуешь в розыгрыше. С новой внешностью, может быть, Адам захочет, чтобы ты вернулась.

Джордан сильно стискивает пальцы на моем плече, и я чувствую ярость, исходящую от него. Он собирается сказать что-то грязное и жестокое. Это не место для этого. Она того не стоит.

— Спасибо за предложение, Сара. Хорошего дня, — говорю вежливо.

Торжествующая улыбка расплывается на ее губах, когда она постукивает пальцами, перед тем как уйти.

— Она сука, бл*дь. Не позволяй ей добраться до тебя, — Джордан шепчет мне на ухо. — Ты потрясающая, а Адам просто никчемный кусок дерьма.

Я киваю. Джордан целует мои волосы и топает прочь на кухню. Он выходит покурить, чтобы не вернуться и не придумать план, как вернуть Сару. Может быть, я и старшая сестра, но он защитник.

Нервная пара встает и крепко обнимается, молодая женщина растекается лужей у него на груди, а парень с довольным взглядом смотрит на ее мягкие черты. Он гладит ее по спине несколько раз, прежде чем помочь одеть пальто. Обматывает ярко-желтый шарф вокруг шеи и целует ее в лоб, прежде чем подойти к двери.

Девушка стоит неподвижно несколько мгновений, перед тем как он скрывается из виду, а затем она делает то, что заставляет меня забыть о Саре и ее словах. Она весело танцует, дергаясь и трясясь с ликованием. Улыбка, сияющая на ее лице, опьяняет. Настолько, что я чувствую, что мое сердце расцветает в груди. Неподдельная радость, пробираясь до костей, улыбкой отражается на лице. Кружки любви сегодня сотворили чудо.

Глава 2

Гаррет

Это моя любимая часть. Ее лицо — это маска чистого блаженства. Не фальшивая или принудительная — она естественная и натуральная. Я ловлю это тепло каждый день, даже если мне приходится стоять и потеть от сотен градусов жары или замерзать от сурового зимнего холода. Потому что я не чувствую ничего снаружи — я немею внутри. Бесчувственный,двигающийся по миру, взаимодействуя с немногочисленными людьми и не ощущающий ничего.

Смотреть на Эмили Гарнер — одно из моих наслаждений в жизни. Когда смотрю на нее — я чувствую. Никогда не разговаривал с ней и не заходил в ее кафе, но я наблюдаю за ней ежедневно из магазина напротив. У меня собственный мебельный магазин, где все делается на заказ. Все, что продается в моем магазине, я сделал и собрал собственными руками. Это приносит мне удовлетворение и спокойствие. Я хотел бы, чтобы работа приносила мне и радость, но это не так. Хотя, магазин действительно занимает мои мысли, но это необходимость.

— Ты снова делаешь это? — чрезмерно глубокий голос Клайда отвлекает меня от желанной картины.

— Иди на хер, — ворчу я и поворачиваюсь обратно, чтобы продолжить шлифовать простой, в стиле кантри, кухонный шкафчик.

— Просто поговори с девушкой, Гаррет.

Я качаю головой и продолжаю свою работу. Я не разговорчивый, и это то, что никогда

не изменится. Опустив голову вниз, я концентрируюсь на кусочке красного дуба, сглаживая его. Я вхожу в ритм и забываю про Клайда.

Он хороший человек. Всегда пытающийся помочь напарнику, хотя у самого лишь дом на колесах в трейлерном парке (Прим. пер.: Стоянка с передвижными домами, установленными на постоянном месте, к которым подведены инженерные коммуникации (водопровод, канализация, электричество), для сдачи внаем малоимущим) в городской дыре Независимости. Он знал Дэрила, моего отца, в конце двадцатых годов они вместе создавали никель. Клайд вышел из этого дела, но не Дэрил. Вместо этого, он растил меня, чтобы взять на место Клайда.

Я хорош. Могу угнать машину за тридцать секунд, прикарманить твой бумажник, не забыв заехать по морде, вскрыть замок с закрытыми глазами и умею обращаться с оружием в случае необходимости. Это простые вещи. Я начал работать с Дэрилом, когда мне было двенадцать. Когда мне было восемнадцать, я стал единственным его напарником. Он не был очень хорошим лидером, а я был доминантом по натуре, так что мы вполне хорошо уживались. До тех пор, пока четыре года спустя, не случилось это...

Однажды ночью что-то пошло не так, Дэрилу дали пожизненное за убийство, и я обнаружил, что существует нечто более ценное, чем верность семьи. Сделка о сотрудничестве с правосудием. Я отсидел восемь из моих пятнадцати лет заключения. Мой срок сократило то, что я был примерным заключенным.

Клайд ждал меня за оградой тюрьмы и привел сюда, в этот странный, тихий Блаффсайд. Я открыл этот магазин спустя несколько недель, и ни разу не пожалел. Нет ничего, что заставило бы меня оглянуться назад или желать что-либо изменить. Я свободен, вот и все.

Я заканчиваю свой последний шкаф и бросаю взгляд на маленькое стеклянное окно в конце своей мастерской. Мой магазин связан с ней, но большую часть своего времени я провожу здесь.

Эмили закрывает свое кафе, а я в это время наблюдаю за ней. Я всегда здесь, чтобы увидеть, как она закрывает дверь по окончании рабочего дня в кафе, в три часа. Я не виню ее за то, что она уходит раньше остальных, ведь ее день начинается на рассвете. Девушка никогда не выглядит уставшей, хоть и знаю, что это так. Ее светлые волосы всегда подняты вверх, но к концу дня часть из них выпадает из прически и обрамляет идеальное лицо. Я никогда не видел ее глаза вблизи, но они светятся. Думаю, они зеленые.

Ни намек на макияж, потому что ей, блять, он не нужен. Ее нос идеально ровный, а рот широкий, губы полные. Эти проклятые щеки убивают меня каждый раз. Они мягкие и сливочные, левую же украшает глубокая ямочка, когда она улыбается.

Затем ее тело. Оно причина того, что пещерные люди выбивают на стенах. Я был достаточно удачлив, чтобы открыть свой магазин в мае и быть свидетелем, как Эмили все лето проходила в майке и шортах. Я провожу много времени на полу, работая. Прямо, как и сейчас. С этого ракурса кожа девушки кажется гладкой и безупречной. Я мужчина, поэтому, конечно, мой взгляд падает на ее грудь.

Они далеко не маленькие, а у меня массивные руки. Ее талия мягко переходит в округлые бедра, а затем и в длинные стройные ноги. Я хочу, чтобы они были обернуты вокруг меня. Я почти чувствую, как ее пятки упираются в мой зад, наблюдая, как она идет, махая жителям города.

Эмили слишком хороша для меня. Никогда не слышал ее голос, но уверен, что он может составить конкуренцию ангелу. Я не заслуживаю ангела в жизни. Я не заслуживаю ничего,

тем более женщину, которая всегда останавливается, чтобы поговорить с пожилыми женщинами и раздает бесплатно сладости для каждого малыша, которого встречает. Она бескорыстная и добрая, чего я никогда не испытывал. Я пришел из мира, где каждый человек ожидает чего-то взамен.

Не Эмили.

Она охотно отдает, а в награду получает улыбки и доброту. Я наблюдаю за ней в течение шести месяцев, и знаю, что это факт.

Чистая и незапятнанная Эмили. У меня никогда не будет ничего больше, чем эти несколько минут, поэтому я буду лелеять их каждый день.

После общения с парнем, который постоянно находится с ней, Джорданом Монро, она обнимает его за талию, прежде чем натянуть шарф ближе к подбородку. Сегодня холодно для октября, но это не то, что я хотел бы видеть — пальто и шарф. Я смотрю на ткань вокруг ее шеи, когда девушка поворачивается ко мне. Она не может видеть меня сквозь темные стекла и солнечные блики, но я клянусь, что Эмили смотрит прямо на меня. Затем она начинает двигаться в мою сторону.

Я смотрю, как девушка делает каждый свой шаг, пока не заходит в мой магазин.

— Здравствуйте? — спрашивает она.

Ее голос, словно удар кувалдой в живот. Он сексуальный и хриплый, как будто после сна. Трахни меня. Я больше не сижу на полу. Клайду лучше самому встать у прилавка, потому что я не собираюсь стоять там со своим непослушным членом.

— Эй? Клайд? Мистер Шарп? — снова зовет Эмили.

Дерьмо. Я в ступоре. Не могу подойти к ней. Мне сложно даже вздохнуть. Я стою словно изваяние, спокойный, как ублюдок, какого когда-либо встречал. Может быть, она уйдет, если я не стану отвечать. Вот оно. Я просто буду молчать, как тряпка.

Дверь в мастерскую скрипит, и из-за нее показывается потрясающее лицо.

— Вот вы где, — говорит она с доброй улыбкой.

Девушка делает шаг, чтобы пройти, когда я отвечаю.

— Нет.

Мой тон суров и резок, как гром. Она останавливается, и ее зеленые глаза с золотыми вкраплениями широко распахиваются, улыбка пропадает. Я полный мудака.

— Здесь много острых инструментов, — говорю я голосом, лишенным всяких эмоций, и подхожу к ней.

— Конечно. Мне очень жаль. Я могу вернуться, когда вы закончите, — она быстро извиняется, в то время как ее глаза жадно впиваются в меня.

Если она не перестанет смотреть на меня так, у нас будут проблемы. Прошло восемь лет, с тех пор как я прикасался к женщине после того как вышел. Киска вызывает проблемы. Я усвоил этот урок в тот роковой вечер.

— Что вам нужно? — рычу я, остановившись перед ней.

В ее глазах нет тепла, когда она скользит взглядом вниз по моему телу и в итоге останавливается на промежности. Спасибо, блять, мой член в этот момент подводит меня.

Ее дыхание перехватывает, и она мельком смотрит мне в глаза.

— Я... я сожалею. Вы, очевидно, заняты. Я вернусь и поговорю с Клайдом, — бормочет девушка, уставившись в пол и жуя ноготь большого пальца.

— Эмили, — в моем тоне проскальзывает предупреждение, и ее зелено-золотые глаза смотрят на меня.

— Я сожалею, — шепчет она снова.

— Перестаньте извиняться и скажите мне, почему вы здесь.

— Мне нужны вы, — тихо говорит она, а затем ярко краснеет, ее глаза становятся, как блюдца. — Мне очень жаль. Черт побери. Простите... я сделала это снова.

Мне хочется рассмеяться от того, какой милой она сейчас выглядит. Я не смеялся так давно, поэтому даже не знаю, каково это. Но я хочу этого прямо сейчас, когда Эмили нерешительно мнетя, подбирая слова.

Она делает глубокий вдох, убрав палец, закрывает глаза и выпрямляет плечи, а потом говорит:

— Мне нужно побольше стеллажей для кафе. Я надеялась, что вы могли бы прийти и взглянуть на пространство, которое мне нужно заполнить.

Ее глаза расширяются, и она подносит свои маленькие ручки к лицу и стонет. Я не могу остановить улыбку, которая появляется на моем лице. Хотел бы я заполнить ее пространство и смотреть на все это, бл*дь, весь день. Я решаю помочь ей и сделать вид, что ничего не случилось.

— Когда вы хотите, чтобы я пришел?

— Когда у вас будет время. Я работаю все дни, кроме воскресенья. Джордан мог бы показать вам, если меня не будет рядом, — бормочет она в ладони.

Я должен сделать это с Джорданом, а не с ней. Я знаю ее расписание, так что решаю прийти, когда она уже уйдет или в воскресенье.

— Я могу...

— Здравствуйте? — кричит мужчина при входе в магазин.

Вы должно быть шутите! У нас никогда не бывает много посетителей, и я думаю, что два человека за день уже чересчур.

— Спрячьте меня! — взвизгнув, кричит Эмили и кидается в глубь магазина.

— Какого хрена? — спрашиваю я, озадаченный ее странным поведением.

— Мне очень жаль. Только, пожалуйста, позвольте мне спрятаться здесь. Я ни к чему не буду прикасаться, — тараторит она, пихая руки в карманы пальто, глазами отыскивая место, чтобы спрятаться.

— Не двигайся, — командую я, шагнув в павильон магазина и закрыв за собой дверь в мастерскую.

Прилавок находится за дверью мастерской, я сконструировал этот так, чтобы держать людей подальше от моей работы. Не то, чтобы это сработало и с Эмили, но парень уже нетерпеливо мялся у двери, и у меня не оставалась другого выхода.

— Чем могу помочь вам? — спрашиваю я настолько профессионально, насколько могу.

— Да. Я Адам Уоррен, — говорит он и протягивает мне руку.

— Гаррет Шарп.

Я хватаю его ладонь и пожимаю.

— Я живу в старом викторианском доме на улице Клиффа. Собираюсь делать ремонт, и мне нужны новые шкафы. Сандерс сказал, ты делаешь их. Надеюсь, сделаешь их и мне тоже.

Он руками приглаживает свой жакет, который надет поверх темного костюма. Его волосы — я не знаю, как он это сделал — идеально зачесаны в сторону. Чувак выглядит, как модель или мальчик Барби, если такой существует.

Я открываю ежедневник и отмечаю пальцем нужное место.

— Могу прийти и дать вам оценку в следующую пятницу.

— Я удостоверюсь, что моя девушка будет там. В какое время?

— В десять.

— Эм обычно тогда только открывается. Может вы выкроите время после трех, когда она закрывается?

Я чувствую, как бумага врезается в руку, когда он спрашивает. Почему его девушка прячется от него в моем магазине? Почему, бл*дь, я не знаю, что у нее есть парень? Я видел этого парня в городе, возможно, еще когда жил там, и я никогда не видел его с Эмили.

Я смотрю на него в тот момент, когда он трахается со своим телефоном, сверяясь с расписанием. Когда его темно-синие глаза резко смотрят на меня, я отвечаю:

— Десять — это единственное время, в которое я могу прийти в ближайшие две недели. Мы сейчас очень загружены.

Это не ложь. У меня заказов на восемнадцать месяцев вперед. Но я могу прийти к нему домой в любое время, потому что сам составляю график. Но для него не готов и с места сдвинуться.

— У меня все получится, — уверяет он меня.

Я уточняю детали, и он бросается к двери с телефоном у уха. Думаю, можно с уверенностью сказать, что Адам мудака. Я ударяю блокнотом по прилавку и иду в мастерскую, чувствуя раздражение.

Я остаиваюсь, когда вижу Эмили, согнувшейся над журнальным столиком, над которым я недавно работал для своего дома. Мой член мгновенно встает по стойке смирно при виде того, как плотно ее обхватывает пара черных джинсов. Она пытается убить меня.

— Я сказал тебе не двигаться, — рычу я.

Она подпрыгивает на месте, вскрикивая, а потом спотыкается. Я успеваю подбежать и поймать ее. Обняв за талию, я притягиваю девушку к своей груди. Трахни меня. Она чувствуете лучше, чем я представлял. Мягкая и податливая, так хорошо ощущается напротив моего большого тела. Ее волосы упали на мое лицо, и я наклоняю голову, чтобы вдохнуть их сладкий аромат. Я не знаю, как продержусь. Весь. Блять. День.

Ее холодные пальцы хватают меня за руку прежде, чем она шепчет:

— Простите. Вы застали меня врасплох.

Я вижу, как ее грудь вздымается с затрудненным дыханием под бледно-желтой футболкой с длинными рукавами. Пульс бьется на шее, и, если бы я был вампиром, то не смог бы противостоять ей. Я все еще хочу запустить мой язык в нее.

— Если бы ты оставалась там, где я тебе сказал быть, то этого не случилось бы, — ворчу я, убирая от нее руки.

— Мне очень жаль.

— Ты когда-нибудь, бл*дь, перестанешь это повторять?!

Она подпрыгивает сильнее, чем следовало. Я, повернув ее к себе лицом, пытаюсь успокоить Эмили.

— Ты без остановки извиняешься с того момента, как переступила порог магазина. Тебе не за что извиняться. Заканчивай.

— Я... — она умолкает, стараясь не повторять.

— Ладно, так почему ты здесь прячешься от своего парня?

Хмурый вид омрачает ее постоянно счастливое лицо. Что-то новенькое.

— Адам уже не мой парень, — вскипает девушка, и я заставляю себя убрать руки с ее плеч и засунуть их в карманы, чтобы нечаянно не покалечить.

— Он сказал, что он мой парень? Неужели этот придурок действительно пришел сюда и сказал это? Я не могу поверить! Я рассталась с ним год назад, Гаррет. Прошли месяцы! Нет никаких сомнений, что мы с этим покончили. Я не видела его несколько недель. Наверное, потому что пряталась каждый раз, когда он появлялся передо мной. Я не видела его. И не хочу видеть его глупое лицо. Не могу поверить, каков наглец!

Она раскидывает руки и яростно ими жестикулирует. Это новая грань сладкой, теплой Эмили. От этой жаркой стороны я снова возбуждаюсь.

— И тогда он заходит в магазин и провозглашает, что он мой парень! Я надеру ему задницу. Вот что я собираюсь сделать.

Ее среднезападный акцент сейчас работает в полную силу, делая ее страстный голос еще более заманчивым.

— Что это с ним? Что мешает мужчинам двигаться дальше? Скажи мне, Гаррет. Эти парни-сталкеры разве не могут уйти из жизни женщины после того, как все испортили? Действительно! Я не спал с этой девушкой. И когда я говорю «девушка», я действительно имею в виду девушку. Ей было всего восемнадцать. Затем он говорит мне, что это моя вина! Моя вина! — кричит Эмили, схватив молоток со стола. Сейчас она размахивает им, перед тем, как продолжить.

— Два года я потратила на этого... этого...

— Засранца, — предполагаю я.

Она машет молотком в мою сторону и кричит: — Засранца!

Я чувствую, как смех ползет вверх по моему горлу, в то время как она продолжает.

— Этот говнюк предал меня, а потом свесил всех собак! Почему это должно быть моей проблемой, если он не мог быть верен мне? Я не давила на него. Я не требовала ничего, что выходило бы за нормы отношений. Да, я не занималась с ним сексом в течение двух лет. Но я знала, что что-то было не так. И оказалась права! Кто знает, со сколькими он мне еще изменял?

Она бьет молотком о стол и продолжает, хотя уже тяжело дышит.

— Я могу это взять? — спрашивает девушка, указывая молотком на меня. — Я пойду к нему и разобью все окна в его дурацком доме. Тогда я найду его уродливую машину и разобью в ней окна. И фары! Потом, когда найду его, я разобью ему яйца этим, — с угрозой выкрикивает она, снова взмахнув на меня молотком.

Я ничего не могу поделать. Я смеюсь. Я смеюсь громко и жестко, хватаясь за живот. Она уморительна, когда злится. Эта крошечная женщина передо мной говорит про битье окон и яиц, и это, примерно, так же угрожающе, как котенок, нападающий на ротвейлера.

Когда я расхохотался, ее гортанный смех тоже заполняет пространство, и сияющая, ослепительная улыбка появляется на милом лице. Она смеется все сильнее и сильнее, пока слезы не текут по ее щекам, и Эмили не начинает задыхаться. Я просто наблюдаю. Ее радость — самое большое счастье для меня. Блять, от этого мне так тепло на душе. Я стою и впитываю каждую частицу женщины, стоящей передо мной, пока она вытирает слезы и икает после нескольких крошечных хихиканий.

Затем она снова смотрит на меня.

— Я клянусь, что не сумасшедшая. Обычно я так себя не веду, но он меня бесит. Возьмите этот молоток, прежде чем я, в конечном итоге, не окажусь в офисе шерифа.

Я забираю молоток из ее пальцев, а Эмили улыбается мне.

— У тебя очень приятный смех, — говорит она ласково.

Из ее прически выбилась прядка, и мне очень хочется заправить ее за ухо. Мои пальцы тянуться в ее сторону, но я останавливаю позыв.

— Гаррет Шарп никогда не смеется, Эмили, — объявляет Клайд, заходя в магазин.

— Ну, у меня была сейчас истерика, но я уверена, что видела, как он смеется. Вы тоже это слышали, Клайд.

— Будь я проклят, — говорит он, фыркнув, и я хмуро смотрю на него.

Он игнорирует меня, как обычно.

— Похоже, ты чувствуешь себя как дома в нашем магазине, милая. Ты ищешь новое хобби?

— Нет, я надеялась получить новые полки в свое кафе. Пришла, чтобы узнать, сможете ли вы или Гаррет прийти и посмотреть.

Она перестает нервничать, как это было раньше. Ее лицо становится спокойным и одухотворенным, когда она говорит с Клайдом, все еще стоя передо мной.

— Именно поэтому ты разворотила этот стол? — спрашивает Клайд, осматривая мое уже бывшее рабочее место.

— У меня была истерика, — отвечает она с долей вины в голосе. — Я могу заменить его. Боже, Гаррет, мне так жаль. И не надо кричать, чтобы я перестала извиняться. Теперь мне есть за что.

— Мальчик, тебе лучше не кричать на эту женщину, — Клайд угрожающе смотрит на меня.

— Это было скорее рычание, Клайд. Как большой медведь, предупреждающий злоумышленников.

— Звучит правдоподобно. Он не слишком разговорчив. Его уронили на голову, когда он был ребенком, — подстрекает Клайд меня. — Истерика из-за рычания?

— Адам, — фыркает девушка.

— И что он здесь делал? — в свою очередь рычит Клайд.

— Он сказал, что мы все еще вместе. Он не оставляет меня в покое, и я устала от этого.

— Что значит, он не оставляет тебя в покое? — спрашивает Клайд, придвигаясь к нам.

— Ничего, — отвечает она, махнув пренебрежительно рукой, прежде чем снова пожевать ноготь пальца.

— Не лги, — говорю я и смотрю на нее.

— Я не лгу, — снова лжет она.

— Милочка, ты не уйдешь, пока не скажешь. Что Адам здесь делал? — требует ответа Клайд, его мясистые кулаки сжимаются на бедрах.

— Он появляется у меня дома, оставляет цветы, много записок на моей машине. Звонки — это самое худшее.

— Почему?

— Он звонит снова и снова, пока я не выключаю телефон, а затем и на домашний. Я рада, что могу отключить звук.

— Джордан знает об этом?

— О, Джордан знает. Я провела остаток времени, чтобы убедить его оставить Адама в покое, — фыркает она.

— Тебе необходимо сообщить шерифу Белчеру, — грубовато приказывает Клайд.

— Все хорошо. Не беспокойтесь обо мне. Он сдастся, в конце концов.

— Нет, он не сдастся, — наконец в разговор включаюсь и я.

Ее глаза с вызывающими золотыми крапинками расширяются.

— Он прекратит. Ты не жил здесь так долго. Адам сдается и двигается дальше к более зеленым пастбищам. Он уже, в любом случае, кормился на них.

Она немного посмеивается над собственной шуткой, в то время как мы с Клайдом ведем безмолвный разговор.

— Эмили, послушай меня. Я хочу, чтобы ты позвонила шерифу, когда вернешься домой. Получи судебный запрет. Не разгуливай в одиночестве. Запри все двери и окна. У твоего дома и кафе есть какие-то меры предосторожности? — Клайд наезжает, как тот медведь, и пугает ее.

— Он никогда не обидит меня, Клайд. Не беспокойтесь обо мне. Пожалуйста. Я в порядке. Я разнервничалась не из-за чего. Он не делал ничего плохого. Я могу выписать тебе чек за стол? — спрашивает девушка меня.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Нет, т. е. ты не принимаешь чеки? — пытается она прояснить ситуацию.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Тогда я принесу наличными? — Эмили кидает смущенный взгляд на Клайда, прося о помощи. Но он ничего не делает.

— Нет.

— Ты не очень разговорчив, — отмечает она.

— Нет.

— Клайд, сколько стоит стол? — Эмили отворачивается от меня и полностью переключает внимание на Клайда.

— Не знаю, милая. Гаррет покупал его.

А он хорошо играет.

Она расставляет ноги по бокам и поворачивается ко мне. О, как я люблю этот огонь.

— Скажи, сколько денег я должна отдать, или я просто принесу любую сумму, которую найду в Google за этот стол, — угрожающе говорит девушка, уперев руки в бока.

Я склоняюсь к ее лицу и угрюмо говорю: — Сделай это, и я принесу их тебе обратно.

— А я обратно тебе.

— Нет, ты этого не сделаешь, — огрызаюсь я.

— Да, сделаю! — кричит она.

Я хватаю пальцами ее за подбородок и отвечаю.

— Нет. Ты. Не. Сделаешь.

От огня и жара ее тела меня охватывает желание. Я буду работать над этим.

— Надень пальто, Эмили.

Она кивает, но не двигается с места, чтобы взять его. Я не отпускаю ее. И не знаю, смогу ли. Я продолжаю смотреть в глаза девушки, в которых больше золота, чем зелени. Под моим взглядом ее дыхание становится тяжелым, а пульс ускоряется. Ее розовый язычок облизывает сухие губы, и я внутренне стону. Она пытается убить меня.

— Иди, — говорю я, убрав свою руку.

Она поворачивается и спешит к своему пальто. Клайд наблюдает за нами с какой-то

идиотской улыбкой. Я мысленно посылаю его куда подальше и жду, когда Эмили вернется ко мне. Я знаю, что она придет. Спустя несколько секунд она выходит, останавливается в нескольких футах от меня и возиться со своим шарфом. Ее руки трясутся так, что мне приходится вырвать шерстяной зеленый шарф и самому обмотать его вокруг шеи девушки.

Когда я встречаюсь с ее взглядом, то вижу слезы в ее великолепных глазах, и в горле встает ком. Какого хрена?

— Спасибо, Гаррет, — говорит она нежно, и мой пульс подскакивает.

— Пойдем, — ворчу я, зажимая ее крошечную руку в своей. Пальцы Эмили ложатся поверх моей руки, и я тяну ее за собой из магазина, игнорируя смешок Клайда.

— До свидания, Клайд, — кричит она через плечо, пока я веду ее.

— Пока, милая, — в ответ кричит он, похрюкивая от смеха.

Я вывожу девушку из магазина и веду по тротуару. Эмили не борется и не жалуется. Она просто подстраивает свой темп под меня, чтобы соответствовать моим большим шагам, крепко держа за руку.

Ее прикосновение согревает меня, и я совсем не чувствую холода. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь это опровергнуть. Почему она не может просто держаться подальше от меня? После ее тирады я зол на Адама. После того, как Эмили рассказала нам, как сильно он пытается вернуть ее, я в ярости, собственнические чувства овладевают мной.

Я не имею права чувствовать себя таким образом. Поэтому я довожу ее до машины и отпускаю с предостережением, что сдам его шерифу. И уйду. Буду наблюдать за ней издалека, как раньше, ворую ее тепло каждый день. Я умею красть. Это все, на что я гожусь.

Глава 3

Эмили

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я робко, пока Гаррет тащит меня по дорожке так быстро, что я еле успеваю за ним.

— К твоей машине, — сердито рычит он

Вообще Гаррет много рычит. От него толком не услышишь развернутых ответов, длинных вопросов — он не любитель поболтать. Его разговор больше похож на укороченные версии предложений. Это происходит примерно так: мужчина приподнимает подбородок, фыркает и недовольно бормочет хриплым сердитым голосом. И это одновременно пугает до чертиков и странным образом успокаивает. Интересно, такое вообще возможно?

Когда я вошла в его магазин, то думала, он сойдет с ума. Гаррет выглядел таким разъяренным — как я посмела ступить на его порог! Я никогда не говорила с мужчиной до того момента. Гаррет нелюдим по большей части. Когда он открыл свой магазин в мае, я подошла поприветствовать его, но никто так и не вышел из мастерской. Клайд взял мои кексы и сказал, что передаст мои наилучшие пожелания.

Я снова смотрю на Гаррета и не могу отвести глаз. Как можно не глазеть Гаррета Шарпа? Он самый потрясающий мужчина, которого я когда-либо видела. У него каштановые волосы средней длины, летом они выгорают от работы на солнце и становятся похожи на натуральный мед. Теперь, когда наступила осень, они стали чуть темнее, и “мёд” в его волосах превратился в приятного цвета карамель.

Его волосы чуть длиннее на макушке и короче по бокам на висках. Это подходит его восхитительному, скуластому и мужественному лицу, которое напоминает произведение искусства, шикарно дополненное темной щетиной. Кажется, что его нос был сломан, но это не портит его, а делает еще более сексуальным, если, конечно, возможно быть еще более

сексуальным, чем он уже есть. А затем его глаза... Мать вашу, святая корова, его глаза неопишимо красивы! Я даже толком не могу сказать, какого они цвета.

Сегодня я впервые вижу Гаррета достаточно близко, чтобы рассмотреть их получше. Когда он злился, они приобретали тёмно-карий оттенок. Когда он слушал меня, его глаза металы гром и молнии, словно на тот момент мужчина был неменяемым, они напоминали бескрайние океаны темно-синего цвета. Когда Гаррет смеялся — возможно, это был самый удивительный звук из всех, которые я когда-либо слышала — они приобретали оттенок тёмно-зелёного мха. А когда он притянул меня за подбородок к своему красивому лицу, все три цвета слились в калейдоскоп сияющего карего оттенка, который рождал невообразимое желание.

Я дрожу, вспоминая этот взгляд, и Гаррет притягивает меня под руку, прижимая еще ближе. Его тело... что-то нереальное. Я не знаю, как человек вообще может иметь такое тело, но уверена, что книги, написанные для фитнес-спортсменов могут только мечтать о таком теле, как у Гаррета. Его руки огромные. По крайней мере, по размеру они в два раза больше моих. Его плечи невообразимо широкие. Я чувствую его твёрдые мышцы и могу только представлять в своих мечтах, как они выглядят на самом деле. Когда этим летом я взглянула на его спину, к которой прилипла белая пропитанная потом майка, мать божья, я чуть не уронила поднос с печеньем.

С противоположной стороны улицы я часто могла видеть Гаррета за работой и то, как его мышцы перекачивались. У меня просто перехватывало дыхание от этого зрелища! Его длинные, рельефные и сильные ноги. Восхитительный вид, что был мне подарен в те дни, был целиком и полностью на совести шортов, в которые мужчина был одет. Также он возвышался практически на целый фут над моими пятью футами тремя дюймами (прим. около 160 см).

Так что да, я не могла не рассматривать Гаррета, но что определенно точно, я наблюдала за ним. В течение нескольких месяцев я наблюдала за его работой в магазине. У меня были только короткие моменты, когда свет с другой стороны улицы позволял его тщательно разглядеть, но когда это происходило, я следила за ним.

Мужчина много работает и всегда глубоко сосредоточен на том, что делает. Я никогда не видела его улыбающимся или смеющимся, кроме как сегодня, но в тоже время он никогда не казался печальным. Но больше всего мне нравится наблюдать за ним с Клайдом. Существует связь между ними двумя. Честное слово, то, как они общаются, движутся друг напротив друга, это как будто ты смотришь балет.

Я что-то чувствую, когда смотрю на Гаррета. Сердечность и преданность проявляется в том, как он общается с Клайдом. Итак, спустя три дня с того момента, как я поймала Адама на измене, я уже испытывала желание обернуть руки вокруг сильной шеи Гаррета и никогда не отпускать его. Чтобы чувствовать себя в его объятиях и знать, что я в безопасности. Нет никаких сомнений в том, что я буду чувствовать себя именно так в его руках.

Я тот тип людей, которые влюбляются с первого взгляда. Я искренне верю в это, хоть люди и думают, что это глупо и несбыточно. Моя мама сказала мне, что любить — тяжелый труд, потому что вы никогда не знаете, что именно мир припас для вас. Если он предлагает вам шанс, не упустите его.

Адам и я играли в игры. Поэтому я потеряла много времени.

Мы с Гарретом останавливаемся возле моего Мини-Купера, и мужчина ждет, пока я разблокирую автомобиль. Гаррет открывает жёлтую дверь и подталкивает меня в поясницу,

чтобы я села. Затем он наклоняется ко мне, одна рука на крыше, другая — на верхней части двери. Его глаза снова темно-карие. Чёрт!

— Делай, что сказал Клайд, Эмили. Иди домой. Позвони шерифу. Запри двери и окна. Не отвечай, если Адам позвонит или объявится. Не ходи в одиночку к машине после закрытия. Не выходи самостоятельно в ночное время, — приказывает он тихим голосом.

Я почти начинаю спорить, когда мужчина наклоняется ближе, и его глаза становятся темнее.

— И если ты попробуешь ещё раз прогнать это дерьмо с деньгами со мной, то я буду чертовски зол. Не зли меня, Эмили. Езжай домой и делай то, что сказал Клайд.

— То, что вы сказали мне, — я бормочу, отводя глаза от его сердитого взгляда.

— Именно так, то, что сказал я, — повторяет мужчина хладнокровно.

— Спасибо, что проводил меня к моей машине, Гаррет, — говорю я тихо.

— Эмили, — его тон заставляет меня посмотреть на него. Темно-карий оттенок глаз исчезает, — будь осторожна.

— Я буду.

— Будь осторожна.

— Хорошо.

— И еще раз, я тебя прошу, будь осторожна.

— Гаррет, я буду осторожна. Обещаю тебе.

Его глаза снова становятся светло-карего оттенка. Думаю, что это зависит от света или может... нет, этого не может быть. Я хочу протянуть руку и провести по гладко выбритой щеке мужчины, чтобы успокоить его, но не делаю этого. Всё это общение между нами достаточно странное для меня.

Гаррет долго смотрит мне в глаза, держа меня в плену своего взгляда. Я не могу не смотреть на него и, честно говоря, не хочу. Мне приятно сидеть здесь, в моей холодной машине, пока его мощное тело излучает тепло, которое оборачивается вокруг меня. Мои всегда холодные руки сейчас достаточно тёплые только от его прикосновения. Я чувствую его тепло в своей душе.

— Поезжай домой, — нежно говорит он.

Я сглатываю комок в горле, который образовался от его голоса. Присутствие Гаррета подавляет. Настолько, что думаю, с того момента как я вошла в его магазин, я даже не дышала в полной мере.

Я киваю и завожу машину. Мужчина задерживает дыхание, прежде чем выпрямиться и отойти, позволяя мне закрыть дверь. Я не вижу его лица сейчас, но чувствую, что он не делает никаких попыток уйти. Я полагаю, что Гаррет ждёт, когда я отправлюсь домой. Поэтому включаю сцепление, наблюдая за тем, как мужчина маячит в зеркале заднего вида, когда я отъезжаю. Его руки скрещены на широкой груди, натягивая ткань рубашки. Гаррет не двигается, постепенно исчезая из поля моего зрения. Интересно, как долго он собирается смотреть?

Я хочу сделать круг, чтобы увидеть, стоит ли он всё ещё там, где я его оставила, но не делаю этого. Если Гаррет увидит, что я вытворяю, мне кажется, что он сойдёт с ума. Не то, чтобы он может указывать мне, что делать, или же что я его боюсь, но он кажется искренне обеспокоенным за мою безопасность.

Я никогда не считала Адама опасным, но то, как он смотрел на Клайда, и выражение лица Гаррета, когда я объяснила всю ситуацию с Адамом, меня напугало. Джордан тоже

беспокоится обо мне. Хотя, он всегда переживает. Он пытался приезжать ко мне раз в месяц целых пять лет, каждый раз говоря, что не может спать по ночам от того, что беспокоится, в порядке ли я.

Я всегда закатываю глаза на эти слова, но чувствую себя лучше, зная, что мой друг заботится обо мне и моей безопасности. Мой папа звонит каждый день, чтобы проверить меня. Он говорит, что больше нет такого понятия как “безопасность в маленьких городках”. Я знаю, что он прав в какой-то мере, но здесь мне спокойнее, чем раньше, в Канзасе.

Я разразилась гневом на Адама перед незнакомыми людьми. Да, он раздражает меня. Да, он упёртый. Да, я скрываюсь от него. Но, Адам никогда бы не навредил мне. Ну, не физически. Он просто не привык слышать слово “нет” в качестве ответа. Я не должна была быть с ним перед Гарретом. И я, безусловно, не должна была растрезвонить всем про поведение Адама. Если бы Джордан узнал, то он бы непременно отправился надрать задницу Адаму, как грозился сделать уже на протяжении долгого времени.

Завтра я обязательно извинюсь, когда заплачу за стол, который сломала. Живописная поездка домой — это всё, что мне требуется, чтобы прочистить голову от разного рода мыслей и немного успокоится. Я чувствую себя намного лучше, потому что в моём гараже сейчас на одну машину меньше. Адам не сможет уничтожить трепетное чувство от моей первой встречи с Гарретом. Я не позволю ему!

Я живу в небольшом доме с двумя спальнями на улице, утопающей в зелени, всего в нескольких минутах от центра города. Я могу ходить в магазин, когда на улице стоит хорошая погода.

Я захожу в мою маленькую кухню и включаю свет, прежде чем снять пальто. Я оставляю шарф, что Гаррет завязал вокруг моей шеи. Мозолистые руки рабочего были такими нежными! То, как он ловко закручивал шарф вокруг меня... я до сих пор не могу избавиться от этого приятного ощущения.

Я смотрю на огромные часы, висящие на стене над обеденным столом, и замечаю что уже больше пяти. Я не хочу звонить шерифу из-за Адама. Это ставит произошедшее на такой уровень, который этого не стоит. Расстроенный Адам пытается вернуть меня. Он не угрожал мне. Он разбил моё сердце. Вот почему он не сможет вернуть меня. Никогда.

Я захожу в гардероб, чтобы повесить своё пальто. Затем решаю позвонить Джордану и рассказать ему о своём странном дне, пока готовлю ужин.

— Привет, — отвечает он быстро.

— Ты не поверишь, что случилось со мной сегодня, после того, как мы закрылись, — я принимаюсь готовить ужин.

— Что?

— Я подошла к магазину мебели.

— К магазину Шарпа?

— Да.

— Ага.

— Что “ага”?

— Ничего. Продолжай.

— Так вот, я пошла в мебельный магазин Шарпа, чтобы спросить Клайда о новых стеллажах для магазина. Но когда я пришла в магазин, Клайда там не было, я позвала его, а затем начала ходить там.

Я продолжаю рассказывать Джордану о плюсах и минусах времени проведенного с

Гарретом, пока приправляю лосося лимоном Мейера и пряными травами. (Прим. Лимон Мейера — гибридный вид растений рода Цитрус семейства Рутовые, стал популярен в качестве продукта питания в США в конце 1990-х годов.) Потом я достаю из духовки пальчиковый картофель, приправленный зубчиками чеснока и кольцами лука. От блюда разносится потрясающий аромат, распространяясь по дому, а вкупе со смехом Джордана, что слышится мне на ухо, я больше не чувствую нужды кутаться в шарф, поэтому стягиваю его небрежным движением и бросаю на спинку стула в столовой.

— Ты была по его столу молотком? — парень задыхается от смеха.

— Пока орала как сумасшедшая, Джордан. Мне так стыдно. И когда я предложила заплатить за стол, Гаррет сказал нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно это и имею в виду, что он сказал нет. Я пыталась предложить ему чек, и он сказал нет. Поэтому я предлагала деньги, думая, что он не принимает чеков. Он просто продолжал говорить “нет”, поэтому я угрожала, что подброшу ему деньги после того, как узнаю сколько стоит стол, когда он будет готов. Это не закончилось ничем хорошим.

Я падаю на искусственный, замшевый диван бордового оттенка и скрещиваю ноги, садясь по-турецки, чтобы насладиться своим ужином.

— Этот парень напоминает мне ГРМУ, — говорит Джордан, фыркая в понимании.

— Что за ещё ГРМУ?

— Грёбанный мудака.

— Оу. Это что-то новенькое для меня, — говорю я с набитым ртом.

— Уверен, так и есть, — усмехается парень.

— Эй, я не настолько плоха, ты же знаешь это!

— Ага, как же! Тебе не хватает пару кошек для того, чтобы полностью подпасть под всеобщие стереотипы.

Я слышу, как пальцы моего друга щёлкают по игровому пульта, в то время как он, расстреливает людей в видеоигре.

Я чувствую себя глупо, хотя я могу посмеяться над этим. А еще я чувствую, как хочу снова увидеть Гаррета Шарпа, и на этот раз не вести себя как душевнобольная. Я хочу раствориться в его потрясающих глазах на бесконечное количество дней. Я могла бы избежать появления тёмно-карих глаз, я бы старалась, чтобы они не появились больше.

— Я не настолько сумасшедшая кошатница, — заявляю я.

— Крошка, ты не далека от этого, ещё пара кошек и ты на финишной прямой.

— Так, сейчас я с тобой попрощаюсь. Наслаждайся своим обыденным вечером убийств.

— Ага, а тебе приятного занудного вечера чтения “Гордость и Предубеждение” в миллионный раз.

— Эй, я не собир... — в этот момент я сдаюсь, и Джордан начинает хрипло хихикать. — Спокойной ночи, Джордан.

— Спокойной, Эм, — заканчивает он разговор на милой ноте.

Я кладу трубку и доедаю свой ужин. Пока мою посуду, я пытаюсь придумать способ, чтобы заплатить Гаррету и не вывести его из себя. Я не хочу испытывать его гнев. Но хочу заплатить ему. Я должна ему намного больше за то, что он имел дело с такой ненормальной, как я. Думаю, что наилучшим вариантом будет, если я пойду в магазин и отдам деньги Клайду, в то время пока Гаррета не будет рядом. Я очень хочу увидеть Гаррета, но не Гаррета с карими, почти чёрными глазами.

Решение принято, и усталость одолевает меня, я направляюсь в кровать. Мне нужно вставать в три часа утра каждый день, поэтому я всегда в постели в семь тридцать вечера. И да, может быть, я старая кошатница.

Продельывая каждодневный вечерний ритуал, я натягиваю одну из старых футболок Адама. Я спала в них с начала наших отношений, и я ещё не совсем отпустила их. Я не уверена, отпущу ли их когда-нибудь. Где-то в глубине души я знала, что он мне изменял, пока мы были вместе. Вот почему я никогда не спала с ним. Это решение позволило ему выставить виноватой в его изменах меня, в ту ночь, когда я поймала его на этом.

Ко всему прочему, моя работа была для него весомой проблемой. Я не могла сопровождать его на каждый торжественный вечер и отказывалась нанять кого-то, чтобы исполняли мои обязанности в пекарне, чтобы я могла быть всегда у него под рукой. Возможно, надо было. Ведь отношения это в первую очередь компромисс, а я не сделала ни шага навстречу, когда дело коснулось наших. Естественно, это не оправдание его предательству. Но, это накладывает определенную часть вины и на мои плечи.

Я ложусь головой на подушку и делаю глубокий вдох. Мне нужно отпустить Адама или дать ему шанс исправить то, что он сломал. Я не могу так больше жить. И я не хочу больше позориться, как сегодня. Я засыпаю, чувствуя себя униженной и одинокой.

Завтра новый день, который обязывает меня наполнять кружки любви, даже не смотря на то, что моя собственная чашка пуста.

***

— Капучино, если можно, — мягко отвечает молодая девушка, когда я спрашиваю её, чтобы она хотела.

Вчера она так не нервничала. Сегодня девушка выглядит так, будто её вот-вот стошнит. Её кожа слегка зеленоватого оттенка, а это не сулит ничего хорошего для первого свидания.

Я направляюсь к витрине и беру имбирное печенье. Заворачиваю его и возвращаюсь к девушке, которая становится чуточку бледнее с каждой секундой.

— Попробуй это, милая, — я пытаюсь ободрить её. — Это поможет.

Она смотрит вниз и делает судорожный вдох, прежде чем поднять печенье и укусить его.

— Может, надо было вместо капучино заказать чай, — шепчет она.

— Не вопрос.

Я завариваю ей чашку свежего чая и приношу за столик свиданий. Я называю его столиком свиданий, потому что именно за ним происходит большинство первых свиданий. Храбрость и хороший вид с этого места, это то, что приводит людей именно за этот столик.

Вы можете видеть дорогу, которая спускается вниз к реке, с того места где расположен мой магазин. По утрам я люблю смотреть на туман, на тонкие как пар облака, которые вдалеке сливаются со спокойной водой. Я сижу за этим столом почти каждый день, глядя на красоту, которая окружает мою жизнь, и я ценю это. Иногда как туман рассеивается, я чувствую, словно с другой стороны стола на это великолепие смотрит моя мама, я уверена, ей бы очень понравилось это место. Я решила наслаждаться этим за нас обеих, вместо того, что бы сосредотачиваться на том факте, что она никогда не увидит этого.

Другая причина, почему люди выбирают этот столик, потому что они могут наблюдать за тем, как проходит их свидание. Большое панорамное окно находится прямо напротив пешеходной дорожки, которой пользуются люди, после того как поднимаются по большой лестнице из речного камня, чтобы добраться до исторической части города, что находится

на возвышенности.

— Возьмите, — я говорю мягко, ставя чашку и чайное блюдце перед ней.

Девушка опускает лицо в ладони, опираясь локтями о стол, когда я замечаю, что половина её печенья съедено.

— Я не могу сделать это, — тихо бормочет она в ладони. — Спасибо за печенье и чай, но мне пора.

Она поднимает голову, и я вижу, как её сине-зелёные глаза наполняются слезами. Её руки дрожат, когда она поднимается из-за стола. Девушка высокая, её рост почти шесть футов. И держится прямо, совсем не горбится. Она похожа на модель. У неё необыкновенное лицо — большие глаза, аккуратный нос, высокие скулы, делающие её ещё более красивой, в обрамлении длинных восхитительных каштановых волос.

— Он придет мертвецки пьяным и злым. Просто скажите ему что-нибудь, когда он придет, — говорит девушка, завязывая ремень своего зимнего пальто в белый горошек. Сделать это трудновато, так как когда она говорит, её руки дрожат ещё больше. Выглядит девушка ужасно, и я боюсь, это не из-за первого свидания.

— С тобой кто-то должен был встретиться? — спрашиваю я, накрывая её ладонь своей.

Девушка делает глубокий вдох и закрывает глаза.

— Кaleb, — шепчет она.

— Я скажу Калебу, что тебе пришлось уйти, если ты пообещаешь мне, что ты будешь аккуратна.

Её глаза расширяются, но прежде чем она успевает что-то сказать, раздаётся звонок в дверь, и входит человек.

— Дженна, — его тон несёт предупреждение, что ещё больше распаляет мой гнев.

Джордан вышел покурить, потому что у нас было затишье с клиентами. Я надеюсь, он скоро вернётся. Чувствую, что здесь что-то неладно.

Девушка цепляется за мою руку и поднимает на меня свои огромные глаза, обрамленные густыми ресницами.

Я смотрю поверх её плеча, наблюдая за мускулистым незнакомцем, маячащим у Дженны за спиной. Он выглядит... устрашающе. Не знаю, как ещё его можно описать. Растрёпанные волосы цвета вороного крыла. Его тёмно-карие глаза, как кинжалы. Трёхдневная щетина. Тёмные джинсы и потёртая кожаная куртка завершают образ, но предостерегающий взгляд, направленный на потрясающую женщину передо мной не поддаётся описанию.

— Вы Кaleb? — вежливо спрашиваю я, не показывая свой страх.

— Да, — хрипло отвечает он, но это не останавливает его от того, чтобы продолжать сверлить меня сердитым взглядом.

— Дженна сегодня не может остаться. Она только собиралась уходить. Может быть, вы сможете встретиться в другой раз?

— Бред, — насмешливо бросает он, и девушка ощутимо напрягается. — Сядь на место, Дженна.

Затем мужчина начинает приближаться, следом хватая Дженну за плечи и разворачивает её прочь от меня. Я хотела было уже броситься между ними, но он нежно заключает её лицо в ладони, чего я абсолютно не ожидала.

— Я потратил шесть месяцев, чтобы встретиться с тобой здесь. Не убегай от меня, — властно заявляет он.

— Я не могу этого сделать, — сбивчиво бормочет она.

— Не говори глупости. Ты здесь. Ты прошла этот путь. Оставшееся мы пройдем вместе, — настаивает мужчина.

Его старательные уговоры заставляют меня почувствовать себя лишней. Но, чёрт возьми, я всё ещё не могу заставить себя убраться.

— Я остаюсь, — почти шепчет Дженна.

Калевб притягивает её лицо к себе и нежно целует в лоб, прежде чем отпустить. Дженна разворачивается на дрожащих ногах и встречается со мной взглядом. Я резко подтягиваю её к себе и отвожу в угол, где протискиваюсь между ней и Калевбом.

— Если ты мне не скажешь, что будешь в безопасности с ним, — требовательно говорю я, — тогда я вызову шерифа. Если тебе угрожает опасность, то ты должна сказать мне, Дженна.

— Я вне опасности с ним. Просто напугана, — тихо говорит девушка, её взгляд пронизывает меня и, конечно же, возвращается к Калевбу.

— Боишься его?

— Боюсь нас.

Секунду я обдумываю её слова. Если быть честной, я чувствовала то же самое вчера с Гарретом. Я не боялась его. Но окружавшая нас энергия была столь пугающей и захватывающей. Поэтому я говорю:

— Я понимаю, милая.

Её большие глаза возвращаются ко мне, и я выдавливаю добрую улыбку.

— Эм?.. — сзади доносится обеспокоенный голос Джордана.

Я показываю пальцем через плечо, не отрываясь от задумчивого взгляда Дженны. Девушка притягивает меня к себе, крепко обнимая. Я ещё сильнее обнимаю её за талию, прежде чем отпустить. И снова хватаю её за руку и веду к прилавку, не глядя на Калеба, который не двигался с места, с того момента как я отвела девушку прочь от него.

Я достаю блокнот и записываю свой номер, прежде чем сунуть листок с номером ей в ладонь.

— Позвони мне сегодня вечером, тогда я буду уверена, что ты в порядке, — настаиваю я.

Дженна выдергивает руку и начинает сердито говорить.

— Я...

— Сегодня вечером, — твёрдо говорю я, всё так же крепко сжимая её ладонь.

Она кивает, и улыбка появляется на её полных губах. Дженна — потрясающая, эта улыбка могла бы осветить целый город. Её лицо горит румянцем, когда она согласно кивает, прежде чем уйти. Когда девушка подходит к Калевбу, он останавливает её, прижимая ладонь к её животу. Калевб целует её волосы и затем позволяет ей продолжить свой путь.

Потом мужчина поворачивается, хмуро смотря на меня. Ну вот, приехали.

— Тебе что-то нужно? — грубо спрашивает Джордан.

— То, что ты сделала для Дженны, это мило, — обращается ко мне Калевб, игнорируя Джордана.

— Любой на моём месте сделал бы то же самое, — небрежно отвечаю я.

— Нет, они бы не стали делать этого, — его сердитый взгляд пропадает, но мужчина всё ещё выглядит пугающим до чёртиков. — Ты можешь мне не верить, но в любом случае я скажу это. Я не собираюсь причинять ей вред. Можешь проверять хоть каждый вечер до

конца жизни, если желаешь. Она никогда не скажет тебе, что я сделал ей больно.

Сила, кроющаяся в его словах, заставляет меня неуверенно улыбнуться и облегченно вздохнуть. Он и вправду заботится о Дженне. И это явно не первое их свидание.

— Я просто говорю, что если Дженна не для меня, то после шоу, которое ты устроила тут, я приду и скажу это тебе... Эта улыбка, это кафе, твоё желание защитить... Дорогая, ты сделаешь какого-то придурка самым счастливым человеком на Земле, прямо как меня Дженна, когда мы выясним с ней все наши проблемы.

Святая. Корова.

— Мне чёрный кофе, Джордан, — дружелюбно говорит Калев, несколько удивляя меня.

— Держи, Калев.

— Вы что, знаете друг друга? — наморщив лоб, спрашиваю я.

— Э, как бы да.

Никто не пытается пояснить мне это, поэтому я оставляю всё как есть. Надо будет устроить Джордану допрос с пристрастием, когда вся эта неразбериха закончится.

Я кладу руку Джордану на плечо, когда он направляется звать Калеба.

— Это за счёт заведения.

— Я заплачу сам, — качает головой Калев.

Я вскидываю брови, показывая, что готова и поспорить с ним из-за этого. Я бы так же не позволила заплатить и Дженне. Она была слишком расстроена, и я хотела только помочь ей, а не снять с неё два пятьдесят за печенье и чай.

— О, она еще та заноза в заднице насчёт такого, так что успокойся и оставь это, — бормочет Джордан.

— Понятно. Тогда я буду у тебя в долгу, дорогая.

— Я хочу попросить оплатить долг прямо сейчас. — Теперь его брови ползут вверх. — Убедись, что Дженна никогда не будет бояться тебя. Удостоверься, что она будет счастливейшей девушкой, какой только может быть с тобой. И запомни: она заслуживает счастья, даже если ты не можешь дать ей его.

Калев наклоняется над мерцающим прилавком, кладет руку на мой затылок и грубо целует меня в лоб. Я задыхаюсь от его действий и даже не успеваю отпрянуть, когда мужчина отпускает меня. Но в тоже время он не покидает моё личное пространство.

— Ты заслуживаешь того же. Когда найдёшь мужчину, дай мне знать. Я хочу убедиться, что он тебя достоин, потому что он должен быть гребаным везучим сукиным сыном, чтобы ему достался такой подарок.

— Чёрт, — выдыхаю я, а Джордан тихонько хихикает. — Как ты узнал, что у меня ещё никого нет?

— Милая, если бы у тебя кто-то был, то он бы присматривал за тобой прямо сейчас и каждую минуту каждого следующего дня. Но у тебя нет никого. Но обязательно появится. А сейчас мне пора к своей подруге. Она позвонит тебе вечером.

Я киваю, потому как... что ещё ты можешь сделать, когда некто странный рассказывает тебе всё о твоём будущем, хотя вы только познакомились. Калев стучается кулаками с Джорданом, двигаясь вдоль прилавка. Я встречаюсь глазами с Дженной, а та больше не выглядит напуганной. Радостно попивает чай со счастливым блеском в глазах. Она благодарно смотрит на меня, прежде чем снова переключить своё внимание на мужчину, сидящего напротив неё.

Я не уверена, что они пьют из кружек любви, но они полны эмоций и ожидания чего-то

захватывающего.

Глава 4

Гаррет

Какого хрена Калеб Девлин делает в магазине Эмили? Сегодня я наблюдаю за ее магазином больше, чем в любой другой рабочий день. И чувствую себя шпионом. Когда я вижу, как президент местного МК входит в кофейню, я перестаю наблюдать тайно и подхожу к окну.

Я вижу, как Эмили подходит к мужчине. Она либо не знает, кто он, либо не представляет, какая опасность может исходить от него. Калеб Девлин один из немногих людей в округе, кто знает меня... настоящего, меня прошлого, до всего произошедшего со мной дерьма. Девушка, которая сидит рядом с ним, выглядит обеспокоенной, но в тоже время она отчаянно его желает, это написано у неё на лице.

Я наблюдаю, как Калеб целует Эмили, не уверен почему, но это практически выводит меня из себя. Зачем он это сделал? Должно быть, Калеб сказал что-то хорошее, так как, когда он отодвигается от неё, Эмили выглядит счастливой. Это так же мне не нравится — ещё одна идиотская реакция, выбивающая меня из колеи.

Я вижу, как Калеб выходит из магазина, поцеловав свою подругу с большей страстью, чем уместно в общественном месте, провожает девушку до машины, а сам идет прямо к моему магазину.

— Шарп! — кричит он.

Я неспешно направляюсь к двери и открываю её, кивком приглашая его войти. Мы стукаемся кулаками, когда он проходит мимо меня, и я прикрываю дверь.

— Девлин, — бормочу я.

— Ты не кажешься удивленным при виде меня. Ты что, следишь за мной? — спрашивает он с самодовольной улыбкой на лице.

— Обязательно.

— Видел мою подругу?

— Да.

— Встречал её раньше?

— Нет.

Я становлюсь напротив своего рабочего места, что обеспечивает мне одновременно выгодную точку обзора за Девлином и за кофейным магазином напротив.

— Она только начала учёбу в Блаффсайдском колледже в этом семестре.

Я не отвечаю, потому что мне, честно говоря, насрать.

— Подумал, может быть, ты бы смог присматривать за ней для меня, — говорит он с беспокойством в голосе.

— Чего? — спрашиваю я, всей своей интонацией показывая да-ни-за-что-на-свете.

— Мне скоро предстоит уехать. Надолго. Нужно присмотреть за моей подругой. Я бы приставил к ней проспекта (прим. проспект — кандидат, готовящийся стать членом клуба), но я не думаю, что она отнесется к этому нормально. Дженна не любит, когда за ней следуют по пятам.

Я ничем ему не обязан, поэтому и не должен помогать. Я остаюсь всё тем же плохим человеком, каким и был, я не такой хороший и добрый, как Эмили. Мне нужно как можно дальше отстраниться от всего, что с ней связано, и он просто не может предлагать мне это.

— Я даю тебе поручение, — он продолжает, не признавая своего поражения, но при

этом и не используя давление. Это не хороший знак.

— У тебя неприятности?

— Ты сейчас про Дженну или про МК интересуешься?

— И про то, и про другое.

— Я смотрю, тюрьма не сделала тебя разговорчивее, м?

Я лишь продолжаю смотреть на него, не сводя глаз.

— Ну, ладно. У Дженны нет проблем. А вот в клубе сейчас кое-что происходит.

Я позволяю себе обдумать его слова, в то время как Девлин осматривается в моем магазине, что даёт мне шанс посмотреть как там Эмили. Мне видно, как она что-то строго выговаривает Джордану, при этом уперев руки в свои соблазнительные бёдра, а он смеётся над ней. Эти двое вечно спорят как брат и сестра.

— Я же немного прошу, Шарп. Мужик, она подружилась с той горячей штучкой, ну, владелицей кофейни. Дженна сказала, что будет учиться здесь. Шарп, оно находится прямо через дорогу от тебя, так что присматривать за ней будет не так уж сложно. Мне просто нужно, чтобы ты докладывал мне, что она делает в течение дня. Я же не прошу тебя наблюдать за ней 24 часа 7 дней в неделю, — говорит он, подаваясь вперёд, ставя руки на обеденный стол, который я только что сделал.

Я всё ещё молчу. Ещё не могу решить. Нет смысла говорить, когда тебе нечего сказать. Молчание — золото королей.

— Знаком с той крошкой из кофейни?

— С какой?

— Ну, с Эмили. Той, что хозяйка кофейни.

— Вскользь.

— Тебе следовало бы познакомиться с ней немного поближе, не упускай шанса, мужик. Эта малышка горячая, как гребанный ад, но, правда, она та ещё заноза в заднице, и такая милая, что зубы ломит. Я люблю Дженну, но если бы не она, то я бы пил кофе там на завтрак, обед и ужин, ... и вылизывал бы её киску на десерт после каждого приема кофе.

Когда он говорит это, каждая мышца в моём теле напрягается, но Калев не видит этого. Я выгляжу спокойным и безразличным, как и всегда. Я такой же жестокий человек, каким и был раньше, но теперь я контролирую свою реакцию.

— Окажи мне одолжение, Шарп. Ты прекрасно знаешь, что я не из тех, кто просит о помощи. Я буду твоим должником. Присмотри за моей женщиной. Мужик, это всего на пять дней. Больше не нужно. Я наберу тебя и спрошу что и как, когда появится свободная минутка. Если будут проблемы, ты можешь набрать меня первым.

— Ладно.

Я согласился, потому что когда президент МК “Хаос” просит тебя об услуге, это как верный выигрышный билет в лотерею. Он может дать вам всё, что душе угодно. Я сейчас отошёл ото всех прошлых дел, но никогда не знаешь, когда может пригодиться помощь Девлина.

— А не мог бы ты сделать всё проще и сказать мне о своём одолжении прямо сейчас, как та крошка, хозяйка кофейни?

— Нет, — рычу я, мне не нравится, что Эмили попросила его о каком-то одолжении.

Она сказала бы мне, если бы обратилась к нему за помощью, чтобы отвязаться от Адама, так что это не касается этой проблемы.

— Хорошо, два раза в день буду звонить.

— Ого, блять, это было почти целое предложение, Шарп, — он вернул меня с небес на землю своим глубоким смехом. — На самом деле, я не давал крошке из кофейни никаких поручений. Это было что-то вроде просьбы с моей стороны. Она надрала мне задницу и пробудила в моём сердце трепет и нежность своими словами по поводу Дженны. Так что я сказал ей, чтобы она привела мне своего мужчину, для того, чтобы я мог убедиться, что он будет достоин её. Но, в принципе, в этом нет особой необходимости, так как Джордан защищает её, хотя и я это сделаю, не смотря ни на что.

— Монро? — спрашиваю я, думая, какого чёрта эти двое знают друг друга.

— Его старик был вице-президентом у моего старика. Ты же помнишь старика Эйджа (прим. вице-президент — второй в клубе после Президента. Выполняет приказы Президента. Главный в поддержании связей с другими отделениями клуба. Уполномочен исполнять все обязанности и работу в случае отсутствия Президента)?

Я просто киваю. Я работал с ним, поэтому, естественно, я его помнил.

— Мы выросли вместе. Я работал с этим парнем, и, конечно, я помнил. Мы выросли вместе с Джорданом. Ну, или вроде того. Просто Джордан большую часть времени проводил с мамочкой. Но когда он проводил время с его стариком, они находились в клубе. Когда молоток предрешил мой путь, Джордан уже работал и вложился в долю с цыпочкой из кофейни. Эта байкерская жизнь не для него. Он непринуждённый, чертовски забавный, но он не преступник, как большая часть байкеров из МК. Его старик ездил с моим стариком, и то же самое ожидало и Джордана, быть со мной в МК, все это понимали. Но мы были тогда детьми. Когда Джордану исполнилось двадцать, а мне двадцать три, настало наше время, не совсем подходящий возраст, чтобы управлять клубом, но я смог. В это время Джордан откололся от нас.

Я снова киваю. Мне нечего сказать об этой странной истории. Я знал Девлина еще до того, как приехал сюда. Не сказать, чтобы мы были близко знакомы. Но я никогда не встречал Джордана.

— Всё еще увлекаешься двигателями?

— Немного.

— Только получил охрененный Chevelle SS 454 LS6 1970-ого года.

— Фигня, — фыркаю я. Она не такая редкая как моя тачка, но всё же достаточно близка по ценности.

— Клянусь, мужик. Купил у одной старушки из Канзаса, которая даже не представляла, что продала мне.

Вдруг я слышу звук открываемой двери и выглядываю в окно, чтоб увидеть, как Эмили и Джордан прощаются.

— Всегда наблюдаешь, — бормочет Девлин себе под нос.

— Всегда.

— Слушай, мне нужно идти. У тебя есть мой номер. Я свяжусь с тобой через пару дней. Если хочешь поработать, я заброшу Chevelle когда вернусь, — говорит он, протягивая руку, чтобы попрощаться.

Я жму её, тем самым скрепляя нашу сделку.

— Я ценю это, Шарп, — серьёзно говорит он.

Я киваю ему, и он взрывается от смеха.

— Надеюсь, когда-нибудь мне удастся услышать, как ты произнесёшь несколько целых предложений, мужик.

— Легкой дороги, — отвечаю я, убирая свою руку, и перевожу свой взгляд в окно, раздражаясь вновь.

— Спасибо, брат.

Затем я направляюсь к двери, чтобы проводить его и проследить за Эмили, чтобы устроить ей взбучку. Я вижу, что она направляется домой, потому как девушка идет не на парковку, а спускается по извилистой дорожке, что ведет прямым ходом к её дому.

Да, я знаю, где она живет.

Да, и это странно.

Да, я чувствую себя как гребаный сталкер.

Но мне похер.

Девлин хлопает меня по спине перед тем, как выйти из моего магазина, когда я достаю ключи из ящика, что находится за прилавком. Клайд уехал на некоторое время, чтобы купить детали для своего грузовика. Поэтому мне придется закрыть магазин и решить кое-какие дела с Эмили.

— Привет, Гаррет, — ласковые слова раздаются у входной двери, и я резко поднимаю голову, чтобы посмотреть, кто это, когда вижу Сару, что прохаживается по магазину. Блять.

— Здравствуй, — рычу я.

— Ты собираешься закрываться сейчас?

— Нужно сходить проверить кое-что.

— Тогда я быстро, — говорит она с ленивой улыбкой и наклоняется через прилавок, показывая при этом большую часть своей груди.

Сара горячая. Ещё девять лет назад, я бы с удовольствием распластал её в моем магазине, чтобы трахнуть. Но сейчас я вижу, что она представляет из себя. Ходячую проблему.

— Я попрошу Клайда помочь тебе, — пренебрежительно говорю я и поворачиваюсь, чтобы найти этого старого ублюдка. Я слышу, как подъезжает его старая развалюха к задней двери.

Когда я выхожу из-за прилавка, длинные, ухоженные пальчики Сары сжимают мой бицепс. Я перевожу взгляд на ее руку и пытаюсь взять контроль над своим дыханием. Я еще никогда не бил женщину, но, кажется, мне придется это сделать, чтобы отвести её от себя.

— Ты всегда убегаешь от меня, — шепчет она мне на ухо.

Я нахожу это раздражающим. Женщины не должны вешаться на мужчин. Если мужчина захочет, то он сам придет к своей женщине. А если он этого не делает, то он ни хрена не заслуживает её. Или, как в моем случае, просто не хочет.

Другой рукой Сара проводит пальчиками вверх по моей спине к плечу.

— Я могу помочь тебе снять это напряжение, — мурлычет она.

Забавно, но мой член совершенно не реагирует на нее, он такой же мягкий как вареная лапша. А стоит Эмили всего лишь вздохнуть, и “мой приятель” в полной боевой готовности, готов работать бесперебойно дни напролет. Эта невероятно сексуальная женщина имеет виды на меня, но я совершенно не заинтересован в ней, и я готов уже объяснить это ей, когда Клайд входит в помещение магазина.

Поначалу он смотрит вниз, а когда поднимает глаза, вытирая тряпкой запачканные краской руки, то впивается в меня озадаченным взглядом. Сара прекращает поглаживать мое плечо и берёт под руку, прижимаясь своим телом к моему.

— Привет, Сара, — говорит он немного растерянно спустя пару минут тщетных

попыток выяснить, что происходит между нами.

— Снова возишься с грузовиком, Клайд? — весело щебечет она.

— Всегда вожусь с этой развалюхой.

Клайд останавливается перед нами и смотрит на её руку, на которую я стараюсь изо всех сил не обращать внимания.

— Мы можем чем-то тебе помочь?

— Мои стеллажи сломаны. Сегодня я пошла в сарай, чтобы посмотреть что-то на замену, но, оказалось, все доски прогнили. Мне нужен один новый для Осеннего фестиваля, — объясняет она, стискивая мою руку.

Я не могу ударить женщину.

Или могу... один раз?

Нет.

Бл*дь.

— Ты немного опоздала с заказом, Сара. Мы закончили принимать такие заказы еще пару недель назад.

— Я просто полагала, что могла бы отблагодарить тебя, если бы ты мне помог, — она смотрит на меня карими, немного прищуренными глазами, в которых стоит томное выражение, что заставляет сжаться мой желудок. У меня нет привычки брать оплату за мою работу сексуальными услугами. И я уверен, что этого не произойдет с этой идиоткой.

— Я подумаю, может, мы и сможем вдвоем помочь тебе. Гаррет присоединится к нам чуть позже.

Клайд хочет, чтобы она отстала от меня, так же как и я.

Сара проводит свободной рукой по моему прессу, её движение заставляет меня напрячься. Она, наверное, думает, что я рисуюсь для того, чтобы продлить общение с ней. Но я больше не могу терпеть это, поэтому беру её руку и убираю с моего тела. Затем так же убираю прочь её другую руку, которой она вцепилась в мой бицепс.

— Скоро вернусь, — говорю я Клайду.

Он натянуто кивает головой.

Я прохожу мимо Сары, не произнося ни слова, в то время как она пытается попроситься. Когда отхожу подальше, могу наконец-то вздохнуть, не задыхаясь от её ядовитого парфюма, который просто-напросто душит меня. Выходя из магазина, я быстро направляюсь к машине. Я всегда паркуюсь за магазинами. У нас хватает места для нескольких машин, и Клайду нравится работать здесь на грузовике. Мы используем его для погрузки и разгрузки. Это место ограничено только одной улочкой, которая предназначена только для въезда или выезда. Больше ни один из владельцев окрестных магазинов не использует это место, и мне кажется, им глубоко наплевать на то, что мы монополизировали его.

Я открываю дверь своей черной Шевроле Камаро z11 1969 года (прим. Chevrolet Camaro — культовый американский спортивный автомобиль, выпускавшейся подразделением Chevrolet корпорации General Motors с 1966 года). Возможность приобрести эту крошку дала мне моя преступная жизнь и более поздний год выпуска, шестьдесят девятый. Мне не должен был достаться такой гребаный подарок, но он мне достался, и я готов убить любого, кто попытается отнять его у меня.

Двигатель оживает с ревом, и я лечу вниз по переулку к дому Эмили. Я пытаюсь успокоить ярость в моей груди. Она вся выплеснута в лицо Девлина, но когда дело касается

Эмили и её собственной безопасности и защиты от бывшего парня-сталкера, ей совершенно по фиг. Это выводит меня из себя.

Я предполагаю, что она может дойти до дома за пятнадцать или двадцать минут. Я должен перехватить её на улице.

Но я этого не делаю.

Я подъезжаю к фасаду её небольшого красного кирпичного дома и вижу, что в окнах не горит свет, значит, Эмили ещё нет. Я могу ворваться и подождать её там, но решаю сделать ещё одну петлю вокруг дома.

Когда я спускаюсь на машине с холма, ведущего к дороге сбоку, на которой растут лиственные деревья, я замечаю её. Она стоит во дворе с пожилой парой, вокруг которой прыгает маленький мальчик. Я глушу двигатель и наблюдаю за ней.

На её щеках ямочки, когда она и маленький мальчик прыгают в две огромные груды листьев. С опущенными окнами, я слышу её хриплый смех, но я нахожусь слишком далеко, чтобы видеть, как её глаза озаряются золотистым светом. Хотя я и так знаю, что они светятся в этот момент.

Мой гнев исчезает. Всё, что я чувствую, это тепло, смотря на этот светящийся лучик света, который резвится на переднем дворе и выглядит по-настоящему счастливым и свободным. Маленький мальчик зарывает её в листья, присыпая ими. Она выпрыгивает из них и хватается за него, рыча и щекоча. Он очень громко визжит, но это не сравнится с её хихиканьем.

Я наблюдаю за ней, пока девушка помогает маленькому мальчику подняться и провожает, как мне кажется, вместе с его бабушкой и дедушкой в маленький голубой дом. Я жду некоторое время и решаю, можно ли её оставить. Эмили в безопасности. Она счастлива. Она не нуждается во мне или моём дерьме.

Я еду домой вместо того, чтобы вернуться в магазин. Клайд наверняка его закрыл, и я не хочу опять иметь дело с Сарой, если она все еще поджидает меня.

За двадцать минут я добираюсь до нужного места. Я сосредотачиваюсь на Девлине и на том, что я обязан был помочь этому засранцу. Я размышляю, что заставило его так поступить. Он заявил, что Дженна не в беде, однако проблемы всегда следуют по пятам за его клубом. Его девушка не выглядит как привычные старухи его клуба. Она как будто сошла с глянцевого обложки журнала. Хотя Девлин был уверен, что она принадлежала ему. (Прим. старуха — женщина, получившая статус жены. Находится под защитой своего партнёра. Этот статус считается уважаемым среди членов клуба).

Я заезжаю в свой гараж, выхожу из машины. У меня большой гараж, рассчитанный на три автомобиля, так что я могу работать над разными тачками и двигателями, когда захочу. Дом у меня обычный; это простой старый фермерский дом, выдавший лучшие дни, прежде чем я купил его за копейки.

Я хорошо распорядился деньгами до того, пока меня не посадили. Я сохранил большую часть наличными, спрятанными по всему среднему Западу под вымышленными именами. Когда меня арестовали, у меня было пятнадцать удостоверений личности и столько же банковских ячеек для хранения ценностей. Я знал, что они придут за мной, поэтому уничтожил все доказательства моей ложной жизни и отдал всё важное Клайду. Он следил за их сохранностью и потратил неделю, мотаясь со мной по разным частям штата, чтобы собрать мои деньги, когда я освободился.

Я никогда не крал у хороших людей, в этом я обошёл моего отца. Его не волновал тот

факт, грабили мы богатых или бедных. Он был обеспокоен конечным результатом. Я же не чувствовал себя комфортно, рассуждая таким образом. Первое, если я выполнял работу, я хотел за это хорошее вознаграждение. Второе, я вырос в бедности. Не было ни одного гребаного шанса, что я когда-либо решусь воровать у бедных, у которых и так ничего не было.

В основном я воровал крупные партии электроники у местных. Так же пару раз перевозил наркотики из Мексики. Но я никогда не был членом наркокартеля. Я не тупой. Я ушел после нескольких незначительных поставок “снега” (прим. снег — кокаин). Вот откуда я знаю Девлина. Я поставлял товар, а его старик спихивал это по своим каналам. Это были взаимовыгодные отношения.

Я включаю на кухне свет и открываю холодильник в поисках пива. Я очень скучал по пиву в тюрьме. Жаркие дни, холодные дни, праздники... это не имело значения. Я хотел пива. Клайд остановился в ближайшем баре, когда я вышел, и купил мне пива. Я никогда не говорил ему, что мне нужно, он просто знал. Потом я понял, что люблю этого парня, как отца.

Я сажусь в моё тёмно-коричневое кожаное кресло и осушаю своё пиво, прежде чем открутить крышку у еще одного. Я выбежал из магазина, чтобы накричать на Эмили, которая направлялась домой. Я официально сошёл с ума. Я не имею права так поступать. Она не моя женщина. Я всего-то общался с ней один раз. Я наблюдал за ней как двинутый сталкер на протяжении полугода, но это не значит, что я её знаю.

Хотя, я чувствую себя совершенно по-другому. Я знаю, как она готовит свой кофе. Я знаю, что она ранняя пташка. Я знаю, что она отчаянно любит. Я знаю, что она будет защищать то, что ей дорого. Я знаю, что её мать умерла несколько лет назад, и, что на оставленные ею деньги, Эмили смогла переехать сюда и открыть магазин — это рассказал мне Клайд. Я знаю, что у неё есть маленькая родинка на шее за ухом, в форме кофейного пятнышка. Я знаю, что она покусывает большой палец, когда нервничает. Я знаю, что её тело идеально подходит моему, как и похожи наши разумы. Я знаю, что Адам разбил её сердце. Я понимаю, насколько она хороша для меня. Я знаю, что должен держаться от неё подальше или перестать совершать ошибки, из-за которых можем пострадать мы оба. Я знаю, что никогда не причиню Эмили боль. Никогда.

Я решаю вернуться в магазин сегодня утром. Я мало спал, поэтому не имеет смысла бродить вокруг дома, когда я могу быть здесь и закончить работу. Находиться здесь также означает, что я смогу увидеть, как Эмили готовит себе утренний кофе, перед тем как её магазин откроется.

Она каждый день смотрит на долину реки, сидя за столиком, где случаются все свидания. Девушка выглядит задумчивой, как будто вспоминает что-то прекрасное. Я представляю, что она думает о своём свидании за этим столиком или о пейзаже, отчего её глаза блестят.

Допив остатки кофе, она широко улыбается, перед тем как встать на ноги и открыть входные двери магазина. Не пройдет и десяти минут, как у дверей выстроится очередь. Весь город, да нет, вся страна, любит «Кофе & Пирожные Эмили». Я никогда их не пробовал, но, по словам Клайда, в этом я совершил смертный грех. Я умело избегаю соблазна, и я говорю не о кофе и булочках.

Очередь начинает собираться, и я сосредотачиваюсь на книжных полках. В моем магазине находятся четыре полки из ясеня. Они выглядят почти законченными, когда я

начинаю вырезать сложные украшения, которые потом закреплю вокруг них.

Мой взгляд всё ещё блуждает, когда дверь Эмили открывается. Я даже не замечаю, что делаю. В один прекрасный день я отхвачу себе палец, если не перестану пялиться на неё как одержимый. Может быть, тогда я прекращу. А пока, я буду смотреть на её стекла и тёмно-вишнёвую дверь.

— Это чёртова девушка, как заноза в заднице, — заявляет Клайд, вваливаясь в магазин.

— Какая именно? — бормочу я.

— Сара Белфонте.

— Серьёзно что ли, — заявляю я иронично.

— Она устроила скандал возле магазина, после того, как ты ушел. А потом выглядела как потерянный щенок, ожидая, когда ты вернёшься за ней, чтобы получить обещанный минет за гребаный прилавок для Осеннего фестиваля.

Если бы я умел смеяться, то уже бы хохотал.

— Я собираюсь сделать как можно скорее работёнку для неё. А тебе советую, если ты не хочешь с ней встречаться, то старайся держаться от неё подальше. Девчонка серьёзно нацелилась на тебя, — предостерегает он меня, просовывая большие пальцы в петли ремня.

Он ждёт ответа, но я продолжаю вырезать замысловатые узоры. Он снимает свою кепку с надписью “Джон Дир”, которую носит беспрестанно вот уже лет десять, проводя ладонью по своей лысой голове, прежде чем спрашивает.

— Что хотел от тебя Девлин?

— Ничего особенного.

— Может, расскажешь, парень?

— Нет.

— Надеюсь, он не просил тебя перевезти товар.

— Нет.

— Завязывай с этим, Гаррет. ФБР разнюхает, что ты снова связался с Девлином и загремишь обратно в тюрьму, — предостерегает он.

— Я завязал.

Он какое-то время смотрит на меня, не отводя глаз, затем одевает вновь свою кепку, направляясь к фанере.

— Давай сделаем Саре самый отстойный прилавок, — счастливо усмехается он. — Эта сука будет в ярости.

Мы работаем в тишине, только отвлекаясь на нескольких посетителей, которые пришли в магазин по поводу заказов. Двигатели были моей главной любовью, но резьба по дереву тоже была в этом списке, только на втором месте. Мой дед научил меня плотницкому делу и резьбе по дереву. Я сидел с ним у его фургона и строгал деревяшки, с того момента, как мог держать в руках нож.

Он не мог оставаться трезвым достаточно долго, чтобы задержаться на работе, но работал строителем всю жизнь. Его часто увольняли и рассчитывали. Когда он был трезв, этот человек мог своими руками создавать произведения искусства. Когда он умер, я был слишком занят своей жизнью, чтобы приехать на похороны. Теперь я сожалею об этом.

Когда я был в тюрьме, у меня была куча свободного времени. Я использовал библиотеку и получил своё среднее образование. Я провёл большую часть этих восьми лет в чтении. И прочитал всё, что мог узнать, об архитектуре и строительстве. К тому времени, как я открыл этот магазин, у меня было столько идей, что Клайд думал, что я работаю на скорость. Я

заполнил весь магазин вещами, которые мой разум создавал на протяжении десяти лет, не имея возможности претворить в жизнь. Это не делало меня счастливым, но приносило чувство удовлетворения.

Клайд возвращается в магазин, чтобы добавить последние штрихи страшному прилавку Сары. Это всё, что я могу об этом сказать. Это отвратительно. Он намеренно выполняет эту работу плохо. Я не знаю, за что он её так не любит. Но не думаю, что она была бы способна высказать ему всё, хотя не стоит исключать и такой возможности.

Дверь в магазин Эмили открывается, и я узнаю соблазнительную фигурку Дженны, что медленно входит вовнутрь. Я не вижу её лица, но её фигурку трудно не заметить. Мне больше нравится, когда у женщины не только кожа да кости. Когда есть мягкие изгибы и соблазнительные линии, как у Эмили. О, Господи, что бы я хотел сделать с её телом. Я мысленно издаю стон и двигаюсь так, чтобы мой член не упирался в молнию джинсов.

Я должен прекратить думать об Эмили. Из этого не выйдет ничего хорошего. Я лишь хочу украсть её тепло и затем отпустить. Я буду наблюдать за ней в течение следующей недели, пока слежу за Дженной, а потом я вернусь к нормальной жизни. Я больше не могу издеваться над собой. Я крепкий ублюдок, но она угрожает расплавить мою стойкость. Я не могу пойти на такой риск.

Не могу.

Глава 5

Эмили

— Боже, к чему такая спешка, — фыркает Джордан, плюхаясь на стул с другой стороны деревянного стола.

— Снаружи мороз. Люди всегда заходят внутрь, когда снаружи холодно, — замечаю я, расставляя маффины и тыквенные пироги по полкам.

Это был просто сумасшедший день, причем с самого утра. Обычно мы с Джорданом, в общем-то, неплохо справляемся со всем и сами, но сегодня я начала подумывать о том, чтобы позвонить Беверли или Арлин.

Они работают по воскресеньям, и поэтому у нас с Джорданом выдается выходной. Я всё так же прихожу сюда и пеку, но потом могу вернуться домой и наслаждаться свободным днём. Выходные я провожу обычно с Джорданом. Но раньше я старалась провести это время с Адамом. Он обожал воскресенья. Я всегда думала, что это потому, что мы были вместе, но сейчас я догадываюсь, что причина была в том, что он мог провести ночь с другой женщиной. Я никогда не оставалась с ним на ночь, так как мне приходилось вставать ни свет, ни заря, чтобы идти готовить, а Адам не любил, когда его рано будят. Во всяком случае, он так утверждал.

Я оттесняю эти мрачные мысли и натянуто улыбаюсь. Нет смысла думать о нём и о том, что у нас было. Теперь всё кончено.

— Так ты собираешься объяснить мне, что это вчера было? — спрашиваю я, изогнув бровь.

Джордан избегает любого вопроса о том, откуда он знает Калеба. Я спрашивала его уже раз двести, и каждый раз он меняет тему или находит отговорки. Но сейчас я его поймала.

— Эм, это долгая история. Ты же знаешь моего старика. Я познакомился с Калемом через него. Я не буду пересказывать тебе эту чертовщину, поэтому сотри это печальное выражение со своего лица. Ты мой лучший друг, и ты слишком хорошо меня знаешь, — с раздражением рычит он.

Я знаю, что отец Джордана состоял в байкерском клубе и был убит. Джордан нашёл его, и это наложило свой отпечаток. Больше я ничего не знала. Джордан не любит говорить об этом, и я не принуждаю его к откровенности.

— Так, Калекб член клуба “Хаос”? — тихо спрашиваю я.

Прошлым вечером я проговорила с Дженной где-то пятьдесят минут. Она сказала, что в порядке и ещё пять минут извинялась за причинённые неудобства, когда я убедила её, что это не проблема, она почувствовала себя немного легче. Также мы говорили о её работе моделью и поступлении в колледж в этом году. Мы не обсуждали Калеба. Но, возможно, нам стоило.

— Он президент МК” Хаос”.

Я киваю.

— Я хочу выйти покурить. Справишься одна?

— Конечно, иди, — фыркаю я.

Я ненавижу, когда Джордан курит, и глупая ухмылка на его лице говорит мне о том, что он знает это. Парень обходит стол и сжимает меня в объятьях, прежде чем крепко поцеловать мои волосы.

— К чему это было? — спрашиваю я, когда он меня отпускает.

— Я что, не могу тебя обнять?

— Ты знаешь, что всегда можешь обнять меня, Джордан.

— Чёрт, конечно, могу. Ты — моя девочка, — парирует он, лениво улыбаясь и направляясь на улицу.

Я выхожу из кухни, на ходу придерживая два лотка лакомств, но оборачиваюсь на звон колокольчика и вижу Дженну, легкой походкой заходящую в магазин. Сегодня она выглядит лучше, её щёки порозовели. Девушка выглядит счастливой.

— Привет, дорогая, — говорю я. — Дай мне поставить это, и я помогу тебе.

Она посылает мне широкую ослепительную улыбку, и я отвечаю ей тем же. Я успеваю заметить её ноутбук и несколько книг рядом со стойкой. Потом она встречается со мной на кассе, когда я заканчиваю заполнять витрину.

— Капучино?

— Ага.

— Неплохо выглядишь, Дженна. Лучше, чем вчера, — замечаю я.

— Я хорошо провела ночь, — отвечает она, заливаясь краской.

— С Калекбом? — спрашиваю я, приподнимая одну бровь.

Она хихикает и кивает.

— Я рада за тебя, дорогая.

Я поворачиваюсь, чтобы приготовить ей напиток. Она получает рисунок тюльпана на пене, цветущий любовью.

— Не думаю, что ты на самом деле радуешься за меня и Калеба, — шепчет она, чтобы нас не услышали посторонние.

— Почему?

— Вчера было не похоже, что он тебе понравился.

— Ты была напугана, и я хотела защитить тебя. Я не знаю Калеба. Если с ним ты счастлива и в безопасности, я не буду осуждать, — уточняю я.

Мне плевать, что он президент МК “Хаос”. Моя мать учила меня не судить других, и я не буду этого делать. Я стараюсь сначала узнать человека лучше, а потом уже решать, как к

нему относиться. Я знаю, что Джордан был связан с МК, до того как мы повстречались. Он начал работать со мной через месяц после того, как его отец был убит. Нас связывают наши потери. Джордан не идеален, но он добр ко мне. Он всегда относится ко мне с любовью и вниманием. Может, мне стоило бы переживать, что и у него есть тёмная сторона? Но он готов пойти на что угодно для людей, которых любит. Возможно, я должна переживать или сомневаться в нем, но не буду.

Судя по румянцу Дженны, я думаю, что Кaleb заботится о ней. И, возможно, он даже подарил ей парочку сумасшедших оргазмов. Как я могу на такое сердиться?

— Я думаю, что ты самая милая девушка из тех, кого мне довелось повстречать. А я видела много женщин, — дружелюбно замечает она, сжимая мою ладонь.

— Спасибо, Дженна, — искренне отвечаю я.

Она берёт свой капучино и садится заниматься, в то время как я обслуживаю нескольких клиентов. Джордан возвращается со своего перерыва и помогает мне в час-пик. Это время — просто сплошная суматоха. У нас заканчивается тыквенный пирог, к разочарованию многих. Сегодня я испекла вдвое больше, чем вчера, а завтра, похоже, мне придется сделать в три раза больше.

— Посиди немного, отдохни. Я сам обслужу, — говорит Джордан, прогоняя меня.

Я обхожу прилавок и присаживаюсь напротив Дженны.

Я наблюдаю за Гарретом, вышедшим из своего магазина и сидящим на скамеечке. Мимо проходит пожилая женщина и спотыкается. Он поддерживает её рукой. Между ними происходит краткий разговор, женщина улыбается. Гаррет указывает вниз на магазин пряжи, и она кивает. Он подхватывает её сумки, направляясь за ней к месту назначения.

Я не могу расслышать ни слова из того, что он говорит, но он так внимателен с этой женщиной. Заметно, что это очень приятно для нее. И как только можно не упасть в обморок рядом с Гарретом Шарпом?

Я снова перевожу взгляд на Дженну, которая лихорадочно печатает.

— Давай, расскажи мне о Калебе, — прошу я её, когда она закрывает ноутбук, чтобы поболтать со мной.

— Наш разговор будет длиться бесконечно, — отвечает девушка с улыбкой, давая мне знать тем самым, что это милая история. — Мы встретились где-то полгода назад, и с тех пор он добивался меня. Вчера ночью я сдалась. Кaleb меня так... возбуждает. Это так пугающе и захватывающе.

— Он настойчивый.

— О, да. Он такой, — посмеивается она. — Это еще мягко сказано.

— Ты собираешься с ним увидеться еще?

— Его не будет в городе в течение недели, что даже лучше, так как у меня сейчас зимняя сессия. Хотя я увижусь с ним, когда он вернётся. Ну, а ты? Встречаешься с кем-нибудь?

— Я порвала с моим парнем три месяца назад, — честно отвечаю я.

— Он настолько плохой?

— Ну, не хороший, это точно. Потому что Адам переспал с половиной города. Я поймала его с поличным. А сейчас он задался целью вернуть наши отношения.

— Вот придурок.

— Кажется, этот титул принадлежит ему по праву.

Мы обе хихикаем.

— Он — идиот, Эмили. Я знаю тебя один день и могу на тебя положиться. Любой парень будет счастлив, если ты будешь с ним. Если он упустил этот шанс. К черту его!

Я чокаюсь своим стаканом с минералкой с ее кружкой. Я знаю, что заслуживаю большего, чем Адам мог бы мне дать. Но мне до сих пор больно. Его предательство оставило глубокий след, и будет не так-то просто это забыть. Но я забуду.

Я сижу с Дженной и болтаю об Осеннем фестивале, университете и магазине, пока не начинается другая смена. Я и Джордан заняты, пока не остаётся десять минут до закрытия магазина. Дженна начинает собирать вещи, чтобы уйти.

— Ты припарковалась на стоянке? — спрашиваю я, закрывая меню, в то время как Джордан заворачивает три маффина, которые мы решили взять домой на ужин.

— Ага.

— Я спущусь с тобой, если ты подождёшь пару минут, пока я закроюсь.

— Ладно, — отвечает она, широко улыбаясь.

Я обнимаю Джордана, прежде чем он выходит в заднюю дверь. Сегодня он приехал на своём Харлее, и как всегда припарковался позади магазина. Парень хорошо смотрится на мотоцикле. Он мой лучший друг, и только, но я не могу не отметить, как горячо он выглядит в кожаной куртке на сидении мотоцикла.

Мы с Дженной выходим через главный вход. Когда я закрываю дверь, мы двигаемся по тротуару, болтая и смеясь, пока не замечаем Сару, вышедшую из магазина Гаррета. Она останавливает взгляд на нас, и я понимаю, что у нас проблемы.

— Дерьмо, — шиплю я.

— Что? — спрашивает Дженна, оглядываясь в поисках того, что меня беспокоило.

Должно быть, она замечает Сару, так как все ее тело вдруг выпрямляется и становится чуть выше, когда Сара направляется к нам. Мы продолжаем двигаться, но становится ясно, что она собирается подойти к нам.

— Кто это с тобой, Эмили? — спрашивает Сара на расстоянии пятнадцати шагов, поднимаясь по лестнице, чтобы перехватить нас.

Я решаю покончить с этим. Сара останавливается перед нами, перекидывая волосы через плечо и улыбаясь фальшивой улыбкой

— Сара, это Дженна Карсон. Дженна, это Сара. Она владелица “Шьем на заказ”.

Я говорю довольно любезно. Дженна пожимает ладонь Сары, прежде чем засунуть руку в карман.

— Вы должны зайти в мой магазин. Ваша фигура идеально подходит для наших дизайнерских вещей, что мы шьем.

В её голосе и выражении лица проглядывает презрение ко мне. Очевидно, что у меня совсем не модельная внешность. Но у меня фигура матери, и мне это нравится. У меня такие же формы, как у неё, и я отказываюсь думать о них плохо.

— Мне не нужно покупать дизайнерскую одежду. Если мне нужно что-то от дизайнера, который мне нравится, я могу ему позвонить, — пренебрежительно говорит Дженна, и мне хочется рассмеяться Саре в лицо.

На мгновение Сара выглядит ошеломленной, и я уже думаю, что мы победили, пока её губы не расплзаются в отвратительной улыбочке.

— Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, мы открыты каждый день, кроме воскресенья. Я как раз говорила Гаррету, что мы должны сходить куда-нибудь вместе в субботу вечером, ведь ни один из нас в воскресенье не работает. Он позвал меня на ужин, но,

знаете, я хочу вытащить его на танцпол.

— Я не знаю его, — отвечает Дженна, тогда как в моём желудке всё переворачивается. Это не должно быть так, но всё же, это происходит.

— Он владеет “Мебельным магазином Шарпа”, — говорит Сара, указывая большим пальцем в сторону магазина за своей спиной. — Мы встречаемся. Если вы никогда не видели его, то просто обязаны это сделать. За него можно умереть.

— Хороошооооо, — тянет слово Дженна, смотря на меня широко распахнутыми глазами. Я снова чуть ли не смеюсь.

— Ты больше не думала о новом имидже, Эмили? — с самодовольным видом спрашивает Сара.

— А что не так у нее с имиджем? — Дженна обращается ко мне, но Сара отвечает за меня.

— “Шьем на заказ” разыгрывает подбор нового образа в честь Осеннего фестиваля. Я сказала Эмили, что она должна поучаствовать. Мы могли бы изменить ее неряшливый вид. Это было бы весьма мило с её стороны приложить хоть немного усилий.

Я не знала Дженну, но я видела внутреннюю борьбу, бушующую в девушке рядом со мной, пока она не вырвалась наружу, просто шокировав меня.

— Это чёртова шутка, верно? Ты считаешь, ей нужна смена имиджа? А на себя ты смотрела? У тебя есть зеркало? Потаскушки и то лучше выглядят, чем ты. Тебе стоит поучаствовать в твоём собственном конкурсе самой, потому что помощь нужна тебе. Я бы начала с удаления тонны макияжа и фальшивых ресниц порно-звезды. Чёрт, я помогу тебе. Зайди как-нибудь ко мне, и я передам тебя в нужные руки.

Полнейшее унижение.

Рот Сары отрылся как у рыбы. Это выглядит отвратительно, и я изо всех сил пытаюсь не рассмеяться.

— Стерва! — вопит Сара и замахивается, как будто собирается дать пощечину Дженне.

— Только тронь меня, и я надеру твою чёртову задницу. Ты явно недооцениваешь образ модели. У меня два старших брата, так что я знаю, как правильно выбивать дерьмо, — рявкает Дженна.

— Сара! — гремит глубокий голос Гаррета с порога его магазина.

Мы все оборачиваемся на него, он хмуро смотрит в нашу сторону, сложив руки на груди. Сейчас нас подслушивает вся улица, хотя раньше обращали внимание только те, что поближе.

— Я нужна моему мужчине, — самонадеянно заявляет Сара. — Спасибо за совет, но, видно, Гаррету нравится прикид шлюшки.

Она снова откидывает волосы и спешит напрямик к Гаррету. Я смотрю на него, пока она преодолевает расстояние, разделявшее их. Его взгляд остаётся прикован ко мне, даже когда он берёт Сару под руку и тянет. Затем они разворачиваются и исчезают в его магазине.

— Что. За. Тварь, — выдыхает Дженна, когда мы продолжаем двигаться дальше. — Не слушай её, Эм. Ты великолепна, а она — ужасна как мерзкий тролль.

Мы обе тихонько хихикаем.

— А Гаррет горяч!

— Что есть, то есть, — соглашаюсь я, когда мы добираемся до моей машины.

— Хотя, очевидно, что он идиот, если встречается с ней, — заключает она.

— Я думаю, она спала с Адамом, — тихо признаюсь я.

— С твоим бывшим?

Я киваю.

— Я должна была ударить её.

— Не стоит, в конце концов, это его вина, но мне всё ещё неприятно думать, что он целовал меня после того, как был с ней, — произношу я с дрожью в голосе.

— У вас был секс?

При этом вопросе я сбиваюсь с шага.

— Чёрт! Прости. Это был неприличный вопрос, — говорит Дженна, заключая меня в крепкие объятия.

— У нас никогда не было секса с Адамом. Поэтому он изменял, — бормочу я в её шарф Burberry (прим. Burberry — британская компания, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса люкс).

— Никогда? — переспрашивает она, отпуская меня.

— Не-а. Где-то глубоко в душе я знала, что он не был мне верен. Мой разум отвергал это, но тело знало.

— Твоя задница как гребаный медиум. Это удивительно, — фыркает девушка, и мы обе начинаем хихикать.

Она мне нравится. Вчера Дженна казалась робкой и скованной, но эта Дженна нравится мне гораздо больше.

— Посмотри на лобовое стекло, — замечает Дженна, когда мы перестаём смеяться.

Вот дерьмо.

Я разрываю бумажку, зная, что это от Адама.

“Пожалуйста, позвони мне, Эм. Я скучаю по тебе. Я люблю тебя.

Твой Адам”

— А он настойчив, — замечает Дженна, как я ранее сказала о Калебе.

— Он не Калёб, — раздражённо отвечаю я, записывая записку в карман.

— Черт побери, если Калёб обманет меня, его яйца окажутся в мясорубке.

— У меня нет мясорубки.

Теперь мы снова смеёмся.

— Мне надо бежать. Поздние занятия. Мы увидимся завтра, — говорит Дженна, снова обнимая меня. Она любит обнимашки. Мне нравятся люди, которым нравятся обнимашки.

— Удачных занятий, дорогая.

— Когда приеду домой, поищу мясорубку, — шутит она, идя к своей машине. Это крошечный красный BMW, прекрасно соответствующий её забавному характеру.

Я скольжу в свой Mini, когда Дженна, просигналив, исчезает. Я еду вниз по Крест-стрит, когда Сара выходит из магазина Гаррета. На её лице шаловливая улыбка, когда она двигается вдоль улицы. Гаррет Шарп абсолютно не представляет, что он получил в её лице. Я испытываю непреодолимое желание предупредить его, когда направляюсь прямо к продуктовому магазину. Впрочем, его личная жизнь меня не касается. Возможно, он видит в ней что-то, чего я не вижу. Я надеюсь, что да, потому что всё, что я вижу, смотря в карие глаза Сары, это злорадное ехидство.

Когда я выживаю сумки для покупок из багажника, мои мысли вертятся вокруг Адама. Почему он так стремится вернуть меня обратно? Я никак не могу его понять. Он не был мной доволен. Это логично думать, что он был бы рад свободе. Я в недоумении от того, как он себя ведет, когда получил ее.

Адам управляет собственной строительной фирмой, которая строит роскошные особняки по всему Западному побережью. Он родом из богатой, хорошо известной семьи. Вращается в высших кругах. Он может заполучить любую женщину. Я не понимаю, зачем ему я?

Я продолжаю думать об Адаме, наполняя тележку. Закупать еду лишь для себя тоскливо. Лучше я сосредоточусь на нём, чем на одиночестве, которое начинаю чувствовать.

Мы серьёзно поругались за два дня до того, как я поймала его на измене. Адам утверждал, что это было время, чтобы поговорить о нашем будущем. Также он сказал мне, что пора продать «Кофе и Пирожные Эмили». Адам сказал мне, что магазин может продолжать принадлежать мне, но я должна нанять менеджера и пекаря, так, чтобы я смогла отойти и заниматься больше нашей жизнью. Но он был в моём магазине всего лишь дважды!

Когда я думаю об этом, я понимаю, что он знал меня не лучше, чем я его. Два года вместе, и Адам абсолютно не представлял, что я никогда не оставлю свой магазин. Конечно, в конце концов, мне придётся решиться на определенные часы работы в магазине. Я хочу семью, детей. Я очень хочу детей. Но сейчас мой график не позволяет этого. Но я смогу решить этот вопрос гибко, когда придет время. Я хочу быть такой же матерью, какой была моя, участливой и внимательной.

Адам не говорил вообще ни о каком будущем. Он просто эгоистично хотел, чтобы я постоянно находилась рядом с ним. Готовила ему ужин, ходила вместе с ним на его общественные мероприятия, путешествовала вместе с ним. Адам не хотел строить со мной жизнь. Он хотел, чтобы я соответствовала тем рамкам, которые он создал для женщины. Чтобы я совершенно не заботилась ни о чем, кроме внешности и соответствующего поведения.

Иногда я задаюсь вопросом, как я с ним связалась. Но когда я об этом думаю, то понимаю, что это было легко. Вначале он был таким очаровательным. Таким милым. Было много ухаживаний. Цветы, шоколад, романтические свидания, драгоценности. Всё это было замечательно, но я запала на Адама именно потому, что мы могли говорить часами. Он мог заставить меня смеяться и плакать одновременно. Между нами никогда не было неловкого молчания. С того самого момента, как я встретила его, мне было комфортно.

Комфортно.

Не горячо, беспокойно или страстно, просто комфортно. Это было не так, как я представляла себе влюблённость. Я не идиотка. Я знаю, что любовь, это не то, что накрывает тебя с головой и забирает у тебя каждый момент вечности. Это бы задушило меня. Но когда Адам уезжал, я не чувствовала острого желания быть рядом с ним. Я редко оставалась у него, опять же из-за графика работы и необходимости печь в магазине. И я нормально спала у себя в одиночестве. Я не скучала по Адаму. Ты скучаешь по человеку, которого любишь, когда вы не вместе. Это менее всего походило на то, что я чувствовала. Я хотела, чтобы по мне тоже скучали. Адам не скучал по мне. Он заменил меня.

Я наполняю мою тележку продуктами на неделю. Осенний фестиваль начнется уже через два дня, поэтому магазин красиво украшен. Люди делают покупки, чтобы печь и готовить для участия в лотерее. Я стою в длиннющей очереди, просматривая журналы, пока кончики волос, касающиеся моей шеи, не приподнимаются.

Я верчу головой по сторонам и замечаю Гаррета, выходящего из своего магазина. Он не может меня видеть с того места, где он стоит, поэтому я быстро присаживаюсь на корточки. Почему я это делаю? Не знаю, но все же делаю.

— Вы в порядке? — спрашивает пожилой джентльмен впереди меня, когда я опускаюсь на колени.

— Я в порядке. Просто... уронила... Я просто уронила линзу!

Я притворяюсь, будто ищу, заглядывая за края стенда. Я могу видеть ботинки Гаррета, привлекающие моё внимание. Дерьмо! Я поддвигаю тележку, врезаясь в мужчину, который стоит впереди меня.

— Вы уверены, что она здесь? — неуверенно спрашивает он.

— Ага.

Я двигаю тележку таким образом, чтобы иметь возможность заглянуть под неё, пока она меня скрывает. Почему я прячусь? Я прячусь от Адама, потому что мне надоело постоянно вести один и тот же разговор. Я больше не могу делать этого. А от Гаррета я прячусь, потому что я просто-напросто ненормальная!

Передо мной появляются огромные ботинки Гаррета, и я понимаю, что он прекрасно видит меня. Меня рассекретили, но я упрямо продолжаю сидеть на корточках.

— Эмили, — в его голосе раздаётся грубый приказ. Он не ставит под сомнение то, что я делаю. Он говорит мне своим жестким голосом, что точно знает, что я делаю. Гаррет сводит меня с ума одним лишь словом. Как у него это получается?

— Нашла! — громко заявляю я, рывком поднимаясь на ноги.

Обеспокоенный пожилой мужчина наблюдает за Гарретом и смотрит на меня удивлёнными бледно-голубыми глазами, которые скрыты под густыми седыми бровями.

— У вас все в порядке, милая леди? — спрашивает он, глядя на огромного парня, что ждёт меня.

— Да. Спасибо.

Я обхожу вокруг тележки и останавливаюсь перед Гарретом. Я поднимаю голову, чтобы встретиться с его тёмно-кариими глазами.

— Прячешься, — фыркает он.

— Я не пряталась, — парирую я. — Я просто уронила свои линзы.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Нет, пряталась я, или нет, я не уронила линзы?

— Эмили, — со вздохом говорит он, потирая свою небритую челюсть.

— Ладно, — сдаюсь я, смотря в его глаза, которые в данный момент становятся близки к голубому оттенку. — Я пряталась. Не знаю почему, если это как-то улучшит дело. Я пряталась от Адама, потому что я не могу иметь дело с... со всем... этим, — я размахиваю руками для большего эффекта. — Я пряталась от тебя, потому что я сумасшедшая. Или, по крайней мере, я так чувствовала себя, стоя на коленях за тележкой и заставляя нервничать этого хорошего человека, — я киваю в сторону пожилого мужчины. — Ты не Адам, и я не боюсь тебя. Но я видела тебя, и ты так просто был... там, и я повела себя как душевнобольная. И сейчас я несу бессвязный бред...

Я зажимаю рот ладонью, чтоб остановить этот поток слов. Что со мной не так? Уголки полных губ Гаррета чуть движутся, но он не улыбается. Он кивает на что-то позади меня, и я, обернувшись, вижу ожидающую меня кассиршу. Я даже ещё не разгрузила свою тележку на конвейерную ленту.

— Извините! — я поспешно начинаю укладывать продукты на ленту, пока тёплая

ладонь Гаррета не ложится мне на талию. Меня пронзает дрожь.

Он на миг замирает, потом обходит меня и разгружает мою тележку. Я до сих пор поражена тем обжигающим теплом, охватившим мою кожу от его прикосновения.

— Я сам. Прекрати, не разгружай свою тележку как сумасшедшая.

Всё это ему не нравится. Взгляд Гаррета упирается в меня, как бы говоря, что «я сделаю это, и ты мне позволишь. Успокойся». Он даже не фыркает, чтобы заставить меня делать то, что ему надо.

Мальчик-подросток, очень долго расфасовывает мои продукты по пакетам, так как, не отрываясь, смотрит на Гаррета. В его тёмно-зелёных глазах какая-то смесь страха и удивления. Это заставляет меня улыбнуться. Я тоже не могу оторвать взгляд от Гаррета, но я не чувствую страха. Нет, я чувствую опьянение. Он завладевает ситуацией и пространством, даже не прикладывая усилий. Само его присутствие требует обратить на него внимание. Так что, я делаю именно это. Пока не слышу, как женщина на кассе окликает меня.

Я отрываюсь от Гаррета, когда его рука скользит в задний карман. Я не смотрю на его идеальную задницу. Нет, нет. Хотя очень хочется.

— Не глупи, — говорю я, опуская свою руку поверх его, пока он не успел заплатить. Я смотрю на небольшой экран кассы, на сумму, которую должна заплатить, а затем начинаю рыться в своей огромной сумке. Я должна отпустить Гаррета, чтобы хорошо поразмыслить над происходящим. Я опять задерживаю очередь. Это всё Гаррет! Обычно я мастерски справляюсь со всем. Продукты загружены, карточка приготовлена, сумки собраны... в этом я хороша. А сейчас из-за Гаррета вместо мозгов у меня расклеенная каша.

Я вижу, как его большая ладонь протягивает деньги вперёд, и кричу.

— Не надо!

Я встречаю удивленный взгляд Шерри за кассой (все-таки бейджи — отличное изобретение) и снова поворачиваюсь к Гаррету.

— Я сломала твой стол. Ты не станешь платить за мои продукты. Прекрати, — требую я.

Он отдаёт деньги Шерри, и она с опаской принимает их. Когда я готова возразить ему, он вновь пригвождает меня “лучше тебе помолчать” взглядом. И я так и делаю. Я закрываю рот, потому что и так устроила сцену в продуктовом магазине. Я верну ему все позже.

Я проскальзываю мимо него и жду, когда он получит сдачу. Затем он кивает мне, что мы можем идти. Подросток всё ещё на нас смотрит. Когда Гаррет кивает ему, я думаю, паренек тает, так же, как я.

Я начинаю катить тележку, пока Гаррет убирает бумажник в карман джинсов. Затем он забирает тележку у меня. Я ошеломлённо издаю писк, словно церковная мышь. Губы мужчины дёргаются вновь, но он не одаривает меня той великолепной улыбкой, которая у него есть, я знаю. Я видела её только раз, в магазине, и это произвело на меня неизгладимое впечатление. Я пишу ещё чуть громче, когда он тянет меня под руку.

На улице прохладно, и, несмотря на то, что я в пальто и шарфе, я все равно хочу найти перчатки в сумке, так как мёрзну. Но как только Гаррет касается меня, меня словно охватывает огонь. Он согревает каждый дюйм моего тела, и я прижимаюсь к нему. Когда мы подходим к машине, мужчина отходит от меня и начинает вытаскивать мои пакеты, чтобы загрузить их в багажник. Он кивком указывает на него, но мой мозг соображает слишком медленно, чтобы разблокировать двери.

Мне снова холодно, но будет ещё холоднее, когда я поеду домой одна, так что я достаю

свои белые вязаные перчатки из кармана сумки и засовываю в них руки. Они не согреют меня, но так я хотя бы перестану дрожать.

Гаррет закрывает дверцу моей машины, а затем поворачивается ко мне лицом. Я стою рядом с тележкой как беспомощный ребёнок. Мгновение он изучает моё лицо, а потом окидывает меня взглядом с ног до головы, задержавшись на ногах. Может быть, я наступила на собачье дерьмо? Я смотрю вниз и вижу, что привлекло его внимание. Я стараюсь быстро присесть и схватить это с земли, но Гаррет опережает меня. Как такой мощный парень может так быстро двигаться?

Он читает записку. Я не смяла и не сложила её, так что текст прямо у него перед глазами. Гаррет медленно поднимается на ноги, и я знаю, что он хочет встретиться со мной взглядом.

— Так, не выходи из себя. Я не могу проследить, когда он оставляет мне записки. И я не буду звонить ему. Я имею в виду, я хотела бы, но не буду. Я не хочу звонить, чтобы просто поговорить с ним. Мне следовало бы позвонить ему и сказать, чтобы он отвязался от меня. Хотя, Адам не будет меня слушать, так что не буду даже и пытаться.

Мой среднезападный акцент всегда становится более заметным, когда я расстроена.

— Поэтому не надо злиться и ворчать на меня. И я должна вернуть тебе деньги за покупки. Я сломала твой стол, а ты мне покупаешь продукты? Нет. Это не правильно. У меня нет с собой налички, потому что я всегда забываю подойти к автомату. Я выпишу тебе чек. Или занесу деньги завтра. У меня всё ещё есть время забежать в банк, перед тем, как я отправлюсь готовить свой печальный одинокий ужин. Я так устала готовить только для себя, понимаешь? Есть в одиночестве это полбеды, но меня так бесит зря мусорить на кухне. Иногда приходит Джордан, когда он не играет в свои видеоигры. Ко мне пару раз даже заходила миссис Каутерс, которая живет на противоположной стороне улицы. И это несомненный успех, так как она лучший повар в округе, возможно, в городе, а, может быть, и в стране. Но она пришла ко мне и сказала, что я хороший повар! Ты можешь в это поверить?

— Вчера ты пошла домой пешком, — сердито перебивает он.

— Что?

— Вчера. Ты. Пошла. Домой. Пешком.

— И? — спрашиваю я, так как не совсем понимаю, какое это имеет отношение к моему бессвязному бреду.

— Я тебе сказал, не делать этого.

О. Точно.

— Я не могу контролировать, что слетает с моего языка, когда нахожусь рядом с тобой. Это для меня нечто новое. Я хорошо общаюсь с людьми и выгляжу при этом как нормальный человек. Я не должна была всё это рассказывать вам с Клайдом. Всё в порядке. Адам ни чем не угрожает мне. Я могу ходить домой пешком. Всё нормально.

— Нет, — рычит он, наклоняясь к моему лицу. Его изменчивые карие глаза становятся на тон темнее.

Я не отвечаю.

— Садись в машину. Поезжай домой. Не заходи в чёртов банк. Ты не должна мне возвращать никакие деньги. Когда приедешь домой. Закрой. Свои. Двери. И. Окна. Если Адам будет стучать или звонить, не отвечай и позвони шерифу. У тебя уже есть запретительный приказ (прим. Запретительный судебный приказ — вид судебного приказа в англосаксонском праве, в особенности — в США, которым суд предписывает тому или

иному лицу совершать определённые действия в отношении другого лица либо, напротив, воздерживаться от совершения таких действий. Лицо, нарушившее предписание приказа, может быть привлечено к гражданско-правовой или уголовной ответственности. Чаще всего используется как средство защиты жертв домашнего насилия, сексуального преследования, вторжения в личную жизнь)?

Гаррет говорит только тогда, когда ему есть что сказать. Я вообще замечаю, что он говорит очень мало и то, только по делу. Я заморожено слушаю его богатый бархатистый голос и наслаждаюсь, так же, как когда он говорил два дня назад.

Я улыбаюсь ему и отвечаю.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Эмили.

Я не отвечаю. Снова эта властная команда. С его красивых губ срывается лишь моё имя, а это уже несет так много в себе. Он разочаровался во мне. Я не хочу этого, но мне не нужно привлекать шерифа. В конце концов, Адам сдастся.

Мои плечи начинают дрожать от холода. Гаррет не достаточно близко, чтобы согреть меня. Я хочу прижаться к его груди всего на мгновение, чтобы украсть себе немного его тепла. Не успеваю я подумать об этом, как это происходит.

Большие руки Гаррета оборачиваются вокруг моего тела. Я прижимаюсь к нему, вдыхая его характерный запах дерева и мускуса. Восхитительно. Я держу мои сложенные руки между нами, чтобы они хоть немного согрелись. Я хочу обернуть их вокруг его талии и прижаться ещё крепче, но холод вокруг останавливает меня.

Мы долго стоим вот так посреди парковки. Кажется, что проходят долгие часы, хотя, на самом деле, всего несколько минут. Клянусь, я могла бы заснуть, стоя рядом с ним. Мои веки тяжелеют, а дыхание замедляется. Мне больше не холодно. Мне тепло, уютно... безопасно.

— Ну, разве это не мило? — раздаётся взбешенный голос Сары.

Я резко отстраняюсь, но Гаррет остаётся на месте. Он нисколько не напряжён. Может быть, он её не слышал?

— Простите? — резко говорит она.

Я поднимаю голову и нахожу изменчивые глаза Гаррета, потемневшие, когда он смотрит на меня сверху вниз. Я создаю проблемы. Дерьмо. Я высвобождаюсь из его рук, и он тут же отпускает меня.

— Спасибо за продукты и за то, что переживаешь обо мне. Я могу справиться и сама, Гаррет. Я уже так и делаю на протяжении некоторого времени. Хорошего вечера, — быстро шепчу я.

Я не смотрю на Сару, когда обхожу свой Mini и опускаюсь на сиденье. Я быстро завожу машину и уезжаю. Снова холодно. Я стояла в объятиях человека, у которого есть подруга. Это неуместно. Я пристыжена и растеряна. Я впервые в жизни думаю, что поступила плохо. Я всегда стараюсь делать правильные вещи. Я не идеальна. Я делала много ошибок. Но таких — никогда. И после того, через что я прошла с Адамом, я чувствую себя ужасно. Сара мне не нравится. Возможно, она и спала с моим парнем, но я не буду опускаться до её уровня. Я не такой человек.

Я роняю голову на руль, когда паркуюсь у банка.

Я должна извиниться перед Сарой.

К чёрту!

Глава 6

Гаррет

— Гаррет, — мурлычет Сара, прижимаясь ко мне.

Я не держу её так, как держал Эмили. Я не хочу, чтобы она прикасалась ко мне, потому что уверен, что нежеланная привязанность не приведет ни к чему хорошему.

— Я не принадлежу к числу ревнивых девушек. Если ты хочешь нам в постель добавить еще одного человека, то я не буду почем зря злиться. Однако, мне нужен кто-то более привлекательный, чем Эмили, — она выплевывает это имя, будто оно ей ненавистно, так же как и сама Эмили.

С меня хватит!

— Сара, — говорю я хриплым соблазнительным голосом.

Она закатывает глаза, словно только что я слегка прикоснулся к ее клитору. С ней легко.

— Когда я беру женщину, то хочу только одного: наслаждаться каждой частью её тела, не отвлекаясь. Без остановок. В течение нескольких часов. Дней.

Она стонет от моих слов, это вызывает в моем животе отвращение. Её длинные, нарощенные ногти впиваются мне в ребра, она словно находится в неотвратимой близости от оргазма.

— Иди домой и думай об этом. Увидимся в субботу, — заканчиваю я разговор, отходя от нее.

Она все еще пребывает в состоянии сексуального наваждения, когда я сажусь в машину. Я завожу двигатель, выезжаю с парковки и поворачиваю к дому Эмили. Она выглядела виноватой, когда убежала от меня. Я был слишком занят, купаясь в теплее ее глаз, чтобы понять, почему Эмили выглядела таким образом, пока она не села в машину и не уехала.

Она думает, что я с Сарой. Несомненно, Сара заставила ее так подумать. Но я никогда не буду встречаться с этой сукой, Сарой. Никогда. Также я раздумываю над тем, чтобы позвонить Девлину в ответ на его просьбу. Когда Дженна собиралась избить Сару, я должен был сделать что-то, чтобы вмешаться. Я выкрикнул ее имя, и Сара направилась ко мне. Я использовал единственную вещь, которая в тот момент пришла мне на ум, чтобы отвлечь ее. Я позвал ее.

Чертовски глупое решение.

Думаю, что моя репутация пострадает, если я позвоню Девлину и скажу, что его девушка чуть не устроила драку меньше, чем сорок восемь часов с его отъезда, и объясню, что я сделал, чтобы предотвратить эти действия. Так же думаю, что если я скажу ему, что мне было абсолютно наплевать на Дженну, что я только защищал Эмили, то он это определенно не поймет. Эмили... которая в свою очередь чертовски разозлила меня, поэтому я совершил то, что пришло мне в голову в тот момент, чтоб обезопасить ее.

Я сказал Саре, что встречусь с ней после осеннего фестиваля в субботу. Я не имею ни малейшего намерения воплощать свое обещание в жизнь, но мне нужно каким-то образом пустить ей пыль в глаза, поддерживая видимость еще три дня. Это будут долгие семьдесят два часа. Когда я скажу ей, что не смогу встретиться с ней, она догадается, что я никогда и не собирался делать того, что пообещал. Возможно, это заденет ее самолюбие или гордость, если таковы черты характера еще есть у нее, но как бы там ни было я планирую покончить с

ней. Я не могу сделать этого сейчас, потому что внутреннее чувство говорит мне, что она будет преследовать Эмили.

Сара обязательно попытается отыграться на ней. Так как у Эмили новая подруга Дженна, мне нужно постараться отвлечь Сару, пока Девлин не вернется в город и сам не позаботится о том, чтобы оберегать Дженну от неприятностей. Поэтому мне придется пойти на хитрость с Сарой.

Я думал, что мне удалось сегодня избавиться от назойливого присутствия Сары. Когда она пришла в магазин, Клайд предпринял попытку сдержать ее, объясняя все тем, что я очень занят. Я услышал ее нытье, прежде чем она ушла. Я видел, как она пересекла улицу с явным намерением напасть, которое четко отражалось на ее лице. Мне нужно было вести себя по-мужски и разобраться самому с Сарой. Вместо этого... я последовал за Эмили в супермаркет, словно какой-то гребаный сталкер, чтобы убедиться, что с ней все хорошо. И теперь я опять преследую ее, направляясь к ней домой. Бл*дь.

Я проезжаю мимо дома Эмили, найдя его пустым. Ее там нет. Снова. Эта девушка заноза в заднице! Уверен, что если я сейчас приеду в банк, то она будет там. Но в данный момент я слишком взбешен, чтобы ехать еще и туда. Если я найду ее там, то сорвусь. А это будет некстати.

Я паркуюсь на вершине холма, чтобы заметить, когда она подъедет к дому. Но она не сможет увидеть меня оттуда. Она даже не посмотрит в мою сторону. Я знаю, что ей кажется, что она в безопасности, но это не так. Такие мужчины как Адам постоянная угроза. И если их действия не воспринимать в серьез, то может произойти что-то плохое. Почему это не может понять Эмили?

Проходит полчаса, а Эмили так и не появляется. Я начинаю волноваться. Но я больше не злюсь, нет. Я в бешенстве! Я устремляюсь вперед, чтобы запрыгнуть в машину и завести двигатель, но в этот момент меня ослепляет свет фар.

Она здесь.

Теперь я должен убедить себя успокоиться. Она здесь. Она в безопасности. Ей лучше побыть одной.

Ну, а что?

Ладно, ладно, я думал кое о чем. Но это была ужасная мысль, о которой мне даже лучше и не думать. Она не моя. И никогда не будет моей. Я наблюдаю за ней как гребаный сталкер. Возможно, я даже хуже, чем Адам. Я являюсь даже большей угрозой для нее, чем Адам.

Я никогда не причиню ей боль в физическом плане. Но жизнь, которая была у меня, прежде чем меня закрыли, будет всегда преследовать меня. Я ожидаю это с того момента, как вышел на свободу. Но до настоящего момента не объявился никто, кроме Девлина. Я прекрасно знаю, что он не будет меня закладывать, но на самом деле этого и не нужно, чтобы найти меня здесь. Потому что я не скрываюсь. Я никогда не скрываюсь.

Эмили заезжает в гараж. Я не вижу никого больше, кто бы следовал за ней. Ну, это обнадеживает. Я наблюдаю за тем, как она выгружает продукты, и во мне просыпается желание выйти и помочь ей. Вау, это определенно что-то новенькое.

В жизни, которую я вел до тюрьмы, я не был достаточно хорош ни для одной женщины. Я относился к ним плохо. Я не был грубым или жестоким, но я также не был добрым и внимательным. Они хотели быть со мной из-за власти, которой я обладал, и того, что я мог им дать. А я в свою очередь хотел трахать их киски, даже не напрягаясь. Это работало идеально на протяжении долгого времени.

Когда-то я был увлечен одной женщиной. Она была, как я могу судить сейчас, лишь низменным подобием женщины, и она разрушила мою жизнь. Теперь я все понимаю, лучше бы конечно, я понял это раньше, но я был ослеплен ею и глуп. Я был самоуверенным. Жизнь творит чудеса, как и камера шесть на девять метров с сокамерником, который был приговорен к пожизненному сроку заключения за изнасилование и убийство. Это выбило из меня всю дерзость и помогло поумнеть в рекордные сроки. Теперь я просто гребаный гений по сравнению с тем, кем я был раньше.

Тюрьма не помогает преступникам исправиться. Она создает их. Я был преступником, прежде чем освободился. А теперь я просто стал более изощренным преступником, годы добавили ненужного опыта. Я стал быстрее. Я стал хитрее. Я стал больше знать. Теперь я больше просчитываю и больше молчу, нежели говорю. Я стал совершенно равнодушным к чужому горю и печалям. Я и прежде был довольно-таки бесчувственным мудаком, но теперь я стал его лучшей версией. В прошлом у меня случались моменты, когда проскакивали эмоции, хотя эти моменты были довольно редкими, но они были. Теперь нет ничего, гребаная ледяная пустыня. Эмоции — нечто, что делает нас уязвимыми, теперь я их полностью отпускаю за ненадобностью. Я научился оттеснять их на задний план. На данный момент мое неизменное состояние — злость. Но злость для меня не есть эмоция. А Эмили... Она словно насыщает меня теплом, настолько опьяняющим, что я забываю о своих принципах, злости и обо всем другом. Я рядом с ней живу и чувствую.

Таким образом, с появлением Эмили я перестал быть глухим к чужим чувствам и горю, я перестал быть ледяной пустыней.

Эмили заканчивает свой последний поход за продуктами от машины до двери и закрывает гараж. Огни создают мягкое свечение света из ее окон, когда она двигается через свой дом. Она в безопасности там. Я не думаю, что Адам ворвется, но мы никогда не можем знать всего наверняка.

Я завожу свою машину и трогаюсь с места.

Когда я проезжаю мимо ее дома, Эмили стоит перед окном, разговаривая по телефону, и смеется. Я ощущаю тепло во всем теле, пока еду домой. Это единственная причина, по которой я буду красть у нее тепло до конца своей жизни, и я буду удовлетворен этим, потому как я буду довольствоваться самым ценным сокровищем, что когда-либо познала Земля.

Эмили Гарнер.

Я снова рано приезжаю в свой магазин для того, чтобы позволить себе насладиться крошечными моментами наедине с Эмили. Как только я подхожу к задней двери, то вижу, как Эмили поднимается по крутой тропинке, которая ведет к центру города. Магазины на той стороне улицы, будто специально расположены для более удобного наблюдения за ней. Я могу, не напрягаясь, наблюдать за ее передвижениями через стеклянную заднюю дверь.

Пока я наблюдаю за тем, как Эмили наслаждается кружкой кофе в полном спокойствии, я погружаюсь в свои мысли. Затем я вижу, как она возвращается в свой магазин, покачивая бедрами. Я словно выпадаю из реальности на некоторое время. Пока я пытаюсь понять, зачем она выходила, я захожу в свой магазин и вижу причину, по которой она сделала это. Я вижу, что в прорезь двери для почты был всунут конверт.

Я вытаскиваю его из скрипучих прорезей для почты и разрываю бумагу. Шестьсот долларов. Черт меня побери. Я тру ладонью лицо и глубоко дышу, когда достаю от нее записку.

Гаррет,

Хочу сказать, как мне жаль... еще раз. Я надеюсь, что эти деньги покроют расходы за стол и продукты. Пожалуйста, дай мне знать, если их недостаточно, я обязательно доплачу разницу.

С уважением, Эмили.

Серьезно? Она, должно быть, шутит.

— Что ты хмуришься, парень? — говорит Клайд позади меня.

Я оборачиваюсь и бросаю конверт в его направлении. Он ловит его в воздухе и смотрит внутрь.

— Дерьмо, — фыркает он, снимая свою кепку с надписью Джон Дир, чтобы почесать свою лысую голову. — Оставь ее в покое, Гаррет. Она пытается делать правильные вещи.

Эмили — хорошая девочка.

— Угу, — фыркаю я.

— Хочешь, чтобы я пошел купить кофе и оставил ей шесть сотен чаевых?

Я фыркнул, думая, что это неплохая идея. Но, зная Эмили, она отдаст чаевые Джордану мне назло. Это не та игра, в которую я готов играть. Я сказал ей не бесить меня. Сейчас я в ярости.

— Успокойся, — говорит Клайд, бросая тень на стол для заказов. — Дерьмо.

Я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, на что он там смотрит.

Сара.

Дерьмо.

Джордан останавливается перед магазином и паркует свой красный корвет LT 1 1970 года, вероятно, чтобы выгрузить кое-что. Это единственная причина, по которой он может останавливаться там. Он выпрыгивает из своей машины и кричит на Сару. Клайд и я подходим к двери и приоткрываем ее, чтобы услышать, о чем они говорят, прячась как маленькие дети.

— Сделаешь это снова, и я расскажу всему долбаному городу о тебе и твоём дерьме. Оставь ее в покое, — рычит Джордан.

— Отдыхай, Джордан. Я не боюсь тебя. Что у тебя может быть на меня?

Взгляд Джордана пригвозждает ее к месту, говоря ей тем самым все, что мне нужно знать. Ей тоже, судя по ее реакции.

— Ты ничего не знаешь, — рычит она, оборачивая руки вокруг своей груди в защитном жесте.

— Я знаю каждую гребаную вещь. Оставь Эмили в покое и можешь держать свое дерьмо при себе. Если еще раз с ней заговоришь, то я выложу все. Я сыт тобой по горло. Думаешь, твое дерьмо не воняет? Позволь сказать тебе кое-что, от тебя несет как от проклятой канализации. Радуйся, что Шарпа не было достаточно долго в городе, и он не знает, с кем связался. Продолжай в том же духе, и он будет первым в моем списке, кому я расскажу о твоих грешках.

Он отталкивается от машины и сокращает между ними расстояние. Я не могу слышать, о чем они говорят, но чтобы там не было, Сара спешно направляется к своему магазину. Джордан смотрит ей в след, пока она не скрывается за дверями, затем он садится в машину и направляется к парковке. Он остановился специально, чтобы разобраться с ней.

— Мне всегда нравился этот парень, — говорит Клайд, когда мы возвращаемся в магазин.

— Ты знаешь о его старике? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, насколько я был не в

курсе происходящего.

— А ты нет?

Я качаю головой.

— Будучи в тюрьме ты пропустил много всего. Девлин просветил тебя?

Я киваю. Я должен был сказать Клайду о Девлине и Дженне, когда Сара вернулась сюда вчера. Он понял, почему я согласился сделать одолжение Девлину, и хотел как следует надрать мне задницу, когда узнал, что в разгар ссоры я позвал Сару, чтобы таким образом обезопасить Эмили. Если честно, я сам себе захотел надрать задницу.

— Он будет защищать Эмили. Это уж точно, — говорит он, кивком указывая на ее магазин.

Джордан только что прошел в магазин и заключил Эмили в свои объятия. Её лицо озаряет радость, и он смеётся. Они любят друг друга. Это ясно и понятно по тому, как они общаются. Как они смотрят друг на друга. А я в это время краду немного их тепла, пока наблюдаю за ними.

Когда Эмили делает движение, чтобы отойти от Джордана, он хватается за её плечо и перебрасывает её через плечо. Я могу вообразить, как она пищит, пока он несёт её на кухню. Ещё больше тепла для меня.

Мой пристальный взгляд опускается к конверту, и теплота рассеивается. Я не могу поверить, что она сделала это. Я не могу пойти туда и предъявить ей это, пока там Джордан. Он защищает ее, и я не хочу иметь с ним проблем. Я так же не хочу, чтобы у нас с ней были проблемы или недопонимание.

Я достаю купюры, что лежат в конверте, убирая их в свой задний карман. Я найду способ вернуть их ей, не противостоя ей. Я должен помнить, что она не моя. Я должен взять её хитростью. В этом я хорош.

У меня больше не было времени, чтобы наблюдать за Эмили этим утром, таким образом, мой день тянется неспешно. Я заканчиваю два проекта и быстро обедаю с Клайдом, прежде чем начать делать стол и стулья. Дженна приходит к Эмили после девяти и уходит в одиннадцать, и возвращается обратно около часа. Но из того, что я вижу, маловероятно, что они друзья.

Но, возможно, мне только так кажется. Эмили относится к такому роду девушек, которые дружат со всеми, с момента, как только встречают их. Это можно заметить в выражениях лиц клиентов, которых она приветствует. Когда она задает обычные, не представляющие важности вопросы, такие как: “Как дела?” или “Как Ваш день?”, это не просто среднестатистическая вежливость. Эмили на самом деле хочет знать ответы на эти вопросы.

Иногда очередь становится огромной у ее прилавка, потому что она говорит с клиентами. Никто не жалуется. Никто не нервничает и не пытается поторопить ее. Если Вы идете в «Кофе & Пирог Эмили», это обозначает, что вы больше заинтересованы в ней, чем в ее магазине.

Мой сотовый звонит, отвлекая меня от милого выражения лица Эмили, когда она смотрит на молодую пару, что переплетает свои пальцы. И она будто чувствует тоже самое вместе с ними, Эмили делает глубокий вдох и улыбается Дженне, прежде чем развернуться и уйти на кухню.

— Девлин, — коротко говорю я.

Он знает, что я не отвечаю на телефонные звонки, я звоню сам, когда необходимо. Ему

следовало бы написать мне.

— Как ты узнал, что это я? — спрашивает он, смеясь хриплым голосом.

Я не отвечаю. Просто жду, когда он перейдет к сути вопроса.

— Моя женщина рассказала мне, что вчера надрала задницу одной стерве. Ты видел что произошло?

— Ага.

— Она рассказала мне все?

Я фыркаю. Я не знаю, что Дженна рассказала ему.

— Дженна может сама за себя постоять. Она может и худенькая, но она тот еще бесенок, веришь ты или нет. Просто я не хочу, чтобы ее обвинили в нападении.

— С этим уже разобрались, — коротко говорю я.

— Она сказала тоже самое.

Я снова фыркаю. Не знаю, зачем он звонит мне, если уже все знает.

— Она в порядке сегодня? — спрашивает он с беспокойством в голосе. Я никогда не слышал таких слов от грубого байкера. Эта девушка крепко взяла его за яйца и затронула сердце.

— Да.

— Ты сейчас наблюдаешь за ней?

— Ага.

— В чем она одета? — спрашивает он невозмутимым голосом.

— Ни в чем.

Он усмехается, прежде чем говорит мне:

— Для кого-то, кто не разговаривает, ты довольно-таки забавный чувак.

Я не отвечаю.

— Ты знаешь что-нибудь о цыпочке из кофейного магазина?

— Немного.

— По словам Дженны, у Эмили появился свой сталкер.

Моё тело каменеет с ног до головы. Одно упоминание о нем заставляет меня прийти в ярость.

— Потратил около трех минут на разговор со своей женщиной, и теперь я, бл*ть, в бешенстве. Дженна волнуется, так что я действительно чертовски зол. И, видимо, этот ублюдок живет в вашем городе и часто приходит, так что сейчас я разъярен. Дженна под угрозой из-за ее новой подруги Эмили. Это хорошо для моей женщины, заводить друзей, поэтому я не могу ей сказать прекратить делать это. У тебя есть для меня еще какая-нибудь информация?

— Нет, — лгу я. Не хочу, чтобы он и клуб участвовали в этом. Я разберусь с Адамом если нужно.

— Он тебе тоже угрожал? — спрашивает он. По правде говоря, Адам не решится прийти ко мне в магазин, чтобы напасть или угрожать. Он даже не приходит в магазин к Эмили. Скорее всего, ждет, пока она будет одна, потому что боится Джордана, что уж говорить о визите ко мне. Я видел сегодня, как Джордан бросал злые взгляды в сторону Сары. Я знал его только с хорошей стороны, как спокойного, беззаботного друга. Сегодня я увидел его темную сторону, которая мне напомнила о моей темной стороне, которую я вижу каждое утро в зеркале.

— Нет, — рычу я.

— Значит, у тебя для меня ничего нет? — спрашивает он, пытаясь выяснить мою точку зрения. — Так ты трахаешь крошку из кофейного магазинчика?

— Нет.

Он молчит.

— Если что-то произойдет с Дженной, то я вмешаюсь, — твердо говорит он.

— Ничего не случится.

Он замолкает, прежде чем сменить тему.

— Ты готовишься к осеннему фестивалю?

— Ага.

— Я вернусь в день осеннего фестиваля. Надеюсь, у меня получится, и я немного приструню свою женщину. Она становится злою, когда ее мужчины нет рядом, — говорит он сквозь смех.

Я не хочу говорить о душевно-эмоциональном состоянии его женщины.

— Мне пора идти.

— Я буду на связи. Хорошего наблюдения.

— Ага.

Я вешаю трубку, прекращая разговор.

Ненавижу телефоны, презираю текстовые общения с тех пор, как вышел. Вы много теряете, когда находитесь за решеткой. И технический прогресс в начале списка того, что вы можете упустить.

Я просто не фанат общения. Люди все время говорят ни о чем. Хуже всего, когда они используют общение для манипуляции и контроля над кем-то, как например Сара. Но это дерьмо больше на меня не подействует. Никогда.

Эмили другая. Она рвет и мечет, когда я вывожу ее из себя. Но когда она разговаривает, ее слова всегда наполнены смыслом. В первый день, когда она вошла в мой магазин, я много чего узнал у нее из простого разговора.

Она обладает острой интуицией. Эмили знала, что Адам изменяет ей без всяких доказательств. Она доверяла своей интуиции, значит она умный человек. Я узнал, что она не часто грубо выражается, чтобы найти подходящие слова. Я так же знаю, что доброта для нее это не просто внешний фасад, она вряд ли сможет на кого-то накричать, даже если этот человек заслуживает того, чтобы на него накричали. В ней загорается яркое пламя недовольства, когда она злится. Но оно быстро сходит на нет, потому что Эмили по-настоящему добрый человек. Когда она кому-то угрожает или с жаром отвечает во время ссоры, то это больше показная бравада, нежели правда.

Видите, я многое понял про нее, когда она бушевала при мне. Ее слова имеют огромное значение.

Вчера она пряталась от меня.

Я никак не могу определиться, что именно в ней меня так забавляет. Я заметил ее у кассы еще до того, как она увидела меня. Но когда Эмили увидела меня, то быстро присела на корточки и начала выглядывать, наблюдая за мной из-за газетного стенда, словно маленькая пятилетняя девочка. А когда я появился перед ней, она запаниковала. Ее ложь, когда она объясняла, что делает, разозлила меня. Я практически рассмеялся ей в лицо, когда она начала лепетать оправдания. Но, к сожалению, я был слишком зол, чтобы позволить себе отреагировать с юмором на происходящее.

И затем она заговорила вновь, и я слушал ее. И слушал. Как она ненавидит есть в

одиночестве. И мне было так обидно за нее. Эмили много отдает людям, но это не должно быть впустую, она должна получать в ответ равноценное отношение. Я ем один, потому что хочу своего одиночества после тюрьмы. Но я был бы рад разделить с Эмили ужин. Это было бы намного веселей.

Самое важное, что я узнал об Эмили, что она хочет сделать все правильно. Я восхищаюсь ее преданностью, но она слишком серьезно все воспринимает. Она сказала, что хочет позвонить Адаму. Зачем ей звонить ему? Он должен быть последним человеком в ее списке, с кем она должна хотеть поговорить.

Ей также не понравилось, что я заплатил за нее. С ее точки зрения, это был неправильный поступок. Но когда она подумала, что ее ссора со мной расстраивает меня, то замолчала. Опять же, она старалась сделать все правильно. Затем появилась Сара, когда я прижимал идеальное тело Эмили к своему. Затем Эмили вновь попыталась сделать все правильно, когда сказала что вернет мне деньги.

Так же она не получила судебный запрет на Адама, потому что посчитала, что ситуация не требует того. Но, пытаясь сделать все правильно, действовать так, как ей подсказывает сердце, она может навлечь на себя неприятности. Я не готов позволить этому произойти, я буду защищать Эмили, пока Адам не отвалит от нее. А он обязательно сделает это, так или иначе, но сделает.

Глава 7

Эмили

Тридцать семь раз. Сегодня вечером он звонил тридцать семь раз.

Мне пришлось отключить телефон, несмотря на то, что мне должен был позвонить папа, потому что слишком мешали звонки. Домашний телефон был отключён после первого звонка. Я больше не дам ему шанс. Но я не могу полагаться на выключенный телефон, потому что если произойдет что-то, он мне понадобится. Так что я включаю беззвучный режим на сотовом телефоне, пока ожидаю звонка от моего папы.

Если бы мой отец знал, что творит Адам... боюсь представить, что бы он сделал. Это было бы ужасно. Джеральд Гарнер не тот человек, с которым может это пройти без последствий. Он терпеть не может дураков. Вот что он сказал мальчишкам, с которыми я встречалась в средней школе. И обычно он держал в руке винтовку, говоря это. За это я еще больше люблю своего отца.

Адам оставил сообщение. Что-то новенькое. Обычно он названивал, снова и снова. Не стоило прослушивать его, но я послушала.

— Эм, — его обычно решительный голос надламывается. — Пожалуйста. Я знаю, что веду себя как сумасшедший, но я схожу с ума без тебя. Я не могу жить без тебя. Я не могу, Эм. Как мне быть без тебя? Пожалуйста. Пожалуйста.

Сообщение заканчивается, и у меня перехватывает дыхание. Я никогда не слышала, чтобы Адам так говорил. Он всегда был уверен в своей правоте. Человек, который говорил сейчас, был сломлен, разбит.

Обжигающие слёзы текут по моим щекам. Я не могу ему помочь. Я не сделала ничего плохого, бросив Адама. Я поступила правильно. Но к чёрту этот правильный выбор, потому что сейчас он кажется не таким уж и правильным.

Я нажимаю кнопку вызова и жду ответа.

— Эм?

— Ты мне нужен, — всхлипываю я в трубку.

— Уже еду.

Он бросает трубку, прежде чем я успеваю сказать что-то ещё. Я продолжаю плакать, закутываясь в шерстяной плед. Я ложусь на диван и по-детски вытираю хлюпающий нос рукавом. Сейчас я чувствую себя маленьким ребёнком. Эта мысль заставляет меня вспомнить маму, и я плачу ещё сильнее. Я рыдаю так громко, что не слышу, как он заходит в дом.

Сильные руки поднимают меня из позы эмбриона и укладывают на твёрдые колени. Я прижимаюсь к его шее и плачу ещё сильнее, когда запах его кожи и табака успокаивает меня. Мой лучший в мире друг.

— Эм, успокойся. Это начинает пугать, — спокойно говорит Джордан, убирая волосы с моего лица и заглядывая мне в глаза.

Его широко раскрытые голубые глаза смотрят с беспокойством и гневом. Он сердится не на меня, а на то, что я расстраиваюсь. Его светлые кудряшки торчат в разные стороны. Я опускаю глаза и вижу, что у него под кожаной курткой одета только пижамная футболка. Он выбежал прямо так из дома, чтобы прийти мне на помощь.

Я снова начинаю всхлипывать.

Он целует меня в лоб, стирает слёзы с моих щёк, шепча:

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, дорогая. Я хочу знать, что случилось. Он обидел тебя? Ты должна сказать мне, Эм.

— Я... сломала... я сломала... его, — выдыхаю я, изо всех сил пытаюсь восстановить дыхание.

Его брови ползут вверх, как бы спрашивая, что это значит. Я беру телефон со столика и включаю сообщение. Челюсти Джордана сжимаются. Его рука почти расплющивает мой телефон. Его взгляд заволакивает гнев, когда он заканчивает слушать и швыряет телефон на диван.

Джордан сжимает моё лицо в руках и твёрдо говорит:

— Ты не сломала этого ублюдка. Он вздумал проникнуть в твоё сердце. Не дай ему это сделать, Эм. Не дай ему сделать это снова. Ты правильно сделала, послав его в задницу. Ты всё сделала правильно. Ты — золото, а он обращался с тобой как с фольгой. До него, наконец, дошло, что он потерял лучшее, что было у него в жизни. И Адам испугался. И он будет просто в ужасе от того, что я с ним сделаю.

— Не нужно, — выдавливаю я. — Я не хочу. Ты знаешь, что он выдвинет обвинения. Я не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня. Оно того не стоит.

— Ты этого стоишь, — с жаром говорит он, притягивая моё лицо к своей шее и сильнее прижимая меня к груди.

Я расслабляюсь у его тела и пытаюсь успокоиться. В первую очередь я сосредотачиваюсь на дыхании. После того, как у меня это выходит, я стараюсь перестать дрожать. Это занимает много времени, а Джордан просто тихо гладит меня по спине. Он не уйдёт. И будет обнимать меня всю ночь, если понадобится. Уже не в первый раз.

— Я часто скучаю по маме ночами, — бормочу я у его шеи.

— Я тоже скучаю по моему старику, дорогая, — говорит он надломившимся голосом.

— Джордан...

— Не надо, Эм. Просто не надо, окей?

— Хорошо.

Я расстраиваю его и вызываю желание защищать меня.

— Я люблю тебя, — говорю я, присаживаясь и заглядывая в его глаза.

— Я тоже тебя люблю, Эм.

Ярость исчезает из его глаз, и я прижимаюсь губами к его щеке. Джордан поднимает меня на руки и относит в кровать. Он кладёт меня на покрывало, поворачивается к комоду и кидает мне одну из моих спальных футболок (футболку Адама), и выходит из комнаты. Я слышу, как он выключает свет и запирает дверь, когда я стаскиваю с себя одежду и натягиваю огромную футболку.

Джордан возвращается в комнату в одних только пижамных штанах. Если бы я не относилась к Джордану как к члену семьи, это было бы неуместно. Под его загорелой кожей перекачиваются мышцы, он потрясающий. Я ценю внешность, но здесь она для меня ничего не значит. Он больше, чем просто привлекательный парень для меня. Женщине, которая его заполучит, чертовски повезёт.

Он выключает свет и ложится со мной. Джордан сжимает меня в объятиях и снова прижимает к своей груди, поглаживая мою спину.

Приятная тишина позволяет эмоциональному истощению овладеть мной.

— Если он причинит тебе боль, я убью его. Я хочу, чтобы ты знала это, Эм. Если это случится, ты не будешь чувствовать за собой никакой вины. Это мой выбор. Но если он, хоть что-нибудь тебе сделает, я убью его, — серьёзно заявляет Джордан.

Я поднимаю голову и вглядываюсь в его лицо, насколько это возможно в темноте. Он не напряжён или взбешён. Он выглядит спокойно, отрешённо.

— Я не могу потерять тебя, — шепчу я.

Я не знаю, что ещё сказать.

— Этого никогда не произойдет.

Он притягивает меня к себе, выдыхая. Как ни странно, меня не пугают его слова. Его слова успокаивают меня. Такие слова мог бы сказать мой отец. Такими словами своего мужа гордилась бы моя мать. Эти слова утешают меня, когда я засыпаю на груди моего лучшего друга.

— Проснись и пой, соня, — бормочет Джордан мне на ухо.

Я со стоном потягиваюсь, прежде чем снова вытянуться и свернуться у него на груди. Он гладит мою спину, и меня снова уносят волны спокойного сна. Я могла бы оставаться в кровати весь день и просто чувствовать себя защищенной и умиротворенной рядом с Джорданом. Я не могу, но было бы очень приятно дать себе такой отдых.

— Сегодня у тебя выходной, — сообщает мне Джордан. — Я попросил Беверли с Арлин подменить нас, и они с радостью согласились, так что вставай, испеки что нужно, возвращайся и лежи весь день в кровати.

Не могу передать словами, как я его люблю.

— Хорошо, — со вздохом отвечаю я.

Он целует меня в макушку, и мы встаем. Мы не прилагаем особых усилий — ведь в четыре утра нас всё равно никто не увидит. Классная новость, что мне не нужно сегодня работать в магазине. Моё лицо опухло и покраснело от слёз, глаза выглядят так, будто у меня адское похмелье.

С липкими от пота и спутавшимися волосами я выхожу из ванной. Джордан снаружи, курит, когда я вхожу в гостиную. Он по-прежнему в пижамных штанах, но я вижу под его кожаной курткой рубашку.

— Готова? — спрашивает он, потушив сигарету о подошву ботинка.

— Ага. Где ты взял рубашку?

— Нашёл в сумке на заднем сидении. Пахнет она не очень приятно, так что лучше близко не подходи, — ухмыляясь, предупреждает он. — Давай поедем на байке.

— Окееей.

Я открываю шкаф и беру мою кожаную куртку. Джордан помогает мне надеть её и ждёт, пока я надену кожаные перчатки. Я иду за ним к байку, и он регулирует мой шлем, прежде чем надеть его на меня. У него всегда есть с собой шлем. Не знаю, постоянно ли он его носит или просто знает, когда стоит его захватить. Но шлем всегда есть, когда нужен мне. Так же, как Джордан.

Джордан садится на байк, и я устраиваюсь позади него, положив голову ему на плечо. Мотоцикл оживает с ревом, я обхватываю руками рёбра Джордана. Я наслаждаюсь этим моментом здесь, с ним. Я чувствую ветер, бьющий мне в лицо, восхищаясь как бескрылая птица, наконец, познавшая прелесть неба.

Мы оказываемся за магазинчиком в считанные секунды, а с выпечкой справляемся ещё быстрее. Обычно я пеку одна, так что с Джорданом всё получается гораздо проще и быстрее. Мы заканчиваем ещё до прихода Арлин с Беверли. Джордан расставляет все на витрине, пока я готовлю меню. Когда мы заканчиваем, то закрываем дверь и уходим. У Беверли и Арлин есть ключи, и к тому же они знают, что и как делать. Я смотрю назад, ни о чём не беспокоясь.

Опираясь на Джордана, смотрю на тёплый оранжевый свет над горизонтом. Глубоко вдыхая воздух, я успокаиваюсь. Джордан сжимает мои руки, прежде чем давит на газ, и мы мчимся к холмам. Он даёт мне шанс полюбоваться красивым пейзажем, он знает, как это важно для меня.

Катаемся мы не долго. Сегодня не так холодно, как вчера, но всё же прохладно, и я начинаю дрожать, когда мы сворачиваем на дорогу, ведущую к моему дому. Утром я специально приготовила нам кое-что вкусненькое, чтобы было чем перекусить. Джордан достаёт это из сумки, когда я направляюсь к дому.

Он следует за мной, одновременно стягивая с себя свою вонючую рубашку и мотоциклетные ботинки. Я собираюсь бросить его рубашку в стирку, но он качает головой.

— Сегодня ты не стираешь. Сегодня ты лежишь в постели, смотришь фильмы и ешь. И всё.

— Это круто, — с улыбкой отвечаю я.

Он затаскивает меня в комнату, и мы занимаемся именно тем, что запланировал Джордан. Мы остаёмся в кровати, вылезая только для того, чтобы взять еду. Я немного поспала. Джордан тоже. Мы говорим и молчим. Я плачу, и он успокаивает меня. Я говорю с Дженной, рассказывая ей о произошедшем, и она начинает злиться. Клянётся, что вышибет Адаму мозги, когда увидит. Мы смеёмся, а потом она возвращается к своим парам.

После полудня, ближе к вечеру, мы с Джорданом перекусываем едой быстрой доставки, поставив коробку на середину кровати. Мы оба смеёмся, совсем не спорим. Сегодня не будет споров.

Когда начинаются титры после “SuperПерцы”, Джордан садится и поднимает меня с подушек, я сворачиваюсь и обхватываю себя руками. Мы сидим, скрестив ноги, лицом друг к другу. Лицо Джордана серьёзное, и я замечаю проблеск гнева в его глазах, когда он начинает говорить.

— Надо что-то делать, — тихо говорит он, взяв мою ладонь в свои. — Я так больше не

могу.

— Чем я могу тебе помочь?

— Позволь мне разобраться с ним.

— Не могу, Джордан. Знаешь, что не могу.

— Только сейчас я не прошу у тебя разрешения. Я сообщаю тебе, что я разберусь с ним.

Прошло уже почти три месяца, а он всё ещё вьётся вокруг. Я знаю, что ты не рассказывала мне всего, и знаю, насколько это дерьмовый случай. Он будет обижать тебя, Эмили. Ты думаешь, что он не станет, но, он станет. Он будет расстраивать тебя.

— Что ты собираешься делать? — покорно спрашиваю я. Джордан вбил себе это в голову, и я не могу изменить его решения. Но, может быть, я смогу уменьшить его гнев.

— Избивать его, пока он не забудет, кто ты такая, — серьёзно отвечает он.

Я встаю на колени и придвигаюсь к Джордану, взяв в ладони его красивое лицо. Тогда краски вдруг сбегают с моих щёк и каждый волосок на теле поднимается. Кто-то наблюдает.

— Эм? — спрашивает Джордан с беспокойством.

Мой взгляд устремляется к окну, дыхание учащается.

— За нами кто-то наблюдает, — шепчу я, еле шевеля губами.

Джордан соскакивает с кровати и подхватывает меня. Он рывком открывает тумбочку и достаёт пистолет. Джордан не сказал, что это он, но я знала. Мой друг отодвигает раздвижную дверь шкафа и рычит на меня, чтобы я спряталась там.

Я не спорю.

Я забиваюсь в самый дальний угол и задерживаю дыхание. Я дрожу всем телом, задевая одежду над собой. Я стараюсь выяснить, что происходит, пока сижу здесь.

Я никогда раньше не чувствовала, как кто-то за мной наблюдает. Адам показывался здесь множество раз за последние месяцы и каждый раз стучал. Он не тот человек, который скроется в темноте и станет следить через окна. Я даже не думаю, что он решится подойти ко мне, когда поблизости Джордан. Адам видел его байк.

Моё дыхание успокаивается, когда я понимаю кое-что. Я чувствовала это раньше... вчера, в продуктовом магазине. Я серьёзно сомневаюсь, что Гаррет любит подглядывать. Нет, я не сомневаюсь, я знаю, что это не так. Гаррет Шарп не имеет ни единого основания подглядывать через окна. У него есть девушка, и без вариантов.

Хотя я знаю, что кто-то наблюдает за мной. Если это не Адам и, конечно же, не Гаррет, то тогда кто же это? Я снова начинаю паниковать, когда Джордан объявляет, что всё чисто. Я не могу сдвинуться с места. Я ещё больше напугала саму себя, пытаюсь осознать это.

Дверь шкафа отъезжает в сторону, и крупная фигура Джордана пробирается ко мне сквозь мою одежду.

— Выходи, дорогая, — тихо просит он меня, протягивая руку.

Я кладу свои ледяные пальцы в его ладонь, и он вытаскивает меня из моего укрытия. Джордан сажает меня, дрожащую с головы до ног, к себе на колени, и вдруг начинает смеяться.

Я сажусь и свирепо смотрю на него.

— Это был енот, Эм. Я чуть не съёл ему башку, — задыхается он от смеха.

Я позволяю облегчению накрыть меня с головой, а потом падаю прямо на него и начинаю смеяться вместе со своим лучшим другом и защитником. Я вытираю слёзы с щёк, когда вылезая из-под Джордана и пытаюсь поднять его с пола. Он тащит меня вниз, щекоча так, что я чуть ли не рыдаю.

Когда мы оба, наконец, садимся, то решаем посмотреть другой фильм. Я думаю, нам обоим было стыдно из-за енота. Я чувствую себя полной идиоткой, но всё же испытываю облегчение. Я прижимаюсь к Джордану, когда он ставит: “Ананасовый экспресс: сижу, курю” (прим. «Ананасовый экспресс: Сижу, курю» (англ. Pineapple Express) — американская комедия 2008 года. Режиссер Сет Роган).

Сегодня у нас марафон по просмотру фильмов Сета Рогана, смех так же является частью выходного дня. Я снова расслабляюсь в руках Джордана, чувствуя себя счастливой и цельной, ощущая щекой его глубокий заразительный смех.

С ним мне становится лучше. С ним мне всегда становится лучше. Похоже, ему тоже лучше сегодня. Как будто бы это для него было важнейшей вещью на свете быть сегодня здесь со мной, а не для меня — быть с ним. Мы делаем это друг для друга. Это называется любовь. Не кружки любви, но, тем не менее, любовь.

— Я вот думаю, что должен переехать к тебе! — вопит Джордан из кухни.

— А я думаю, ты становишься слишком опекающим!

Мы уже вот так кричим друг на друга где-то двадцать минут. Утром мы встали, и я съездила в магазин, пока Джордан помчался домой принять души захватить свежую одежду, и сейчас он здесь, ругается со мной.

— Почему? Назови мне хоть одну стоящую причину, — огрызается Джордан, со стуком толкая раскрытую створку двери.

— У тебя своя жизнь. Я не позволю Адаму указывать, как жить мне или тебе, — не остаюсь в долгу я.

Он опускает подбородок к груди и глубоко дышит, прежде чем подхватывает меня.

— Иногда я это забываю, — бормочет он мне в волосы, прижав меня к груди.

— Что? — с трудом выдыхаю я.

Он немного ослабляет хватку и отвечает:

— Что ты всегда поступаешь правильно. Почему ты не можешь быть беспомощной и нервной, как другие женщины? А то кто-нибудь будет в шоке и попросит меня переехать.

— Адам сломлен, Джордан. Он страдает. Я знаю, он сам виноват, но я тоже приложила к этому руку. Не надо снова кричать. Те отношения разрушили нас. Я тоже послужила причиной их гибели.

— Однажды ты сделаешь какого-нибудь чувака самым счастливым кретином на земле, Эм, — с гордостью говорит он, опуская меня обратно.

Я посылаю ему улыбку, думая, что когда-нибудь он так же осчастливит какую-нибудь женщину. Он целует меня в лоб и уходит обратно в кухню. Сейчас он вышел покурить.

Такой разговор происходит у нас каждые несколько месяцев, с того момента, как мы встретились. Джордан хочет присматривать за мной, а я решила, что могу и сама о себе позаботиться. Если бы я и в самом деле думала, что Джордан нужен мне здесь, дома, я бы, не колеблясь ни минуты, позволила ему жить со мной.

Джордан начал просить меня о том, чтобы мы съехались примерно через месяц после нашего знакомства. Я рассказала ему о своих кошмарах, что просыпалась, крича и обливаясь потом. Я была уверена, что они о моей маме, но не могла вспомнить ни одного сна, когда просыпалась с щеками, мокрыми от слёз. Джордан потребовал, чтобы я позволила ему переехать ко мне. Я отказалась, сказав, чтоб должна сама с ними справиться.

Но если честно, в то время я не хотела зависеть от него. Я так зависела от моей мамы, и вот её нет. Я не вынесла бы это снова. Я хотела удержать Джордана на расстоянии

вытянутой руки так долго, как только смогла бы, хотя мы были знакомы только несколько недель. Я не старалась сильно задумываться над этим. Я нуждалась в нём. Иногда я думаю, что это моя мама прислала его ко мне, чтобы присматривать за мной... чтобы снова заставить меня смеяться.

Джордан использует любую возможность, чтобы потребовать съехаться со мной. Я всегда отказываю. За все прошедшие пять лет, это никогда не было настолько серьёзным, как сейчас. И он не делает это просто, чтобы возиться со мной. Он боится за меня.

Я страдаю от того, что Адам вносит в мою жизнь хаос. Он всё ещё имеет власть над мной, и настало время это прекратить. Я собираюсь ещё раз позвонить ему или увидеться с ним на осеннем фестивале. Пора покончить с этим раз и навсегда, тогда я смогу вернуться к моей счастливой, веселой жизни. Я это заслужила.

Адам задолжал мне это.

Глава 8

Гаррет

Она знала, что я наблюдал за ней. Эмили не слышала и не видела меня, но все же чувствовала, что я стоял около окна ее спальни.

Это было глупо, но я должен был увидеть ее своими глазами. Я должен был знать, что она в порядке. В итоге я напугал ее. Эгоистичный мудака.

Копаящийся в мусоре енот стал хорошим прикрытием. Я был рад, когда Джордан достал свой M1911 из кармана со своим обычным спокойным выражением лица. Я быстро ретировался, наблюдая, как парень ходит вокруг дома словно профи-телохранитель. Нет сомнений, если бы он поймал меня, то наспиговал бы мою голову пулями.

Я собирался вернуться к своей машине, когда услышал визг Эмили. Это заставило меня помчаться обратно к ее окну, чтобы посмотреть, в чем дело, я увидел на ней Джордана, который нещадно её щекотал. Улыбка на ее лице выглядела почти болезненной, когда она слабо отбивалась. Я снова украл тепло этого момента, чтобы прожить весь день без нее. Я делаю так каждое воскресенье, потому что занят с понедельника по субботу в своем магазине, лишь, когда наступает воскресенье, я вновь могу украсть ту частичку тепла и света, от которой я стал настолько зависим.

Я почувствовал неладное, когда в магазине Эмили было темно перед открытием. И понял, что что-то пошло неправильно, когда Арлин и Беверли открыли магазин. И уже знал, что что-то случилось, когда Дженна выбежала из магазина с телефоном, приложенным к уху. Эмили нигде не было видно.

Клайд направился в магазин, чтобы узнать, что произошло. История, которую ему рассказали, была враньем. Эмили и Джордан взяли отгул.

Чушь.

Полный бред.

Но я доработал до конца рабочего дня. Доработал, зная, что Эмили с Джорданом. А это означало, что она в безопасности. Мне все еще было необходимо увидеть ее. Что я и сделал. Мне нужно ее тепло. Я направился домой и выпил упаковку пива. Потом, проснувшись в три утра, пошел в свой магазин. Я не включал свет и не брал в руки инструменты, просто сидел в темноте, наблюдая за магазином Эмили. Если она не придет сегодня, я собираюсь выяснить, что случилось. Я пойду к ней домой, постучу в дверь, как нормальный человек, и узнаю правду.

Я знаю, что это из-за Адама. Он не причинил ей вреда, потому что в противном случае

Джордан был бы уже задержан шерифом. И у меня нет сомнений в том, что Джордан еле сдерживает себя. Я прекрасно понимаю, что он чувствует.

Фары ее автомобиля освещают дорогу, когда Эмили подъезжает на стоянку. Мой пульс ускоряется, пока я жду, когда она пройдет мимо меня. Она спокойна и собрана, как и всегда. Эмили не боится и не оглядывается через плечо, когда идет. Она двигается неспешно. Что заставляет меня расслабиться.

Пройдя в магазин, Эмили закрывает замок на двери и скрывается на кухне. Я не могу видеть ее там, но не переживаю, так как знаю, что она в безопасности. Чуть позже я слышу вдалеке Харлей Джордана, и теперь я уверен, что эта девочка в безопасности. Я решаю посидеть еще чуть-чуть в кресле-качалке, которое месяц назад сам смастерил, но не смог выставить на продажу в магазине. Оно стало для меня особенным креслом, которое я использовал специально для наблюдения за Эмили. Сомневаюсь, что когда-нибудь смогу продать его.

Я продолжаю наблюдать, как Эмили выскальзывается из кухни, раскладывая и выставляя выпечку на прилавках. Девушка начинает опускать стулья вниз и вытирать столы, в то время как Джордан просматривает книгу учета. Затем они ругаются, я могу сказать это по эмоциональной оживленности Эмили. Когда она говорит, то размахивает руками. Джордан уходит на кухню, но они все ещё продолжают спорить.

Она замолкает, но затем начинает снова кричать. Это продолжается в течение почти получаса, пока Джордан не выходит из кухни, чтобы снова не начать с ней спорить. Сцена заканчивается быстро, потому что он заключает ее в свои объятия и начинает нежно говорить с ней. Ее тело все еще напряжено, но, не смотря на это, он продолжает успокаивать ее, и вскоре напряженность уходит.

Они часто спорят, но кричат очень редко, и мне как раз удалось увидеть это редкое зрелище. Что бы ни случилось вчера, должно быть, это было очень эмоциональным происшествием. Дальше Эмили делает для себя утренний кофе, а Джордан выходит покурить.

Эмили как обычно садится за свой столик у окна, держа в руках горячую кружку, и пристально вглядывается в долину реки. Крошечная улыбка приподнимает уголки ее пухлых губ, в то время как она продолжает смотреть на туман. Я краду намного больше тепла этого момента, чем обычно. Прежде чем я познакомился с Эмили лично, я просто крал ее тепло, смотря на нее, наблюдая за ней. Теперь же краду все ее тепло, которое только могу забрать. Я становлюсь одержимым. Я начинаю ощущать себя как сталкер с каждым последующим днем. Но мне необходимо это прекратить. Я не могу больше продолжать это. Моя связь с ней опасна для нас обоих.

Я понимаю это, но не могу оторвать от нее глаз.

Не сейчас.

Я слышу, как Клайд подъезжает на парковку с задней части магазина, и поднимаюсь на ноги, таким образом, он не сможет меня застать за подглядыванием. Ему было известно, что я наблюдаю за ней, но не как часто и почему. Я включаю лампы над головой и начинаю шифовать стол, над которым работал недавно.

— Доброе утро, — говорит Клайд.

Я киваю в его сторону, не встречаясь с ним взглядом.

— Я узнал самую потрясающую сплетню. Кажется, Адам звонил Эмили. В деталях точно не уверен, но этот мудака затеял какую-то игру с ней. У Арлин, кажется, есть более

точная информация. Она полагает, что Эмили была слишком расстроена, чтобы работать. Джордан принял решение, что им нужно взять отгул и остаться дома. Этим маленьким придурком пора заняться, — бормочет он, имея в виду Адама.

Я согласен, но не говорю об этом. Я просто продолжаю шлифовать.

Клайд ждет несколько мгновений, прежде чем направиться в магазин. Эмили была слишком расстроена, чтобы работать. До этого я волновался. Теперь я нахожусь в ярости. Она не боялась его или того, что он мог бы сделать. Ей было грустно, и это ужасно. Это значило, что Адам все-таки мог заполучить ее, и ей, в конце концов, придется сделать правильный выбор. Хотя он пытается убедить ее, что она сделала неправильный выбор. Я недооценил этого мелкого слизняка. Но, что хуже всего, я ничего не мог поделать с этим. И я не могу контролировать действия Адама, направленные на то, чтобы вызвать или пробудить ответные чувства в Эмили.

Мне нужно пиво. Сейчас только семь утра, а мне уже нужно пиво. Этот день обещает быть отстойным. Завтра в городе будет праздник Осеннего Фестиваля, и сегодня народ будет стоять на ушах. Клайд и я справляемся со всем, что должны были сделать, так что я могу сосредоточиться на других вещах в магазине. Но так же я мог бы пойти домой и взять выходной, чтобы попытаться собрать все свои мысли воедино.

Я отрываю взгляд от своего занятия и вижу, что у дверей Эмили уже приличная очередь. Ее лицо горит румянцем, поскольку она говорит с клиентами. Я вновь краду немного ее тепла и опускаю голову вниз. Я просто не могу уйти от нее. Я не могу заставить себя отдалиться от этой солнечной девушки.

В течение некоторого времени я увлечен своей работой. Закончив шлифовать, я приступаю к работе над другим креслом-качалкой. Это — не то, что мне заказали или просили, это просто то, что мне хочется делать. Я пилю, вырезаю и придаю форму почти до обеда. Дженна появилась на пороге магазина Эмили пару часов назад, выглядя изможденной и немного бледной. Я отметил это, но не стал сильно заморачиваться по этому поводу. Но чем дольше времени она проводит с Эмили, тем значительно лучше начинает выглядеть. Очередь у Эмили так и не уменьшилась с момента открытия. Я еще никогда не видел Эмили настолько занятой. Я знаю, что сегодня они заняты сверх меры, когда вскоре приходит Арлин, чтобы помочь с посетителями.

Такая работа, наверно, выжимает все силы, но улыбка Эмили ни разу не сходит с ее лица. Она выглядит такой же безмятежной, как и всегда. Она по-прежнему продолжает общаться с клиентами. Остальные же в очереди покорно ждут. Сейчас идеальный момент, когда я мог бы вернуть ей деньги. Она не смогла бы возразить, или начать ругаться, или же взять перерыв, чтобы попытаться убедить меня в нецелесообразности моих действий.

Но я не хочу делать это сегодня. Вчера у нее выдался сложный день, и я не желаю расстраивать ее еще и сегодня. У меня появляется отличный план, как вернуть ей деньги обратно. Отменный план.

Я доедаю сэндвичи и возвращаюсь к работе, пока мой телефон не вибрирует, оповещая о пришедшем текстовом сообщении.

Девлин: Моя женщина не отвечает на звонки. Она в порядке?

Я: Ага.

Девлин: Ты уверен в этом?

Я: Выглядит немного более утомленной, чем обычно.

Девлин: Черт.

Я: Проблемы?

Когда через секунду звонит телефон, и я нажимаю “ответить”, не произнося ни слова.

— Мы немного поругались вчера вечером. У нее есть какой-то профессор, который сказал ей что-то не очень приятное. Я начал настаивать на том, чтобы поговорить с ним. Но Дженне это не понравилось, — объясняет он.

— Ну, она же знает тебя, что еще можно ожидать в таком случае? — спрашиваю я, про себя думая, какого хрена Дженна общается с этим профессором, если это все заставляет ее чувствовать себя некомфортно.

— Конечно, она знает меня. Но она также упряма как черт и никогда не хочет принимать помощь, бл*дь. Ее совершенно не волнует, чем я занимаюсь. Даже дела в клубе ее не беспокоят, как и мое желание оказать ей помощь. Дженна разозлилась, что я пытался вмешаться в ее проблемы. Я попытался объяснить ей, что так бы повел себя любой мужчина, на что она сказала, что, возможно, ей не так уж и нужен мужчина. И с этого началось все дерьмо, — расстроено заключает он.

Я не в том настроении, чтобы давать советы. И не думаю, что когда-либо буду. Какого хрена я должен сказать ему что-то в ответ? Он мужчина, и как мне кажется, он делает правильные вещи. Я не думаю, что мужчина должен контролировать свою женщину, но он должен помогать ей, должен стараться облегчить ей жизнь. Что и пытается делать Девлин.

— Нужно помогать незаметно, — фыркаю я.

— Это то, что ты делаешь? — спрашивает он серьезно.

— Ага

— И когда она узнает, что я действовал у нее за спиной, она засунет мои яйца в мясорубку. Она мне угрожает иногда сделать это.

— Она не сделает этого, — заявляю я.

— Точно. Ты ее видишь сейчас?

Я стараюсь найти ее взглядом в магазине. Но он настолько забит посетителями, что я вижу только ее волосы.

— Не очень

— Ладно, мне нужно идти. Напиши мне позже, когда она будет уходить, не выглядит ли она расстроенной или уставшей.

— До скорого, мужик

— До скорого.

Я возвращаюсь к работе. Сегодня у нас в магазине тоже больше обычного посетителей. Но Клайд держит все под контролем. Мне сегодня не стоит общаться с покупателями. Как и в большинство дней, как мне кажется. Потому как, если вы только рычите и недовольно фыркаете в ответ на просьбы клиентов, это не принесет никакого дохода вашему бизнесу. Иногда я могу взаимодействовать с людьми, стараясь вести себя как нормальный и приветливый человек, но в такие дни как сегодня, лучше не стоит показываться людям на глаза.

Также сегодня я определенно не могу общаться с Сарой, поэтому прячусь, когда вижу, как она проходит мимо витрины магазина. Я почти смеюсь, думая о том, что Эмили пару дней назад проделывала здесь тоже самое. О Господи, я веду себя как девчонка, чтобы только не встречаться с этой стервой. Но ничего, еще один день и мои мучения окончены.

Я могу слышать ее нытье и мольбы Клайду, чтобы он пустил ее в магазин. Но этот мужчина слово скала. Затем Клайд показывает ей прилавок, который сделал для нее, и тут

она взрывается. Если бы я имел привычку смеяться, то сейчас бы уже закатился истерическим смехом. Сара разгневанно кричит, но когда она начинает оскорблять Клайда, на этом вся забавная ситуация заканчивается.

Я отталкиваюсь от стены и направляюсь напрямиком в магазин. Сара перестает отчитывать Клайда, ее палец застывает всего в нескольких миллиметрах от его лица, когда она замечает меня. Взгляд, что я бросаю на нее, заставляет ее задрожать и опустить руку.

— Гаррет... — начинает она извиняться.

— Нет, — я рычу. — Убирайся из этого магазина. Будешь ли ты забирать прилавки с утра или нет, мне насрать. Ты сделала заказ в последнюю минуту, поэтому и получила то, что можно было сделать за такой срок. Ты не можешь орать на него и обвинять в чем-то, потому что именно ты облажалась.

— Я сожалею, — говорит она тихо. Но на самом деле Сара совершенно не сожалеет о том, что посмела сказать Клайду. Но ей определенно жаль, что она вывела меня из себя. А это большая разница.

— Да, конечно. Ты — жалкое подобие женщины. То, что было запланировано на завтра, отменяется. Нет никакого гребаного шанса, что я буду проводить с тобой время, после того, что ты сейчас выкинула.

Сара всхлипывает, но я вижу, что она не собирается легко отступить. Я надеялся сделать это завтра, но не могу пропустить возможность отшить ее сейчас. Она должна быть счастлива и благодарна, что отделалась таким образом, вместо того, что я запланировал для нее. Я даже немного разочарован, что не смог выполнить задуманное.

— Гаррет, это был просто момент слабости. Ему всего-то нужно было мне представить все должным образом, — она пытается объяснить, почему назвала Клайда куском белого дерьма.

Клайд еще не произнес ни слова, даже не пошевелился. Он не обиделся на то, что она сказала. Ему плевать, что кто-то плохо думает о нем. Он беспокоится лишь о том, что я собираюсь сделать.

— Тебе следовало бы подумать о том, чтобы заказать прилавки заранее, а не в последнюю минуту. Все остальное уже не мои проблемы. И твои минутные слабости также не мои проблемы. А то, как ты вела себя несколько последних дней, оскорбляя всех, тоже что-то вроде минутной слабости? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— В смысле? — переспрашивает она, прибывая явно в шоке от того, что я знаю, что именно она говорила.

— Ты — сука, Сара. Не скажу, что я удивлён. Я всегда знал это.

— Что?! — визжит она. — Ты пригласил меня на свидание.

— Я допустил ошибку, — рычу я.

Я достаточно сказал. Не хочу больше говорить об этом. Я кивком указываю ей на дверь, тем самым говоря, что она может проваливаться на все четыре стороны. Сара открывает рот, как будто собирается мне возразить, но я вознаграждаю ее тяжелым взглядом, в котором говорится: «проваливай отсюда, пока я не выпроводил тебя собственноручно».

Она выбегает из магазина.

Наконец-то!

Я смотрю ей вслед, убедившись, что ей не взбредёт повернуть голову в сторону Эмили. Не думаю, что она решится на это, но кто знает, она может захотеть выплеснуть свой гнев на кого-то другого. Сара проходит весь путь до своего магазина, и я выдыхаю с облегчением от

того, что, наконец, я с ней разобрался.

— Хорошая работа, — поздравляет Клайд, похлопывая меня по спине.

— Извини.

— Не твоя вина

— И все же.

— Не твоя вина, парень, — говорит он сурово.

Я киваю и возвращаюсь назад. Магазин Эмили уже закрыт, хотя его закрыли позже обычного минут на тридцать. На ее лице красуется широкая улыбка, от этого на щеках появляются ямочки, когда Дженна тянет ее за руку, чтобы она поднялась со стула. Они вдвоем начинают танцевать, продолжая в тоже время переговариваться. Они обе сияют как фейерверки на четвертое июля.

Приняв скоропалительное, глупое решение, я покидаю свой магазин. Я быстро направляюсь к магазину Эмили и тихонько стучу. Обе девушки перестают танцевать, и на мгновение улыбка Эмили исчезает, но затем она ослепляет меня вновь. Эмили открывает дверь и говорит:

— Привет, Гаррет.

Она немного запыхалась от танцев, что делает ее голос сексуальнее.

— Эмили, — я не уверен, как звучит мой голос, но судя по выражению ее лица, ей нравится. — Полки, — объясняю я, почему нахожусь здесь.

— Ох, точно. Прости. Проходи, — она отходит в сторону и позволяет мне пройти.

— Прекрати, — рычу я, наклоняясь к ней, прежде чем пройти мимо нее.

— Я... — замолкает она, останавливая себя от очередных извинений.

Так я захожу в “Кофе и пирожные Эмили” в первый раз. И позволяю этому месту поглотить меня своей позитивной энергетикой и теплотой.

Здесь пахнет осенью. Сахаром и специями. Но более того, магазин пахнет как Эмили. Есть приторная сладость, которая остается на ее коже. Как будто она моет волосы в сахарной пудре и втирает в кожу сироп. Это не резкий запах, только лишь тонкий намек на легкий аромат. Но он каждый раз чувствуется на ее коже, когда я нахожусь рядом с ней, как сейчас.

Прилавок — длинная доска, мерцающая под мягким светом подвесных светильников. Левая стена выложена кирпичом с несколькими покрашенными темно-зелеными книжными полками, которые прикреплены к стене. Остальная часть стен окрашена в мягкий зеленый цвет с черно-белыми картинами, которые совершенно не сочетаются с рамами. Мебель почти такая же. Ни один из стульев и столов не похож друг на друга, но по форме и по цвету, как ни странно, они сочетаются. Это достаточно забавно. За прилавком на стене располагается школьная доска, на которой написано размашистым почерком Эмили меню на день, а рядом с каждой записью нарисован небольшой рисунок.

Это магазин Эмили.

Мюзикл “Поющие под дождем” замолкает, когда Эмили направляет пультом в сторону прилавка.

— Гаррет, это — Дженна Карсон. Дженна, познакомься с Гарретом Шарпом. Он владеет “Мебельным магазином Шарпа”, — нежно говорит она.

Большие синевато-зеленые глаза Дженны встречаются с моими, когда она протягивает мне руку. Я пожимаю ее руку и киваю, говоря:

— Привет, Дженна.

— Гаррет, — говорит она.

Дженна похожа на модель. Ее лицо уникально и неповторимо, такое лицо можно найти на билбордах на Таймс-сквер. Но все же она не затрагивает своей красотой мое сердце. Я предпочитаю женщину, стоящую слева от меня, которая нервничает по поводу моего присутствия.

Когда я отпускаю руку Дженны, то слышу, как звонит телефон.

— Ты должна ответить, — твёрдо говорит Эмили, — ты не можешь продолжать в том же духе не разговаривать с ним, тем более Кaleb — человек, который не привык, чтобы его игнорировали.

— Это не убьёт его, — пренебрежительно говорит Дженна.

Телефон перестаёт вибрировать, когда Джордан проходит через дверь.

— Шарп, — говорит он, приветствуя меня, но на самом деле он имеет в виду «какого хрена ты здесь делаешь».

— Джордан, — отвечаю я. Я не имею привычки оправдываться, поэтому и не собираюсь делать этого.

Я смотрю вниз на золотисто-зеленые глаза Эмили. И пусть мои глаза говорят за меня.

— Гаррет здесь по поводу полка, — объясняет Эмили.

— А, по поводу места, которое просто так и просится, чтобы его наконец-то чем-то заполнили, верно, Эм? — поддразнивает Джордан.

Щеки Эмили горят, когда она впивается взглядом в своего друга.

— Прекрати, — ворчит она, и он смеётся. — Только не здесь.

Эмили ведет меня к дальней правой стене. Несколько фотографий украшают её, но Эмили права, несколько полка помогли бы этой области помещения выглядеть лучше.

— Я не уверена, что именно хочу. Я просто думаю, что тут должно быть что-то. Ты можешь делать все, что захочешь. Полная свобода действий для твоего воображения, — говорит она, застенчиво улыбаясь.

— Полная свобода действий в твоём пространстве — это что-то новенькое, — дразнит Джордан.

— Я сейчас пну тебя, — угрожает Эмили.

Я не отвечаю, пока достаю свою рулетку. Телефон Дженны начинает снова вибрировать. Я слышу, как она быстро проносится мимо, прежде чем говорит: “Что такое?!”

Не лучший способ ответить на звонок, но я не в том положении, чтобы судить.

— Я не избегаю тебя Кaleb, я занята, — лжёт она.

— Прямо сейчас? Я смотрю на чертовски горячего мужчину, который измеряет расстояние под полки на стене.

Я смотрю через плечо на нее и вижу довольную ухмылку на ее губах. Затем перевожу взгляд на Джордана, и он широко улыбается мне. Я качаю головой и поворачиваюсь назад к стене. Эмили держит руку у рта и тихо смеётся над своей подругой.

— Звучит развратно. Не совсем моё, хотя... — фыркает Дженна.

Она молчит в течение долгого времени после того, как произнесла эти слова. Я полагаю, Девлин говорит ей, что он думает об этом всем, между тем напоминая, кто он... Я заканчиваю измерять и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Дженну, ее глаза широко распахнуты, а рот чуть приоткрыт.

— Я могу позаботиться о себе, — шепчет она.

Могу представить, что он говорит ей, что знает, что она может, но ей не нужно делать

этого больше.

— Хорошо... Я позвоню тебе позже. Горячий парень все еще здесь, так что я должна идти.

Эта женщина играет с огнём.

— Обещания, обещания. А будешь действовать у меня за спиной, берегись мясорубки, Калев.

Она вешает трубку. Он точно отшлепает ее за такое поведение.

— Дженна, — фыркает Эмили рядом со мной.

— Что? — спрашивает та, изображая невинность. — Гаррет горяч. Он знает, что это так. Пусть Калев немного понервничает. Ему пойдет на пользу.

— Черт, он отшлепает твою задницу за это, — говорит Джордан.

— Именно, — говорит Эмили, выглядя немного ошеломленной.

— Да ладно, — Дженна машет рукой на Джордана, но я вижу немного беспокойства в ее глазах, когда она улыбается. Она не хочет, чтобы Девлин злился. Но хочет наказать его.

Мой телефон жужжит в кармане. Я вытаскиваю его, уже зная, что там найду.

Девлин: Лучше бы тебе быть тем горячим придурком, который в комнате вместе с ней.

Я: Это я и есть.

Девлин: Отшлепаю ее, когда доберусь домой.

Я бы ухмыльнулся, но не могу. Я не привык улыбаться. Хотя это очень смешная ситуация. Убирая телефон обратно в карман, я решаю, что уйду, не разговаривая с Эмили. Не хочу разговаривать с ней в присутствии ее друзей. Я хочу побыть с ней, чтобы убедиться, что она в порядке.

— Я пойду. Но мы все еще планируем погулять сегодня вечером. Я знаю, что у тебя вчера был хреновый день, так что можно отменить, если хочешь, — говорит Дженна Эмили.

— Я в порядке. Думаю, что мы повеселимся, — отвечает Эмили. Это хороший знак, что она в порядке.

— Какие у тебя планы на вечер? — спрашивает меня Дженна.

— Никаких, — говорю я так вежливо, как могу.

— Хочешь сходить в кафе “У Руби” с нами? Джордан тоже пойдет, так что ты не будешь третьим лишним.

Я смотрю на Джордана, и он закатывает глаза. Не думаю, что он хочет идти в единственный бар с танцполом в городе. Я знаю, что я точно не хочу этого.

— Я уверена, что Сара не захочет присоединиться к нам, — Эмили говорит за меня.

— Она не решает, что мне делать, — резко вклиниваюсь я.

Боль пересекает ее лицо от моих слов. Это смущает меня, пока я не вспоминаю, она думает, что я с Сарой. Эмили, наверное, думает, что Адам говорил так о ней, когда они были вместе. Ясно, я прямо сейчас чувствую себя дерьмом.

— Я не встречаюсь с ней.

— Но Сара... — Эмили замолкает, глядя на Дженну озадаченно.

— Между нами ничего нет, — я заканчиваю за нее предложение.

— Вот сука, — говорит Джордан.

— Настоящая мерзкая тварь, — присоединяется Дженна.

— Это... значит? — Эмили говорит это как вопрос, глядя на меня.

Я ничего не могу поделать. Я сморю на нее с улыбкой на губах. Эмили такая милая, она не может даже оскорбить такую суку, как Сара. Лицо Эмили краснеет, когда я показываю ту

сторону меня, которую не показываю никому. Она только для нее.

— Во сколько? — тихо спрашиваю я.

— В семь, — отвечает Дженна. Моя небольшая улыбка исчезает, но я чувствую тепло, которое распространяется по всему телу. — И приготовься выпить. Это наша цель.

— Дженна, — стонет Эмили.

— Нет, — прерывает её Дженна. — Мы сделаем это. И я обещаю, что встану пораньше и помогу тебе все испечь. И ты знаешь, Джордан тоже. Арлин и Беверли придут пораньше. А если Гаррет печет, то я прямо сейчас кончу, но я уверена, что он мог бы тоже помочь.

Я смотрю на Дженну с недоуменным видом, пока Джордан смеется что есть мочи. Эмили фыркает, прежде чем тоже начинает смеяться.

— Что? — Дженна спрашивает это так, будто не сказала ничего необычного.

— Я пеку, — говорю я невозмутимо.

Дженна закатывает глаза, и из ее горла вырывается крошечный стон. Эмили склоняется вперед, потому что истерически хохочет. Именно поэтому мои губы вновь слегка растягиваются в усмешке. Джордан хохочет вместе со своей подругой. Дженна тоже начинает смеяться.

— Вечер будет замечательным! — восклицает Дженна, покачивая бедрами, прежде чем собрать свои вещи. — Эм, что ты оденешь на это знаменательное событие?

— Точно не знаю.

— Я думаю нужно полностью выложиться. Ну, знаешь... развратное платье, охренительные каблуки и макияж, как у порно звезд. Шлюшка Сара может показать, как это делается.

— Мой совет: не делай этого. Кaleb пронюхает и будет скандал, которого никто не хочет, — говорит Джордан с умным видом.

Я киваю в согласии.

— Как вы думаете, что на мне было одето, когда он встретил меня? — спрашивает Дженна, приподнимая бровь.

— Кисточки на сосках? — спрашивает Эмили

Мои брови взлетают вверх. Не потому что я представляю Дженну в них, а потому что я в шоке, что Эмили вообще знает о кисточках для сосков.

— Это было во второй раз, глупые.

Девочки смеются, а мы с Джорданом ведём безмолвный разговор. Эти двое идут, чтобы втянуть нас в проблемы сегодня?

— Эм, я приду к тебе в пять. Двух часов на сборы нам хватит. А вы мальчики встретьте нас там, до клуба мы поедем на такси.

Дженна заключает Эмили в крепкие объятия, прежде чем хлопнуть по ладони Джордана. Она сжимает мое предплечье, когда проходит мимо, и издает легкий стон. Это слишком. Мне нравится эта девушка. Она определенно подходит Девлину. Я, возможно, был несправедлив к ней.

— Я должен идти, — объявляет Джордан. — Обещал Беверли прочистить трубы. Надеюсь, она имела в виду те, что находятся у нее дома.

— Это отвратительно, — делает рвотный звук Эмили.

Он оставляет поцелуй на ее лбу и подставляет мне кулак для удара, мы стучаемся кулаками, и он уходит, помахав нам рукой. Несколько мгновений спустя хлопает дверь, и его Харлей оживает.

Я смотрю на Эмили, а она смотрит в ответ на меня. Мы одни.

— Тебе нужно измерить что-нибудь еще? — спрашивает Эмили, избегая моих глаз.

Я пользуюсь этим и осматриваю её с головы до ног. Она в тонком, темно-зеленом свитере и узких джинсах, её светлые с рыжинкой волосы собраны в хвост. Она выглядит так чертовски соблазнительно, хотя я знаю, что она даже не пытается казаться таковой.

— Нет, — отвечаю я хрипло.

— Тебе не обязательно идти с нами сегодня вечером. Дженна новенькая в городе. Она выросла в часе езды отсюда, но уехала заниматься модельным бизнесом, когда ей было четырнадцать. Спустила десять лет вернулась, чтобы начать настоящую жизнь, по ее словам. Мне она очень нравится. Когда я встретила её впервые, она была чертовски напугана. Но на следующий день я увидела ее настоящую, и она покорила меня. Она такая веселая и беззаботная. Я рада, что не избил её парня... Не то чтобы я могла, но я очень хорошо управляюсь с бейсбольной битой... Хотя Калек такой огромный, что, наверное, он бы легко ее отнял у меня и сломал через колено. Но он был добр ко мне, как только я перестала сердиться на него. Мне понравился этот парень.

Она подносит большой палец ко рту, когда перестает болтать. Я отодвигаю стул и опускаюсь на него, жестом показывая ей, чтобы она сделала то же самое. Эмили отпускает палец и садится рядом со мной — не напротив — за квадратным столом.

— Ты собираешься кричать на меня? Знаю, что ты сказал не бесить тебя, а затем я сделала то, что ты сказал мне не делать. Я не собиралась сводить тебя с ума. Я просто хотела отплатить тебе и сделать все правильно с Сарой. Но ты сказал, что ты не с ней, что большое облегчение, потому что она не очень милая. Ты должен быть с кем-то хорошим. Не то что бы я хочу вернуть деньги, потому что ты не с ней. Это просто правильно. Заплатить тебе, я имею в виду. Может, ты хочешь сказать, что я заплатила тебе недостаточно? Я посмотрела таблицы расценок в интернете, но ты не поверишь, сколько их в Google. Я просто взяла то, что выглядело более или менее похожим. Я выбрала неправильно?

Она поворачивает большие взволнованные золотисто-зеленые глаза ко мне и снова прикусывает свой ноготь.

— Нет, — фыркаю я

— Я правильно выбрала? — спрашивает она.

— Нет.

— Я выбрала не то?

— Нет.

— Я не понимаю.

— Нет, я не собираюсь кричать на тебя, — объясняю я, вытаскивая изо рта ее палец.

Ее пальцы вновь похожи на льдинки. Ненавижу это. Я заключаю обе ее ладони между своими и дышу на них теплым дыханием. Затем энергично растираю их, прежде чем положить наши руки на стол, согревая своим теплом.

Когда я смотрю на её лицо, она выглядит так, будто сейчас упадет в обморок.

— Эмили?

— А?

— Сладкая, ты выглядишь так, будто сейчас упадешь в обморок.

— Я... Я... Я в порядке, — она пытается говорить. — Пожалуйста, пойдем с нами сегодня вечером.

— Я уже согласился, — напоминаю я ей.

— Я думала, что просто из вежливости, — шепчет она.

— Нет, я так не делаю.

— Хорошо.

Мы сидим в тишине некоторое время, ее руки снова становятся теплыми благодаря моим. Я должен отодвинуться и уйти, но я не могу заставить себя отпустить ее или ее пальчики.

— Расскажи мне, что случилось вчера? — говорю я спокойным голосом.

Ее дыхание становится немного прерывистым, и я встречаюсь с ее глазами.

— Я получила голосовое сообщение от Адама. Он обычно звонит, не оставляя сообщений, но в этот раз он оставил сообщение. Его голос звучал так разбито и расстроено. Я не смогла справиться с чувствами. Я разревелась, Гаррет. Я была настолько расстроена, что Джордану пришлось прийти, чтобы позаботиться обо мне, — она заканчивает говорить, пожимая плечами и опуская взгляд на наши руки.

— Он собирается вновь завладеть твоим сердцем, конфетка, — я поднимаю её подбородок, чтобы она посмотрела на меня.

— Он не сможет его вернуть, — с грустью в голосе говорит она.

Я хочу поцеловать ее. Я хочу посадить её на колени и целовать в течение нескольких часов. Я хочу, чтобы она отдала мне свое сердце, так чтобы я мог защитить его. Я бы никогда не обидел эту женщину. Никогда. Но моя жизнь могла бы уничтожить ее. Я не настолько эгоистичен. Бл*дь, а как хотел бы я быть таким.

Она, похоже, хочет сказать что-то мне, но не решается. Вместо этого Эмили сжимает мою руку, перед тем как убрать её от меня. Я выпускаю ее подбородок, чувствуя холод от потери связи.

— Я провожу тебя к машине, — рычу я.

— Мне надо испечь кое-что на завтра. Если мы идем сегодня вечером в клуб, то я должна начать прямо сейчас. Я позвоню Дженне и скажу ей, что немного задержусь. Спасибо за измерения. Я не могу дождаться, чтобы увидеть, что ты сделаешь.

Она улыбается мне, и я хочу протянуть руку, чтобы коснуться её ямочек на щеках. Я не должен, но хочу.

— Я позволю тебе сделать это потом, — говорю я, поднимаясь на ноги.

Она также встаёт, и мы смотрим друг на друга некоторое время. Затем я притягиваю ее к своей груди, когда напряженное состояние буквально берет над нами верх. Ее руки оборачиваются вокруг моей талии, они теплые, почти настолько же теплые как мое тело. Мне нравится это. Я даю ей это.

Эмили прижимается ко мне, и я держу ее. Я просто держу ее и вдыхаю ее сладкий аромат. Клянусь, такое чувство, что она заснула, прижимаясь к моему телу. Ее дыхание становится медленным и такое чувство, будто она утопает в моем теле. Я смотрю в окно, через которое всегда наблюдаю за ней, и ощущаю, что намек на улыбку чувствуется на моих губах. Удерживать Эмили и смотреть на то, что делает ее счастливой, наполняет ее теплом, которое практически сжигает меня...

Это охренительно приятно.

Глава 9

Эмили

— Тридцать минут? На самом деле? — спрашивает Дженна, встречая меня на крыльце. Она уже одета, и ее волосы шикарно завиты.

— Мне нужно испечь все на завтра, — отвечаю я с ухмылкой.

— Ну, вот и хорошо, — говорит она, широко улыбаясь.

— Мне хватит двух минут в душе. Я могу быстро собраться, — говорю я, шагая через весь дом.

Я могу сделать все быстро, но полчаса критически мало.

— Чувствуй себя, как дома! — кричу я, когда бегу со всех ног в ванную.

Я принимаю самый быстрый душ, который только известен человечеству. Я рада, что побрилась этим утром, это ускоряет мою подготовку. Когда я выпрыгиваю и бегу в комнату, то сталкиваюсь с роющейся в моем шкафу Дженной. Она одета в темно-красный комбинезон без бретелек, приталенный в верхней части и с напуском на уровне ног. Она выглядит божественно.

— У тебя есть только футболки и джемпера, — объявляет она, будто я не в курсе.

У меня было несколько платьев для вечеров с Адамом, которые я редко надевала, так что я держала их у него дома. В особенных случаях я готовилась у него. Так же он сам покупал мне платья. После того как мы расстались, наряды остались у него.

— Хорошо, что я пришла подготовленной, — говорит она, роясь в сумке, которая уже лежит на моей кровати.

Дженна вытаскивает два платья и чуть встряхивает их перед моим лицом. Первое темно-синее с украшением на талии. Оно прекрасно. Другое платье темного оливково-зеленого цвета. У него широкие ляжки, которые перекрещиваются на спине с широким, коротким подолом. Оно простое и беззаботное.

Я указываю на зеленое платье, и Дженна чуть встряхивает вешалку перед моим лицом в предвкушении. Потом она бросает платье на кровать и бежит со мной в ванную, неся большую сумку.

— Начинай делать себе макияж, а я уложу твои волосы, — напутствует она.

Я киваю и начинаю делать то, что она говорит. У неё серьезное лицо. Я решаю сделать “смоки айс”. Я не сильна в этом, но думаю, если я облажаюсь, Дженна сможет исправить.

Она сушит мои волосы и вытягивает их при помощи круглой расчески. Я сосредотачиваюсь на своей задаче, пока она выключает фен. Я смотрю на мои волосы в шоке. У меня массивные, крупные локоны. Я выгляжу как... Дженна. Она улыбается мне, и я сияю.

Затем она поворачивает меня за плечи и завершает мой макияж в пару секунд. Мы слышим, как Джордан орет в доме, объявляя о своем присутствии.

— Одевайся, и мы сможем пойти веселиться, — говорит Дженна, нанося бледно-розовый блеск на мои губы.

Я смотрю в зеркало и ахаю. Мои глаза выглядят так, будто они светятся изнутри. Моя кожа сияет и выглядит свежей. Даже стоя здесь в пушистом халате, я выгляжу очень хорошо.

— Охренительно потрясающе. Но опять же, ты такая всегда. Ты выглядишь как задира прямо сейчас, Эм. Но в футболке и без косметики ты тоже прекрасна.

Она крепко обнимает меня сзади, прежде чем покинуть ванную. Я пользуюсь моментом, чтобы оценить ее комплимент, и затем спешу одеваться. Я в платье без лифчика из-за открытой спины. Сидя на кровати, я беспокоюсь о том, что обуть на ноги. Каблуки после расставания тоже у Адама. Кроссовки с этим платьем будут не очень подходящими.

— Обувь! — вопит Дженна и несется в мою комнату. — Это моей мамы. Я думаю, что у тебя тот же размер. Восьмой размер, правильно?

Я смотрю на повседневные лодочки и киваю с ухмылкой. Дженна — палочка-выручалочка. Я только познакомилась с ней и уже люблю ее. Не из-за одежды и обуви, а потому что она заботливая и искренняя. Я узнаю добрую душу, когда вижу такую. Дженна именно такая.

Я надеваю туфли и поднимаюсь на ноги, когда Дженна вручает мне бриллиантовые шпильки из моей шкатулки. Моей матери. Я усмехаюсь, когда одеваю их. Дженна бросает мне широкий серебряный браслет, оглядывает меня с ног до головы, а затем хлопает в ладоши.

— Все готово. Выйди и срази их наповал!

Она берет меня за руку и тянет прочь от шкафа. Я могу услышать разговаривающих Джордана и Гаррета, прежде чем они нас увидят. Мы останавливаемся в гостиной, и Дженна откашливается. Джордан оборачивается через плечо, прежде чем подавиться пивом и выплюнуть его.

— Ведь я права, так? — спрашивает Дженна.

— Иисус Христос, Эм. Посмотри на себя, — бормочет Джордан, вытирая лицо рукой. — Чертовски потрясающе, сладкая.

— Спасибо, — говорю я спокойно.

Затем я смотрю на Гаррета. Ну и нууу...

Он в бледной голубовато-белой полосатой рубашке, с рукавами, закатанными до локтей. Темные джинсы обтягивают его бедра, и на ногах у него темно-коричневые ботинки под цвет ремня. Он выглядит просто, но в то же время... потрясающе.

Мой взгляд возвращается к его глазам, они прожигают меня. Ну, здравствуйте, мистер Шарп. Его каштановые волосы уложены в сторону и делают его похожим на модель Армани. Я не понимаю как, но мои ноги сами направляются прямо к Гаррету и его голодному взгляду. Я останавливаюсь в полуметре от него и жду. Не знаю, чего я жду, но я жду.

— Потрясающе, милая, — говорит он хриплым голосом. — Просто нет слов насколько потрясающе.

Я улыбаюсь его ласковому обращению, которое он начал использовать со мной, оно заставляет мои пальцы ног подгибаться. Он ухмыляется мне.

Я получаю эту улыбку, зная, что он не часто раздает их. Я дорожу каждой из них.

— Могу ли я воспользоваться твоей ванной комнатой, прежде чем мы выйдем? — спрашивает Гаррет, его голос полон желания.

— Давай, секси, я покажу тебе, где она, — говорит Дженна. — Я имею в виду, что должна забрать щипцы для завивки.

— И я с вами, народ, — объявляет Джордан, шагая по коридору вслед за Дженной и Гарретом.

Стук в дверь объявляет о прибытии нашего такси.

— Мои друзья будут через секунду, — говорю я, открывая дверь.

— Я здесь не из-за них, — голос Адама заставляет меня споткнуться, поскольку мои глаза встречаются с его взглядом.

Я быстро устремляюсь вперед, чтобы захлопнуть дверь, но он опережает меня, прижимая ладонь к белой двери, и переступает через порог. Мой пульс подкакивает до небес, когда я оглядываюсь в поисках оружия. Хищный взгляд в его темно-синих глазах, заставляет меня думать, что я был неправ о нем все это время. Я хочу закричать, но почему-то замираю.

— Пришло время закончить это, Эм. Я был терпелив, но ты меня утомила. Теперь пригласи меня войти, чтобы мы могли все обсудить, — жестко требует он. — Чего это ты вырядилась?

— Тебе нужно уйти, Адам. Нам не о чем говорить.

Я пытаюсь казаться сильной, но мой голос подводит меня из-за нервов.

— Я не уйду, пока мы не поговорим. Я скучаю по тебе. Я люблю тебя. Пожалуйста просто выслушай меня.

Но вместе с этим он больше не пугает меня. Резкость исчезла, и его плечи потеряли свою напряженность. Он выглядит побежденным, чем берет меня за душу.

— Ты предал меня, Адам. Я не могу забыть это. Мне жаль. Я бы очень хотела. То, что ты разрушил мою жизнь так же, как и свою, если не больше. Но я не могу быть с тобой. Я не доверяю тебе, — тихо говорю я.

— Я заработаю твое доверие вновь. Просто дай мне шанс исправить то, что я сломал. Ты всегда говорила, что каждый заслуживает второй шанс. Один плохой выбор не должен быть смертным приговором и все такое. Да? Почему бы мне не сделать то же самое?

Он подходит ближе, и я начинаю трястись. Он прав. Я всегда даю второй шанс, и даже третий. Я не думаю, что людей нужно осуждать или винить за плохой выбор в ту конкретную минуту времени, потому что иногда во всем виновата слабость, иногда виной всему гнев, но основная причина, почему я даю второй шанс — это внешние и внутренние изменения, которые показывают, что человек стремится быть лучше. Доверие — это нечто иллюзорное, потому что ни один человек не может похвастать тем, что ни разу не предавал.

Адам запрокидывает голову и берет мое лицо в свои ладони.

— Пожалуйста, Эм. Дай мне шанс. Я не причиню тебе вреда. Я люблю тебя. Я не хочу тебя снова потерять. Умоляю, — говорит он нежно, когда наклоняет своё лицо к моему.

— Отвали, Уоррен, — рычит Джордан, дергая меня за руку подальше от Адама.

— Занимайся своими делами, Джордан, — рычит в ответ Адам, подходя ко мне ближе, чтобы вырвать обратно.

Джордан отодвигает меня за свою спину, жажда борьбы. Я чувствую, как пальцы Дженны сжимают меня в успокоении.

— Не возвращайся сюда. Не заходи в магазин. Не звони ей. Не смотри на нее. Ты все просрал, когда решил кого-то поймать, пока у тебя была она, лучшая. В твоих руках. Ты не получишь второй шанс на совершенство, — кричит разъяренно мой лучший друг.

— Ты не будешь указывать, как ей жить, и я чертовски уверен, что тебе не стоит вмешиваться.

— Уноси свою жалкую задницу из этого дома. Я не собираюсь повторять. А если не сделаешь этого, я надеру тебе задницу так, что ты еще долгое время будешь есть через трубочку в больнице.

— Эм.

Джордан делает выпад, и я отскакиваю назад, утягивая Дженну со мной, чтобы дать им место для драки в этом крошечном пространстве. Я не хочу этого, но это назревало в течение многих лет. Стоя в своей гостиной и наблюдаю, как Джордан ударяет кулаком в лицо Адама несколько раз. Адам толкает в грудь Джордана, замедляя его, и затем впечатывает кулак в его челюсть. Кровь, что появляется на лице Джордана, наполняет его гневом, поскольку он хватает Адама за воротник и бросает на пол.

Удары кулаками и борьба становятся сильнее с каждой секундой. Я не могу разнять их.

Я оказываюсь перед необходимостью звонить в офис шерифа.

— Остановитесь! — кричу я, но они не реагируют. Наоборот, начинают драться еще неистовее.

Когда массивная фигура пересекает гостиную, Адама моментально отбрасывает от Джордана, удерживая за горло у двери, Гаррет останавливает свои переполненные гневом глаза на мне.

— Он сделал тебе больно? — спрашивает он самым тихим угрожающим голосом, который я когда-либо слышала.

Я качаю головой, боясь даже сдвинуться с места. Затем я понимаю, что Адам так и не двигается, он без сознания. Позади его головы огромная дыра в двери, которая появилась, когда Гаррет ударил его.

Джордан поднимается на ноги и пристально смотрит на Гаррета.

— Ты надрал ему зад, — хвалит Джордан. — Эм, позвони шерифу, если не хочешь прятать тело в лесу. Хотя мы можем сбросить его в реку.

— Ты ударил его первым, Джордан. Я не буду звонить шерифу. У тебя будут проблемы.

— Он проник в твой дом. У тебя на глазах, — рычит Джордан, поворачиваясь ко мне

— Я открыла дверь.

— Что? — кричит Гаррет, отпуская тело Адама, которое падает с громким звуком на пол. Он подходит ко мне. — Я же доходчиво объяснил тебе не трогать эту гребаную дверь.

Он стоит в нескольких дюймах от моего лица, и я дрожу с головы до ног, отпуская руку Дженны.

— Шарп, отвали, не доводи её, — приказывает Джордан.

— Гаррет, успокойся, — добавляет Дженна.

— Я думала, что это был водитель такси, — шепчу я.

— Ты не посмотрела в глазок?

— У меня его нет.

— Завтра будет дверь с глазком, — огрызается Гаррет.

— Завтра?

— Шарп, я сказал отвалить, — говорит Джордан, опуская руку на плечо Гаррета.

— Не трогай меня, Джордан, я не гребаный трус, ей я не причиню зла, а тебя могу убить. Так что, бл*дь, не трогай меня.

Джордан убирает свою руку, глядя на меня, ища подсказку, что делать дальше. Темно-карий оттенок в глазах Гаррета сменяется на синий. Я знаю, он не тронет меня. Он может и в десять раз больше Адама, но я не боюсь его.

Адам стонет, прерывая наш разговор. Джордан подходит к телу на полу, подталкивая его ногой. Гаррет оборачивается на полпути и изучает дыру в двери, как будто думает, что делать дальше. Я смотрю в его глаза. Они меняются от голубого к зеленому и останавливаются на промежуточной оттенке. Такого я ещё не видела. Это интригующе.

— Эм, — шепчет с болью Адам, и мои ноги сами несут меня к нему.

Я приседаю и убираю его испачканные кровью светлые волосы со лба. Его пальцы оборачиваются вокруг моего запястья, поднося мою ладонь к его рту, где он оставляет легкий поцелуй.

— Отойди от него, Эм, или я снова надеру ему задницу, — командует Джордан, потянув меня за плечи.

— Я не буду выдвигать обвинения, если ты пойдешь со мной завтра вечером, — тихо

выдыхает Адам. Взгляд останавливается прямо на мне, и я вижу это. Он выиграл, и он это знает. Я сделаю все, чтобы защитить Джордана.

— Придержи обвинения, мудака. Я не сделал ничего плохого.

— Я согласна, — шепчу я.

— Нет, Эм, ты не дашь ему этого сделать. Встань и вернись сюда.

— Один ужин. Это все, что мне нужно. Ты увидишь, — Адам успокаивает меня, поглаживая мое запястье большим пальцем.

Его челюсть отекала и там виднеется немного крови, кровь сочится из его носа. Его костюм разорван вместе с рубашкой. Он выглядит ужасно и печально. Один ужин не убьет меня. Я могу пообедать с ним и, наконец, покончить с этим. Я не позволю Джордану страдать из-за моей глупости.

— Ладно, — шепчу я, и он широко улыбается, садясь.

Адам использует дверь, чтобы подняться на ноги, и я делаю тоже самое. Затем внезапно теплая мускулистая рука обнимает меня за талию.

— Нет, — шепчет мне на ухо Гаррет.

Я тону в твердом, притягательном звуке его голоса.

— Шарп, что ты делаешь здесь? — усмехается Адам, вытягивая мою руку.

Гаррет, должно быть, ударил Адама слишком сильно, раз тот забыл, что произошло.

— Уоррен, прикоснешься к ней еще раз, и я оторву тебе руки и изобью тебя ими до смерти, — огрызается Джордан.

Адам отпускает мою руку и поправляет свой изодранный костюм, приглаживая ладонью свои взъерошенные волосы.

— Шарп? — Адам говорит еще раз и не сводит глаз с руки Гаррета, которая лежит у меня на талии.

Гаррет неуверенно меня отпускает и передает в руки Джордану, который так крепко обнимает меня на уровне ребер, что мне становится трудно дышать.

— Сегодня у нас ночь двойного свидания. Ты, наверное, уже знаком с Дженной? — спрашивает он, заключая ее в свои объятия.

Я чувствую себя слегка растерянной, но затем Гаррет продолжает.

— Эмили и Дженна — подруги. Дженна захотела устроить вечер двойного свидания, таким образом, она пригласила Джордана и его девушку.

— Она не его девушка, — выплевывает Адам.

— Она моя, — рычит Джордан, а я изо всех сил стараюсь не подать вида, что Джордан не мой парень.

— Вы действительно ждете, что я в это поверю? — фыркает Адам.

Джордан прижимается губами к моей шее, покусывая и целуя чувствительную кожу. Его руки, что находятся на моем животе, начинают неспешно двигаться к моей груди, и я в ту же секунду останавливаю это движение.

— Ты ужасная актриса, Эм, — говорит Адам, вытирая лоб.

Он прав. Джордан, что трогает руками мой живот, пугает меня. Он мне как семья. Не если я смогу доказать Адаму, что я не одна, может, он оставит меня в покое? Я смотрю на Гаррета и то, как он смотрит на руку Джордана. В его глазах гнев. Ничего не выйдет с Джорданом.

Я отталкиваю руки Джордана и бросаюсь к Гаррету, обнимаю одной рукой его плечи, а другой талию, словно маленькая цепкая обезьянка. Когда мой рот прижимается к его, он

замирает. Это смелый шаг. Я чувствую себя идиоткой.

Однако затем Гаррет начинает мне отвечать. Одной рукой он сжимает мою задницу, а другой затылок, приближая мое лицо к своему. И впивается в мой рот. Я задыхаюсь, потому что его язык напористо проникает в мой рот. Я пытаюсь держаться достойно, но это бесполезно. Он ведет, а я следую за ним.

Я издаю громкий стон, и рычание Гаррета отдается в мой рот. Мои бедра прижимаются к нему в попытке облегчить мучительное возбуждение, которое он вызывает, когда мои пальцы тянутся к его затылку. Он облизывает, ласкает каждый уголок моего рта, обжигая меня своим вкусом.

— Это одновременно чертовски горячо и отвратительно, — заявляет Джордан, и Гаррет ослабляет напор поцелуя, слегка потягивая мою нижнюю губу своими зубами.

Я открываю глаза и вижу его глаза, которые источают желание. Джордану и Дженне нужно уходить. Сейчас. Прямо сейчас. У нас с Гарретом одно важное дело. Потом я вспоминаю про Адама и начинаю паниковать.

— Он ушел, Эм. Это было хорошее шоу. Думаю, что мне нужно идти, — говорит Джордан со смешком в голосе.

— Да, мне тоже, — соглашается Дженна, торопясь уйти прочь от нас.

— ГРМУ, — бормочет Джордан, а затем дверь закрывается (прим. ГРМУ — гребаный мудак).

Я не отвожу глаз от Гаррета, и он не убирает руки. Его грудь вздымается напротив моей, а мое сердце бешено колотится. Я никогда так себя не вела. Я не могла сделать это с Джорданом. Гаррет был моим единственным вариантом. Оптимальным вариантом для того, чтобы сбежать от бывшего-сталкера.

— Я..

— Нет, — прерывает меня Гаррет.

— Нет?

— Нет.

— Нет, что?

Затем его рот снова обрушивается на мой, и мы начинаем стремительно отходить назад. Я ахаю, когда моя спина ударяется о мягкие подушки моего дивана, а потом издаю стон, когда бедра Гаррета прижимаются к моим. Он дикий. Его рот страстно впивается в мой, пока его мозолистые руки скользят по моему телу. Я не могу дышать. Вес его тела, его губы, целующие меня, заставляют затаить дыхание. И я надеюсь, что никогда не смогу остановить его, никогда не узнаю, как это не чувствовать такого восторга, не видеть его рядом.

Глава 10

Гаррет

Я как дикий зверь, голодавший всю суровую зиму и только что нашедший пищу. Я хочу насладиться каждым кусочком, но я так чертовски взволнован.

Она поцеловала меня. Эмили набросилась на меня и поцеловала. Полсекунды я колебался, а затем сделал лучшее, что мне выпало за всю мою жизнь. Я не готов остановиться. Не знаю, когда буду готов.

Я накрываю ее губы своими. Она отдается мне полностью. Она позволяет мне задавать темп, следуя за моим языком, как в быстром танце. Мои руки скользят по всему её телу, но не успевают ничего прочувствовать. Нужно замедлиться. Наслаждаться.

Я отпускаю её губы, и она делает глубокий вдох, наполняя лёгкие, как утопающая. Я

перехожу к её шее, целую её и покусываю, затем нежно расцеловываю боль от укуса. Её маленькие ладони дёргают и запутываются в моих волосах, когда я накрываю ладонью её грудь. Когда я дотрагиваюсь до её твердого соска, то возвращаюсь к реальности и останавливаюсь.

Мои губы замирают, но рука скользит по её рёбрам, когда я пытаюсь заставить свой мозг начать работать.

— Гаррет, — её тихий голос умоляет меня не останавливаться.

— Нет, — фыркаю я и заставляю себя отстраниться от неё, чувствуя своим нутром холод, что проникает в меня, когда я остаюсь без её тепла.

Её затуманенные страстью глаза начинают проясняться, когда я поднимаюсь на ноги. Эмили садится на диван, её плечи сжимаются, и я чувствую себя полным ублюдком. Я провожу руками по лицу, пытаюсь подобрать нужные слова. Я не умею правильно говорить. Ненавижу слова.

— Прости, Гаррет. Это было не честно, — шепчет она, и я начинаю злиться. Вот вечно она извиняется! Я был тем, кто просто бесцеремонно облапал её, а она ещё извиняется!

— Прекрати эти грёбаные извинения, — рычу я.

В её золотисто-зелёных глазах появляется обида, и она с трудом сглатывает.

— Я не должна была ставить тебя в такое положение. Я не дразнила тебя, Гаррет. Ты пришёл ко мне на помощь, а я напала на тебя. Я могу извиниться за это. И ещё спасибо тебе. Так что прекрати на меня кричать, — требует она.

Я наклоняюсь к её лицу, опираясь руками в стену за диваном.

— Это я набросился на тебя, Эмили. Ты попыталась обосновать своё мнение об этом придурке, а я обращался с тобой как с животным. И ты не будешь извиняться за это. Я сказал тебе не открывать грёбаную дверь. Я же сказал тебе! А теперь я здесь, так близко от твоих горячих губ и чертовски сексуального тела. Ты не дразнишь меня. Ты самый большой соблазн, который когда-либо был известен миру. И теперь, когда я попробовал тебя, то уже не отпущу.

— Хорошо, — шепчет она.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Хорошо?

— Не отпускай меня, — мягко произносит она, нежно проводя пальцами по моей щеке. Черт бы меня побрал.

— Мне нравится, когда ты говоришь.

Я фыркаю, сейчас её руки завладели моим лицом.

— Мне нравится, когда ты рычишь.

Ещё раз фыркаю в ответ на её слова.

— Мне нравится, когда ты прикасаешься ко мне.

Я рычу.

— Я люблю, когда ты меня целуешь.

Ещё рык.

— Продолжай это делать.

— Не могу.

— Почему?

— Я не хочу целовать тебя.

— О, — печально роняет она и убирает руки от моего лица.

Я кладу палец на её подбородок и возвращаю её взгляд к себе. Её глаза полны смущения и боли.

— Я хочу сделать всё то, что следует за поцелуями. Всё.

Я слышу сексуальные нотки в своём голосе. Мой член вот-вот взорвётся. Я не собираюсь кончать в штаны. В жизни не видел ничего горячее, чем то, как она сейчас на меня смотрит, что делает еще более неизбежным то, что мой член грозит взорваться от перевозбуждения. Я должен уйти из этого дома. Но я не могу оставить её здесь одну после Адама. Вот дерьмо.

— Да, — бормочет она, прижимаясь губами к моей челюсти.

— Нет, — рычу я.

— Да.

Она целует уголок моего рта.

— Нет.

— Да.

Её язык проходится по моей нижней губе.

Я обладаю гораздо большей выдержкой, чем многие люди. Это было необходимо, чтобы пройти ад тюрьмы. И я не просто прошёл, я, бл*дь, преуспел в этом. Но эта женщина сокрушила меня, когда сотни соперников не смогли это сделать.

— У тебя не было секса с Адамом два года. Ты знаешь меня несколько дней.

Она мигом отстраняется от меня, как будто я облил её холодной водой.

— Ты прав. Ты должен идти. Спасибо за то, что спустил меня с небес на землю, — фыркает она.

— Оставь это для правильного парня, Эмили, — шепчу я.

— Ты не хочешь отпускать меня, но и прикоснуться не собираешься. Господи, да тебя не понять, — раздражённо говорит она, отстраняясь и поднимаясь на ноги.

Я замираю на мгновение, потом отталкиваюсь от стены как раз в нужный момент, чтобы увидеть, как она уходит от меня на кухню. Эмили покачивает бёдрами немного больше, чем обычно, и я могу различить частичку ярости, которая мне так нравится, когда она проводит пальцами по волосам.

Песочного цвета волны локонов каскадом спадают по её спине, и моё дыхание замирает. Я никогда не видел её волосы до этого вечера. Когда она работает, они всегда подняты и собраны в хвост. Они блестящие и шелковистые, как в рекламе шампуня. Эмили вытряхивает содержимое своей сумочки на кухонный стол и вытаскивает оттуда резинку для волос. Она откидывает волосы назад, пропуская пальцы сквозь локоны. Не в силах остановиться, я подхожу к ней. Эмили собирает волосы, когда я настигаю её.

— Не надо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она ахает и подпрыгивает, не услышав моих шагов. Я вор, незаметный вор. Независимо от моих габаритов, я могу передвигаться, не будучи услышанным, даже по скрипучему двухсотлетнему паркету, если это необходимо.

Я накрываю её руку своей и отвожу подальше от её длинных локонов. Потом я зарываюсь в них лицом и дышу, как будто делаю свой последний вдох на земле. Она пахнет кофе и пирожными. Рай. Если на небесах чем-то пахнет, то именно так.

— Я не отпущу тебя, Эмили. А ещё я не собираюсь трахать тебя на этом диване после

ссоры, что разразилась в твоей прихожей. Но это не значит, что я не хочу. Ты даже не представляешь, сколько всего я хочу. Но сегодня я останусь спать на этом диване. А завтра я приду снова заменить тебе дверь. Потом мы вместе пойдём на Осенний фестиваль. А потом я приглашу тебя на ужин.

Я отодвигаюсь от её волос, когда она поворачивается, чтобы заглянуть мне в лицо, и встаёт на цыпочки, обвивая мою шею тонкими руками. Я притягиваю её ближе, положив ей руки на спину. Её волосы щекочут мои руки, и она смотрит на меня с удивлением. Так на меня никто и никогда не смотрел. Как будто вся её жизнь начинается и заканчивается мной. Это проникает куда-то вглубь меня, и я хватаю её волосы и откидываю их назад, прижимаясь губами к её губам.

Её губы мгновенно приоткрываются, и я беру превосходство. Я придерживаю её голову, я хочу этого и возьму всё, что можно. Мой язык никогда не пробовал ничего слаще, чем это. Её улыбки дарят мне тепло, её губы — огонь. Желание вскипает в моей груди, когда у неё вырывается стон. Я хочу её. Я хочу попробовать ее целиком, с головы до ног. Я пытаюсь поступать правильно. Она совсем не знает меня. Когда она узнает, кто я есть на самом деле, то сбежит. Должна сбежать. И она имеет на это право, прежде чем я попробую ее.

Я ослабляю поцелуй и кладу одну руку на её затылок, а другую располагаю на напряженных ягодицах. Я покрываю её лицо лёгкими поцелуями, дойдя до кончика носа.

— Поспи со мной, Гаррет. Без секса. Просто обнимай меня. Я чувствую себя защищенной, когда ты меня держишь. Пожалуйста, — нежно умоляет она.

— Со мной ты в безопасности, милая, — шепчу я.

Со мной она в полной безопасности. Я не дам случиться ничему плохому. То выражение ужаса на её лице, когда я сегодня ночью влетел в её комнату на её крики, крепко засело в моей памяти. Я больше никогда не хочу видеть страх на её совершенном лице. Ему не место там.

Дженна показала мне, где ванная, а сама пошла в гостиную, чтобы что-то сделать с волосами. Я повернул кран и плеснул себе в лицо холодной водой, пытаюсь избавиться от того дерьмового чувства, после того жара, с каким Эмили смотрела на меня. Когда я услышал её панический вопль, мой мир остановился.

Я хотел убить Адама. Я не знал, что произошло, но он был там, Джордан свирепо дрался с ним. Возможно, он победил Адама, когда я туда пришёл, но Джордану серьезно досталось.

Показалось, что Адам забыл, как я приложил его головой об дверь. Должно быть, у него сильное сотрясение. Я неплохо ему врезал, так можно и память потерять. Когда он снова подойдёт к Эмили, то будет счастлив, что ещё может дышать, хотя я сделал гораздо меньше, чем мог бы, если вспоминать другие драки.

— Иди, — бормочу я, проводя рукой по её ягодицам.

— А?

— В постель.

— А... Ты... — она замолкает, глядя на диван.

— Сначала запру дверь. Иди.

— Ты такой властный, — усмехается она.

— Привыкай.

— Хорошо.

Я снова провожу рукой по её заднице, и она отходит. Хорошая девочка. Я жду, пока она

не скроется в своей спальне, потом проверяю все двери и окна в доме. Когда я запираю абсолютно всё, отметив для себя несколько дел, которые надо сделать, я выхожу к машине.

Я быстро нажимаю на кнопку вызова, пока не включилась моя блокировка на ночь. Если этот ублюдок вздумает вернуться, чтобы причинить вред моей машине, его ждёт быстрый конец от монтировки.

— Дженна звонила, — сообщает Девлин. — Эмили в порядке?

— Ага.

— Нужна помощь с этим дерьмом? Я могу вернуться, Шарп. Это не будет считаться, как будто ты мне должен, я сделаю это ради удовольствия, — я слышу небольшую заминку в его голосе, которая говорит о многом, без необходимости к дальнейшим разъяснениям.

— Я должен сначала поговорить с Эмили на этот счет.

— Это было предложение. Твою мать. Дженна сказала, вы пошли прямо в спальню. Это было не так давно, чтобы ты успел со всем там закончить.

Я фыркаю.

— Поговори со своей девушкой и дай мне знать. Им чертовски повезло, что ты оказался там. Как думаешь, он не удержался или просто ступил?

— Ступил. Джордан поставил байк в гараж. Так что он думал, что она одна.

— Ого, да ты умеешь говорить целыми предложениями.

— Отвали, Девлин.

— Приглядывай за этим ублюдком. Позвони, если понадобится. Я рядом, мужик.

— Спасибо, приятель.

— Без проблем.

— До скорого.

— До скорого.

Я останавливаюсь на небольшом крыльце Эмили и пытаюсь оценить ущерб, причинённый мной её двери. Она покрашена в чистый белый цвет, ярко сверкающий на фоне красных кирпичей её аккуратного дома. Этого не достаточно для этой женщины. Для неё нужен замок или собственный остров. Ей нужно что-то такое же большое, как её сердце.

Она собиралась позволить Адаму добраться до неё, только чтобы спасти Джордана.

Абсолютно бескорыстно.

Адам Уоррен серьёзно облажался, дав ей ускользнуть сквозь пальцы, и он знает это. Но он не уйдёт от меня, потому что я рядом. Он будет выжидать, а потом нападёт исподтишка. И тогда надо будет действовать быстро. Ни у кого никогда не выходило наехать на меня, в том числе и у таких красавчиков, как он.

Я запираю дверь на никогда неиспользовавшийся засов. Выключаю везде свет и отправляюсь в спальню. Мой член, наконец, успокоился. Когда её мягкое тело снова окажется рядом с ним, он вновь оживет и будет отчаянно желать ее.

Когда я вхожу в её комнату, то слышу шум воды в ванной. Я снимаю ботинки и растёгиваю ширинку, одновременно стаскивая через голову рубашку. Джинсы соскальзывают с моих бёдер, и я остаюсь в одних боксёрских трусах. Обычно я сплю в штанах от пижамы. Это было бы более безопасным вариантом. Но сейчас у меня их нет, так что придётся себя контролировать.

Вода выключается, когда я складываю свою одежду на стул для чтения в цветочек в углу комнаты. Я поворачиваюсь в тот момент, когда открывается дверь, и моё сердце останавливается. Свежее, без макияжа, лицо, распушенные кудри, каскадом обрамляющие её

милое личико, просто чертово совершенство.

Ярость вновь переполняет меня.

— Раздевайся, — грубовато требую я.

Её брови хмурятся в замешательстве, когда я приближаюсь к ней. Она не предпринимает ничего, чтобы выполнить мою команду, так что я делаю это за неё. Я хватаю край её кофты и сдёргиваю через голову. Эмили визжит и прикрывает руками свою обнажённую грудь. Я игнорирую это и подхожу обратно к своей стопке одежды.

Когда я возвращаюсь к девушке, она неподвижно стоит с таким же выражением лица. Я надеваю на неё свою рубашку и держу её так, чтобы она смогла просунуть руки в рукава. Одну за другой, она справляется. Рубашка доходит ей до колен.

— В постель, — приказываю я.

— Ты не мог просто сказать мне, чтобы я переоделась? — шокировано спрашивает она.

— Ты не будешь спать в футболке другого мужчины. В постель.

— Лаааадно, — тянет она, пока у нее хватает воздуха тянуть слово, она хочет, чтобы я продолжил объяснение. Не думаю, что мне стоит ещё что-либо говорить. Так что я молчу.

— В кровать, Эмили, — снова приказываю я, поглаживая её задницу.

Она вздыхает и идёт к маленькой двуспальной кровати. Я постараюсь уместиться, но у нее не такая огромная кровать как у меня дома. Мы должны начать спать вместе. Но я не забегая вперед.

Эмили откидывает пурпурное с жёлтым одеяло и ложится. Я ложусь следом, прежде чем она включает лампу на прикроватном столике.

Я прижимаю её к себе, положив руку ей на бедро, и она обхватывает меня ногами и подаётся вперёд. Я был бы счастлив полностью прижать её тело к себе, но это выглядело бы немного странно.

Её тонкие пальцы проводят по татуировкам, которые покрывают мою грудь, оставляя на них обжигающие следы.

— Спасибо, Гаррет, — бормочет Эмили у моей кожи.

— Спи, милая, — я нежно зарываюсь в её рассыпавшиеся по подушке светлые шелковистые волосы.

Потом я целую её в макушку.

Когда её дыхание становится ровным, я, наконец, чувствую, как напряжение всего этого вечера покидает меня. Сегодня вечером я хотел убить Адама. Не тогда, когда он дрался с Джорданом, а тогда, когда он поцеловал руку Эмили. Беспощадная ярость наводнила мои вены, когда его губы коснулись её кремовой кожи. Тогда я понял.

Я полностью облажался.

***

Я выключаю будильник Эмили, прежде чем снова свернуться вокруг неё. Посреди ночи я развернул её, чтобы обнять. Она потирается своими бёдрами о мой напряжённый член, и сейчас я думаю, что лучше было бы прижать её лицом к груди.

— Перестань тереться об меня, иначе я кончу, — мурлычу я в её шею, в то самое уникальное родимое пятнышко в виде кофейного зернышка.

В комнате раздаётся прекрасный хриловатый смешок, и я улыбаюсь. Мышцы на моём лице непривычно тянут, ведь я редко улыбаюсь, но это приятная боль.

Она вертится рядом со мной ещё некоторое время, я стону, прежде чем умудряюсь обхватить её бёдра так, чтобы они оставались на месте.

— Перестань, — рычу я в её шею.

— Кажется, тебе это нравится, — флиртует она, смотря на меня через плечо.

— Милая, мне это больше, чем нравится. Вставай, надо подготовиться к фестивалю.

— Обожаю Осенний Фестиваль, — произносит она, садясь и потягиваясь, что даёт мне отличную возможность наблюдать её жёсткие соски под моей тонкой хлопковой рубашкой. Она собирается убить меня.

— Я возьму тебя туда, — говорю я как можно сексуальнее, желая взять её в несколько другом смысле, нежели чем просто подвести до магазина.

— Джордан за мной заедет. Я думала, ты занят.

Она смотрит на меня из-под длинных ресниц, отводя волосы от своего лица. Солнце, проникающее сквозь занавески, освещает её под таким углом, какого часами не могут добиться на съёмочной площадке. Когда широкая улыбка освещает её лицо, я будто отпечатываю эту картинку в своей памяти. Я запоминаю каждую линию и черточку, каждый блик и лучик, каждый аромат и вздох. Это самое захватывающее зрелище, которое я когда-либо видел.

— Красивая, — шепчу я.

— Я чувствую себя красивой, когда ты так смотришь на меня, — сладко произносит она.

— Как так?

— Меняющимися глазами.

Я никогда не знаю, какого цвета мои глаза сейчас. Они меняются каждую секунду, как настроение. Я не чувствителен, но мои глаза — да. Они показывают такие эмоции, которые я не могу прочувствовать. Хотя, когда я был с Эмили, я мог почувствовать, как они меняли оттенок каждый раз.

— Рот, — рычу я.

— А?

— Дай мне твой рот, — поясняю я.

— Я не могу...

— Сейчас же.

Она закатывает глаза и быстро чмокает меня в губы, как маленькая старушка. Я не думаю, что мне этого достаточно.

Я сжимаю свою рубашку в кулак и тяну её обратно.

— Дай мне твои губы, Эмили, — рычу я, ощущая её дыхание, глядя в золотисто-зелёные глаза.

Она прижимается своими губами к моим и ждёт. Она отдаёт это мне и ждёт, когда я это возьму. Хорошая девочка.

Эмили визжит, когда я рывком притягиваю её к себе и накрываю её губы. Я хочу быть с ней нежным и мягким, но превращаюсь в зверя всякий раз, когда прикасаюсь к ней. Я краду её дыхание и забираю каждый уголок её рта, прежде чем отпустить. Её ногти всё ещё впиваются в мои плечи, когда я отпускаю рубашку. Ткань вся помялась от нашего поцелуя.

— Ты мне нравишься в моей рубашке, — скрипуче говорю я, желая снять её с неё.

— Я пахну как ты. Лосьоном после бритья и деревом.

Она притягивает ткань к своему лицу и делает глубокий вдох, широко улыбаясь.

— Спасибо, что заставил надеть её, — поддразнивает она.

— Я отвезу тебя в магазин. Если будешь сегодня хорошей девочкой, позволю тебе её

оставить.

— Тебе не обязате...

— Милая, поднимай свою сладкую попку с кровати и иди готовься к фестивалю.

— Могу я тебе хоть слово сказать? — ворчит она.

— Хочешь что-то делать по-другому? — понимающе спрашиваю я.

— Возможно, — безуспешно старается лгать она.

Я завожу руки за голову и откидываюсь на подушку. Её взгляд окидывает мой голый торс, и её щёки покрываются румянцем.

— Нравится? — поддразниваю я её.

— Знаю точно, что мне понравится — находиться с тобой в постели целый день, вытворяя развратные штучки, — говорит она, смотря на мою промежность, затем внезапно быстро накрывает рот ладонью.

— Почему у тебя не было секса с Адамом?

— Я пойду собираться, — бормочет она в свою ладонь.

— Нет.

Она опускает руку от лица и расправляет плечи, прежде чем ответить:

— Где-то глубоко внутри я знала, что он нечестен со мной. Я не знала, что он обманывал меня, когда я к нему приходила, но чувствовала, что он лжёт.

— Предчувствие.

— Ага. Я всегда доверяю своим ощущениям.

— И твои ощущения сказали тебе прошлым вечером переспать со мной, а сегодня изъяснить желание находиться со мной на протяжении всего дня в постели и вытворять всякие развратные штучки? — говорю я, поддразнивая ее.

Глаза Эмили округляются от смущения, и я выдавливаю краткий смешок. Я не могу ничего поделаться. Мне так чертовски хорошо с ней. Она толкает меня в грудь, прежде чем раствориться в своём собственном завораживающем смехе.

— Да, мне об этом сказали мои ощущения, а потом включились мои мозги и сказали мне забыть об этом, потому что я всё время продолжаю ошибаться.

— Ты не ошибаешься, — прорычал я, садясь, чтобы быть ближе к ней. Надо, чтобы она видела, что я хочу её. Больше, чем кого-либо.

— Я всё делаю правильно. Послушай, Эмили. Я всё делаю чертовски верно. Ты не знаешь меня. Ты замечательная женщина, и если ты хочешь пройти этот путь со мной, ты должна кое-что знать. Я не прогоняю тебя. Я ставлю твои интересы превыше своих. Я хочу тебя. Я так чертовски сильно хочу тебя, что едва могу двигаться рядом с тобой. Тебе решать, если это то, чего ты хочешь, я проведу все эти чёртовы дни с тобой, чтобы показать, что ты для меня значишь.

— Хорошо, Гаррет, — мягко отвечает она, целуя меня в щёку.

— Хорошо.

— Я пойду в душ.

— Хорошо.

Я стараюсь держать себя в руках, когда Эмили понимается с кровати и демонстрирует свою попку в крошечной паре хлопковых трусиков. Господи, да я, вашу мать, просто святой. Будь я тем, кем был 9 лет назад, я бы уже глубоко погрузился в ее тело. Я прежний не давал бы ей подняться дни напролёт, лишь для того, чтобы поесть и попить, а в остальные моменты трахал бы её в кухне. И я всё ещё тот человек. И если она хочет меня, то я готов

трахать ее всеми известными способами.

Дверь ванной закрывается, и я испытываю непреодолимое желание дрочить. Если я смогу освободиться от вибрирующего напряжения, то смогу думать более ясно. Хотя, я не из тех парней, которые оказываются в кровати с девушкой и дрочат. Я делаю несколько глубоких вдохов и поднимаюсь на ноги, чтобы проверить дом.

Когда я убеждаюсь, что вокруг безопасно, и моя машина не пострадала, я принимаюсь искать кофеварку. Я потрясён тем, что женщина, которая держит кофейню, дома не имеет ни грамма кофе. Я знаю, что она его пьёт. Я знаю, как она его варит и сколько кружек в день выпивает. Мне нужен кофе.

Я возвращаюсь в комнату, чтобы одеться. Душ я приму у себя, после того как выпью по меньшей мере две чашки.

Когда я иду в спальню Эмили, из открытой ванной валит пар, а сама Эмили, покачивая бёдрами, пританцовывает напротив шкафа. Она закутана в тёплый лавандовый халат, волосы завёрнуты в пушистое белое полотенце. Она так чертовски мила.

— Кофе нет? — спрашиваю я, а она вскрикивает и спотыкается о кипу своей одежды.

Я в то же мгновение подбегаю к ней и прижимаю её к груди.

— Какого чёрта ты так меня пугаешь? — кричит она, ударяя меня по груди.

— Извини.

— Когда люди приносят извинения, они обычно так не ухмыляются, — упрекает она с угрюмым выражением на лице.

— Прости, — мурлычу я, наклоняя лицо к её шее, а потом издаю глубокий смешок.

Ни разу за всю мою жизнь мне не было так хорошо. Чёрт, я никогда не чувствовал себя настолько живым.

Она обвивает руки вокруг моей шеи, смеясь в ответ. Этот огонь в ней похож на фейерверк — он сияет так ярко, как солнце, но лишь на мгновение, прежде чем превратиться в тёплый свет.

Я целую её пониже уха, в родинку в форме кофейного зернышка, и встаю.

— У меня нет кофе. Знаю, это странно, но утром мне никогда не хочется. И ещё, если я выпью кофе после пяти, то не смогу заснуть.

— Я захвачу из дома, когда отвезу тебя в магазин.

Я отворачиваюсь и начинаю надевать на себя одежду. Я не слышу сзади никакого движения, когда натягиваю джинсы на бёдра, и поэтому оглядываюсь через плечо на то, каким взглядом она на меня смотрит. Голодным. Она застыла, не отрывая глаз от моей задницы, что даже не заметила, что я наблюдаю за ней. Немаловажно знать, что ей по вкусу мое тело.

— Эмили.

— А?

Её глаза пробегают по моим с этим золотым желанием в них, алый румянец украшает её щёки. Она улыбается, и на щеках у неё появляются глубокие ямочки. Я хочу прикоснуться к ним губами, чувствуя осязаемую радость.

— Обычно я не такая. Клянусь, что нет. Ты же знаешь, у меня не было секса. Я могу себя контролировать. Я имею в виду, что у женщин свои потребности, но обычно я не такая... Это твоя вина. Ты сама сексуальность. Я чувствую тебя повсюду. Даже после душа на мне твой запах. И как мне целый день думать, когда ты прямо рядом со мной? Я буду рассеянной, забывчивой и бестолковой. Джордан будет посмеиваться над тем, какая я

идиотка. В итоге мы посвятим день спорам, из-за которых я разволнуюсь ещё больше и сожгу тыквенный хлеб, так как буду зачарованно пялиться на твой магазин, если там пахнет так же хорошо, как я помню, — фыркает она, и её глаза распахиваются.

Я поворачиваюсь к ней на половине её тирады только для того, чтобы видеть её в этот момент. Я ненавижу слова, но люблю, когда она так произносит их. Её руки рассекают воздух, а глаза решительно блестят, когда она немного злится. Это дополняется её среднезападной манерой растягивать слова. Адски сексуально.

— По крайней мере, в этот раз у меня в руках нет молотка, — пожимает она плечами.

— Ну, ты и не настолько зла на этот раз.

— Нет, но на этот раз я возбуждена.

Она с визгом хлопает себя ладонями по лицу. Я не могу сдержать смешка, вырвавшегося из горла. Взрослая женщина, которая чувствует себя неудобно, когда говорит о том, что возбуждена... Это смешно.

— Ты должен сейчас же уйти. Никогда. Никогда я ещё так себя не вела, — она говорит это скорее самой себе, а не мне.

— Эмили.

— Да? — шепчет она.

— Рот.

— И ему нужно что-то, чтобы заткнуть её, — бормочет она, направляясь ко мне.

Я насмешливо изгибаю бровь, думая о том, каким образом мог бы заткнуть ее рот.

Она останавливается недостаточно близко, поэтому я притягиваю её к себе за пояс халата, заставив её ахнуть. Я завладеваю её открытым ртом, погружаясь в него. Я целую её до тех пор, пока её плечи не расслабляются, и она не подается ко мне, проводя рукой по моему прессу. Я могу провести так целый день, когда мои губы накрывают её, а руки Эмили лежат на моей груди. Я хочу только этого, и ничего больше, пока телефон Эмили не начинает звонить и не нарушает момент.

Я ещё раз целую её, и она спешит к прикроватной тумбочке, чтобы взять трубку.

— Да, — счастливо выдыхает она. — Сегодня немного опоздаю. Сможешь сам начать печь?

— Ты просто невыносим.

— Не могу отрицать это, Джордан. Я же не ты, — усмехается она.

Она прячет лицо в ладонях и издаёт стон. Я натягиваю футболку через голову и обуваю ботинки, то, как я наблюдаю за ней, безумно раздражает.

— Если бы я так не любила тебя, я бы тебя возненавидела.

— И кстати, если ты сейчас не прекратишь отвлекать меня, то пойдешь в магазин сам, потому что я еще даже не оделась.

Я поднимаю бровь, и она закатывает глаза. Я мог бы взять пример с их с Джорданом отношений. Они больше похожи на отношения брата и сестры, нежели друзей. Наверное, именно поэтому она не хотела изображать с ним нечто большее вчера перед Адамом. Она выглядела так, будто её сейчас стошнит, когда Джордан её поцеловал. Я думал, что сейчас убью его, когда он положил руку на её грудь. Думаю, тогда мы оба чувствовали себя не в своей тарелке.

— Я отключаюсь, — фыркает она и бросает трубку. — Он живёт только для того, чтобы издеваться надо мной. Клянусь, ему приносят радость мои мучения.

Он любит её. Я знал это и раньше, но прошлой ночью это было очевидно, как никогда.

Джордан готов был сделать что угодно, чтобы оградить Эмили от Адама. Если бы для этого понадобилось приложить силу, он бы сделал это. В его позе было что-то собственническое, а в глазах — дикое. Я уважаю это превыше всего остального. Это что-то, чего стоит желать в жизни, потому что я слишком хорошо знаю, как нечасто так бывает.

— Дай мне пять минут, — говорит Эмили, исчезая в ванной с кипой одежды в руках.

Музыка для моих ушей. У меня нет никакого желания быть с женщиной, которая собирается по два часа. У меня однажды была такая. Это был кошмар. Она была кошмарна. Лёгкий макияж, удобная одежда, кроссовки на каждый день. Это всё, чего я от них прошу. В двадцать я думал, что внешний вид женщины — её всё. Суровый урок, но я его усвоил. Никогда больше не поведусь на узкие платья, головокружительные каблуки и накладные ресницы. Никогда.

Эмили, оставшись верной своему слову, вылетает из ванной через несколько минут как поток свежего воздуха в кофточке кофейного цвета и обтягивающих чёрных джинсах и с завязанными в узел немного влажными волосами. Вчера вечером она была бесподобна в своих нарядах, но такая Эмили нравится мне больше.

Адски сексуальна.

— Нам надо идти. Джордан грозитя сжечь все булочки и повесить табличку: “Извините, сегодня кексов не будет, так как Эмили была слишком занята тем, что ей вылизывали ее киску, вместо того чтобы печь для вас.” И он это сделает. Идём, — говорит она, выпорхнув из комнаты.

Я следую за ней и останавливаю её, когда она хватает с вешалки своё пальто, собираясь бежать в гараж.

— Я поведу.

— Я могу...

— Я поведу, — повторяю я с некоторым нажимом в голосе.

— Джордан забросит меня домой, — уступает она, выходя из дома.

— Закрывать дверь собираешься?

— У меня нет ключей, — пренебрежительно говорит она.

Я оставляю своё мнение при себе. Все равно через час я заменю её двери. Тогда у неё будут чёртовы ключи, и ей придётся их использовать, каким бы чудесным ни был Блафсайд, это же не Мейберри.

Я придерживаю для нее дверь машины, затем захлопываю, когда она оказывается внутри, а сам обхожу капот. Я позволяю рёву двигателя на секунду оглушить меня и затем срываюсь с места.

— Это очень даже шикарная машина, Гаррет, — мурлычет она.

Она не хитрит насчёт возбуждения. Обычно девушки текут от таких спортивных машин. Потом как-нибудь проверю это на Эмили.

— Когда фестиваль закончится, отвезу тебя домой.

— Меня может забрать Джордан.

— Я заберу тебя, — ворчу я.

— Ты занят. Джордан не против.

— Я заберу.

Я бросаю на неё быстрый взгляд, чтобы она поняла, что разговор окончен, и она кивает. Скоро она поймёт меня. Я не договариваюсь. Я утверждаю. Я не задиристый, но я абсолютный альфа-самец.

— Адам не собирается сдаваться, — заявляю я, переплетая свои пальцы с её. Теперь, когда я прикасаюсь к ней, провожу пальцами по её коже, я не могу держать руки при себе.

— Возможно, собирается, — отвечает она, и я могу поклясться, что она не верит в то, что говорит.

— Милая, он думает, что победил прошлой ночью. Он сделал свой ход, он использовал твоё сострадание против тебя. Он не сдастся теперь, еще и потому, что мы вместе.

— Так мы вместе? — тихо спрашивает она.

— Он так думает.

— Он так думает? — повторяет она мои слова, поворачиваясь ко мне.

Я действительно хочу быть с Эмили и не только ради представления перед Адамом? Нет, к чёрту. Я наблюдал за ней полгода, и я чувствовал нашу связь. Несколько дней мы работаем вместе. Я знаю, этого маловато, чтобы предъявлять на неё свои права, но...

— Чего ты хочешь, милая? — мягко спрашиваю я.

— Я думала, что достаточно ясно дала понять вчера вечером и этим утром, — фыркает она.

— Ага, — говорю я, ухмыляясь.

Непривычное чувство неуверенности, и я не уверен, что мне нравится. Шесть месяцев я наблюдал за ней, несколько дней я общался с ней и одну ночь провёл, держа её в объятиях — видимо, всё это наполнило мои вены не только злостью и негодованием, но и любовью.

Потому что, чёрт меня побери, мне сейчас хорошо.

— Итак, ты хочешь быть со мной только из-за моего тела? — поддразниваю я её.

Я бросаю быстрый взгляд на неё и обнаруживаю, что её челюсть отвисла, лицо залила краска смущения.

— Я не какая-нибудь второсортная потаскушка, Гаррет Шарп, — рычит она. — Ты мне нравишься. Да, ты горяч как гребаное солнце, но мне нравится проводить с тобой время. Хотя, я знаю, что мы немного времени провели вместе. Но когда я с тобой, мне так хорошо, так... безопасно. Вчера ты был у меня в постели не из-за Адама. Верно? — спокойно заканчивает она.

— Чёрт, нет, — прорычал я. — Ты в безопасности со мной, Эмили. Я могу, не колеблясь, подтвердить это прямо сейчас. Я не стал бы делать ничего такого с тобой из-за этого недоноски. Говоря это, я понимаю, что мы вместе и это отлично. Если ты хочешь, чтобы это действительно было так...

— Я хочу, чтобы это было так, — прерывает она меня.

Я сворачиваю к остановке и полностью поворачиваюсь к ней. На её лице написана решимость и желание. Она не знает меня, а когда узнает, возможно, сбежит так далеко, как только может. Но у меня есть хотя бы день. Может быть это всё, что у меня есть, и я беру это. Я дорожу этим.

— Хорошо, — фыркаю я.

— Хорошо?

— Хорошо, — повторяю я, проводя рукой по её улыбающейся щеке, и подъезжаю к знаку “стоп”.

— Гаррет Шарп — мой парень, — сообщает Эмили в машине.

При слове “парень” я фыркаю. Звучит странно в моём возрасте быть чьим-то “парнем”. Но я приму этот титул, если она так хочет. Я приму всё, чего ей захочется.

Я подъезжаю к её магазину и останавливаюсь.

— Хочешь, чтобы я зашёл с тобой? — спрашиваю, повернувшись к Эмили.

— Нет. Джордан устроит мне сцену. Увидимся во время фестиваля.

Она хватается за ручку, чтобы выйти, но я бормочу: “Рот”.

— А вдруг он смотрит? — жалуется она.

— Мне пофиг.

Я нахожу её затылок и притягиваю её рот к себе. Она расслабляется, прежде чем я успеваю что-то для этого сделать. Я целую её настойчиво, с придыханием. Когда я отстраняюсь, она как будто в оцепенении. Я люблю это выражение. Расслабленность и готовность. Чертовски сексуально.

— Пока, сладенькая, — мягко говорю я, целуя её в ямочку на щеке.

Это даже лучше, чем я мог себе вообразить. Воплощение радости. Красоты.

— Пока, Гаррет.

Она проводит рукой по моей небритой щеке и выскальзывает из машины. Я смотрю на неё, пока Эмили не исчезает в магазине. Могу только гадать, что её там ждёт. Она всё берёт в свои руки, так что она справится.

Надеюсь, она сможет сделать тоже самое, когда узнает, что я убийца.

Глава 11

Эмили

— Доброе утро, солнышко, — говорит Джордан, сияя, когда я захожу в кафе.

— Джордан, — я мчусь к нему, задыхаясь.

Я переживаю за него, рассматривая его избитое лицо.

— Я в порядке, — уверяет он меня, когда я хватаю его за щеки и изучаю повреждения. — Эм, я в порядке.

— Я убью его за это, — рычу я

Нижняя губа Джордана в ссадинах, темно-фиолетовый синяк под левым глазом. Его челюсть тоже выглядит немного опухшей. Меня не волнует, что Джордан ударил Адама первым. Адам сам напросился. Может быть, он и пришёл прошлой ночью, чтобы попросить прощения и помириться, но он изменял мне на протяжении двух лет. Я попросила Джордана вернуться, потому что не хотела, чтобы он был в беде. Теперь я хочу сама впечатать кулак в лицо Адама.

— Нет, ты не станешь делать этого, — говорит Джордан с намеком на что-то зловещее в своем голосе, когда он тянет мою голову к своей груди. Я крепче обнимаю его на уровне ребер.

— Адам Уоррен заслуживает большего, чем побои, если вы спросите меня, — говорит Беверли из-за деревянной стойки.

— Намного больше, — соглашается Арлин.

Обе женщины уже в возрасте, их волосы почти седые, на глазах очки, но улыбки не покидают их лица. Беверли и Арлин были друзьями с детского сада. Они вырастили своих детей, а теперь смотрят за внуками. И у них есть особое место в моем сердце.

— Я вымыла руки. И я здесь, чтобы печь и слушать пикантные подробности, — тараторит Дженна, идя на кухню одна, поскольку Джордан задерживает меня.

Я встаю на носочки и целую его в щеку.

— Люблю тебя, — бормочу я в его шею.

— Я тоже тебя люблю.

Он целует меня в лоб, а Дженна хватается за руку.

— Я дерьмово готовлю. Говори что делать, и я попытаюсь сделать это.

— Иди сюда и заполни эти формы для кексов на две трети до верха, — говорит Беверли, и Дженна послушно подчиняется.

— Хорошо, я заполню. А теперь скажи мне, насколько было горячо? — спрашивает Дженна.

— Она ходит ровно, — смеется Джордан, помешивая тесто.

— А девчушка-то светится, — говорит Арлин, доставая печенье из духовки.

— Да, выглядит хорошо сегодня, — заканчивает за нее Беверли и помогает Дженне.

Я не могу скрыть улыбку, которая сама по себе растягивается на моем лице. Я хочу чувствовать себя смущенной и ошеломленной от их вопросов и комментариев, но я слишком в приподнятом настроении, чтобы чувствовать что-то, кроме счастья.

— Я — девушка Гаррета Шарпа, — восклицаю я с визгом.

— Закрой парадную дверь! — кричит Дженна с открытым от удивления ртом. — Я думала, что он просто собирается немного встряхнуть твой мир и заставить тебя забыть про этот гребаный кусок дерьма — твоего бывшего. Гаррет — это редкая порода, Эм. Святое дерьмо!

— ГРМУ (Прим. гребаный мудак), — бубнит себе под нос Джордан, пока небольшая улыбка играет на его губах.

Беверли и Арлин обмениваются короткими заинтересованными взглядами, но улыбаются, когда я начинаю задавать им вопросы.

— Тук, тук, — говорит Клайд позади меня, стуча костяшками пальцев о дверь.

Я поворачиваюсь, чтобы поприветствовать его, и сразу прижимаюсь к его широкой груди. Он пахнет моторным маслом и сигарным дымом, он сжимает меня крепче.

— Отпусти ее, Клайд, — осторожно говорит Арлин.

— Рад, что с тобой ничего не случилось, милая, — бормочет Клайд в мои волосы, прежде чем я отворачиваюсь.

Джордан подходит пожать руку Клайда, пока они обмениваются безмолвными взглядами о случившемся вчера.

— Я знаю, что это не хорошо, но я не испугалась его. Адам не собирался причинить мне вред. Он напугал меня сначала, но после этого, я увидела его боль. Я постоянно чувствую ее. А потом смотрю на побитое лицо Джордана и тогда уже злюсь. Я надеюсь, что Адам теперь оставит меня в покое.

— Я пришел установить твои полки, Эмили. Просто хотел, чтобы ты знала. Но сейчас я иду к тебе домой, чтобы помочь Гаррету с дверью, — сообщает мне Клайд, шагнув к Арлин.

Он притягивает ее к себе и оставляет поцелуй на лбу. Арлин потеряла мужа, Джорджа, почти восемнадцать лет назад. Она знала Клайда всю свою жизнь, и они вновь начали общаться, когда он переехал сюда примерно в то время, как Джордж умер. Клайд поддерживал ее и помогал преодолеть смерть мужа. Восемь лет спустя, Клайд переехал в дом Арлин и больше не уходил. Они не женаты, и я не думаю, что они когда-нибудь поженятся, но он любит ее так сильно, что просто мурашки бегут по коже от сексуального напряжения в комнате с ними.

Он приходит на кружки любви к ней каждое воскресенье и пьет, наблюдая, как его женщина работает. Они такие милые.

— Мою дверь? — спрашиваю я, когда Клайд отпускает Арлин, которая все еще немного задыхается.

— Да, сладкая, — отвечает он, проводя своими мозолистыми пальцами по моей щеке, прежде чем покинуть магазин.

— Ладно, Арлин. Тогда я хочу знать ваши пикантные подробности, — требует Дженна, шевеля бровями.

— Ох, уж этот мужчина, — стонет Арлин, и мы все от души смеёмся.

Мы заканчиваем печь довольно рано. Дженна не очень помогает, больше веселит нас. Джордан как обычно беззлобно дразнится, Арлин и Беверли рассказывают нам истории об Осеннем Фестивале, когда нас не было еще на свете. Это самое прекрасное утро и один из самых хороших дней.

Джордан, Дженна и я загружаем прилавки выпечкой, розыгрыш намечен только до десяти. Арлин и Беверли будут подавать сегодня в магазине людям кофе и горячий яблочный сидр. Улицы гудят, ведь скоро пробка полностью рассосется, и Крест Стрит будет заполнена людьми вместо машин.

На парковке есть батут, карусели и игры. Все магазины широко открывают двери, вынося свою продукцию на улицу. Дети резвятся и играют, рисуя аквагрим, предлагаемый в салоне.

Моя улыбка сегодня намного шире, чем вчера. Я улыбаюсь так, как уже давно не улыбалась.

Клайд работает с мебелью, показывая людям, как стругать небольшие куски древесины. Я еще не видела Гаррета. Я продолжаю смотреть на окна его мастерской. Интересно, он там? Думает ли он обо мне столько, сколько я думаю о нем? Объятия Гаррета прошлой ночью не просто грели меня, они опаляли мою душу. Я чувствую себя в безопасности в его объятиях. Не знаю, как долго это продлится.

Я видела, что Сара вчера мчалась из магазина Гаррета, но я не сосредотачивалась на ней. Я наблюдала за Гарретом и Клайдом. Любовь и беспокойство были на лице Гаррета, когда он говорил. Это согрело мое сердце и сердце Клайда тоже, судя по его реакции.

— Мы можем сделать капкейки (Прим. Капкейк — американское название кекса. Пирожное небольшого размера, предназначенное для употребления в пищу одним человеком, запечённое в тонкой бумаге или алюминиевой форме для выпечки. Часто содержит разнообразные элементы кондитерских украшений)? — спрашивает меня маленькая девочка с косичками, когда тащит свою младшую сестру до моего прилавка.

— Конечно.

Джордан помогает девочкам встать на табуреты, пока их мама болтает с другой женщиной всего в нескольких футах. Я даю каждой по кексу и показываю им, как работать с кондитерским мешком. Это похоже на полный беспорядок, но их лица полны решимости, когда они обмакивают кексы в ярко-розовую глазурь.

— Мама, смотри! — кричит младшая, когда заканчивает посыпать украшения.

— Это прекрасно, Ливи, — восклицает ее мама, и я чувствую легкое покалывание. Это то, что я хотела делать с моей собственной матерью в детстве. Это чувство, будто я вижу особенный момент в жизни.

Джордан собирает весь мусор в коробку, пока я вытираю девочек влажными салфетками.

— Спасибо, — говорит мне их мама.

Когда ее девочки становятся чистыми, она целует их щеки и ведет к надувному батуту.

— Просто замечу, что одна знакомая сучка мечет в нас кинжалы взглядом, — шепчет

Дженна мне на ухо.

Я смотрю вокруг и вижу хмуро смотрящую на меня Сару. Прекрасно.

— Не беспокойся о ней, — говорю я пренебрежительно, прежде чем взять деньги за лотерейные билеты.

— И не собиралась, — усмехается она, запихивая немного сдобы в рот с хитрой усмешкой на губах.

Гаррет выходит из своего магазина, чем немедленно привлекает наше внимание. Он хлопает Клайда по спине и затем ловит мой взгляд. Его глаза наполнены голодом, когда он направляется ко мне. Мои колени немного дрожат, пока он не огибает мой лоток и не сжимает в своих объятиях.

Когда его губы находят мои, я моментально забываю, что мы на публике. Это не глубокий поцелуй, наши губы сжаты, но он все же делает так, что я стою, затаив дыхание, а мое сердце отчаянно колотится в груди.

— Привет, — бормочет он в мои губы, когда прекращает поцелуй.

— Привет.

— Гаррет Шарп, ты не можешь устраивать подобное на публике. Ты вызовешь бунт, — упрекает его Дженна.

Я прыскаю со смеху, когда Гаррет тянет мою голову к своей идеальной и твердой груди. Мои щеки болят от того, как сильно я улыбаюсь. Я открываю глаза и вижу, как карие кинжалы ненависти летят в мою сторону. Сара выглядит так, будто она может взорваться. Дженна встаёт передо мной, “отрезая” ее злой взгляд.

Я протягиваю руку и сжимаю плечо, чтобы дать знать, что все в порядке.

— Мы собираемся пойти вниз, — говорит Дженна, пока Джордан идёт к ней.

Я смотрю на Гаррета и вижу, что он сосредоточенно смотрит в направлении Сары. Я протягиваю руку и осторожно прикасаюсь к его щеке. Его сердитые карие глаза сменяются на синий оттенок, когда он смотрит вниз на меня.

— Она не проблема, — объявляет Джордан, обнимая Джэну за плечи.

Он приводит ее к стеллажу, и они начинают помогать детям с капкейками, в то время как Гаррет продолжает обнимать меня, поворачивая нас немного, таким образом, что его спина становится повернутой к Саре.

— Она достает тебя? Я хочу знать, — рычит он.

— Все в порядке, — говорю я ободряюще.

— Эмили!

Это предупреждение и полноценное предложение, передающее все, что он хочет сказать только моим именем.

Я киваю и отстраняюсь, когда робкий голосок прерывает нас.

— Мистер Шарп?

Гарретт и я поворачиваемся, чтобы увидеть ребенка, который переминается с ноги на ногу.

— Да? — рычит Гарретт, но не так грубо как обычно.

— Могу я... эээ... поговорить... могу я поговорить с вами минутку? — спрашивает мальчик спокойно.

Он нервничает, почти боится. Не Гаррета, но чего-то еще. Я убираю руку Гаррета со своего плеча, показывая, что он должен что-то сказать.

— Пошли, — сдаётся он, наконец.

Он целует мои волосы и быстро прижимает за талию, прежде чем уйти, ведя мальчика за собой.

— Что это было? — шепчет Дженна мне, пока я передаю ей влажные салфетки для испачкавшихся детей перед нами.

Я пожимаю плечами, но мне тоже интересно, зачем Гаррет и мальчик исчезают в его магазине.

Целый день Крест Стрит наполнена до отказа, я провожу большую часть своего времени, бегая между магазином и лотками на улице. Погода свежая, с прохладным бризом, но солнце светит ярко.

Я делаю демонстрацию украшения торта, и это производит фурор; я получаю пять заказов на торты ко дню рождения и две консультации для свадебных тортов.

Джордан демонстрирует искусство приготовления латте.

Дженна помогает всем на протяжении дня. Она вытирает детей, приносит дополнительные материалы из магазина и использует свое обаяние, чтобы продать больше лотерейных билетов. Она теперь одна из нас.

Гаррет так и не вернулся из своего магазина. Мальчишка вышел примерно через двадцать минут после того, как они вошли. Он не выглядел ни лучше, ни хуже, когда исчез в толпе. Если бы мы не были так заняты, я бы пошла, чтобы увидеть Гаррета. Просто поговорить с ним. Но тут такое количество людей.

Клайд начал заниматься резьбой тыквы около часа назад, и группа людей с удивлением за ним наблюдает. Я наблюдала за ним пять лет, и каждый раз я была просто ошеломлена. Он не просто отрезает большие куски и оставляет зубастую улыбку в фонаре из тыквы. Клайд прорезает плоть, создавая художественные образы, которые светятся, когда он зажигает свечи. Клайд потрясающий.

— Я просто обожаю Клайда, — говорит Дженна, пока мы отдаем бабочек для украшения девочкам-подросткам.

— Я тоже, — говорю я сквозь улыбку.

— И я, — добавляет Джордан, копируя женский голос.

Мы все вместе посмеиваемся, когда Гаррет попадает в поле моего зрения. Мне приходится встать на цыпочки, чтобы разглядеть его в толпе. Он останавливается рядом с Клайдом, и я подпрыгиваю, чтобы увидеть, что он там делает.

— Ну-ка, запрыгивай мне на плечи, — говорит Джордан, сажая меня на свои плечи.

Я визжу, поскольку он резко поднимает меня вверх, я сжимаю пальцами его волосы, а бедрами голову, чтобы сохранить равновесие. Когда я усаживаюсь и прекращаю смеяться, то пристально смотрю через улицу, чтобы увидеть, что Гаррет смотрит на меня. Не думаю, что он слышал меня, но взгляд на его лице говорит о том, что мое визжание перекрыло гул толпы.

Я улыбаюсь и машу ему. Уголок его рта дергается, но он не позволяет улыбке украсить его ошеломляющее мужественное лицо. Я знаю, что он одаряет этим только меня. Это заставляет меня чувствовать себя особенной и грустной в то же время. Интересно, почему он так зажат, когда не со мной? Почему я открываю его? Почему он закрывается ото всех остальных?

Я хочу знать ответы на эти вопросы и на многие другие. Я хочу узнать Гаррета. Я могу пускать слюни на него весь день, но ощущаю, что чувство к нему пылает в моей груди. Это пламя может полностью поглотить меня в лучшем смысле.

Гаррет опускает голову вниз, пока работает над тыквой рядом с Клайдом. В то время как Клайд объясняет, что делает, и останавливается, чтобы показать толпе, как правильно сделать надрез. Гаррет молчит, его руки легкими движениями режут и лепят.

Его губы сжаты в тонкую линию. Он сосредоточен и спокоен. Я не вижу радости или счастья в его глазах, но он выглядит спокойным. Я в восторге.

Дженна продаёт еще несколько лотерейных билетов, а Джордан все еще держит мои лодыжки. Его рост позволяет ему смотреть представление. И он, кажется, так же, как и я, не может отвести от него взгляд.

— Я не сломаю тебе спину? — спрашиваю я спустя время.

— Заткнись, Эм.

Гаррет останавливается на мгновение, чтобы оценить свою работу, прежде чем перевести дыхание. Он откладывает свои инструменты и подталкивает Клайда, который осматривает его работу. Улыбка, которая расплзается по лицу Клайда, заставляет меня улыбаться сильнее. Он выглядит гордым за Гаррета.

Затем Гаррет хватается за тыкву, держит её над головой и медленно вращает. Следуют коллективные охи и ахи из толпы, когда они видят его творение. Когда он поворачивает тыкву в мою сторону, я чувствую комок в горле.

Это я.

Это профиль человеческого лица, девушки, но я знаю, что это мое лицо вырезано в тыкве. Мои глаза закрыты, на губах легкая улыбка, на щеках ямочки. Я никогда не выглядела более красивой. Это не я самоуверенна. Это то, как Гаррет видит меня, и от этого захватывает дух.

Я сползаю с плечей Джордана, пока он бормочет.

— ГРМУ.

Я замечаю отвисшую челюсть Дженны, пока пробираюсь сквозь толпу. Я пытаюсь быть вежливой, но потребность добраться до него заставляет меня продвигаться немного грубее, чем обычно.

Наконец, когда я подхожу прямо к лоткам с тыквами, Гаррет не сразу замечает меня. Его глаза скользят по лицам, пока его взгляд не останавливается на мне. Он ставит тыкву вниз, пока я подхожу ближе. Я не обхожу длинный прилавок, я перебираюсь через него, найдя маленький проход между стеллажами, и попадаю в его объятия. Я обнимаю его, как делала прошлой ночью, только на этот раз я утыкаюсь лицом в его шею, когда его ладони ложатся на мою спину.

— Целуй её, — кричит кто-то в толпе.

Гаррет легко поддерживает мой вес одной рукой, а другой сжимает мой подбородок. Я позволяю ему поднять мое лицо вверх, так что я смотрю в его глаза. Они словно калейдоскопы. Я запускаю пальцы в его волосы и слегка прикасаюсь своими губами к его, ожидая, что он возьмет на себя инициативу. И он это делает.

Он углубляет поцелуй. Даже без языка он поглощает мой рот своим, пьет меня. Громкие крики, хлопки и свистки вспыхивают вокруг нас. Я улыбаюсь в его губы и шепчу:

— Спасибо.

— Красавица, — шепчет он.

Он целомудренно целует меня еще раз, прежде чем опустить на землю. Мои ноги шатаются, пока Гаррет тянет меня под руку, чтобы поддержать. Я протягиваю руку вокруг его талии и говорю с людьми, которые в восторге от тыквы с портретом. Гаррет ничего не

говорит, кроме «спасибо», нескольким людям.

— Я лучше вернусь, — говорю я после того, как толпа начинает двигаться снова.

— Я только что продал шкаф. Там нужна помощь, чтобы загрузить его, — говорит Клайд Гаррету.

Гаррет смотрит через улицу, он общается с кем-то без слов. Затем гладит мою спину, и я начинаю понимать, что это сигнал для меня, чтобы двигаться. Он целует мои волосы, а потом гладит мою задницу. Я двигаюсь в толпу, чувствуя себя как тлеющий уголек в костре.

— Два года, — голос Адама бьет меня в живот. Я поворачиваюсь вокруг, чтобы найти его сердитый взгляд. Его лицо сплошь опухло и покрыто ссадинами и синяками, он выглядит более избитым, чем Джордан.

— Адам, не надо, — сухо говорю я.

Он фыркает и сокращает несколько футов расстояния между нами. Его рука с силой сжимает мой локоть. Он не вредит мне, но дает понять, что он тут главный. Мне это не нравится, я пытаюсь выкрутиться из его хватки, готовясь завизжать, если это будет нужно.

— Я люблю тебя, Эм. Я знаю, что сделал, и знаю, что я должен был заплатить за это, но думаю, что я заслужил прощение. Он убийца. Я для тебя действительно хуже, чем гребанный убийца? — бушует он.

— О ком ты говоришь?

Его взгляд сменяется с яростного на задумчивый, и я не понимаю, о чем он думает.

— Гаррет Шарп.

— Гаррет Шарп?

Он кивает, ослабляя хватку на моей руке, из-за чего я отшатываюсь назад.

— Я должна идти, — бормочу я и бегу сквозь толпу.

Адам не преследует меня. Он даже не пытается меня остановить. Я не знаю, куда бегу. У меня нет машины, но мне нужно уехать.

Я проталкиваюсь мимо людей без извинений. Несколько раз натыкаюсь на стены зданий, но продолжаю двигаться. Когда я достигаю пробки на Крест Стрит, то снова продолжаю бежать. Мои ноги продолжают нести мое тело вперед, потому что мой мозг отключился.

Когда я перестаю бежать, то понимаю, что нахожусь на тротуаре, чуть вдалеке от толпы и магазинов. Мое дыхание затруднено. Я должна выбраться отсюда, но мои ноги не хотят двигаться ни на дюйм. Я сжимаю колени, задыхаясь и отчаянно пытаюсь сделать все, чтобы убежать отсюда.

— Мисс Гарнер? — я слышу робкий голос в нескольких метрах.

Я смотрю вверх, чтобы увидеть, как из магазина на меня смотрит обеспокоенное молодое лицо.

— Я должна выбраться отсюда, — задыхаюсь я.

— Я помогу тебе, — говорит он добродушно, приближаясь ко мне с осторожностью.

— Я должна выбраться отсюда.

— Все в порядке, — говорит он, кладя руку мне на спину.

Я шатаюсь, пока он ведет меня через несколько домов вниз, останавливаясь возле небольшого автомобиля. Парень открывает дверь своими ключами и протягивает руку ко мне. Я беру ее и залезаю. Он, быстро огибая капот и увозит нас подальше от обочины.

— Я Коди Мэтьюс, — говорит он спустя некоторое время.

— Спасибо за помощь, Коди, — отвечаю я хрипло.

— Куда мы едем?

— Я не знаю.

Его глаза глубокого зеленого цвета отрываются от дороги, и он смотрит на меня, изучая некоторое время, прежде чем сказать:

— Я знаю одно место.

Я киваю и устраиваюсь на сиденье, отворачиваясь к окну, но не вижу ничего, что проплывает мимо. Я не знаю, что я делаю. Он убийца. Это все, что я слышу. Это все, о чем могу думать. Паника пронзает мою грудь, поэтому я бегу от этого, но меня больше не волнует ничего.

Глава 12

Гаррет

Загрузка шкафа для нас с Клайдом была занозой в заднице. Пара, которая его купила, хотела забрать его сегодня вместо того, чтобы позволить нам доставить его на следующей неделе. Массивный шкаф едва поместился в их грузовик. Хотя заработанные пять тысяч долларов уменьшили мое раздражение.

— Она у тебя? — спрашивает Джордан, затаив дыхание.

— Кто? — рычу я, понимая мгновенно, о ком он говорит.

— Эм!

Прошло почти тридцать минут, как я отослал ее обратно. Мой желудок переворачивается, и ярость застилает глаза, когда я думаю, что что-то могло случиться.

— Она не вернулась. У нас было много заказов, и я думал, что пропустил, когда она вернулась в кафе. Я проверил. Она не возвращалась. Ее гребаный кошелек и телефон здесь, но Эм нигде нет, — рычит Джордан, сотрясаясь от адреналина.

Адам забрал ее. Это единственная правдоподобная причина, по которой она может отсутствовать. Эмили никогда не уйдет, оставив свой магазин и не предупредив никого. Я оббегаю вокруг стойки и хватаю ключи из ящика. Я поеду в дом этого урода. Выломаю дверь. И если она там, я перережу ему горло.

Предвкушающий смех прорывается сквозь мою дымку ярости на мгновение. Я смотрю в окно, чтобы увидеть, как руки Сары скользят вокруг шеи мужчины, ее голова откидывается назад с огромной улыбкой на лице. Хоть она не та, кого я ищу, мне нужен человек, на котором она висит как дешевый костюм. Адам.

Бл*дь!

Джордан замечает этих двоих, и его лицо бледнеет, с тем же осознанием, что и у меня. Адам не забирал ее. Он никак не мог успеть забрать ее, спрятать и вернуться. Эмили может быть в багажнике его машины, но думаю, что кто-то бы заметил.

— Я иду к ее дому, — говорит Джордан.

— Я посмотрю здесь. Смотри, может она в толпе где-нибудь. Она, возможно, ввязалась во что-то, — говорю я, уже зная, что этого не случилось.

Мы быстро обмениваемся телефонами и расходимся в разные стороны. Дженна и Арлин работают в кафе, когда я прохожу мимо. Они обе выглядят взволнованными. Так не должно быть. Я пристально рассматриваю каждое лицо, мимо которого прохожу. Я прислушиваюсь к каждому голосу. Смотрю в каждом переулке. Ее здесь нет.

Мой телефон звонит, и я бормочу «да».

— Ее здесь нет. Она не приходила домой, — говорит Джордан. — Где же она?

Он не спрашивает меня. Это вопрос к каким-то высшим силам. Он психует, и я вместе с

ним.

— Куда она идет, если что-то случается? — спрашиваю я, пытаюсь за что-то зацепиться.

— Ко мне, — огрызается парень. — Эм не сбегает, Шарп. Если что-то случается, она приходит ко мне.

Я слышу параллельный звонок и вижу номер Девлина.

— Я перезвоню через две минуты, — рычу я и переключаюсь, прежде чем он отвечает. — Девлин?

— Твоя женщина пропала?

— Да.

— Черт!

— Да.

— Бывший? — спрашивает он с угрозой в голосе.

— Нет.

Пока говорю, я иду обратно в свой магазин.

— Твою мать. Я в десяти минутах езды. У тебя есть идеи, где она может быть?

— Нет.

— Черт, — он замирает на несколько мгновений, но затем заверяет, — мы найдем ее.

— Да, — говорю я, думая, что нет других вариантов.

Я кладу трубку, когда вхожу в магазин. Клайд стоит, опустив голову, и что-то быстро пишет на бумаге, прижав телефон к уху. Я прохожу мимо него, но останавливаюсь, когда его сильная рука хватается меня за рубашку.

— Ты сделал правильно, — говорит Клайд звонящему. — Он очень скоро приедет. Пока.

Клайд кладет трубку и говорит.

— Я нашел ее.

Мои плечи расслабляются от облегчения. Но я снова злюсь, потому что она ушла.

— Коди Мэтьюс обнаружил ее в десяти кварталах отсюда, она стояла на тротуаре в панике. Он отвез ее в охотничий домик его семьи на утесе. Вот адрес.

Я беру бумагу и пытаюсь сохранять спокойствие. Она была на тротуаре в панике? Эмили не пошла к Джордану. Бл*дь, я должен ему позвонить.

— Я нашел ее, — рычу я, когда он отвечает.

— Где?

— Охотничий домик на утесе Коди Мэтьюса.

— ЧТО? — орет он.

— Я сейчас отправляюсь туда. Ты поедешь со мной?

— Да, — огрызается он, явно в ярости, что она сбежала.

После того, как продиктовал ему адрес, я сбрасываю звонок.

— Я предупрежу Арлин и остальных. Иди, забери свою девушку, — говорит Клайд, прежде чем положить руку на мое предплечье. — И полегче, парень.

Я киваю и иду обратно в свою машину. Я звоню Девлину, когда выезжаю из города.

— Нашел ее.

— Где?

— Она в охотничьем домике на утесе.

— Какого хрена?

— Не знаю. Ты можешь приехать к своей женщине и присмотреть за ней? Джордан со

мной. Девушки там одни.

— Я присмотрю. Если понадобится помощь, просто позвони.

— Пока.

— Пока.

Я смог опередить Джордана на добрых двадцать минут. Он находится на другом конце города и столкнётся с затрудненным движением из-за фестиваля. Наверняка парень разозлится, что сегодня он не на своем мотоцикле.

Я мельком подмечаю, что пейзаж здесь просто чертовски удивительный, но мои мысли сосредоточены на Эмили. Почему она с Коди? Почему она была в панике в десяти кварталах, когда Коди нашел ее?

Я стараюсь успокоить свой гнев, пока еду на скорости по широкой трассе, пока не сворачиваю на гравийную дорогу. Из-за скорости вокруг моей машины летит пыль. Я могу вытерпеть любой ушиб, который получу из-за быстрого спуска с обрыва и разворота. Это не имеет значения.

Наконец, я вижу небольшой деревянный домик. Рядом с ним припаркована небольшая Хонда Цивик. Машина подростка. Я выхожу из машины, делая глубокие вдохи, чтобы успокоиться.

Коди спрыгивает с крыльца, когда я хлопаю дверью.

— Я не знал, куда еще отвезти ее, — объясняет он быстро, нервно проводя по светлым волосам на голове. — Она плохо выглядела. И она ничего не сказала мне. Я просто подумал, что здесь ей будет лучше, и тогда я смогу связаться с тобой.

— Молодец, парень, — хвалю я его. — Где она?

Он кивает в сторону утеса.

Я просматриваю местность, покрытую высокой травой и деревьями, и замечаю Эмили у края обрыва. Она стоит ко мне спиной, обнимая себя руками, пока сильный ветер развивает ей волосы.

Я хлопаю Коди по плечу, прежде чем двигаюсь к ней. Внимательно прислушиваюсь, когда подхожу ближе в поисках признаков слез или гнева. Я понятия не имею, что сейчас произойдет, и мне это не нравится.

Я останавливаюсь в нескольких футах позади нее, прежде чем позвать:

— Эмили.

Она взвизгивает и подпрыгивает, я напугал ее. Я ловлю ее за талию и прижимаю к своему телу. Я молчу и она тоже. Через некоторое время, Эмили наклоняет голову на мое плечо.

— Ты — убийца, — говорит она тихо.

Мои внутренности переворачиваются, но я стою, не двигаясь. Она знает. Она ушла, потому что знает. Эмили не спрашивала, был ли я убийцей. Она озвучила это как известный всему миру факт.

Эмили поворачивается в моих руках и смотрит на меня из-под длинных ресниц. Они не мокрые, в ее взгляде нет обиды или боли, как я ожидал увидеть.

— Скажи мне, Гаррет, — просит она.

Я сглатываю комок в горле, мне интересно, могу ли я сделать это проще.

— Я — убийца, — признаю я простую истину.

— Мне нужно все знать. Тебе придется объяснить мне, — говорит она.

— Я вернулся сюда после того, как освободился из тюрьмы. Я отсидел восемь лет из

моего пятнадцатилетнего срока за вооруженное ограбление и умышленное убийство. Мой отец отбывает пожизненное заключение за убийство первой степени, он избежал смертной казни, рассказав все о своих делах и обо мне, это была часть его сделки о признании вины.

Я чувствую себя роботом, когда говорю это. Я просто передаю информацию, как компьютерную распечатку. Это не то, чего она хочет слышать. Эмили хочет слышать, почему и как. Я не уверен, что она захочет услышать ответы, которые последуют после вопросов.

— Твой отец? — спрашивает она в ужасе.

Я киваю.

— Адам нашел меня в толпе после того, как я оставила тебя, — мое тело напрягается при этой информации, но девушка продолжает говорить. — Он сказал мне, что ты убийца. Спросил меня, разве он был хуже, чем убийца. Я не знаю, что случилось, но мне пришлось уйти от него. Уйти от всего. Мне просто нужна была минута, чтобы отдышаться и подумать. Я побежала. Я бежала, бежала и бежала. Я не бегун. Я имею в виду, я могу пойти на пробежку сейчас или потом, но я не бегун. Я думала, что меня стошнит, когда остановилась.

Она говорит бессвязно. Я не ухмыляюсь на этот раз. Просто наслаждаюсь тем, что она все еще в моих руках.

— Тогда Коди нашел меня. Я знаю, что не нужно было садиться в машину с незнакомым человеком, но он казался безобидным и действительно беспокоился обо мне. Я не знала, куда идти. Я не могла позвонить Джордану или пойти к нему. Это твоя история, твоя жизнь. Очевидно, ты не хотел распространения информации, поэтому я не собиралась делиться ей с Джорданом, не поговорив с тобой. Но ты не рассказывал мне, а что если Адам солгал? Я знаю, что это не так. Я знаю, когда этот придурок врет, а когда говорит правду. И я убежала. Я должна была прийти к тебе. Поговорить с тобой, — она на миг замолкает, а потом снова продолжает рассказывать. — Но ты вырезал меня из тыквы. Никто никогда не вырезал меня из тыквы раньше. То, как ты видишь меня... Ты изобразил меня будто... ты словно вложил всю свою душу в тыкву. Я не могла требовать ответа после чего-то такого красивого. Я не в состоянии что-либо требовать. Ты не должен мне отвечать, даже если я хочу слышать ответы. Я знаю, что в безопасности с тобой. То, как ты вчера впечатал Адама головой в дверь, укрепило мою уверенность в этом... — снова недолгое молчание. — Так что я побежала. И тогда Коди нашел меня... Он очень милый, кстати. Он отвез меня сюда. Я никогда не была здесь раньше. Думаю, что здесь потрясающе. Абсолютно захватывающе. Я стояла здесь и думала о маме. Амелия Элизабет Гарнер. Это красивое имя, как ты думаешь?

Я слегка киваю, а она продолжает говорить.

— Она самый лучший человек в мире, Гаррет. Ее сердце было таким большим, ты мог бы злить, раздражать, вызывать бурю в ней, но она будет просто молчать. Эта искра внутри нее... она могла исчезнуть, когда мама умерла, но я клянусь, что мама иногда все еще здесь. Я ищу ее, когда мне одиноко или грустно. Просто маленький кусочек женщины, которая любила меня, как только могла... Стоя здесь и смотря на всю эту красоту и спокойствие, я чувствую связь с ней. Моей маме ты бы понравился. Сильно. Она думала, что мужчина должен быть сильным, опекающим. Мой отец был для нее таким. Она сказала мне, когда я была маленькой, что в моей жизни никогда не будет проблем, потому что человек, который завоюет мое сердце, будет защищать его от всего плохого. Я ей поверила. И все еще верю... Адам хуже, чем ты. Он не защитил мое сердце и меня. Ты сделал это меньше чем через неделю. Ты дал мне больше за несколько дней, чем он не дал за два года. Я знаю, что не

должна быть твоей девушкой после нескольких дней знакомства. Это безумие двигаться так быстро. Очевидно, что мне нужно знать о тебе больше. Мне нужны подробности от тебя. Мне нужна вся история. Но я не знаю, как буду реагировать и останусь ли с тобой. Но я знаю, что действительно хочу знать тебя, Гаррет Шарп, — Эмили заканчивает свой монолог с глубоким вздохом.

Слова Эмили о матери. Каждое слово имеет значение. Она выжидательно смотрит на меня, я должен что-то сказать, но не знаю с чего начать. Что ей сказать? Чем поделиться? Про что нужно промолчать? Я упускаю шанс что-нибудь ответить, потому что Джордан на скорости подъезжает к дому.

Он вылетает из своей машины и бежит к нам навстречу.

— О нет, — шепчет Эмили, выскальзывая из моих объятий.

— Ты не могла сделать этого! — Джордан кричит, подходя ближе. — Нет такой причины, чтобы ты была такой гребаной эгоисткой, Эм.

Он обнимает ее, сильно хватая за плечи. Мне это не нравится.

— Скажи мне, что ты не сбегала. Скажи, что ты не заставила меня думать, что я облажался и с тобой что-то случилось. Скажи мне, что ты не собиралась заставить меня пройти через это дерьмо снова, которое и так не дает мне покоя!

Он трясет ее. Не очень сильно, но сильнее, чем я могу позволить.

— Полегче, парень, — приказываю я.

— Джордан, — она рыдает и падает ему на грудь.

Он держит ее крепко, дрожа от ярости, которая начинает превращаться в грусть. Я ухожу, когда чувствую, что лишний здесь. Коди все еще сидит на крыльце, когда я возвращаюсь к домику. Я беру старенькое плетеное кресло и сажусь рядом с ним.

Он ничего не говорит, просто сидит, глядя на утесы.

— Ты похож на него, — говорю я через некоторое время.

— Да?

Он не удивлен или впечатлен. Это важно. Это значит, он достаточно умен.

— Кто будет заботиться о тебе? — спрашиваю я у Коди.

— Я сам, — отвечает он твердо.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Ему всего шестнадцать лет. Только начал вытягиваться. Он вырастет, по крайней мере, на полфута к тому времени как ему будет двадцать. Отличные данные для спорта или борьбы. Он не грустный и не злится, что кажется мне интересным. Кажется, словно он онемел.

— Это твоя земля сейчас?

Он кивает.

— Ты собираешься охранять ее?

Он пожимает плечами.

— Ты не хочешь переехать ко мне? — задаю я очередной вопрос этому пареньку.

Теперь его темно-зеленые глаза смотрят на меня. Он всматривается в мое лицо где-то с минуту, пытаюсь понять что-то по выражению на моем лице. Задача не из легких. Хоть он и старается.

— Да, — отвечает Коди, довольствуясь тем, что нашел в моем каменном взгляде.

Мне не нужен тест ДНК, чтобы доказать то, что Коди Мэтьюс мой брат. Точнее сводный брат, с технической точки зрения. Кажется, когда Дэрил якобы посещал Клайда здесь, он еще и трахнул женщину. Я хотел бы сказать, что у них были отношения, он хорошо

к ней относился, но я знаю этого человека. Это не то, что он делал. Коди никогда не встречал этого ублюдка, и это хорошо.

Мать Коди умерла месяц назад из-за больного сердца, она не знала о своей болезни. Она была матерью-одиночкой без поддержки. Паренек сумел остаться в приемной семье, с подругой семьи, но это временное решение. Коди не просил меня вмешиваться. Он попросил меня связаться с Дэрилом, чтобы заставить его подписать документы об эмансипации (прим. Эмансипация несовершеннолетнего — объявление его полностью дееспособным посредством решения органа опеки и попечительства либо суда по достижении шестнадцатилетнего возраста). Я не уверен, что смогу сделать это. Я не хочу возвращаться в тюрьму, и если я должен буду поговорить с Дэрилом Шарпом, то выпаду из жизни.

— Завтра, — резко произношу я.

Он кивает, и мы оба возвращаем наши взоры обратно к обрыву. Я смотрю на Эмили и Джордана. Он все еще обнимает ее, но, похоже, что они спокойно разговаривают. Я думаю, что Коди тоже смотрит на них, но он может просто смотреть в ту сторону на утес. Единственное, что его мать оставила ему, кроме дерьмового отца и брата.

Мир не справедлив.

Урок, который он узнал слишком рано в своей жизни.

***

Я паркуюсь за моим магазином и делаю тяжелый вздох. Я устал. Джордан забрал Эмили домой после того, как они помирились. Она обняла меня, прежде чем села в его машину, и это было что-то вроде пока. Я ждал этого, и это по-прежнему чертовски согревало.

— Она в порядке? — спрашивает меня Клайд, прежде чем я успеваю сделать два шага в магазине.

Я озираюсь, чтобы увидеть, одни мы или нет.

— Адам рассказал ей о моем преступном прошлом, — рычу я.

— Дерьмо. Так она ушла?

— Ей просто нужна была минутка, — с трудом я поясняю.

Он понимающе кивает.

— Девлин в ее магазине помогает все закрыть. Возможно, ты захочешь проверить, — предполагает он, намекая, что хочет, чтобы я сделал это сейчас.

С поднятой головой я направляюсь к кафе Эмили. Перед тем как открыть дверь, я слышу гребаный смех неподалеку. Иисус, ей нужно вырезать голосовые связки.

— Я говорила тебе, — говорит Сара бойко.

Я отхожу немного, чтобы оставаться в тени и лучше видеть, что происходит.

— Да ты говорила, — мурлычет Адам, схватив двумя руками ее за задницу.

Этот мудака пытается соблазнить ее.

— Ты будешь скучать, когда я буду с ним. Эмили не сможет делать то, что делала я.

— Почему я буду скучать? Я буду трахать тебя, как и раньше, — фыркает он.

— Я не думаю, что Гаррет допустит это. Как только я буду с ним, все прекратится, — отвечает она с грустью в голосе.

— Разве?

Затем он с жадностью целует ее. Это не страсть или любовь, это животная похоть. Мой живот сжимается, когда я смотрю. Почему они не вместе? Если они хотят друг друга, а они хотят, то почему он уходит после этого к Эмили, а Сара тупо идет ко мне?

— Принеси мне эти цифры, — говорит Адам. — Ты пойдешь в дом моего отца?

Она кивает.

— Потом ко мне?

— Он хочет, чтобы я осталась на ночь. Ты ведь знаешь его.

— Тогда я найду кого-нибудь другого, — говорит он пренебрежительно.

Я вижу боль на ее лице, когда он уходит, не сказав ни слова. Сара наблюдает за ним, пока еще различает его силуэт. Когда она поворачивается, чтобы вернуться в свой магазин, то замечает меня.

Сара не отскакивает и не кричит как Эмили, когда я напугал ее. Лицо Сары становится бледным, по выражению ее лица видно, что у нее образовывается ком в горле. Я бы сказал, она выглядит напуганной. Я хочу, чтобы она была напуганной. Давайте посмотрим, что я могу сделать с этим.

Я направляюсь к ней и смотрю в ее карие глаза, которые увеличиваются вдвое. Одним движением я придавливаю ее тело к грубому кирпичному фасаду ее магазина. Она хватается за мою куртку, и я выворачиваю ей руки, сцепив их за ее спиной. Свободной рукой грубо хватаю ее фальшивые волосы, дергая голову назад.

— Шлюха Уоррена показывает свое истинное лицо, — говорю я спокойно, но с угрожающим тоном.

Любой прохожий, увидев нас, будет думать, что мы обнимаемся. Я хорошо спрятался из виду.

Обычно я так не поступаю с людьми, но к разным людям разный подход.

Она хнычет, когда я прикладываю большую силу, но не делает ничего, чтобы бороться со мной.

— Ты сосала его член и думала обо мне в это время. Это максимум, что ты получишь. Я думаю, ты знаешь о моей истории. Ты действительно хочешь, чтобы твоим мужчиной был убийца? Хочешь трахаться с уголовником? Проверить, как тюрьма повлияла на мою способность трахаться? Я бы не прикоснулся к тебе после члена Уоррена. Если еще раз подойдешь к Эмили, я приду за тобой. За вами обоими. Твое тело найдут по кусочкам, разбросанным по всему среднему Западу, со следами ДНК Уоррена. Не. Приближайтесь Бл*дь. К. Эмили!

Я отпускаю ее и вижу, как дорожки слез стекают по ее щекам. Херня заключается в том, что ее всхлипы доставляют удовольствие мне. Как будто я сделал что-то правильное.

Я прохожу несколько метров, прежде чем повернуться и сказать ей:

— У тебя что-то на подбородке.

Она задыхается и начинает лихорадочно тереть свою кожу. Мне хочется смеяться. Но я не смеюсь. Я ухожу, чувствуя, что это только начало мучений, ее и Адама Уоррена. Они думали, что открыли банку с червями, но это была ошибка. Банка полна ядовитых змей, и я не могу дождаться, когда перегрызу их глотки.

Я слышу глубокий хохот Девлина, перед тем как увидеть его, стоящего в дверях кафе Эмили.

— Я забыл, бл*дь, что ты за человек, — делает комплимент он.

— Это неважно.

Он кивает в согласии, мы стучаемся кулаками перед тем, как войти в кафе Эмили, здесь грустно и холодно без ее тепла.

— Так, Эмили знает.

Я думаю, что она говорила с Дженной или, по крайней мере, дала ей намек, и Девлин

заполнил пробелы.

— Да.

— Она испугалась и убежала? — спрашивает он, почти веря, что она могла так поступить.

— Вроде. Она не злится или обижается. Я думаю, что она запуталась... все сорвалось. Я делаю шаг назад. Оставляю ее ненадолго в покое. Я не должен был начинать все таким путем, — говорю расстроено, проводя рукой по щетине.

Темные глаза Девлина изучают меня некоторое время, пока он поглаживает по своей челюсти.

— Завладей ею. Назови ее своей. Я имею в виду, что ты достоин цыпочки с кафе.

— Я рад, что у меня есть твое одобрение, — говорю ему с сарказмом.

— Не говори со мной так дерьмово, — рычит он.

— Ты заставил меня присматривать за твоей женщиной, пока ты был занят. Ты всегда будешь следить за ней или кто-то присмотрит. У тебя все хорошо с этим?

— Мы говорим не обо мне.

Я смотрю на него и жду ответа на мой вопрос.

— Я должен быть здесь. Если не я, кто-то еще появится в ее жизни. Может, я эгоистичный ублюдок, потому что предпочитаю, чтобы она была моей, чем с каким-то безопасным придурком: адвокатом или хирургом. Я не заставлял Дженну быть со мной. Я рвал задницу, чтобы просто попить гребаный кофе с моей женщиной на этой неделе. Оно того стоило. Я не врал, чтобы быть с ней. Она знает, кто я... как я живу. Я позволил ей решать. Если бы она сказала мне, что не сможет так жить, я бы отпустил ее, — объясняет он, садясь за столик.

Я не могу сесть там с ним. Я вижу Эмили в кресле напротив него почти каждый день и смотрю с блаженством. Я не могу портить пространство своим дерьмом.

— Из-за тебя ее могут убить или еще хуже, — предупреждаю я.

— Да у кого есть такие стальные яйца, чтобы достать меня таким образом?

— Всегда кто-то найдется.

— Так, ты говоришь, что ты и я должны просто трахаться с безликими шлюхами всю оставшуюся жизнь и отказаться от всего хорошего, потому что мы не имеем право на что-то большее? — внезапно произносит женский голос. — Ты, бл*дь, не мог сказать это сейчас, — восклицает Дженна, стоя за раздвижными дверями. — Да, мы слышим вас, придурки.

— Детка, — Девлин пытается успокоить ее.

— Хрен тебе, Калев. И тебе тоже, Гаррет.

Она подходит к нам, выглядя более разгневанной, чем я мог бы представить.

— Ты хочешь урок о женщинах? Я дам вам один бесплатно. Ни черта подобного не смейте думать, что знаете нас. У меня есть мозги, которые отлично работают. Я с тобой, потому что не хочу быть с другим мужчиной. Я не чувствую себя обязанной. Я. Хочу. Этого. Твоя жизнь опасна и хренова. Я понимаю, это. Я жила в моей собственной версии хреновой жизни достаточно долго, чтобы знать, что я могу справиться. И вот в чем дело. Я знаю, что ты никогда не позволишь ничему плохому случиться со мной. И если случайно что-то случится, я знаю, что ты будешь крушить, убивать и пытаться, чтобы это никогда не повторилось... Большинство женщин не получают этого от своих мужчин. Посмотри на Эмили. Она может быть самым добрым, бл*дь, живущим человеком, и Адам — не «безопасный человек» обманул ее, — она тычет пальцем в мою грудь, когда продолжает. —

А ты, идиот, заставил ее чувствовать себя в безопасности. Чтобы ты ни сделал в прошлом, не имеет значения. Эта женщина потеряла мать и выжила, чтобы прожить хорошую жизнь. Ее предавали на протяжении двух лет, и она прекратила это дерьмо. Вы видите, чтобы это повлияло на нее? Нет, она все еще яркий лучик солнца. Ты не можешь решать, что лучше для нее. Эмили может решить это сама. Если ты слишком напуган, чтобы выяснить, что она выберет, ты ее не достоин, и ты не тот человек, как я думала. В любом случае, заканчивайте этот чертов разговор, чтобы мы могли убраться отсюда. Я хочу видеть свою подругу.

Она разворачивается, чтобы уйти, но Девлин обнимает ее и прижимает свои губы к ее губам. Она тает в его руках, и я перестаю смотреть. Я бы хотел еще и не слышать. После слишком долгого времени в объятиях он отпускает ее, и она направляется обратно на кухню.

— Думаю, что я люблю эту женщину, — объявляет Девлин после того, как она исчезает. Я не отвечаю. Я уверен, что он любит ее, да и она любит его.

— Не иди к Адаму Уоррену после встречи с твоей женщиной. Он в любом случае будет провоцировать тебя, но у него будет шанс, если ты пойдешь к нему. Не поступай так глупо. Ты сделал много дерьма в жизни, но ты не идиот.

— Есть еще вопрос, — фыркаю я, мне нужно сменить тему.

Он поднимает брови.

— Ты знаешь Коди Мэтьюса?

— Мама парня умерла несколько недель назад, верно?

Я киваю.

— Он тебе никого не напоминает? — спрашиваю я, желая увидеть, поймет ли он.

Девлин проводит рукой по черным волосам, глубоко задумавшись. Я жду, пока не замечая понимание в его глазах.

— Охренеть, не может быть! — шепчет он.

— Охренеть.

— Бл*дь. Что ты собираешься делать?

— Он переезжает ко мне завтра, — отвечаю я, пожимая плечами.

— Бл*дь.

— Это моя работа, — говорит Дженна Беверли, когда они с Арлин выходят из кухни.

Арлин мне грустно улыбается, как и Беверли. Они знали обо мне. Так как Арлин жена Клайда, она знала меня раньше, до того как меня посадили. Когда меня освободили, Беверли и Арлин пытались порадовать меня всем, чем могли. Я не слишком был рад, но ценил усилия, которые они вложили. Я остался у Клайда и Арлин только на одну ночь. Я не мог находиться рядом с людьми, когда вышел. Мне нужно было пространство, чтобы дышать. Я нуждался в тишине. Мне нужно было побыть одному.

Это я чувствую и сейчас, когда все смотрят на меня.

— Ты идешь? — спрашивает меня Дженна, с надеждой посмотрев на мое лицо.

— Нет.

Я разворачиваюсь и покидаю «Кофе и пирожные Эмили». Я проношушь через свой магазин и получаю удивленный взгляд Клайда, когда прохожу мимо. Я сажусь в свою машину и выезжаю из переулка. Когда заезжаю в свой гараж, я выпускаю руль из моей хватки и пытаюсь обуздать свой гнев.

Два человека, которые утверждали, что любят меня, разрушили мою жизнь. Я не могу позволить им разрушить жизнь Эмили тоже.

Эмили

— Дженна с Калобом снова придут, — сообщаю я Джордану, когда он заходит в гостиную. Он в чёрных спортивных штанах и белой футболке с длинным рукавом, его светлые волосы ещё влажные после душа.

Он молча кивает.

Джордан ужасно зол на меня. Он никогда по-настоящему не злился на меня, и я не знаю что делать. Это меня убивает. То, что я причиняю ему боль, расстраивает меня больше, чем то, что Гарретт — убийца. Я не уверена, но он сказал, что был осуждён за убийство. Это не то, что убить кого-то. Может быть, это формальность, но по его объяснению я поняла, что он никого не убивал.

Я до сих пор так растеряна, что не могу адекватно соображать.

Я надеялась, что смогу нормально побеседовать с ним хотя бы однажды, чтобы он понял, что я не сумасшедшая, потому что когда он рядом и мы разговариваем, я неадекватно реагирую на него, конечно же, в хорошем смысле.

Глядя сегодня в его голубые, честные глаза, я не видела в нём убийцу. Я не видела в нём кого-то, кого я должна бояться. Я не видела в нём кого-то, от кого я должна уйти. Я не видела в нём никого, кроме человека, переживающего за свою девушку.

Хотя, я больше не думаю, что я его девушка. Не знаю, должна ли ей быть. Я, в самом деле, ничегошеньки о нём не знаю. Хотя нет, я знаю, каково мне, когда он рядом. Я знаю, что никогда в жизни не чувствовала ничего даже похожего на то, что испытываю к нему. После нескольких дней общения и месяцев наблюдения за ним. За этот краткий срок я стала испытывать к Гарретту то, чего никогда не чувствовала к Адаму. Я знаю, что не смогу просто оставить всё это.

Джордан плюхается на диван рядом со мной и перетаскивает меня к себе на колени. Он злится на меня, но всё равно не может отпустить меня. Пятиминутный душ был самым долгим промежутком времени, на который он оставил меня одну. Мы заехали к нему захватить одежду и его байк. Я каждую секунду была с ним.

Я прижимаюсь к другу и шепчу:

— Мне, правда, очень жаль, Джордан. Я никогда больше так не сделаю. Клянусь своей матерью, что больше не исчезну, не предупредив тебя.

— Последний раз, когда кто-то исчез, не предупредив меня, ... тогда я нашёл труп моего старика, Эм. Я не хочу, чтобы так же случилось и с тобой. Я не хочу найти тебя покалеченной и, блин, конечно, я не хочу обнаружить тебя мёртвой. Я не переживу этого.

Слёзы текут из глаз, когда я киваю ему в плечо. Я знаю, что Джордан нашёл своего отца убитым. Как эгоистично было с моей стороны заставить его сегодня пройти через это. Я не соображала. Не уверена, что мой мозг вообще функционировал. Если они позвонили моему отцу... это было бы в тысячу раз хуже.

Мой отец военный инженер, он изготавливал оружие. В прошлом снайпер, он нашёл своё призвание в проектировании и занялся этим после ухода из морской пехоты. Вот почему я была так близка с моей мамой. Мы часто оставались одни. Мой папа перемещался по разным частям страны, и поэтому мама решила прекратить путешествовать вместе с ним, когда родилась я. Все мои бабушки и дедушки тогда всё ещё жили в Канзас-Сити, и она хотела, чтобы я выросла в кругу семьи.

Ей был поставлен диагноз рак через два года после того, как он покинул службу в армии. Я думаю, они оба сожалели о том, что проводили вместе так мало времени. Я

чувствовала себя виноватой, пока они меня не разубедили. Все следующие десять лет, когда моя мама боролась с раком, папа не отходил от неё ни на шаг, никогда не покидал её. Они восполняли то время, которое потеряли. Пока они не лишились друг друга.

Если Джордан позвонил сегодня моему отцу и сказал, что я потерялась, флот вооружённых беспилотных самолетов обшаривал бы окрестности с неба. Это была бездумная ошибка. Она больше не повторится.

— Прости меня, — прошу я Джордана, будучи не в состоянии усмирить его гнев.

— Я не злюсь на тебя, Эм. Я был без ума от страха. Просто дай мне обнять тебя. Завтра я буду в порядке. Просто сейчас позволь мне это.

Всё, что я могу сделать — это прижаться к нему и закрыть глаза, лишь затем, чтобы распахнуть их через несколько минут, когда раздаётся стук в дверь.

— Я открою, — ласково говорит Джордан в мои волосы, сажая меня обратно на диван.

Он открывает дверь, и в комнату влетает Дженна, заключая меня в объятия.

— Никогда больше так не делай! — кричит она, полностью выжимая из моего тела остатки воздуха своими крепкими объятиями.

Как кто-то такой маленький может быть таким сильным?

Потом она толкает меня в сторону и шлёпает по заднице. Я вскрикиваю и шокировано на неё смотрю. Мы глядим, друг на друга какое-то время, а потом начинаем истерически хохотать. Эти слёзы помогают — я ничего не сказала Дженне о Гаррете. Я не хочу кому-то говорить об этом. Но я вижу в её глазах понимание, когда мы успокаиваемся.

— Это был какой-то дерьмовый бред, — говорит Калев, придвигаясь ко мне своим огромным телом.

Он походит на Халка в моём доме.

Калев подхватывает меня с дивана и сжимает в неистовых объятиях. Хорошо, что Дженна сильная, а то бы он мог причинить ей вред по неосторожности.

— Я тоже хотел бы тебя выпороть, как следует. Хотя не думаю, что Гаррету это понравится. Но знай, если бы ты не была с ним, я выпорол бы тебя за то, что ты сделала сегодня, — его тон не соответствует словам. Угрозы не существует, его голос абсолютно спокоен.

Я киваю, потому что у меня нет воздуха, чтобы ответить.

Отец Калеба был убит вместе с отцом Джордана, и я могу только предположить, что он сам нашёл его труп. Я не обязана Калебу тем, чем обязана Джордану, но до сих пор чувствую себя дерьмово, из-за того, что заставила его волноваться. Когда я понимаю, что сейчас задохнусь, он отпускает меня к Джордану, который вновь сажает меня на колени.

Пока Дженна с Калевом тут, наш разговор не касается Гаррета. Джордан ведёт себя тихо, что странно, но объяснимо. Они не задерживаются надолго. После очередной серии объятий, на этот раз без шлепков, они удаляются.

Я смотрю на мою новую дверь, пока Джордан не выключает свет. Я не знаю, из какого она дерева, но выглядит тёплой и дорогой. Я могу рассмотреть каждую шероховатость на ней. Она тяжёлая, более прочная, чем у меня была до этого. Тут есть три замка, закрывающиеся, когда я поворачиваю засов. И глазок. Гаррет может быть уверен, теперь я нахожусь в безопасности.

Ещё он оставил те шестьсот долларов на моём кухонном столе, сказав только: «Не надо». Я не стану пытаться вернуть их ему. Я начинаю понимать, что он имеет в виду, когда говорит «нет». Иногда, мне даже страшно, до чего он напоминает мне моего отца. Адам

никогда не был похож на моего отца. Мой отец скорее отрезал бы себе обе руки, чем не уважал бы мою мать.

Адам получил, что хотел. Он хотел напугать меня, заставить сбежать. Он знал, что это ранит Джордана. Он знал, что это разозлит Гаррета. Он знал, что после этого мне будет плохо. Я недооценила, насколько расчетлив, может быть Адам. И теперь передо мной встал вопрос, над которым я раньше особо не задумывалась.

Зачем Адам хочет быть со мной?

Я спрашивала себя снова и снова, почему он хочет меня, но никогда не задавалась вопросом, чего он хочет со мной. У меня нет ответа ни на один из этих вопросов, и я не думаю, что я найду их сегодня вечером. Но я найду их.

Люди часто ошибочно считают меня наивной, но это именно ошибка. Я добрая. Я стараюсь видеть плохое в хорошем свете. Я верю в людей. Я чаще бываю счастливой, чем печальной. Я предпочла бы проводить время, улыбаясь и смеясь, а не плача и жалуясь. Я не идеальна. У меня бывают плохие дни, но я не позволяю им выбиваться наружу. Я не тупая.

Я забираюсь под одеяло, и Джордан оставляет пистолет в моей тумбочке. Он выключает лампу и пододвигается поближе ко мне, не выпуская меня из объятий.

Сегодня я ранила человека, которого люблю больше всего на свете.

— Я тебя люблю, — громко говорю я, изо всех сил обнимая его.

— Я тоже люблю тебя, Эм. Больше, чем ты можешь себе представить, — отвечает он. нежно целуя меня в волосы.

Мы быстро засыпаем и спим всю ночь, держась друг за друга. Напоминая друг другу, что у нас есть мы... и всегда будем.

***

— Ты отвратителен, — хнычу я, когда Джордан пукает и набрасывает мне на голову одеяло.

Он остался верен своему слову. Когда утром моя тревога ушла, Джордан вернулся к нормальной жизни. Мы съездили в магазин, испекли, что было нужно, и вернулись домой. У нас был ещё один день просмотра фильмов, который включал в себя много пыток метеоризмом.

— Будет не смешно, когда меня стошнит на тебя, — кричу я, пытаюсь убраться подальше.

Он так сильно смеялся, что я сумела вырваться на свободу. Я прыгаю на него и скручиваю его соски так сильно, как могу. Он немного по-девчачьи вопит и пытается сбросить меня. Сейчас я хохочу как сумасшедшая.

Это классно.

Я отпускаю его, и мы оба падаем назад, тяжело дыша и хихикая.

— Хочешь прокатиться? — спрашивает Джордан в духе: “Чувак, где моя тачка?”

— Ага.

Мы быстро встаём и одеваемся, потом садимся на мотоцикл Джордана. Ветер довольно прохладен, но не обжигает кожу, а течет по ней. Я немного крепче цепляюсь за Джордана, и мы летим по двухполосной дороге, которая поворачивает и идёт вниз вдоль реки.

Мы катаемся несколько часов. Не знаю, что это за крошечный городок, в который мы попадаем к обеду, но тут в основном пустынно, кроме закусочной и нескольких магазинов. Мы смеёмся и наслаждаемся едой, прежде чем вернуться в Блаффсайд. Джордан решает снова остаться у меня. Я не спорю. И не знаю, когда буду спорить с ним снова. Во всяком

случае, не скоро.

Джордан подъезжает к старинному дому викторианской эпохи, превращённому в дуплекс, в котором он живёт. Ему нужно захватить одежду.

— Я подожду здесь, — говорю я, когда он слезает с мотоцикла.

Он на секунду замирает, а потом согласно кивает. Джордан вновь стал самим собой, но он по-прежнему хочет держать меня поближе. Я его понимаю.

Я оглядываю заваленную листьями улицу и замечаю Коди, который закидывает несколько больших чёрных мусорных пакетов в кузов грузовика.

— Коди! — зову я, перекидывая ногу через мотоцикл.

— Привет, — ласково говорит он, когда я подхожу к нему.

— Ты переезжаешь? — задаю я тупой вопрос.

Грузовик ещё не полон, но перевозится явно многое.

— Ага.

— Я хотела только снова сказать спасибо. Не знаю, что бы я делала, если бы ты не появился.

Я долго благодарила его вчера, но мне не кажется, что этого достаточно. Может быть, я испеку ему торт. Возможно, это странный способ отблагодарить подростка, и всё же.

— Эмили, — глубокий чувственный голос Гаррета испугал меня до чёртиков.

Я подпрыгиваю и тяжело дышу, моё сердце сильно бьётся.

— Прекрати так делать! — кричу я, ударяя его в грудь.

Его губы дёргаются, но он не улыбается. Мой взгляд скользит по его откинутым в сторону волосам, вниз, по покрытой щетиной челюсти, обтянутому тканью футболки торсу, ногам в джинсах, заканчивающихся его сапогами. Потом я бросаю взгляд туда, где он действительно должен быть. Калейдоскопы.

— Эм! — взволнованно кричит Джордан.

— Я здесь! — поспешно отвечаю я, пока он не взбесился.

Его широкие плечи облегчённо опускаются, когда он направляется к нам.

— Я думаю, Дженна не закончила вчера вечером, — говорит Джордан, а потом шлёпает меня по заднице.

Я визжу и отскакиваю вперед, врезаясь в грудь Гаррета. Он обнимает меня, роняя сумки, которые нёс.

— И, судя по взгляду Гаррета сейчас, Калев тоже был прав, — пыхтя, говорит Джордан.

Я смотрю на тёмно-карие, гневные глаза, сверлящие Джордана.

— Куда собрался, Коди? — спрашивает Джордан, не обращая внимания на Гаррета.

— Ко мне, — рычит Гаррет.

— Почему? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Он мой брат.

Гаррет, наконец, перестаёт сверлить Джордана взглядом и переводит голубые глаза на меня.

— Чего? — спрашиваю я, окончательно растерявшись.

— Гаррет не знал. Мы об этом вчера и говорили. Моя мама умерла четыре недели назад. У меня не осталось больше никого из родных, — объясняет Коди, поднимая сумки, которые уронил Гаррет, прежде чем закинуть их в грузовик, и только сейчас я замечаю, что это грузовик Шарп Фурнитур.

Я вылезаю из тёплых объятий Гаррета и обнимаю Коди, шокировав его. Он несколько

раз неловко меня похлопывает, прежде чем я отпускаю его.

— Я сожалею о твоей потере, — шепчу я, целуя его в щёку.

Его лицо вспыхивает от прикосновения, тёмно-зелёные глаза метнулись на Гаррета. Если глаза этого второго сейчас карие и разгневанные, я пну его в ногу.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что его глаза тёмно-серого цвета штормового неба, я не видела их такими раньше. Он печален. Вообще, я не фанат таких его глаз. Я в курсе, что много всего произошло с того момента, как Гаррет узнал, что у него есть брат-сирота, однако в его взгляде есть что-то ещё, что понятно только мне.

— Помочь? — громко спрашивает Джордан.

— Всё в порядке, — отвечает Гаррет, всё ещё не отводя своих глаз от моих.

— Не глупи. Четыре пары рук лучше, чем две, — пренебрежительно говорю я, беря Коди за руку.

Я поднимаю бровь, и Гаррет качает головой. Я замечаю краткую ухмылку, и это озаряет моё лицо.

Коди проводит меня в дом, где он жил, объясняя, что это дом его друга. В маленькой комнате нет ничего, кроме одноместной кровати, шкафа и комода.

— Большая часть моих вещей сдана на хранение. Нас лишили права выкупа закладной, когда моя мама умерла. Я получил так много, как мог, но я много потерял, — холодно чеканит Коди.

Как он напоминает мне сейчас Гаррета! Вокруг него такой же холодный барьер, как будто он полностью оцепенел. Горе на каждого действует по-своему. Я поняла это, когда моя мама умерла. Я несколько месяцев ходила в группу поддержки, и никто из нас не чувствовал себя одинакового. Просто для каждого это было немного по-другому. Так бывает с болью.

Я помогаю Коди сложить оставшуюся одежду в мусорные мешки. Я стараюсь складывать всё аккуратно, но он говорит просто засовывать её в мешки. Я чувствую, что он хочет покончить с этим побыстрее. Семья, которая здесь живёт, сейчас нет дома, и мне на миг становится интересно, вдруг он с ними поссорился, но я держу язык за зубами.

Джордан и Гаррет всё это время были снаружи. Вчера я отказалась дать Джордану объяснения, почему исчезла. Я просто сказала, что узнала о Гаррете кое-что, что выбило меня из колеи. Думаю, сейчас он разобрался с этим поворотом.

Когда мы с Коди относим последние из его вещей, я вижу Джордана и Гаррета, сидящих в кузове грузовика и спокойно... курящих. Они оба курят. Я собираюсь назвать это отвратительным, но они выглядят так спокойно и расслабленно, в духе Джеймса Дина. Я дрожу, когда Гаррет затягивается, откидывает голову назад и с облегчением выдыхает.

Даа, это было сексуально.

Коди откашливается, и я замечаю, что не даю ему пройти, пока глазею на мужчину, который еще вчера был моим парнем.

Взгляд Гаррета устремляется ко мне, когда он слышит кашель Коди. Зажав губами сигарету, он поднимается и идёт ко мне. Он берёт мешки у меня из рук, забираясь обратно в грузовик. А я всё ещё стою на месте. Это самый сексуальный парень, которого я когда-либо только видела, а мои предательские ноги словно приросли к земле.

Я чуть покачнулась в сторону, но Коди придержал меня.

Джордан хихикает и бросает окурок на землю. Когда Гаррет укладывает мешки, его взгляд возвращается ко мне. Потом он снова начинает двигаться. Он спрыгивает на землю и

кидает свой окурок рядом с окурком Джордана. Коди отстраняется от меня и несёт остальные вещи в машину, когда Гаррет притягивает меня к себе.

— Что случилось?

— Ты, — честно отвечаю я.

Его руки мгновенно опускаются с моей спины, но я хватаю его за рубашку своими холодными руками, чтобы быть ближе к нему.

— Ненавижу когда курят. Но сейчас, когда я на тебя смотрела, эта сигарета в твоих губах, ты был, ты... Я чуть не упала. Коди поймал меня. Я не порвала с тобой, Гаррет. Отнюдь нет. Если ты не хочешь меня, скажи это сейчас. В противном случае я поеду к твоему дому, и мы с Джорданом поможем Коди обосноваться. Я приготовлю нам всем ужин. И потом мы поговорим, — заканчиваю я своим нормальным голосом.

Его глаза снова грустные, сине-зелёные, когда я ищу в них ответ. Но он продолжает просто смотреть на меня, и я понимаю, что он решил порвать со мной. Я отпускаю его рубашку и обхожу вокруг него, чувствуя себя достаточно плохо.

— Рот, — грубо фыркает он, хватая меня за руку.

У меня никогда не было мужчины, требующего поцелуя одним словом, как он. Я должна это ненавидеть, но нет. Я чертовски люблю его. Должно быть, я слишком задумалась о его манерах, так как он тянет меня к себе и прижимает губы к моему рту.

Гаррет ведёт. Я люблю это. Его руки скользят по моим ягодицам и поднимают меня. Я оборачиваю ногами его талию и запускаю пальцы ему в волосы, ощущая ртом его язык.

Я хнычу, и из его груди вырывается стон желания. Мой язык переплетается с его, его руки скользят по всему моему телу. Его пальцы больно впиваются в мою щёку, он целует меня с большей страстью, чем когда-либо. Гаррет пахнет мятой и табаком. Это восхитительное ощущение, такое, о котором я никогда не помышляла.

Когда я начинаю покачивать бёдрами, громкий свист разрушает тепло между нами. Гаррет притягивает меня и крепко целует в ямочку на щеке. Я смотрю на него, на его лицо, на его взъерошенные волосы. Я разрушила его красивый образ. Этот мне нравится больше.

— Вот дерьмо, — слышу я и затем смотрю на подъехавшую машину, из-за которой нервничает Коди.

Из разбитого автомобиля вылезает подросток и подходит к Коди. Гаррет ставит меня на землю, переплетает свои пальцы с моими и тянет меня обратно к грузовику.

— Так ты решил просто сбежать как трус? — парень плюет в Коди, толкая его обеими руками.

Коди не спотыкается, но его челюсть напряжена, когда он опускает взгляд.

— Эй, — окликает его Джордан, делая шаг в их сторону.

— Ты трахнул мою сестру! — кричит мальчик.

— Я не прикасался к ней, Хантер, — закипает Коди, сжимая кулаки.

Хантер делает выпад, собираясь ударить его, и я кидаюсь вперёд. Я не знаю, о чём я думаю, но я встаю между ними.

— Без драк, — заявляю я, и Хантер отступает, опуская кулак.

— Эм, — предупреждающим тоном говорит Джордан, но я не отрываю взгляда от Хантера, повернувшись спиной к Коди.

— Коди твой друг. Он недавно потерял мать. Если у тебя проблемы, поговори с ним. Ты не должен решать дело кулаками. Если не можешь иначе, вернись к этому позже.

— Алисса сказала, что он спал с ней и теперь не разговаривает, — подавлено объясняет

Хантер.

— Это похоже на Коди?

— Нет, — признаёт он. — Но моя сестра...

— Влюблена? — обыденным тоном спрашиваю я, не хочу слишком сильно давить на этого паренька с тёмными волосами и глазами чёрного цвета.

— Уже сто лет сходит по нему с ума, — говорит он, закатывая свои красивые глаза.

— Иногда девушки совершают ошибки, стараясь привлечь внимание парней. Я предлагаю тебе поговорить с Алиссой, прежде чем набрасываться на друга, который недавно получил ужасный опыт в жизни. Сейчас ему нужны друзья, Хантер. Будь его другом.

— Ты та девушка из кофейни? — спрашивает он с таким забавным выражением лица.

Я киваю и представляюсь:

— Я Эмили, — протягиваю руку.

Широкая улыбка растягивается на его лице, когда он пожимает мою руку.

— Она горячее, чем ты говорил, — сообщает Хантер Коди через моё плечо.

Мы с Джорданом прыскаем от смеха. Когда я, наконец, успокаиваюсь, то замечаю, что Хантер как-то странно на меня смотрит, может быть, это что-то вроде благодарности.

— Теперь, вы двое, обнимитесь, — приказываю я, входя в свою роль.

— Чуваки так не делают, Эм, — упрекает меня Джордан.

— Почему нет?

— Потому что у нас есть члены.

— И что? — говорю я, закатывая глаза на моего лучшего друга.

— Так ты не трахал её?

— Я не стал бы, — фыркает Коди.

Хантер снова заносит кулак, но прежде, чем я успеваю заступиться, Коди поднимает свой, и они стучаются ими в примирительном жесте. Думаю, у мужчин это вроде обнимашек.

— Я помогу тебе разгрузить твой хлам, — говорит Хантер, но Коди его останавливает.

— Я не собираюсь оставаться. Вообще, это не очень хорошая идея.

— Я поставлю Алиссу на место. Ты не должен оставаться один, парень.

— Он не останется, — уверяю я Хантера.

— Если она усыновила тебя, то я переезжаю тоже, — отвечает он, изогнув бровь, давая тем самым понять, что не шутит.

— Он переезжает ко мне, — наконец говорит Гаррет.

Я не смотрела на него во время всего этого разговора. Я чувствую спиной его тепло, поэтому откидываю голову назад, и он смотрит на меня восхитительными меняющими цвет глазами.

— Ты — Гаррет Шарп?

— Ага.

— Эмили твоя женщина? — осведомляется Хантер, нарушая наш момент единения.

— Ага, — фыркает Гаррет, и я превращаюсь в лужицу от его слов.

Джордан качает на это головой, улыбаясь во весь рот.

— Вы живёте вместе?

— Нет.

— Это чертовски тупо.

— Хантер, — стонет Коди в ответ на слова своего друга, который, скорее всего,

высказал все, что думал.

— Если она переедет к нему, я буду... частенько навещать, — говорит Хантер Коди, играя бровями.

Тут я расхохоталась. Когда я понимаю, что смеюсь одна, то беру себя в руки.

— Что тут смешного? — озадаченно спрашивает Хантер.

— Что смешного? — отвечаю вопросом на вопрос, так как считаю, что это довольно очевидно. Мне нравится, как я выгляжу. Но я не та, кто поддастся мальчику-подростку.

— Почему?

Я смотрю на Джордана в поисках поддержки, но он лишь пожимает плечами, доставая другую сигарету из пачки.

— Я не лучше любой другой женщины в Блаффсайде, — объясняю я.

— Ты спятила, — усмехается он. — А ты чёртов дерьмовый бойфренд, если она так думает.

— Эй...

— Да, — прерывает меня Гаррет, соглашаясь с Хантером.

Я быстро оборачиваюсь и прикрикиваю на Гаррета, но он осаждаёт меня взглядом, говорящим “Не смей”. Я разворачиваюсь обратно, и он крепко обнимает меня своими большими руками за живот.

— Это было весело. Надо будет как-нибудь повторить, — весело говорит Джордан. — Пойдем, Эм.

— Встретимся у меня, — сообщает Гаррет Джордану.

— Я так и думал, — самодовольно парирует Джордан. — Коди, играешь в видеоигры?

— Ага.

— Судьба?

Я закатываю глаза на моего лучшего друга и его новую одержимость.

— Ага, — говорит Коди, слегка улыбаясь.

— Хантер, хочешь прийти? Я приготовлю ужин.

— Хотел бы. Я должен разобраться с Алиссой, а потом с фигнёй моей мамы, — загадочно произносит он. Не моё дело, конечно, но я хочу спросить, что это значит. — У нас все нормально? — спрашивает он у Коди.

Тот кивает, и они снова ударяются кулаками.

Я погладила руки Гаррета, и он отпускает меня, чтобы я смогла попрощаться. Я обнимаю Хантера, и он крепко сжимает меня.

— Боже, — бормочет он.

Я качаю головой, и он отпускает меня.

— Позаботься о моём друге, — говорит Хантер Гаррету, который фыркает в ответ.

— Увидимся, Джордан, — говорит он и, развернувшись на пятках, садится в машину и уезжает.

Мне кажется, Джордан с Хантером знают друг друга. Это странно.

Коди с Джорданом начинают закрывать кузов, а Гаррет снова обнимает меня.

— Ты сведёшь меня с ума, — ласково произносит он, переводя взгляд. — Никогда больше не суйся в драку. То, что ты сказала этим двоим, было поистине удивительным. А сейчас дай я тебя поцелую, потом забирайся на байк Джордана, дуй к себе, собери вещи и планируй проводить много времени в моих футболках.

— Оо, — стону я, потому что это так горячо.

— Рот, милая, — мурлычет он, и я подчиняюсь.

Гаррет умопомрачительно целует меня, пока нас довольно грубым образом не прерывает Джордан — лучше бы он никогда так не делал.

— Возьми все, чтобы приготовить у меня, — произносит Гаррет, проводя своими грубыми пальцами по моей щеке.

— Я схожу в магазин. Готовить не на одного человека, это так здорово! — возбуждённо говорю я.

Гаррет усмехается на это, и моё волнение переходит в ликование. Он достаёт свой кошелек, и оно превращается в раздражение.

— Гаррет, — стону я, когда он вытаскивает пачку наличных.

— Нет, — рычит он.

— Ты никогда не узнаешь, потрачу ли я их. Я могу положить их обратно в твой бумажник, пока ты спишь, — угрожаю я. Плохая идея.

Гаррет отворачивается и бросает свои ключи Джордану, который ловко их ловит.

— Я могу взять твой байк или машину? — рычит он.

— Возьми машину. Дождь собирается.

Они оба дёргают подбородком, когда ключи Джордана перемещаются к Гаррету. Когда они у него, Гаррет проводит рукой по моей попке. Сигнал двигаться. Я не слушаюсь, и в его взгляде, опущенном на меня, ясно читается предупреждение. Он становится недовольным, я могу судить это по его карим глазам.

Я иду к дому Джордана, Гаррет следует за мной, немного позади. Коди машет мне и юркает в свою машину.

Когда мы добираемся до мотоцикла Джордана, Гаррет убирает подножку и закатывает его в гараж. Он неплохо смотрится с байком. Ему бы пошёл такой вид транспорта. Я не могу держать своё остроумие при себе, когда он делает что-то мужественное. Никогда ничего не добьюсь, если не научусь себя контролировать. Оставляю это до завтра.

Когда мы оказываемся в гараже, он открывает дверь пассажирского сиденья, и я плюхаюсь внутрь, не посмотрев на него. Я знаю, что он раздражён, и мне не нужно напоминание в виде его карих глаз. Гаррет мягко закрывает дверь и обходит капот машины. Он заводит старенький “Корветт” Джордана и направляется прямо в центр.

Я решаю разрядить обстановку.

— Куда сначала? — бодро спрашиваю я.

— К тебе, — ворчит он.

— Что ты хочешь на ужин?

— Всё равно.

— У тебя есть предпочтения в еде?

— Нет.

— Может, есть что-то, что не нравится?

— Нет.

— Твой любимый десерт?

— Такого нет.

Не сработало. Надо сменить тактику.

— Любишь, когда тебе сосут? Минет, любишь?

Машина с визгом тормозит, и я визжу в панике, боясь, что мы погибнем в аварии. Когда я разжимаю пальцы, вцепившиеся в руку Гаррета, вытянутую на уровне моей груди, я

смотрю на него. Его челюсти так плотно сжаты, что я удивляюсь, что не могу услышать, как крошатся его зубы. Его взгляд устремлён вперёд, и я не могу разглядеть цвет его глаз, потому что всё ещё прижата к своему сидению. Мы одни у подножия холма, ведущего к моему дому. Если это не какая-нибудь невидимая белка перебежала нам дорогу, значит, Гаррет остановился от моего вопроса. Он не выглядит счастливым от моего вопроса.

— Прости, — шепчу я.

Он не отвечает, только опускает руку и продолжает движение. Я по-прежнему молчу. Когда мы проезжаем по подъездной дорожке, ведущей к моему дому, я жду, когда Гаррет выпустит меня из машины. Он не сказал мне ждать его, но я знаю, что он так хочет.

Я открываю свою новую дверь и захожу внутрь, и в тот же момент он разворачивает меня и прижимает к деревянной двери. Мои ноги оборачиваются вокруг его талии, горячие губы Гаррета набрасываются на мои. Я цепляюсь за него, его язык исследует каждый миллиметр моего рта. Я полностью в его власти и наслаждаюсь его силой.

Я выгибаюсь напротив него и стону, когда он подхватывает движение с заметным волнением. Я продолжаю выгибаться, он массирует ладонями мои ягодицы, потянув зубами мою нижнюю губу. Гаррет прижимается носом к коже на моих скулах и произносит слова, которые станут для нас самыми значимыми из всех.

Глава 14

Гаррет

— Я никогда не сделаю тебе больно, — шепчу я у щеки Эмили. — Я буду защищать тебя всеми силами, что у меня есть. Я постараюсь сделать тебя счастливой. Я буду заботиться о тебе.

Я упираюсь лбом в ее лоб и смотрю на ее пылающие щеки и горящие желанием зелено-золотые глаза.

— Эти вещи не подлежат обсуждению, Эмили. Если ты со мной, то так оно и будет. Всегда.

— Если ты даешь мне деньги на еду, я просто беру их без возражений? — спрашивает она, все еще задыхаясь от нашего поцелуя.

— Да.

— Ладно, — тихо говорит она.

— Мне нужно знать, что ты понимаешь меня, сладкая, — я хочу, чтобы она осознала, с чем только что согласилась.

— Ты хочешь заботиться обо мне. Я знаю только одного человека, который занимался этим. Мой отец. Он все делал для моей матери и меня. Он платил. Он чинил. Он защищал. Он утешал. Он решал проблемы. Он сделал нас счастливыми. И он нас любил всем своим сердцем. Я понимаю тебя, Гаррет. Я с тобой, — повторяет Эмили, прижимаясь губами к моим с самым нежным поцелуем, который я когда-либо чувствовал.

Я принимаю поцелуй, но пытаюсь сделать все правильно. Мне нужно отступить. Мне нужно не спешить с этим, я пытаюсь вернуть контроль над собой.

Увидев ее сегодня... это практически выбило меня из колеи. Эмили была настолько ласковой и сострадательной, когда разговаривала с Коди. Я должен был поцеловать ее и не облажаться как в прошлый раз. Затем она достаточно любезно расправилась с Хантером, но я не собирался с ним любезничать. Этот ребенок станет занозой в заднице. Он разговаривал со мной, как никто другой, кого я когда-либо знал; у парня явно стальные яйца. Он почти дразнил меня, претендуя на Эмили. Я готов заявить свои права на нее прямо сейчас, у двери,

к которой ее прижал.

— Нет, — требует она, когда я пытаюсь отпустить ее.

— Эмили, — предупреждаю я, приближаясь к краю, готовый сорваться.

— Пожалуйста, — шепчет она, ее глаза смотрят с мольбой не отпускать ее.

— Не так, — отстраняюсь и отодвигаю ее от меня.

Она скулит, когда я отхожу, отворачиваясь от нее, чтобы прийти в себя.

— Теперь я знаю, почему Адам мне изменял, — говорит Эмили так тихо, что я не уверен, что она говорит со мной. — Если он чувствовал то, что и я сейчас в течение двух лет, он заслуживал получить освобождение.

Мое сексуальное напряжение мгновенно превращается в рев ярости.

— Эмили, — с большим трудом сдерживая себя, предупреждаю я.

Она не отвечает, просто обходит вокруг меня, исчезая в коридоре. Я глубоко дышу в течение нескольких минут, прежде чем пойти за ней. Толкаю дверь и нахожу ее спокойно пакующей сумку. Она складывает несколько рубашек и пару джинсов. Затем уходит в ванную, возвращаясь с косметичкой. Когда девушка заканчивает с остальными вещами, она застегивает сумку и идет ко мне.

Эмили отводит взгляд, пока ждет, что я отойду от проема, что бы она могла пройти. Ей больно после того, как я только что пообещал не причинять ей боль. Я болван.

— Это произойдет сегодня, — рычу я.

— Да? — спрашивает она, встречаясь со мной взглядом.

Я выдергиваю сумку из ее рук, поднимаю девушку за задницу и усаживаю в центре кровати. Я снимаю чертову резинку с ее волос, мне нравится снова ощущать эту шелковистость в моих руках. Я целую ее в губы и быстро снимаю ее рубашку через голову. Мои губы мгновенно возвращаются к ее губам, пока я расстёгиваю ее лифчик и тяну его.

Я отстраняюсь от ее губ и тянусь за голову, чтобы сорвать с себя рубашку, кинув ее в кучу одежды на полу. Я смотрю на полные груди Эмили с заострившимися розовыми сосками и рычу, когда мои губы обхватывают один, а большим и указательным пальцем щиплю другой.

— Да, — шепчет она и начинает потираться киской о мой ноющий член в бешеном ритме.

Я целую другой сосок и снимаю с нее джинсы свободной рукой. Я прокладываю путь поцелуями вниз по ее животу, а Эмили проводит ногтями по коже моей головы, стягивает и тянет мои волосы. Затем приподнимает бедра, чтобы помочь мне стянуть с нее джинсы, и я снимаю ее крошечные хлопковые трусики вместе с ними. Без изящества, я скидываю свою оставшуюся одежду.

Я пытаюсь воспользоваться моментом, чтобы оценить ее обнаженную медового цвета кожу, но ее голая киска притягивает меня. Я опускаю плечи между ее бедер и делаю глубокий вдох, наполняя свои легкие ее запахом. Тогда я опускаюсь к ней. Я вхожу языком в ее узкое лоно, обернув руку вокруг ее бедра, чтобы удержать Эмили на месте.

Она стонет и хнычет, ее влажное желание покрывает мое лицо. Я мог бы лизать эту киску весь день, и мне никогда не надоест.

Звуки Эмили становятся более отчаянными, когда я обрушиваюсь на ее клитор, ударяю по нему языком и потираю пальцами. Ее пальцы оставили мои волосы, и я смотрю вверх, чтобы увидеть, что ее локти согнуты, руки сжимают одеяло рядом с ее головой. Она так близко.

Я медленно ввожу грубые, мозолистые пальцы в ее киску, а Эмили сильно сжимает их и кричит.

— Гаррет! — я продолжаю лизать клитор, когда оргазм сотрясает ее крошечное тело.

Когда Эмили возвращается на землю, я поднимаюсь вверх по ее телу, целуя и вылизывая дорожку к ее губам. Эмили погружает свой язык в мой рот, когда мой член находится у ее лона. Прежде чем я успеваю подумать, ее рука обхватывает меня, и она направляет головку члена внутрь.

Она шипит от моего размера, и я заставляю себя остановиться. Я отрываю свои губы от ее губ и вижу самое сексуальное сияние золота в ее глазах. Эмили убеждает меня двигаться, толкая свои бедра вверх. Я вынужден двигаться, погружаясь в нее медленно, сантиметр за сантиметром. Она такая чертовски тугая. Я знаю, что она не девственница, но она чувствуется так же как нетронутая, сжимая меня своими внутренними стенками.

Когда я вхожу в нее до основания, то останавливаюсь. Эмили нужно время, чтобы приспособиться, а мне нужно успокоиться, чтобы не испугать ее своим напором. Она проводит ладонью по моей щеке и улыбается мне с обожанием, к которому я не привык.

— Спасибо, — шепчет она.

— Нет, Сладкая. Спасибо тебе, — говорю я нежно и начинаю двигаться в ней.

— Ох, — стонет она, и ее глаза закатываются.

Я неотрывно смотрю на ее лицо, увеличивая темп, чуть дольше задерживаясь в ее киске. Эмили великолепна. Ее золотисто-рыжеватые волосы, спадающие вокруг нее мягкими волнами, розовые щеки, яркие губы. Когда она открывает глаза, они затуманены и заполнены страстью.

Я целую ее целомудренно, перед тем как глубоко войти в нее. Она оборачивает ноги вокруг моей талии, пока я наклоняюсь, чтобы обхватить ее мягкую задницу. Я касаюсь ее клитора при каждом движении. Эмили впивается ногтями в мою спину, от этого я увеличиваю темп, и ее снова накрывает волной удовольствия.

Экстаз на ее лице — лучшее, что я когда-либо видел раньше. Она выдыхает мое имя и целует меня, прежде чем я опустошаю девять лет ожидания в ней. Я не знал, что ждал именно ее, но в этот момент я уверен. Я хотел быть только с Эмили Гарнер.

Я просто отмечаю, что она моя.

Мои бедра медленно подаются вперед и назад, а она наслаждается моим удовольствием. Мне плевать, что я не воспользовался презервативом. Я не хочу этого дерьма между нами. Когда я внутри нее, ничего не должно стоять между нами. Все будет только так, именно так я хочу ее.

Мягкий всхлип заставляет меня выпустить ее губы, чтобы посмотреть ей в лицо. Слезы текут из ее глаз.

— Сладкая, — я успокаиваю. — Тебе больно?

Я начинаю отстраняться, чтобы проверить, какой ущерб я нанес, когда Эмили сжимает ноги вокруг моих бедер и притягивает меня своими руками обратно.

— Нет, ты не сделал мне больно. Просто я никогда не чувствовала такого раньше. Ни один человек никогда не давал мне то, что дал мне ты. Я счастлива, Гаррет. Это счастливые слезы, — говорит она, улыбаясь.

Я широко улыбаюсь ей в ответ и начинаю сцеловывать ее слезы.

Телефон Эмили звонит в джинсах на полу, нарушая наш момент. Я знаю, что это Джордан. Это должно быть интересно.

Я все еще глубоко в ней, когда тянусь к ее телефону.

— Эй, Джордан, — говорит она ласково, проведя рукой по моим волосам, когда я утыкаюсь носом в ее шею.

— Нет. Он не трахал меня в гостиной. Мы в постели, — говорит она откровенно.

Я усмехаюсь и целую ее в плечо, когда слышу взволнованный голос Джордана. Не знаю, нормально ли это, что он так взволнован, но он действительно очень взволнован. Я также думаю, что это весело, когда услышал, как она сказала “трахал”.

Мой член снова становится твердым, пока я целую и облизываю ее кожу. Я вижу, что ее соски становятся жесткими, и решаю уделить им немного внимания.

— О Господи, — она вздыхает. — Джордан, если ты не хочешь услышать что-то очень личное, ты должен повесить трубку. Мы будем там через некоторое время. Ты не оголодаешь.

Я слышу, как телефон падает на пол, а Эмили начинает тереться о мой теперь уже полностью твердый член. В этот раз я беру ее медленно. Я целую каждый сантиметр ее кожи, до которого дотягиваются мои губы. И заглушаю поцелуем все четыре оргазма, которые я даю ей, прежде чем снова заполнить ее до основания.

Ужин будет поздно.

***

— Гребаное дерьмо, Эм, — жалуется Джордан, когда мы заходим в мою гостиную. — Я надеюсь, что вы привезли шесть этих хреней нам, потому что мы тут голодаем.

Я бросаю четыре пиццы на стойку в моей захудалой кухне, а Джордан и Коди слезают с моего кожаного дивана, чтобы поесть. Джордан целует Эмили в лоб, когда проходит мимо нее, прежде чем взглянуть на меня. Я понял его взгляд. Это предупреждение. Он говорит, что я пересек линию невозврата, и если я облажаюсь, он всадит пулю мне в голову. Я киваю с пониманием.

Когда мы забирали Коди, я обо всем рассказал Джордану. Я рассказал ему столько подробностей о моем прошлом, сколько смог. Он не был удивлен. Я мог бы подумать, что Девлин уже рассказывал ему, но я знаю, что он бы не стал. У Джордана есть связь с жизнью, о которой нельзя забывать, неважно, как далеко я уйду от него. Он найдет меня.

Единственное, что он спросил, насколько я был серьезен по отношению к Эмили. Я сказал ему, что я никогда не был более серьезным в своей жизни. Он кивнул, вытряхнул сигареты и предложил мне одну. Его способ дать мне свое благословение.

Я взял ее и наслаждался каждой гребаной затяжкой, что я вдохнул. Благословение чувствовалось почти так же хорошо. Когда я поймал полный желаний взгляд Эмили на мне, я чуть не взорвался от напряжения в штанах. С никотином и похотью, проходящей через меня, удивительно, что я был в состоянии остановить машину, избегая аварии, когда она задала вопрос о минете.

Хоть ее магический вопрос и сработал. Я был зол из-за денег. У меня нет сдержанности на эти мелочные споры. Но Эмили не заслуживает моей несдержанности. Мне нужно было заставить ее понять. Я прижал ее к двери, потому что мой член больше не мог ждать ни секунды. Определенно, оказаться рядом с ней было лучше, чем ссориться.

Я буду помнить, что делать в будущем с моей женщиной.

Я стою на кухне, прислонившись бедрами к потрескавшейся кухонной стойке, пока Эмили открывает и закрывает хреновые шкафы. Никакого осуждения на ее лице, пока она, наконец, не находит бумажные тарелки и пластиковые стаканчики.

Она кладет пиццу для Коди и Джордана, когда они рассаживаются за кухонным столом, который я сделал. Это один из красивейших предметов мебели в моем доме. Цельный красный дуб с простыми линиями поблескивает под ужасной уродливой лампой, которая только известна человеку. Иисус, мне нужен ремонт.

— Коди, я принесла кока-колу. Подойдет? — спрашивает Эмили, ставя тарелку перед ним, и поглаживая ладонью по его лохматой голове.

— Да. Спасибо, — ворчит он.

Этот ребенок похож на меня больше, чем должен.

— Пива, — просит Джордан с полным ртом.

Я продолжаю смотреть, как Эмили ухаживает за ними. Она дает мне тарелку, берет мою руку и ведет меня на свободное место во главе стола. Ее сладкие губы целуют мою щеку, прежде чем она снова выходит из-за стола.

Она начинает стучать, копаясь в каждом ящике и шкафчике. Я знаю, что она не ела, потому что не выпускал ее из виду, с того момента как мы оставили ее кровать. И я не знаю, смогу ли когда-нибудь.

— Эмили, — я рычу.

— Да? — она отвечает с радостью, не реагируя на мой грубый тон.

— Ешь, — я фыркаю.

— Только поставлю тесто на печенье.

— Эмили, — предупреждаю я строгим тоном.

Краем глаза я замечаю ухмылку Джордана, пока он не скрывает ее за глотком пива. Но потом он снова хихикает. Глаза Коди прикованы к тарелке, никакого выражения на лице. Когда я оглядываюсь, то вижу, как Эмили хмурится, уперев руки в свои округлые бедра, которые я буду сжимать сегодня ночью.

— Я вижу твою ухмылку, Джордан Монро, — она фыркает. — Я поем, Гаррет. И приготовлю прямо сейчас. Если ты позволишь мне сделать это, а не будешь ворчать и рычать на меня, я сделаю это быстрее.

— Я думал, что секс делает цыпочек счастливыми, — подстегивает Джордан.

— Я думаю, что еда готова, заткнись и жуй.

Он начинает хихикать над своей подругой и пихает еще один кусочек в рот. Я не смеюсь. Ей нужно поесть. Ей нужны силы. Я ловлю ее взгляд, позволяя ей понять, что я не согласен, Эмили закатывает глаза и, схватив кусочек, делает большой укус.

Раздается стук в дверь, Эмили возвращается к выпечке. Я понятия не имею, как она собирается печь на моей кухне, потому что я серьезно сомневаюсь, что там есть то, что ей нужно. Хотя она кажется уверенной и начинает готовить.

Я направляюсь к двери и выглядываю в окно, замечая лицо самодовольного, улыбающегося Хантера. Рывком открываю дверь, и он, оттолкнув меня, проходит, как ни в чем не бывало. Заноза в заднице.

— Пицца! — кричит он возбужденно.

— Ты голоден, дорогой? — воркует с ним Эмили, пока я закрываю дверь.

— Мне пришлось работать сегодня вечером, это означает, что я не ел. Я жутко проголодался.

Он плюхается в кресло рядом с Коди, и они стучаются кулаками. Эмили ставит тарелку с горкой перед Хантером. Она треплет его грязные темные волосы, также как и Коди. Хантер широко улыбается ей, а затем шевелит бровями — жестом, означающим, насколько

горячая цыпочка перед ним. Серьезная заноза в заднице.

— Почему ты не ешь? — спрашивает Хантер у Эмили, съедая кусок пиццы в два укуса, пока я возвращаюсь на свое место.

— Я ем и пеку печенье.

— Какое печенье?

— С шоколадной стружкой. У вас, ребята, нет аллергии на арахисовое масло? — спрашивает она обеспокоено.

— Нет, — отвечает Коди за двоих, потому что рот Хантера забит, и я полагаю, что это редкий момент, когда он молчит, если он не спит.

— Надо было спросить раньше, — говорит она про себя.

Она не взяла еще кусочек пиццы. Я не должен раздражаться, но я расстроен. Мне нравится, что она щедрая, заботливая, но не за счет собственного благополучия.

— Вы будете одевать костюмы на Хэллоуин? — спрашивает она, пока смешивает ингредиенты в огромной миске, которую я никогда не видел прежде.

— Вечеринка у Донована на следующих выходных. Я оденусь как пенис, — честно отвечает Хантер.

— Ох, — говорит Эмили, ее губы изображают удивленное «о». — Это... интересно.

Джордан начинает смеяться вместе с Хантером. Коди и я по-прежнему держимся.

— Думаю, что Коди должен одеться как презерватив, — продолжает Хантер.

— Безопасный секс — это важно, — Джордан изображает секс.

Щеки Эмили горят от этого заявления, и я уйду к ней. Пока я подхожу, она, опустив голову, лепит шарики печенья из теста на самодельном подносе, который она сделала из слоев фольги.

— Закончила? — шепчу я ей на ухо.

Она кивает, смотря в мои глаза с паникой во взгляде. Мы не говорили о том, что не использовали презерватив. Я уверен, что здоров, как и она. Но Эмили, наверное, не хочет ребенка от уголовника.

— Ты хочешь поговорить об этом здесь, или когда мы останемся наедине?

— Позже, — говорит она тихо.

Не вариант.

Я выдергиваю ложку и миску из ее рук, прежде чем закинуть девушку на плечо. Она визжит и брыкается, пока я не говорю:

— Не двигайся.

— Мы скоро вернемся, — сообщаю я всем в комнате, направляясь к узкой лестнице в гостиную.

— Помните, — кричит Джордан. — Безопасный секс!

Эмили расслабляется и вздыхает после этого объявления, пока коллективный смех не становится тише, когда мы отходим подальше.

Я толкаю мою дверь, открываю и закрываю ее, щелкая замком, прежде чем поставить Эмили на ноги. Она убирает волосы с лица, я попросил ее распустить их, перед тем как мы вышли из ее дома. Она в пушистом кремовом свитере и черных леггинсах. Без макияжа. Чертовски сексуально.

Эмили осматривает мою комнату с шоком на лице. Это единственное, что я переделал в доме. Я объединил три спальни, которые были на этом этаже, чтобы сделать одну большую спальню. После тюрьмы я ни за что бы не смог спать в крошечной спальне снова.

В ней мало декора, я имею в виду, что светло-серые стены пусты. Я сделал всю мебель в комнате, включая чудовищно огромную кровать, на которую Эмили смотрит в данный момент. Я вырезал замысловатые узоры, которые достигают почти до десятифутового потолка вместе с подголовником и подножкой. Я использовал узор листьев и лозы, которые поднимаются и вьются по черному дереву, как если бы они были настоящими. Простое постельное белье черного цвета подчеркивает резные украшения кровати.

— Это великолепно, — говорит Эмили нежно, протягивая руку, чтобы погладить дерево.

— Я не использовал презерватив, — ответил я. Не лучший переход в разговоре.

— Я знаю, — она резко поворачивается в мою сторону с растерянным выражением на лице.

— И ты беспокоишься об этом, — я веду ее за собой.

— Да? — спрашивает она, искренне недоумевая.

— Да?

— Что?

— Разве нет?

— Я запуталась, Гаррет. Я думала, что мы здесь, чтобы поговорить о Коди и сексе.

Я не могу сдержать смех, вырвавшийся из моего горла.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мальчики говорили о пенисах и презервативах.

— Это нормально для подростков, — отвечаю я.

— Его мать только что умерла. Коди должен чувствовать себя любимым. Он мог бы в конечном итоге связаться с какой-то девушкой, которая просто ищет парня для хорошего времяпрепровождения. Тогда его сердце будет разбито. И тогда Дженне и мне придется выследить ее. Я не сделаю ничего плохого, но Дженна вспыльчива, и она может избить какую-то бедную девочку. Затем Калев ввяжется и это вызовет еще больше проблем, потому что он будет защищать Дженну. И потом, когда девочка найдет нового парня, Коди будет чувствовать себя ужасно, и мне придется печь ему торт каждый день, чтобы заставить его чувствовать себя лучше. Но это вредно для здоровья, так что мне придется найти натуральные заменители. Это нелегко, Гаррет. Мне нравятся десерты такими, какие они есть. Тогда что мне делать? Я не могу дать ему морковь и сельдерей, чтобы заставить его почувствовать себя лучше. Никто не чувствует себя лучше с овощным ассорти, — она заканчивает с раздражением, сдувая пряди волос с лица.

Я смеюсь так сильно, что слезы выступают на глазах, и Эмили смеется со мной. Мы смеемся, пока не чувствуем, как болят щеки. Это чувствуется так хорошо, хотя и непривычно. Не думаю, что я когда-либо смеялся так сильно в своей жизни.

Я заворачиваю ее в крепкие объятия, и Эмили прижимается к моей груди, пока мы оба пытаемся успокоиться.

— Сладкая, Коди будет в порядке, — уверяю ее.

— Ты поговоришь с ним о сексе? — бормочет она в мою грудь.

— Бл*дь, нет, — я ухмыляюсь.

Она начинает хмуриться на меня, и я целую ее в нос. Она чертовски милая, когда злится.

— Думаю, я могла бы это сделать сама... — ворчит она.

— Ему не нужны разговоры о сексе. Ему шестнадцать. Он знает.

Она закатывает золотисто-зеленые глаза и бубнит что-то, что я не совсем улавливаю.

— Что?

— Я положу презервативы в его комнате, — повторяет она громче.

Я фыркаю, но не возражаю.

— Должна ли я положить несколько в твоей комнате тоже? — спрашивает она тихо.

Теперь мы переходим к этой теме.

Я поднимаю ее подбородок и наклоняюсь, чтобы мягко поцеловать ее в губы.

— Тебе решать, сладкая.

— Почему? Мы оба в этом. Мы должны решать вместе.

— Хорошо.

Я жду ее решения, и тогда я соглашусь с тем, что она скажет.

— У тебя было много женщин, помимо Сары? — спрашивает она, опуская взгляд.

— Нет, — рычу я мгновенно. — Ты первая женщина, к которой я прикоснулся, с тех пор как освободился. Девять гребаных лет, Эмили.

— Ох.

— Вот тебе и «ох», — я фыркаю, сжимая ее чуть крепче.

— Не так уж и долго для меня.

— Бл*дь, мы можем не говорить о других мужиках? Мне не нужно это дерьмо в голове.

Она смеется долго и тяжело.

Я не понимаю.

— Один парень и не думаю, что ты можешь назвать Билли Резерфорда мужчиной.

— Да? — теперь я в замешательстве.

— Мне было тринадцать, когда моей маме диагностировали рак молочной железы в первый раз. Шестнадцать, когда он вернулся. Двадцать, когда он снова поднял свою уродливую голову. У меня не было много времени, чтобы делать нормальные вещи. Я хотела быть с мамой. Мальчики не имели значения. Билли был моим парнем в старшей школе. Мама была здорова, мы подумали, что она победила рак навсегда. Мы расстались, когда он уехал в колледж за пределы штата. Я начала учиться в кулинарной школе в Канзас-Сити, чтобы быть поближе к дому. Я была сосредоточена на учебе, а не на возрасте и времени. Когда мама получила последние положительные тесты, я уже все знала. Знала, что рак распространился, и она не победит его. Она не выздоровела.

Эмили стирает одинокую слезу со щеки, и я целую след, что она оставила.

— Прости, сладкая, — шепчу я ей в щеку.

— Спасибо.

Мой мозг делает несколько быстрых вычислений, и я понимаю, что она занималась сексом в выпускном классе, что значит, что у нее не было секса на протяжении десятилетия.

— Он пришел на похороны, — она отвечает на мой невысказанный вопрос.

Я киваю, понимая, полностью заканчивая разговоры о каких-либо мужчинах, которые прикасались к ней. Я собственнически целую ее губы. Я прикасаюсь к каждой поверхности ее рта, сплетаясь языками. Я глотаю ее стоны и рычу с желанием, пока она прижимается ко мне всем телом. Тогда я прокладываю свой путь вниз по ее челюсти и вверх к ее ушку, прежде чем прикусить мочку зубами.

— Я пользуюсь противозачаточными таблетками, — говорит она своим хриплым сексуальным голосом.

— Слава Господу, бл*дь, — я издаю стон, прижав свой член к ее животу.

— Я должна закончить печенье, — шепчет она, а я кладу ладонь на ее грудь и потираю твердый сосок.

Долбаное печенье.

Я рычу и отпускаю ее, погладив упругий зад, давая ей понять, что она должна двигаться.

— Я буду ждать возвращения в кровать, Гаррет, — мурлычет Эмили, когда уходит.

Я смотрю на нее взглядом, который говорит, что ей лучше поторапливаться, прежде чем я привяжу ее к кровати и никогда не отпущу.

Она хихикает и убегает прочь от меня.

Я принадлежу ей.

Глава 15

Эмили

Я вытаскиваю свой импровизированный противень с печеньем из тридцатилетней духовки Гаррета и оставляю их остывать на одну из полок, которую я расчистила, прежде чем начать печь. Я довольно хороша в импровизации.

Я могу чувствовать взгляд Гаррета на себе, куда бы я ни переместилась. Джордан, Хантер и Коди разговаривают о какой-то видеоигре. Гаррет не произнес ни слова. Однако он улыбнулся мне уголком своего великолепного рта, когда я съела кусок пиццы и запила стаканом воды.

Я не связывалась с ним со вчерашнего вечера, но Гаррет так похож на моего отца. Даже слишком. Он был моим героем, пока я была маленькой девочкой. Я нечасто видела его в течение первых десяти лет моей жизни. Но когда видела, он был супергероем для меня. Но самым лучшим было наблюдать за ним и моей мамой. Он всегда прикасался к ней, всегда держался рядом. Она светилась рядом с ним. Даже когда она была больна.

Я предполагаю, что это и является причиной, почему я люблю наблюдать за столом свиданий у себя в кафе. Эта искра, свидетелем которой я становлюсь, напоминает мне о моих родителях. Сама я впервые чувствую этот трепет.

— Эм? — голос Джордана вырывает меня из моих мыслей.

— Да?

— Не дай им остыть. Мы будем, есть их горячими.

Я закатываю свои глаза, но наполняю бумажную тарелку и ставлю её на стол. Я пробую уйти, чтобы убраться, когда Гаррет хватает меня за талию, усаживая на свои колени.

— Ты выяснил всё со своей сестрой? — спрашиваю у Хантера, в то время как Гаррет оборачивает свои руки вокруг моего животика, вызывая в нём трепет.

— Ага, — усмехается он. — Что происходит с цыпочками в любом случае? Она сказала мне, что думала, что, если все поверят, что Коди с ней спал, он так и сделает.

Он обращает на меня свои сомневающиеся большие глаза цвета черного дерева, прося объяснений.

— Не только женщины совершают подобные ошибки, Солнышко. Люди вообще делают дурацкий выбор, когда они переживают. Ты отчаянно хотел отомстить за сестру сегодня днем и собирался драться со своим лучшим другом ради достижения своей цели. Никто не совершенен. Мы должны видеть, как люди оправляются от своих ошибок и пытаются загладить вину, чтобы действительно увидеть саму сущность самих себя, — высказала я своё мнение.

— Ты как сказочный персонаж, — вспыхивает Хантер, запихивая следующее печенье в рот.

— Будь уверен, она смотрит на мир в розовом, — добавляет Джордан. — Ты должен видеть её, мужик. Когда все уже психанут — она улыбнётся. Я буду готов вырубить какого-нибудь идиота, а она успокаивает меня глупой шуткой. Её бывший обращается с ней как с дерьмом, а она позволяет ему сорваться с крючка. Не потому что ей больно, а потому что она не хочет, чтобы у меня были неприятности из-за избиения его задницы.

— Выглядит так, как будто ты её не слушал, — произносит Хантер, указывая на разбитое лицо моего лучшего друга, что заставляет снова чувствовать себя дерьмово.

— Дерьмо случается. Прекрати, Эм, — рычит Джордан на моё виноватое лицо.

— Ты действительно чувствуешь себя виноватой? — уточняет Хантер.

— Ему больно из-за меня. Конечно, я чувствую себя виноватой.

— Ты не можешь чувствовать себя виноватой, когда кто-то любит и защищает тебя.

Какая глупость.

— Джордан сделал всё правильно, Эмили, — добавляет Коди, его глубокие зеленые глаза дарят уверенность.

— Я знаю, что он поступил правильно. Но теперь он весь в синяках. Если бы я занялась Адамом раньше, этого бы не произошло.

— Мне следовало отпинать его задницу ещё много лет назад, Эм. Это не твоё дерьмо и ты, бл*дь, знаешь об этом. Он обращался с тобой как с дерьмом. Я думал, что он был киской, напуганной обязательствами. Я понятия не имел, что он пытается перенаселить планету. Это мой косяк.

Я действительно не хочу продолжать этот разговор в присутствии подростков. Они не должны слышать это.

— Я была единственной, кто все отрицал. Это моя вина.

— Нет, — зарычал Гаррет. — Этот ублюдок совершил все это дерьмо. Ты не несешь никакой ответственности за это. Джордан врезал ему, поскольку он это заслужил. Адам не считает, что правила распространяются и на него, а теперь он выучил, что распространяются. Ему это не понравится. А я прослежу, чтобы он подчинился.

— Мне нравится этот чувак, — говорит Хантер Коди.

— Мне тоже, — отвечаю я нежно, опираясь на плечо Гаррета, пока он оставляет поцелуй на моей шее.

— Как же произошло, что не ты выбил дерьмо из задницы Адама? — спрашивает Хантер у Гаррета.

— Я был в другой комнате, когда всё произошло. Удачно для него.

— Ясен хрен, — усмехается Хантер.

— Всё прошло хорошо с твоей мамой? — интересуюсь, пытаясь сменить тему разговора.

— Думаю, да, — ворчит он, поглядывая на Коди, безмолвно передавая ему что-то. — Алисса останется ночевать в гостях у подружки. Мы повздорили, так что ей лучше оставаться где-нибудь ещё после нашей драки. Я подумал, что приду и составлю тебе компанию, — говорит он, шевеля бровями, что наводит на размышление.

— Спасибо, Солнышко.

— Не поощряй его, — предупреждает Коди, посылая бровями сигнал Хантеру.

— На её пальце нет никакого кольца, и мне будет восемнадцать через год и месяц. И мне нравятся женщины постарше.

Я хохочу от этого заверения. Джордан присоединяется ко мне. Коди и Хантер тоже. Я

не удивлена, что Гаррет хранит молчание. Это действительно не его тип шутки.

— Хорошо, я должен попасть домой, так что я смогу сделать всякое дерьмо до школы завтра. Спасибо за пиццу и печенье.

Хантер поднимается на ноги, сталкивается кулаками с Джорданом и Коди. Я встаю с коленей Гаррета и крепко обнимаю Хантера. Он прижимает меня теснее, при этом постанывая немного. Подростковые гормоны.

— Хантер, — ворчит Гаррет, и тот немедленно меня отпускает.

Я могу слышать приглушенное хихиканье Джордана, пока смотрю в быстро меняющиеся выражение карие глаза Гаррета. Я оглядываюсь назад на Хантера, беспокоясь, что его запугал мой мужчина. Вместо этого я нахожу дерзкую ухмылку на его лице.

— Окольцуй её, и я отступлю. А до тех пор, она в игре, Шарп.

С этими словами Хантер выходит из дома, и его яркие зеленые сникерсы сверкают, пока он шагает. Я ощущаю, как мои глаза распахнулись максимально широко, пока я наблюдаю, как он уходит. Я продолжаю пялиться на дверь даже после того, как он её закрыл.

Хохот Джордана, наконец, возвращает меня к реальности.

— Не обращай на него внимания, — извиняется Коди за друга. — У него есть проблема. Он не умеет фильтровать то, что несет.

— Дети всегда такие, — сообщает мне Джордан, пока Гаррет снова размещает меня на своих коленях.

— Откуда ты его знаешь?

— Моя мама немного тусовалась с его мамой, — отвечает Джордан, пожимая плечами.

После убийства его отца, мама Джордана переехала во Флориду. Как утверждает Джордан, она не могла здесь больше оставаться. Я понимаю это. Так случилось, что родители Джордана расстались ещё тогда, когда он был младенцем, но они всё ещё заботились друг о друге.

— И, очевидно, что я живу на той же улице, что и он, — продолжает Джордан своим поучительным тоном.

— Ты всё собрал для школы на завтра? — спрашиваю я Коди, игнорируя моего раздражающего друга.

— Всё в порядке.

— Может какая-нибудь домашняя работа, с которой тебе нужно помочь?

Он странно таращится на меня некоторое время, прежде чем покачать головой.

— Ты ешь в школе ланч или мне приготовить что-нибудь для тебя?

— Ухх, — бормочет он, нервно оглядываясь вокруг стола. — У меня не было ланча в последнее время, — шепчет он.

— Тебе только платят деньги на работе, — заявляю я.

Он кивает, а я чувствую раздражение, поднимающееся по хребту. Не у меня, а у Гаррета.

— Мама Хантера кормила тебя? — рычит Гаррет.

— Ага.

— Я ненавижу школьный ланч. Еда всегда была на вкус, как нечто, о чем на месяц подзабыли, а потом подали на стол. Хотя булочки с корицей были потрясающие. Они всегда подавали их с чили. Чили был отвратительным, и даже десять пакетиков крекеров не смогли бы устранить это безобразие. Однако за булочки с корицей можно было умереть.

Я растрогалась.

Вижу ухмылку, появляющуюся на губах Коди, и напряжение несколько ослабевает, в то время как Джордан хихикает. Моя непосредственность оказывает положительный эффект на большинство людей, а не только на Гаррета.

— Школьный ланч всё ещё отстой, — сообщает Коди мне.

— Ты проходишь мой магазин на своём пути в школу. Я упакую тебе ланч. У Гаррета здесь практически ничего нет, иначе я бы оставила тебе что-нибудь утром.

— Ты не должна делать это.

— Я знаю.

— Она зажигает на кухне, мужик. Я бы согласился. Я съем что угодно, что она поставит передо мной, — трубит Джордан.

Он сводит меня с ума, но я люблю этого мужчину.

— Я не хочу никому доставлять проблем, — шепчет Коди, и моё сердце болит из-за него.

У меня были мои бабушка и дедушка, и мой отец, чтобы помочь мне исцелиться, когда я потеряла мою маму. У меня всё ещё есть друзья в Канзас-Сити, они тоже помогали мне. Те отношения уже не такие, как раньше, из-за расстояния и работы, но они были со мной, когда я нуждалась в них. А Коди был один. И в этот момент он выглядит полностью потерянным.

— Ты не проблема, — заверяю его. — Ты — подарок.

Он долго наблюдает за мной в тишине, его изумрудные глаза сканируют моё лицо. Я улыбаюсь, пока он смотрит на меня. Он в безопасности рядом со мной. Я хочу, чтобы он знал об этом.

— Я заскочу, — соглашается он, и я буквально расцветаю.

— Отлично. Вы долго ещё собираетесь играть в видеоигры? Я слегка занудна. Три часа наступит очень скоро.

— Я должен выдвигаться, — говорит Джордан. Мне тут же становится неудобно, потому что мы должны были провести ночь вместе. Может быть, мне нужно дать Коди и Гаррету немного пространства. — Я не думаю, что твой мужчина позволит тебе уйти вместе со мной. Я в порядке. У нас всё в порядке. Встретимся в магазине.

Он встает и бросает комок наличных на стол. Гаррет начинает спорить, но мой лучший друг поражает его — его же собственным пристальным взглядом, который велит заткнуться. Затем он дарит мне долгий поцелуй в лоб и уходит, размахивая руками.

— Я вроде как разбит. Мне следует отправиться в постель, — говорит Коди, в то время как начинает убирать мусор со стола. Он — хороший ребенок.

Я спрыгиваю с коленей Гаррета и убираю со стола вместе с Коди. Это легко — со всеми этими одноразовыми тарелками и кружками. Затем я следую за Коди в гостиную и далее по длинному коридору, который ведет к двум спальням и ванной.

Там полно мусорных пакетов, виднеется не застеленная кровать. Гаррет входит следом за мной, неся стопку постельного белья, которое выглядит совершенно новым. Я беру его у него и начинаю застилать кровать.

— Я могу это сделать сам, — спорит Коди и пробует вмешаться. Я прогоняю его прочь и продолжаю работать.

Когда я заканчиваю и поворачиваюсь обратно к комнате, Коди и Гаррет просто стоят, уставившись на меня. Я качаю им головой и открываю ближайший ко мне мусорный мешок. Я высыпаю его на кровать и начинаю складывать одежду.

— Вы можете наблюдать, но дело пойдет значительно быстрее, если вы поможете

мне, — сообщаю им.

Коди мгновенно оказывается рядом со мной, правильно складывая одежду. Требуется чуть больше времени, чтобы Гаррет присоединился к нам, он целует меня, похищая моё дыхание, прежде чем складывает, своё первое худи.

Втроём мы быстро справляемся с разбором скудного количества барахла, принадлежащего Коди. Я поднимаю последнюю футболку и замечаю, что ему нужно больше зимней одежды.

— В какие дни ты работаешь? — спрашиваю я Коди.

Опираясь о дверную раму, Гаррет наблюдает за мной, в его взгляде калейдоскоп эмоций, от которого мои колени слабеют.

Коди закрывает ящик комода, который, я уверена, сделал Гаррет, и отвечает мне:

— С понедельника по четверг до трёх. И в субботу с открытия и до шести.

— Ты ешь на работе?

Он поднимает свой пристальный взгляд, и я читаю в нем ответ.

— Я принесу тебе обед после того, как закроюсь.

Он кивает, без спора принимая это.

— А также я возьму тебя по магазинам чуть позже на этой неделе. Тебе нужно больше зимних вещей, если только у тебя нет ещё в хранилище.

— Это — всё, что у меня есть, — отвечает он, неловко переступая с ноги на ногу.

— Я не большой любитель магазинов, но моя подруга — другое дело. Я возьму её с собой. Возможно, к тому времени Гаррет закроется и встретится с нами, чтобы пообедать.

Я смотрю на Гаррета, который отвечает мне кивком подбородка.

Я подхожу к Коди и оборачиваю свои руки вокруг него, крепко его обнимаю до тех пор, пока его руки неуверенно не двигаются к моей талии в ответном жесте.

— Я знаю, как тебе больно прямо сейчас. Я не знаю, уйдет ли когда-нибудь эта боль, но станет легче. Я обещаю, тебе станет легче. Спи сладко, солнышко, — я заканчиваю фразу, целуя его в щеку.

Когда я позволяю ему отстраниться, то вижу печаль на его великолепном лице. Ему больно. Я пробегаюсь пальцами по его гладкой щеке и дарю ему маленькую улыбку. Он кивает, и ком в его горле подсказывает мне, что он на грани из-за своей потери.

— Увидимся утром.

На этом я направляюсь к Гаррету.

— Спи, — ворчит его брат. — Мы будем наверху, если что-нибудь понадобится.

— Спасибо, Гаррет. За всё, — очень эмоционально шепчет Коди. — Тебе тоже, Эмили.

Я широко ему улыбаюсь, едва сдерживая поток слез. Гаррет тащит меня прочь и захлопывает дверь Коди. Когда мы входим в гостиную, он ласкает мою попку и подталкивает меня к лестнице. На кухне по-прежнему беспорядок после печенья, которое я готовила, но я знаю, что он не отпустит меня. Я уберусь утром.

— Запри дверь, — рычит Гаррет. Это не сердитое рычание, это то, как он разговаривает большую часть времени.

Он снова ласкает мою попку, и я двигаюсь туда, куда он направляет меня. Я поднимаюсь по узкой лестнице и изучаю действительно ужасные обои, которыми обклеена эта часть помещения. Этот дом не модернизировался десятилетиями, не считая комнаты Гаррета, от которой захватывает дух, хотя она немного пустовата.

Я вытаскиваю свои туалетные принадлежности из сумки и приближаюсь к ванной

Гаррета. Немного спотыкаюсь, когда щелкаю выключателем. Она огромная, выложена плиткой из бледно зеленого стекла от пола до потолка. Плитка мерцает и сверкает под встроенным освещением. Здесь массивная стеклянная душевая кабина в конце комнаты, рядом с ней отдельная ванна с ножками в виде когтистых лап, рассчитанная для двоих.

Я обращаю своё внимание на туалетный столик. Это — темная древесина, возможно красное дерево. Он выглядит больше как комод, чем как туалетный столик. По краям орнамент, инкрустированные бронзой деревянные ручки. Наверху — две керамические раковины с высокими бронзовыми кранами. На стене над ним массивное зеркало с подсвечниками с каждой стороны.

Это потрясающе.

Хотя, здесь нет никакого туалета.

Я осматриваюсь и нахожу небольшую дверь напротив душевой. Раздвигаю её и нахожу туалет в другой комнате, которая также выложена стеклянной плиткой.

На этом всё, я приступаю к моему ежедневному ночному ритуалу — умываю лицо и чищу зубы. Я упаковываю свои вещи обратно, но оставляю свою сумку на туалетном столике до утра.

Я не взяла с собой ни одной футболки Адама. Я не хотела снова этой напряжённости, но это означает, что мне не в чем спать. Мне придётся украсть одну у Гаррета. Надеюсь, что это будет та вещь, которую он носил сегодня, чтобы я могла утопать в его аромате древесины и одеколону всю ночь.

Когда я вхожу в комнату Гаррета, мне открывается потрясающий вид. Он полуголый. Я изучаю его мускулистую спину с росчерками чернил, которые также покрывают его грудь и руки. У меня не было шанса детально рассмотреть их, так как мне хотелось бы.

Я знаю, что его руки покрыты различными фрагментами, которые складываются вместе подобно головоломке. Искусство заканчивается на локтях его рук и путешествует вверх, встречаясь с чернилами, покрывающими его грудь. Есть даже надпись, выющаяся к его ключице, которая гласит — «Время — иллюзия». «И» в слове иллюзия изображена в виде зловеще выглядящих дедовых часов, которые, по-видимому, врастают в его кожу. Это — зловещий кусок, но я не грущу из-за этого.

Гаррет снимает ботинки и направляется к гардеробу, чтобы избавиться от остальной одежды.

— Я могу взять это? — спрашиваю я у него.

Он смотрит на меня через плечо с приподнятой бровью.

— Твою футболку. Мне не в чем спать, — объясняю свой вопрос.

Он не отвечает, пока исчезает в своей огромной гардеробной комнате, так что я просто шпионю. Возможно, мне необходимо и его взять за покупками. Гаррет появляется в дверном проеме, и все мысли об одежде исчезают, в то время как его голая плоть приближается ко мне. Я игнорирую чернила, которые были мне так интересны мгновение назад, и фокусируюсь ниже его талии.

Я знаю, что он чувствовался большим сегодня, потому что я не смогла обернуть руку вокруг него, но смотреть на его плоть... О мой... Я немедленно становлюсь влажной и от заинтересованности вполне могу пустить слюни. Взмах белой футболкой перед моим лицом отвлекает мое внимание и приостанавливает визуальное извращенное домогательство.

Я беру ткань, которая всё еще теплая от кожи Гаррета, и подношу её к носу, прикрывая своё обеспокоенное лицо.

— Ты не будешь это долго носить, сладкая, — мурлычет он мне в ушко, в то время как пропускает меня и закрывает дверь в ванную.

О мой...

Я быстро снимаю свою одежду, всю, кроме трусиков, и лечу под одеяло, прижимаясь к ароматной футболке Гаррета и простыням.

Нам надо поговорить. Я знаю, что мы должны поговорить. И я хочу поговорить. Но я хочу также больше секса. Я не сомневаюсь, что сказала что-то, скорее всего, постыдное о себе, но это — правда. Билли был последним мужчиной, который прикасался ко мне, а я была в такой печали, что не могу припомнить этого.

Иногда мы с Адамом занимались мощным петтингом, но никогда это не приводило меня к оргазму.

Моя пятилетняя — само — наложенная засуха закончилась, и я готова греться в лучах страсти.

Джордан, очевидно, узнал некоторые детали о прошлом Гаррета, и он не волновался о том, что оставляет меня здесь. Если бы я была в опасности, Джордан не допустил бы этого. Он гнал бы меня прочь — пинками и криками.

Я знаю, что в безопасности с Гарретом. И я не нуждаюсь во мнении Джордана по этому поводу, чтобы быть уверенной. То, что я должна знать, это как кто-то может настолько принимать обязательства по защите кого-то, если прервал другую человеческую жизнь? Поскольку мужчина, которого я знаю, не будет убивать кого-то без причины. Точно так же, как и мой отец.

Дверь в ванную открывается, и все мысли об отце и убийстве исчезают. Гаррет заполняет дверной проем с маленьким полотенцем вокруг своих узких бедер, привлекая вниманием к восьми кубикам и v-образным мышцам.

Ням.

Я скольжу пристальным взглядом по его татуировкам и поднимаю к чисто выбритому лицу, вижу влажные, прилипшие к голове карамельные волосы и наполненные сексуальным обещанием глаза.

Я думаю, что мои трусики только что воспламенились.

— Видеть тебя в моей кровати, в моей футболке... — он затихает с глубоким хриплым урчанием. — Никогда не позволю тебе уйти, Сладкая. Поняла меня?

— Я поняла тебя Гаррет, — шепчу я, тихо благодаря свою маму за то, что она послала мне мужчину, который защитит мое сердце, так же, как она всегда мне обещала.

Клянусь, я не верю своим глазам, разглядывая доминирующего мужчину, стоящего передо мной, и слыша её нежный голос.

Да.

Глава 16

Гаррет

Она заполучила меня.

Я не знаю, будет ли Эмили всё ещё со мной, как только она узнает человека, которым я являюсь в глубине своей души.

— Я собираюсь надеть спортивные штаны, а затем мы поговорим, — выдавливаю я, не желая ничего больше, чем сорвать своё полотенце и войти глубоко в её тело. Разочарование на её лице говорит, что она чувствует то же самое.

Я следую в свою преимущественно пустую гардеробную и заставляю себя поступить

правильно. Когда натягиваю спортивные на свои бедра, я покидаю гардеробную, грубо вытирая свои влажные волосы.

Эмили смотрит на меня тлеющим взглядом, когда я сбрасываю полотенце, удерживая свой строгий контроль, но все равно вспоминая, как она хваталась за меня, в то время как я глубоко входил в ее податливое тело своей стальной длиной.

— В основном я воровал электронику и наркотики, — начинаю я. Действительность ситуации удаляет похоть из ее золотисто-зеленых глаз. Я сажусь на кровать лицом к ней, в то время как девушка натягивает стеганое одеяло себе на грудь. Защитная реакция. Я понимаю это. Я, бл*дь, ненавижу это, но я понимаю.

— Я начал делать мелкую работу с моим отцом, когда мне было двенадцать. Думаю, ты знаешь, что Клайд сидел в тюрьме до того, как переехал сюда, — она кивает, так что я продолжаю. — Он работал с моим отцом до этого. Дэрил Шарп — так его зовут. Он не отец. Он никогда им не был.

Я пытаюсь унять свой гнев и продолжаю.

— Как только у него не стало Клайда, Дэрил начал обучать меня взламывать замки. Я быстро схватывал, поэтому он учил, и как обчистить карманы. Затем была продажа угнанных машин. Я мог управлять чем угодно на колесах к тому времени, когда мне исполнилось тринадцать. И так в течение многих лет: мы грабили дома, угоняли машины, обчищали карманы, совершали легкие разбойные нападения и всякие подобные вещи.

Это гребаный отстой. Я смотрю в лицо Эмили, пока объясняю это сокрушающее дерьмо. Она выглядит убитой горем.

— Меня достало размениваться по мелочам к тому времени, когда мне исполнилось шестнадцать. Мы всё еще жили в крайне убогом трейлерном парке, не пригодном для людей, даже для таких отбросов как мы. Тогда я начал захватывать власть. Я выяснил, где местная преступная группировка в Канзас-Сити перехватывает крупные партии наркотиков. Это казалось достаточно легким захватить грузовики до них. Я оказался прав. К тому времени как мне исполнилось восемнадцать, я управлял небольшой бандой, а мой отец уже работал на меня... Но всего этого было недостаточно для меня. Я делал хорошие деньги. У меня была хорошая квартира. Легкая жизнь, но я хотел большего. Я жаждал власти. Так что я стал иметь дело с наркотиками. Я никогда сам не принимал их и не распространял. Я создал небольшую лабораторию по производству. Это было легче, чем воровать электронику, да и приносило в два раза больше денег. Это к тому, откуда я знаю Девлина. Я работал с его стариком, — я говорю тихо, позволяя ей принять реальность того, что представляет собой Девлин.

Её лицо больше не убито горем. Эмили выглядит взволнованной чем-то. Она, вероятно, волнуется о Дженне и том, что её отношения с Девлином значат.

— Тысячи превратились в миллионы. У меня было двадцать парней, работающих на меня. Мой отец, Дэрил, всегда был мне как правая рука. Он не должен был быть ею, но я чувствовал себя преданным ему. Так продолжалось четыре года. Я зарабатывал больше денег, чем тот ребенок из трейлерного парка, знал куда потратить и что с ними делать. Так что я спрятал это дерьмо подальше. Дэрил не спрятал, если что-то было в его кармане, он тратил это. Ублюдок ничему не научился. Я встретил цыпочку, когда мне было двадцать два. Сара на неё очень похожа. По большей части. Волосы, лицо, фальшивые сиськи... слишком во многом.

Теперь на ошеломленном лице Эмили появилась боль. Я должен сказать ей правду. Это

не сработает, если я попробую приукрасить это дерьмо.

— Анжелика — была самой большой бл*дской ошибкой, которая испортила мою жизнь тогда. Я отвлекся от дела, чтобы полностью уделять ей своё внимание. Она была стриптизершей. Я не должен был позволять ей продолжать заниматься стриптизом. Но тогда, я не был тем мужчиной, что и сейчас. Я не чувствовал собственности или необходимости защищать её. Оглядываясь назад, я должен был увидеть, что она этого хотела. Она делала небольшое дерьмо, чтобы достучаться до меня. Когда она замутила с одним парнем из моей бригады, то не получила той реакции, на которую рассчитывала, она лишь увеличила антипатию. Так что я потратил месяцы, разбирая беспорядок, который она учудила, растаскивая драки, которые она вызывала, тратя бешеные деньги, чтобы уберечь её, когда она глубоко увязла в наркотиках... Она постоянно меня отвлекала. Однажды ночью она рассказала Дэрилу, что есть картинная галерея, в которой будут храниться предметы искусства и артефакты, общей стоимостью больше десяти миллионов долларов в течение следующих двух дней. Я мог практически видеть долларовые знаки, вспыхнувшие в его глазах. Это не была наша обычная игра, так что я срезал идею на корню. Анжелика обещала не устраивать больше неприятностей, если я сделаю эту работу. Я был готов к тому чертову перерыву. Так что я согласился. Я пропущу ночь сумасшедшего секса с этой сукой, имеющей обыкновение использовать меня, чтобы убедить. В этих подробностях нет необходимости. Дэрил изучил место на следующий день и решил, что мы должны сделать это сами. Только мы вдвоём. Я не думал, что это была хорошая идея, но он уверил меня, что место слишком маленькое, чтобы там перемещаться бригадой без привлечения лишнего внимания.

Я тру своё лицо руками, больше неспособный смотреть в испуганные глаза Эмили. Я теряю её и то, в чем я собираюсь признаться, будет последним гвоздем в моём гробу. Я закрываю свои глаза, помня каждую деталь.

Дэрил и я идем к черному входу маленькой галереи. Она находится в индустриальном районе с несколькими барами и ресторанами вокруг. Замок было просто сорвать, а сигнализацию легко отключить. Мы проходим в небольшую кладовку и начинаем загружать предметы искусства — раму за рамой. Нам нужно больше рук, чем у нас есть, но всё должно быть сделано.

Два похода в заднюю часть нашего фургона, и я готов закончить. Но Дэрил говорит:

— Давай заберем дерьмо в демонстрационном зале.

Он не ждет моего ответа, перед тем как уйти. Я следую за ним и именно тогда — всё летит к чертям.

Дэрил держит какого-то парня на мушке. Парень выглядит достаточно невинным с бейсбольной битой в руках. Я замечаю лестницу в задней части комнаты, ведущую к апартаментам. Твою мать.

— Уходим, — приказываю я.

— Ты заключил сделку с неправильной, бл*дь, семьей, — кипятится Дэрил.

Я не имею ни малейшего понятия, о чём он говорит, и у меня нет даже шанса выяснить это, прежде чем он сносит парню голову.

— Какого хрена? — рычу я.

Я слышу женский крик наверху и мчусь в том направлении. Я следую за криками вниз по узкому коридору, врываясь в крохотную ванную. Где молодая женщина моего возраста, вопит на полу и покачивает младенца в своих руках.

— Нико мертв? — всхлипывает она.

Я смотрю на неё с немым ответом. Моё молчание даёт ей ответ на вопрос. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, зная, что у меня, возможно, несколько минут, прежде чем копы будут здесь.

— Пристрели меня, — требует она истерично. — Я убила его. Я убила его! Их двоих больше нет. Пристрели меня!

Я оглядываюсь на женщину, чтобы взглянуть на совершенно неподвижного ребенка.

— Нико велел мне, чтобы я заставила его замолчать. Я убила его! — кричит она снова, оглушая меня. — Пристрели меня! Я не смогу с этим жить. Бл*дь, убей меня! Пожалуйста!

Я стою неподвижно, наблюдая, как она распадается на части, когда хватает опасную бритву со столешницы и кромсает свои запястья. Она продолжает резать свою плоть, прося меня помочь ей. Когда она слышит сирены, я вижу панику на ее лице. Она умоляет меня помочь ей. Чтобы не позволить им найти её живой, так, чтобы они смогли её спасти.

Я чувствую себя почти как робот, пока достаю свой пистолет и направляю в её голову. Здесь ничего нет, кроме оказания помощи, пока она смотрит вниз на мертвого младенца, укачиваемого в её руках, теперь покрытого её кровью.

— Спасибо, — шепчет она, и я спускаю курок.

Я прекращаю говорить и смотрю на Эмили. Слезы струятся вниз по её щекам, пока рыдания крушат ее маленькие рамки. Затем она забирается ко мне на колени, вцепившись в мою шею как тиски. Я притягиваю её к себе так близко, насколько могу. Это не та реакция, которую я ожидал. Я думал, что я получу плевок в лицо, и она скажет, чтобы я больше никогда с ней не разговаривал.

— Они подставили тебя, — заикается она и поднимается.

— Да, так и было. До меня дошло после всего. Дэрил взял фургон и свалил, оставляя меня с кровью на руках. Я ушел, прежде чем полицейские приехали. Когда я добрался до своего дома, я понял. Я не знал всех деталей некоторое время, но я знал, что они подставили меня. Только они не ожидали, что Дэрила возьмут, и он расколется. Они также не знали, что у Нико были камеры повсюду.

Дэрил сдал меня в течение минуты, после того как его взяли. У меня был хороший адвокат, но он не мог так много для меня сделать. История такова: Анжелика услышала, что Нико планирует ограбление с другой бригадой, пока танцевала стрип на его коленях. Она рассказала Дэрилу об этом. Дэрил хотел быть главным и занять моё место, он решил, что это хороший способ избавиться от меня. Трахать Анжелику было для него просто бонусом. Камеры засняли всё с Таней... женщиной, которую я убил. Обвинители пошли на сделку. На этом всё и закончилось.

Из меня вырывается рваное дыхание, и я убираю шелковистые волосы Эмили от её лица.

— Мне так жаль, Гаррет, — нежно произносит она, обхватывая моё лицо своими крошечными ручками. — Ты не убийца. Никогда не говори так снова. То, что ты сделал,... что они сделали с тобой... я просто так сожалею.

Она оставляет нежный поцелуй на моих губах, прежде чем прижаться к моей шее. У меня нет слов. Это больше, чем я говорил за десятилетие. Мое горло саднит от непривычного потока слов, и я переполнен эмоциями, кипящими внутри меня.

— Она не единственный человек, которого я убил. Я не сожалею о любой другой жизни, которую забрал. Они были опустившимися отбросами хуже меня, либо желали моей смерти, если бы я их не убил. Я — убийца, Эмили.

— Что случается в сражении не определяет войну, — бормочет она в мою кожу,

продолжая всхлипывать. Эмили принимает мою правду, вот что она делает.

— Благодаря расследованию выяснилось, что Нико и Таня проворачивали свои делишки в разных городах в течение нескольких лет. Они основывали галерею, заключали хорошую страховку, а затем находили кого-нибудь, кто украдёт предметы искусства, которые они хранили.

Камеры Нико были частью мошенничества со страховкой. Им необходимо было видео свидетельство. Дэрил и я вышли бы сухими из воды с этой работенкой. Наши лица были закрыты масками, а на фургоне не было никаких номеров. Хотя это была не просто работа. Это должно было стать моим концом.

Камеры записали разговор между Нико и Таней, когда мы ворвались. Работа, которую они заказали, не должна была произойти до следующей ночи. Он разволновался и заставил пойти ее в ванную с младенцем. Когда младенец начал хныкать, он сказал, что она должна заставить его замолчать. Прежде чем он закрыл ванную, Таня накрыла своей рукой лицо младенца. Она была в ужасе, когда Нико закрыл дверь и заблокировал вид с камеры в прихожей.

Младенец умер от удушья. Таня нанесла себе достаточно повреждений, чтобы офицер постановил, что она истекла бы кровью без немедленной медицинской помощи. Хотя моя пуля забрала её жизнь. И не имеет значение, что она умирала. Я убил её. Моя глупость убила трех людей. Этот груз я буду нести до конца своих дней.

— Не жалею меня, — хриплю я после длительной паузы.

— Я сожалею о тебе. Я также сожалею о Нико и Тане. И их младенце... — она затихает, прослеживая чернила на моей груди. — Хотя я не сожалею о Дэриле и Анжелике. Что с ней случилось?

— Ничего, — ворчу я. — Не было доказательств, что она имела какое-либо отношение к этой работе. Она все еще в Канзас-Сити.

Эмили вскидывает подбородок вверх, и я вижу, как злой огонь разгорается в её золотисто-зеленых глазах.

— Это не справедливо, — рычит она.

— Жизнь не справедлива, сладкая.

— Лучше уж пусть она надеется, что никогда не встретит меня, — угрожает Эмили впервые, с тех пор как я с ней, и мне кажется, что она может действительно нанести некоторые повреждения, защищая меня. — Я не брошу тебя, Гаррет. Ничто из того, что ты только что мне рассказал, не заставит меня думать, что мне не следует быть с тобой. Мне не нравится, что ты жил жизнью преступника. Также мне не нравится, что тебя подставили, и ты должен был забрать чью-то жизнь, возможно, даже из самых ужасающих обстоятельств. Но ничто из того, что ты мне рассказал, не заставит меня думать, что мне небезопасно с тобой. Ты когда-нибудь причинишь мне боль?

— Никогда.

— Ты будешь оберегать меня?

— Всегда.

— Ты закончил со своей преступной жизнью?

— Да.

— Тогда я здесь. Я получила тебя, Гаррет. Я не уйду никуда, — говорит она твердо и прижимает свой рот к моему.

Она вливает страсть в мои уста вместе со стонами. Я наматываю её волосы на кулак и

запрокидываю её голову, чтобы получить лучший доступ для своего жадного языка. На вкус она как сахар и мята, опьяняющие мои чувства. Я втягиваю её пухлую нижнюю губу и выпускаю обратно, украв её дыхание, в то время как она цепляется за мои плечи. Я не хочу ничего больше, чем войти глубоко в её киску и оставаться в ней всю ночь, но я не могу. Не после того, что я только что рассказал ей.

Я замедляю поцелуй, и она стонет, когда я отрываю свои губы от неё.

— Я просто хочу обнимать тебя сегодня вечером. Это было так много для нас, — рычу я не грубо, а своим обычным тоном.

— Хорошо, но только если ты пообещаешь не пытаться оттолкнуть меня, — требует Эмили, пропуская пальцы через мои волосы.

— Я не оттолкну тебя, — заверяю её я.

Она кивает и поднимается с моих колен, проскальзывая под мои простыни. Я следую за ней и выключаю лампу. Я прижимаюсь к ее телу, оставляя руку на её обнаженной заднице. Я вернул свой контроль на место. Есть твердая уверенность, что нас разделяет только ткань трусиков, но я сделаю это.

Нежные маленькие пальчики Эмили прослеживают мои татуировки, пока мы лежим в тишине. Только перед тем как уснуть она спрашивает

— Почему «Время — иллюзия»?

Она спрашивает о цитате на моей коже.

— Потому что ты можешь прожить целую жизнь за секунду или никогда не испытывать эту штуку и за восемьдесят лет, — объясняю я.

Она целует дедушкины часы прежде, чем окончательно прижаться ко мне.

— Ты бы понравился моей маме, Гаррет Шарп, — спокойно произносит она с равным(и) количеством счастья и боли.

Я целую ее волосы и надеюсь, чёрт возьми, что она никогда не осознает, как она права.

***

Мой будильник трезвонит чертовски рано. Но я ласково бужу Эмили, и она становится сама собой — улыбчивая, бойкая. Она бежит и принимает быстрый душ. Ничто из вчерашней ночи, как кажется, не беспокоит ее, но я собираюсь дать ей время. Она заслуживает шанса передумать. И поскольку я сильно себя контролирую, я не собираюсь заниматься с ней сексом снова, до того как я не буду уверен, что она готова делать это со мной, настоящим.

Это попытка.

Я понятия не имею, что буду делать днем без неё. Наблюдение за ней станет агонией теперь, зная какая она. Я полностью долбанулся.

Как только она готова идти, я переплетаю наши пальцы и вывожу ее из дома. Она раздражена тем, что я не позволил ей убраться на кухне, но я могу сделать это позже. Я не хочу, чтобы она опоздала.

Поездка к центру города молчалива, пока я держу её руку на своём колене. Я протираю большим пальцем по мягкой коже внутренней части её ладони всю дорогу, я чувствую боль в своём животе, когда мы оказываемся перед ее темным магазином.

Я не хочу, чтобы она была там одна. Правда, я не буду душить её этим. Она — независимая женщина, которая надрывала свою задницу, работая, чтобы иметь такую жизнь. Я не буду вмешиваться в это... слишком сильно.

Внезапно Эмили перелезает над коробкой переключения передач, и садит(ь)ся широко, расставив ноги над моими коленями, обхватывая руками моё лицо.

— Я никуда не денусь, — пылко произносит она до того, как прижимает свои губы к моим, ожидая, что я захвачу инициативу.

И я даю ей это. Я наклоняю голову и вторгаюсь в её рот, клеймя её уже припухшие губы. Любой мужчина, который встретиться на ее пути сегодня, будет знать, что она занята.

Когда я прерываю наш поцелуй, то быстро похлопываю её по заднице. Я не могу пойти с ней или же всё закончится тем, что я трахну ее на том сверкающем прилавке.

Я толкаю свою дверь, чтобы открыть, и позволяю ей соскользнуть с меня, прежде чем передаю ей сумочку. Я хватаю ее за запястье, когда она поворачивается, чтобы уйти, оставляя легкий поцелуй на её коже.

— Спасибо тебе, — рычу я.

— Не за что меня благодарить, — заверят она. — Хорошего дня.

— И тебе.

Затем она ускользает прочь. Я наблюдаю за ней, пока она открывает свой магазин и исчезает на кухне. Я жду некоторое время, поглощая её теплоту, которой она наполнила меня в поездке. Когда я не могу больше чувствовать это, я уезжаю.

Истощение берет своё, как ветер и сотканный им узор покрывает первым заморозком поля в сезоне. В моей кухне включен свет, когда я заезжаю в гараж. Я почти забыл о Коди.

Я захожу в дом, направляясь прямо к кофе-машине, в которой остался свежесваренный кофе. Спасибо, мать вашу.

— Доброе утро, — раздаётся голос Коди с дивана.

— Доброе, — ворчу я, поднося свою кружку ко рту.

Я не двигаюсь, пока не опустошаю её наполовину. Теперь я могу, наконец, быть приветливым.

— Хорошо спал? — спрашиваю я, падая в мягкое кресло.

— Ага.

Он потягивает свой собственный кофе, не смотря на меня. Мне хреново из-за этого. Просить его жить здесь, было правильным решением, но сейчас я не имею ни малейшего понятия, как сделать это.

Я встаю, чтобы убрать беспорядок после приготовления печенья, и нахожу, что всё уже сделано. Моя концентрация на кофе заставила упустить это.

— Спасибо, что убрался.

— Меньшее, что я мог сделать. Я думаю нам надо выяснить, как мы поступим. Какую арендную плату я должен буду платить? Я могу делать всякие вещи по дому также, — он предлагает это без намека на шутку, хотя я думаю, что он попытается это сделать.

— Коди, — рычу я, и его темно-зеленые глаза встречаются с моими. — Не делай это дерьмо со мной. Я буду заботиться о тебе. Это — моя гребаная работа. Ты — мой брат. Ты только что потерял свою маму. Сконцентрируйся на том, чтобы побыть ребенком хоть ненадолго.

— На х*р это, Гаррет, — рычит он. — Я — ничья ответственность. Я заботился о себе, прежде чем она умерла. Когда тот ублюдок сел в тюрьму, это разрушило ее. Я был один, кто заботился обо всем дерьме с тех пор.

— Тебе было восемь.

— Я знаю.

Теперь ярость вздымается под поверхностью, пока я потираю своей рукой под щетинистым подбородком. Дэрил — никчемный кусок дерьма. Я был сам за себя, с тех пор как он ушел с Клайдом. Мне было шесть, когда мне в первый раз пришлось украсть еду. Я ненавидел это, чувствовал себя виноватым, но я должен был выжить, поскольку он обманул мою мать также. А когда дорогой старый папа возвратился обратно, он больше не хотел ее. Наркотики взяли верх, и она стала безнадежной в его глазах. Ублюдок знал, что я был товаром, и удостоверился в том, чтобы сохранить меня. Моей маме было пох*р на меня в этом смысле, и она умерла от передозировки через пару лет.

— Хорошо, — я пробую говорить спокойно, полностью осознавая, что это выйдет резко. — Мы оба должны попробовать сделать это. Ты не платишь арендную плату и не становишься долбанной горничной. Ты вносишь свою лепту так же, как и я. Я должен привести дом в порядок. Ты знаешь, как красить и всякое похожее дерьмо?

— Я работал в строительстве последние два лета с парнем, который встречался с мамой Хантера несколько лет назад. Я могу делать намного больше, чем красить. Гипсокартон, плитка, положить ковровое покрытие, мелкий ремонт, — он пожимает плечами в ответ.

Я изучаю его мгновение и придумываю план.

— Ты оставляешь бакалейный магазин и идешь работать в мой магазин. Я буду тебе платить больше, чем они. По вечерам и на выходных мы будем ремонтировать дом вместе. Хантер может приходить тусить, если он хочет, и пусть держит свой гребаный рот закрытым, — ворчу я.

— Он не может держать свой рот закрытым, — усмехается Коди. — Ты действительно хочешь, чтобы я работал в твоём магазине?

— Почему нет?

— Ты не знаешь меня. Я не хочу просрать гостеприимство. У меня есть работа, но мне нужно место, где жить. Если ты устанешь от меня... — затихает он.

— Иисус, пацан, ты, бл*дь, убиваешь меня, — у меня вырывается прерывистое дыхание, желая пойти в тюрьму, в которой сидит Дэрил, и свернуть его шею. — Я не собираюсь кидать тебя. Я могу быть мудаком, но я не так плох, — это не совсем, правда, но я знаю, что не буду выгонять пацана на улицу после того, через что он прошел.

— Я был бы рад зарабатывать больше денег. Колледж так и останется открытым вопросом, если я не накоплю больше денег. Если ты не собираешься брать с меня плату за проживание здесь, то у меня появится шанс накопить достаточно за следующие пару лет, — произносит с надеждой Коди, поднимаясь на ноги.

Отправить его в колледж, только что попало в мой новый список дерьма того, что необходимо сделать для него. Я скажу об этом ему позже, поскольку вижу, как он сопротивляется моей помощи. Он направляется на кухню и ополаскивает свою кружку, прежде чем засунуть её в посудомойку.

— Мы должны начать с кухни. Я не могу поверить, что Эмили пекла нам в этом вчера вечером, — говорит он, указывая своей ногой на тридцатипятилетнюю духовку цвета авокадо.

— Я подумываю о сносе этой стены и тех двух со шкафами. Большой островок посередине, — объясняю я свою идею.

— Если мы перенесем переднюю дверь туда, мы могли бы сделать небольшую прихожую, и это даст больше пространства для шкафов и большой столовой, — произносит он, пристально изучая переднюю стену дома.

— Это хорошая идея, — хвалю я.

Коди смотрит на меня и одаряет меня широкой, гордой улыбкой, которая устремляется прямо к моему животу. Уголок моего рта отвечает улыбкой без моего согласия. Между ним и Эмили, у меня не осталось преимуществ.

— Я лучше соберусь. Я собираюсь на завтрак к Эмили. Я никогда не был в её магазине раньше, но то печенье было что-то... я предполагаю, это будет моё новое любимое место, — этим способом он говорит мне намного больше, чем своими словами. Он не говорит о кофе и пирогах. Он говорит о моей женщине, и это дерьмо согревает моё гребаное сердце.

— Брось мне свои ключи, чувак. У тебя стучит цилиндр. Я хочу проверить двигатель, но думаю, что он нуждается в ремонте.

— Нее, это то, что я смог себе позволить, когда мне стукнуло шестнадцать, — произносит он, бросая мне свои ключи.

— Мы купим для тебя что-нибудь новенькое. Что-нибудь более спортивное.

Он фыркает до того, как говорит мне:

— У меня нет денег на шестилетнюю спортивную крошку.

— Я не говорил, что ты будешь платить сам, — ворчу я, выходя через переднюю дверь.

Однажды, у меня в гараже уже была его машина, я поднимаю капот и хорошенько приглядываюсь. Эта штука полное дерьмо. Если бы это не была пятьсот долларовая машина с более чем двумя сотнями тысяч миль пробега, я мог бы подумать, как починить её. Я захопываю её капот и решаю, что он больше на ней не ездит. С ней может произойти несчастный случай, это небезопасно.

Я звоню, Эмили в магазин, пока иду обратно в дом, вытирая свои грязные руки тряпкой.

— «Кофе и торты от Эмили» — отвечает она жизнерадостно.

— Эй, сладкая, — мурлыкаю я.

— Привет, — отвечает она через улыбку. Я, бл*дь, могу услышать её улыбку.

— Машина Коди вышла из строя, я собираюсь достать ему новую, но потребуется несколько дней. Как думаешь, мог бы он поводить твою до тех пор? — я знаю, что это вопрос с подвохом. В основном я спрашиваю, могу ли я возить её повсюду, и будет ли она проводить каждую ночь со мной. Я хочу быть с ней всё время. Я хочу, чтобы всё сработало. Теперь, когда она знает обо всём, у нас есть шанс. Быть с ней в моей кровати и не заниматься сексом станет новым вызовом для меня, но она того стоит. Нам нужно время без гормонов.

— Конечно. Мне сходить домой и забрать её?

— Нет, — рычу я.

— Хорошо. Прости, — она немедленно извиняется.

— Прекрати уже, — ворчу я.

— Хорошо, — раздражается она.

— Я подброшу его до твоего магазина, и мы сможем взять твои ключи, — я пытаюсь говорить любезно, не желая только ворчать и рычать на неё.

— Джордан сможет закинуть меня домой, когда мы закроемся. Я уверена он сможет и подкидывать меня до работы, — произносит она рассеяно, вероятно, она печет.

— Я заберу тебя.

— Это глупо. Ты не должен постоянно ездить через весь город, чтобы возить меня на работу.

— Ты не будешь у себя дома, Эмили.

— О!

— О! — ворчу я.

Я считаю, что четко дал ей понять, что просто необходимо выставить её чертовый дом на продажу, поскольку я не собираюсь проводить там с ней другую ночь, но это следующий шаг, сначала я позволю своему помешанному мозгу принять это.

— Сегодня Джордан отвезет меня в продуктовый магазин после закрытия. Твоя кухня пуста, а я не могу импровизировать лучше, но, если я собираюсь готовить обеды и делать ланчи, мне нужны запасы. Я приготовила Коди на ланч немного куриных ролов и салат с макаронами. Это всё, что у меня было в магазине. Я надеюсь, что ему понравится. Ты мог бы спросить его перед тем, как привезти сюда, так мне не надо будет готовить что-нибудь ещё на скорую руку для него и ему не придётся ждать. Мне, вероятно, потребуется несколько часов в магазине, чтобы купить все, что мне может понадобиться. Я имею в виду, что я не хочу переходить границы или что-то в этом роде. Если ты хочешь пойти за покупками со мной, то пойдём. Я обещаю, что не буду покупать розовые тарелки и кружки в цветочек. Хотя, изображение тебя пьющего из стакана с ромашками заставляет меня улыбаться. Ты можешь просто забрать меня оттуда? — заканчивает она, когда звенит таймер.

Я обожаю, когда она болтает о пустяках.

— Коди будет счастлив в независимости от того, что ты ему приготовила. Не покупай слишком много дерьма в магазине, поскольку Коди и я собираемся начать перестройку дома сегодня вечером. Я всё завешу и оставлю тебе некоторое пространство, чтобы ты могла беззаботно готовить, пока мы работаем. Это займет несколько недель. И, сладкая, если ты захочешь, чтобы я ел из ярко-розовых тарелок и пил из стаканов с ромашками, я буду делать это так долго, пока ты сидишь рядом со мной, в то время как я это делаю. На этом я должен прерваться, так как мне надо в душ.

— До свидания, Гаррет, — сладко шепчет она.

— Пока, сладкая, — говорю я хрипло, чувствуя ее теплоту даже через проклятый телефон.

Я отключаюсь и принимаю быстрый душ, пробуя не представлять, как буду делать это с Эмили здесь. Мой член всё ещё стоит по стойке смирно. Хотя я не дрочу как обычно. Я подожду, пока не окажусь снова внутри Эмили. Бл*дь, я надеюсь, что окажусь там.

Я спускаюсь по лестнице и нахожу Коди за поиском ключей. Он одет в худи и джинсы. Сейчас не очень холодно, но я предполагаю, что у него нет пальто. Я рад, что Эмили отведет его по магазинам. У меня нет никакого желания отправляться с ним в это приключение. Машины — да. Одежда — нет. Я почти не покупаю себе одежду с тех пор как освободился.

— Я собираюсь отвезти тебя. Твоя машина загнулась. Ты сможешь поехать на машине Эмили, пока я смогу что-нибудь достать для тебя, — информирую его я.

— Да?

— Мы должны выдвигаться, пацан. Иначе опоздаем.

Он судорожно кивает и следует за мной, чтобы выехать.

— Эмили согласна? — спрашивает он с обеспокоенностью в своем голосе, пока я направляюсь к городу.

— Она предложила пойти домой и взять ее гребаную машину для тебя, приятель, — усмехаюсь я. — Она часть дела.

— Она не должна идти одна. Адам не собирается оставлять её в покое, — бормочет он.

— Она не пойдет. Не волнуйся об Адаме. У меня это дерьмо схвачено, — уверяю его я с

защитным рычанием.

— Хорошо, — ворчит он.

Мне действительно нравится этот пацан.

Я паркуюсь на улице и быстро поднимаюсь по лестнице из речных камней в «Кофе и торты от Эмили». Я почти раздражен, когда я нахожу, что передняя дверь не закрыта, но затем меня поражает, что Джордан с Эмили смеются, и я толкаю дверь.

Колокольчики на двери предупреждают о нас, и Эмили появляется из кухни с улыбкой на лице. Я ожидаю, что она подойдет ко мне, но она заключает Коди в крепкие объятия, перед тем как утащить на кухню. Я следую за ними и пытаюсь не действовать как разочарованный подросток.

Джордан приветствует меня, ударяя кулаками, и возвращается к чему-то, что он делал с тестом. Зная, какой раньше он жил жизнью, мне довольно чертовски любопытно, как он докатился до такой работы с Эмили. Для меня в этом нет логики.

— Я сделала сегодня утром маффины с тыквой и корицей. Хочешь попробовать? Я засунула парочку печенюшек в твой ланч. Я просила, чтобы Гаррет уточнил у тебя, любишь ли ты роллы из курицы и салат из макарон, но я знаю, что он не спрашивал. Это подойдет для ланча? Я могу сделать что-нибудь ещё, если тебе не нравится, — произносит Эмили, пробегаясь рукой по его голове.

Коди выше её на голову, но, когда она прикасается к нему так, он выглядит маленьким мальчиком, наклоняясь в сторону её прикосновения. Когда он так делает, её лицо светится, а я краду её теплоту.

— Я ем всё что угодно, Эмили. Ты не должна так сильно напрягаться из-за меня. Сколько я тебе должен? — спрашивает он, роясь в своем заднем кармане.

— Коди, я знаю, что она выглядит милой, но, если ты сейчас попробуешь ей заплатить, ты будешь иметь дело с концом этой ложки, — сообщает ему Джордан, кивком головы указывая на длинную деревянную ложку.

— Это слишком много, — спокойно говорит он, прижимая свой подбородок к груди.

Твою мать.

Эмили сильнее оборачивает свои руки вокруг него и шепчет на ухо. Он кивает несколько раз, прежде чем прижимает её к себе. Они обнимают друг друга довольно долго, пока не звенит таймер.

— Я не могу сжечь тыквенный хлеб, — объявляет Эмили, вытирая не прошеные слезы из глаз.

Коди держится к нам спиной, беря в себя в руки.

Я не обращаю на него внимания, поскольку задница Эмили витает в воздухе, пока она наклоняется, чтобы вытащить хлеб. Твою мать, я становлюсь извращенцем. И очевидно, у меня слабость к джинсам.

— Хорошо, ты берешь парочку маффинов и съедаешь их, пока Гаррет везет вас к моему дому. Я сделаю для тебя завтрак завтра, так что тебе не придется приходить сюда. Я отправлюсь в магазин, после того как закроюсь, так что встретимся с тобой там. Как думаешь, ты сможешь составить для меня список того, что тебе нравится? Я захвачу его у тебя, прежде чем отправиться за покупками, — заканчивает Эмили, в то время как она возится с хлебом, маффинами и другой испеченной хреню.

Здесь пахнет чертовски потрясающе.

— Я съем всё, — грубо говорит Коди.

— Хорошо, солнышко, — воркует она, позволяя ему сорваться с крючка. — Возьми это и выдвигайся. Я не хочу, чтобы ты опоздал, — она встает на цыпочки и целует его в щеку, прежде чем погнать его в мою сторону.

Как только она оказывается на расстоянии вытянутой руки, я ловлю её за запястье и подтягиваю к себе.

— Рот, — ворчу я.

Она встает на цыпочки и немедленно выполняет требование. Я запутываю и танцую с ее языком, пока она не начинает стонать так, как я этого хочу от неё. Когда я выпускаю её затылок, то упираюсь в неё своим лбом и произношу:

— Я заберу тебя из продуктового магазина в пять. И не вздумай расплачиваться.

— Окей, — сладко произносит она.

Мне нравится, что моя грубость никогда, как кажется, не беспокоит ее. Это замечательно, поскольку я не думаю, что эта часть меня когда-нибудь исчезнет.

— Я сделала тебе кофе и упаковала несколько маффинов, — сообщает она мне, потянув меня за руку из кухни.

Она вручает мне чашку на вынос с логотипом своего кафе на поверхности. Надпись: «Кофе и торты от Эмили» проявляется от тепла кружки. Я крепко её целую, прежде чем разворачиваюсь на пятках, чтобы уйти.

Коди и я отправляемся в поездку, немедленно принимаясь за завтрак.

Святое. Грёбаное. Дерьмо. Это восхитительно.

— У тебя хорошая женщина, — говорит Коди с набитым ртом вкусностями.

— Ага.

— Не проси это или мне придётся отпинать твою задницу, — он угрожает мне на полном серьезе.

— Ага.

Глава 17

Эмили

— Ты не думаешь, что они симпатичные? — спрашивает Дженна у Коди, потрясенная его ярким презрением.

Коди умоляюще смотрит на меня, одетый в необычные фиолетовые джинсы.

— Я не думаю, что Коди хочет выглядеть милым, Дженна, — пробую успокоить их обоих. — Возможно, ему будет более комфортно в тех.

Я бросаю ему темную пару, что захватила в тот момент, когда Дженна настаивала на женском выборе джинсов. Облегчение отражается на его лице раньше, чем он забегает обратно в примерочную.

— По-прежнему никакого секса? — задает вопрос Дженна, усаживаясь на плюшевое кресло.

— Да, — ворчу я, пока сажусь рядом с ней и жду Коди.

— Он дает тебе время. Я думаю, что это мило.

— А если Калев не будет заниматься с тобой сексом?

— Мясорубка — будь уверена, — фыркает она.

Я фыркаю, выражая своё согласие.

Я понимаю, что Гаррет дает мне время. Хотя мне оно ни к чему. Единственная вещь, с которой я борюсь, это глубокая потребность придушить Дэрила и Анжелику. Я чувствовала физическую боль, пока Гаррет говорил с теми грустными сине-серыми глазами. Когда он

рассказал мне, что произошло с Таней, я сорвалась. Я ревела так сильно, что меня практически стошнило. Что за ужасный опыт. Я не могу представить, какой удар это нанесло Гаррету. Я могу видеть это, когда теперь смотрю на него. Он несет вину за те смерти. Хотя ни одна из них не принадлежит ему. Не так, как я вижу во всяком случае.

Дэрил и Анжелика — преступники и убийцы. Я не могу понять, как кто-то мог так поступить со своим собственным ребенком? Как можно быть таким бессердечным? Меня тошнит от этого. И я злюсь, когда думаю об этом.

Гаррет забрал жизнь. Жизнь, которая обрывалась мучительным способом. Я продолжаю думать о его истории и как еще она могла бы закончиться. Он мог бы просто уйти и оставить Таню в муках. Он мог бы снять момент, когда Дэрил убивает Нико, и спасти себя. Но он не сделал этого. Он не отказался от своего ужасного отца. Он не повернулся спиной к женщине, умоляющей о смерти, чтобы она смогла присоединиться к своему сыну и мужчине в загробной жизни. Он принял решение, которое явно преследует его до сих пор. Но это не был неправильный выбор. Это была правильная вещь, которую надо было сделать. Уважение заполнило мои вены и затопило душу, пока Гаррет говорил. Он не монстр. Он не убийца.

Хорошо, он — убийца. Но я смотрю на него так же, как смотрю на своего отца. Мой папа забирал жизни. По-прежнему иногда забирает жизни. Детство рядом с отцом-снайпером заставило меня по-другому смотреть на мир. Я рассматриваю жизнь и смерть по-другому.

Гаррет несет вину за Таню и её семью. Он не несет вину за другие жизни, которые забрал, поскольку те жизни ничего не значили для него. Я предполагаю, что вижу это с той же стороны. Это о том, как я выросла. Это о том, как я жила. Возможно, это делает меня слегка ненормальной, но мне хорошо от этого.

Лёжа в руках Гаррета после того, как он закончил рассказывать мне о той ночи, которая изменила всю его жизнь, я поняла, что влюблена в него. Я влюбилась сильно и быстро. А еще нет ни каких сомнений, что моя мама послала его мне. Она хотела, чтобы у меня был мужчина, как мой отец. Я не создана быть женой военного. Те женщины обладают силой, которой у меня нет. Но если честно, я жажду такой тип доминирующего альфы, который наполняет наши армии. Гаррет — властный мужчина, некоторых женщин это может заставить чувствовать себя неуютно, мне же это приносит интенсивное чувство безопасности и мира. Его прошлое — это его прошлое. На этой неделе я смогла разглядеть, что он — намного больше, чем насилие, что стояло за его действиями. Я могу увидеть тень того, каким он был, но он перерос свое прошлое. Хотела бы я наблюдать за ним более близко в течение последних шести месяцев. Поскольку я думаю, что он был замечательным раньше, однако вблизи он удивительный.

Наблюдение за Гарретом издали не дало мне знания, что он любит футбол. Не показывало мне, что он знает автомобили, как свои пять пальцев. Не позволило мне увидеть, как он терпелив, пока обучает Коди работе с древесиной. Не подарило мне моменты, когда он всегда задерживается, чтобы убедиться, что грузовик Клайда завелся в конце дня. Не давало мне раздражаться на его хмурый вид, когда Арлин пытается играть роль матери, которую, я знаю, он действительно ценит. Не приносило мне в дар возможность просыпаться в его руках каждое утро.

Нам необходимо это время. Я наблюдала за ним, и теперь я испытывала его. Я была готова снова быть с Гарретом. Я отказываюсь быть в других отношениях, которые не являются полными. Я хочу с ним всё. Я не буду ждать другой ночи. Его грудь говорит, что

«время — это иллюзия» и я согласна. Я не буду впустую тратить следующую секунду.

Коди прогулочным шагом выходит из примерочной в насыщенном зеленом свитере крупной вязки, который подходит к его глазам, и в джинсах, которые я выбрала. Небольшая улыбка на его губах говорит о том, что он счастлив.

— Коди Мэттьюс, ты собираешься разбить не одно сердце, — заявляет Дженна. — Извини, что пыталась нацепить на тебя те фиолетовые штаны. Ты не можешь обвинить девушку за попытку.

С этим, она поднимается на ноги и кружит по магазину как безумная, складывая огромное количество одежды в свои руки.

Коди сидит на подлокотнике кресла, в котором отдыхаю я, прижимаясь к нему головой. Я люблю Гаррета, без сомнения. Я не удивлена этому. Я получила его. Я хочу его. Я чувствую, что тоже нужна ему. Хотя я не знала, что буду любить Коди, так как уже люблю.

Будучи единственным ребенком, я никогда не испытывала братских чувств. Я знаю, как многое из этого может принести затруднения. У меня есть Джордан, в конце концов. И иногда Джордан становится в крайней степени раздражающим, но я всегда прикрою его. Я знаю кое-кого, кто прикроет меня неродительским способом, а по-другому, таким способом, которого мне не хватало до Джордана. Коди упустил это тоже. Я чувствую защиту и любовь к нему, заполняющие пустоту, о которой я даже не догадывалась. Я чувствую себя его старшей сестрой.

— Она безумна, — шепчет Коди, прежде чем мы оба хихикаем, переводя дыхание.

— Так какой план на сегодняшний вечер?

— Сестрёнка, тут без шансов, я делаю ноги, — мучительно бубнит он.

Коди пробует убедить Хантера, что они должны пойти куда-нибудь ещё.

Неудивительно, Хантер, кажется, выигрывает это сражение.

— Ты проведешь хороший вечер, — заверяю его я, похлопывая по колену.

Он фыркает с маленькой ухмылкой, говоря о том, что он обязательно повеселится.

— Хорошо, — объявляет Дженна. — Мне кажется, всё это должно тебе подойти. Ты хочешь примерить или доверишься моим удивительным навыкам?

— Ты выбрала розовые штаны и рубашку в горошек? — спрашивает Коди с приподнятой бровью.

— А как же. И ты будешь носить их с бантиком в своих волосах, — произносит она невозмутимо.

— Восхитительно!

— Как и ты, — вставляю я замечание, покачивая головой. — Ты подобрала ему пальто?

Она раскачивает спортивную куртку на меху передо мной, с взглядом, говорящим, чтобы я не подвергала сомнению её профессионализм. Затем она неспешным шагом направляется к прилавку, чтобы оценить всё.

— Этого слишком много, — ворчит Коди, наблюдая за грудой сворачиваемой одежды.

— Я так не думаю, — мягко говорю я, пока поднимаюсь на ноги и целую его в щеку.

— Иди примерять, а я расплачусь.

— Эм, — начинает он спорить.

— Не я плачу, а Гаррет, и ты знаешь, что ни один из нас у него не выиграет в этом споре. Позволь ему позаботиться о тебе, солнышко. Это многое для него значит.

Он судорожно кивает, отступая в примерочную.

— С Вас две тысячи восемьсот тридцать два доллара и четыре цента, — объявляет

продавец-консультант, когда я останавливаюсь у прилавка.

Дженна обращает на меня расширенные глаза в извинении за перебор. Если я начну откладывать какие-нибудь вещи, а Коди выйдет сюда, он почувствует себя виноватым. Гаррет дал мне тысячу долларов наличными сегодня утром с предупреждением, что он узнает, если я не потрачу их. Время использовать кредитную карту.

— Я оплачу часть наличными, а часть картой, если так возможно?

— Конечно, — отвечает счастливая женщина, что получит большую комиссию.

Коди выходит, пока я передаю свою карту, он несет в руках джинсы и свитер, что примерял.

— О, и это тоже, — говорю я, выхватывая у него одежду.

Она добавляет их к общему счету, и глаза Коди становятся размером с его голову, когда новая цифра высвечивается на кассе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда женщина возвращает мне карту, лицо Коди становится бледным. Я начинаю поднимать пакеты вверх, но он вырывает их из моих рук. Как только мы выходим на тротуар, Коди рычит:

— Я просто верну всё это завтра. Дженна, ты не должна была выбирать так много.

— Тебе нужна новая одежда. Не волнуйся об этом, — пробую заверить его я.

— Привыкай быть испорченным ребенком. Я много чего ещё планирую, — возражает Дженна веселым тоном.

Она берет Коди под руку и тащит к месту парковки машины.

— Дерьмо, — бормочет он.

Как только вся одежда загружена в Мини, мы прощаемся с Дженной. Она встречается с Калемом сегодня вечером. Я допускаю, что была взволнована, когда поняла, что Калев связан с наркотиками. Это небезопасно. Это незаконно. Это также не моё дело. Калев никогда не подвергнет Дженну опасности. Я уверена в этом. Она умная девушка. Я, возможно, не знаю, о том, как Калев зарабатывает деньги, но Дженна знает. Не может быть, что она с ним и ничего не знает.

Она также знает всю историю Гаррета. Калев рассказал ей, после того, как я сбежала. Мы немного поговорили об этом, и она согласна со мной. Гаррет — не убийца. Дженна использовала несколько весьма отборных слов о Дэриле и Анжелике и даже больше угроз о том, что она сделает, если когда-либо их увидит. Она не судит моего мужчину, а я не сужу её.

Гаррет рассказал Джордану свою историю в день, когда мы перевозили Коди. Он не выдал ему детальную версию, что и мне, но изложил важные факты. Джордан несколько не обеспокоен. Исходя из жизни, которая у него была, я не удивлена. В преступлении и смерти нет ничего нового для Джордана. Так что мои друзья не против Гаррета, я не против Гаррета, и теперь я должна убедиться в том, что и мой папа не против Гаррета.

Ему будет более сложно преподнести, но я верю, что мой папа увидит тоже, что и я, когда смотрю на Гаррета.

Хорошего человека.

Восхитительного мужчину, который в настоящий момент опирается на дверь своей машины с перекрещёнными лодыжками и руками в карманах. Я паркуюсь рядом с ним, и он оперативно извлекает меня из машины, оставляя долгий поцелуй на моих губах.

— Выглядит так, как будто ты сильно потратилась, — комментирует он, осматривая все

пакеты в машине.

— Три гребаных штуки, — негодует Коди, обходя вокруг капота.

— Не сейчас, — шепчу я Гаррету, прежде чем он начнет распекать меня о стоимости.

Он смотрит на меня вниз, и я ожидаю увидеть карие глаза, но я нахожу их заинтересовано голубыми. Они остаются голубыми, когда он смотрит на своего младшего брата и то, насколько неудобно ему.

— Дженна заставляла тебя купить розовые штаны, не так ли? — спрашивает Гаррет серьезно.

— Она заставила меня примерить фиолетовые джинсы, — стонет Коди. — Спасибо, бл*дь, Эм, что была там. Она спасла меня.

— Она хороша в этом, — отвечает Гаррет сладко, сжимая моё плечо.

— Ага, — соглашается Коди.

Я растекаюсь лужицей, пока Гаррет направляет меня в закусочную «На гребне мыса». Молодая официантка спотыкается при виде моего мужчины, заставляя меня хихикать. Она быстро собирается и сажает нас за столик. После того как он помог снять с меня пальто и шарф, Гаррет подталкивает меня, чтобы я скользнула в кабинку. Он следует за мной, а Коди занимает место напротив нас.

Гаррет переплетает свои грубые пальцы с моими ледяными. Когда он чувствует, насколько они холодные, то притягивает обе мои руки к своему рту и дует теплым дыханием на них, энергично потирая. Затем располагает наши руки под столом, по-прежнему обхватив мои пальцы.

Я — все еще лужица.

— Так что там с фиолетовыми джинсами? — спрашивает Гаррет у Коди.

— Ты должен был их видеть. Они были яркими и такими, бл*дь, узкими. Мои яйца до сих пор болят, — смеется он.

Губы Гаррета дергаются, но никакой улыбки на людях.

— Всё готово к сегодняшнему вечеру? — меняет он тему, после того как мы заказываем наши напитки.

— Да, — ворчит Коди, изучая меню.

— Вечеринки выходят из-под контроля?

— Иногда.

— Позвони мне, если так случится.

— Я буду в порядке.

— Позвони мне, если что-то случится, — настаивает Гаррет.

Коди кивает.

— Там будут какие-нибудь хорошие девочки, пришедшие на вечеринку? — спрашиваю я, сворачивая меню.

— Сладкая... — фыркает Гаррет.

— Что?

Я смотрю на Коди и вижу, что он слегка покраснел. Я задавалась вопросом, насколько ярко-красным он может стать, когда он нашел пачку презервативов, которые я оставила ему на кровати, на этой неделе.

— Разве это не мило? — раздаётся ехидный голос Сары возле нашего столика.

— Исчезни, — рычит Гаррет.

— Это не очень вежливо, — дует она.

— Вежливо, насколько ты заслуживаешь. А теперь свали на хер отсюда.

— Эмили тоже тебя добивается?

Прежде чем Гаррет смог встать и устроить сцену, Коди спасает наш день.

— Неа. Мне пришлось купить затычки для ушей, но даже они не блокируют все звуки.

Я ничего не могу поделать с истеричным смехом, который вырывается из моей груди.

Слова Коди объединились с потрясенным лицом Сары... уморительно. Она убегает в гнев, и Коди присоединяется к моему смеху. Я знаю, что Гаррет не будет смеяться на публике, но его губы дергаются в подобии улыбки.

Я достаточно успокоилась, чтобы заказать себе обед и наслаждаться им с двумя людьми, которых очень люблю, Сара и ее дерьмо забыты.

***

— Это последний, — произносит Коди, вручая Гаррету ещё один пакет с одеждой.

— Если ты выпьешь, не садись за руль гребаной машины, — рычит Гаррет.

— Я не собираюсь выпивать, и я не пропаду у Донована. Хотя я напишу тебе, если что-то изменится.

Гаррет изучает своего младшего брата в течение нескольких секунд, а затем обхватывает его затылок и прижимает к своему широкому плечу. Коди не обнимает его в ответ, но он слегка наклоняется к нему. Я могу остаться лужицей до конца своей жизни, после того как это увидела.

Коди отстраняется, а Гаррет слегка сжимает его шею, прежде чем позволяет ему уйти. Я сжимаю Коди в крепких объятьях и шепчу:

— Хорошо повесились, и оставайся невредимым. Увидимся завтра, солнышко.

— Спасибо за сегодня, — бормочет он в моё плечо.

Я целую его в щеку, а затем широко улыбаюсь ему. Коди улыбается мне в ответ, пока я поглаживаю его голову. Затем он забирается в мой Мини и уезжает в страну подростковых вечеринок.

— Ты думаешь, что он ненавидит управлять желтой машиной так же, как и возненавидел те фиолетовые джинсы? — спрашиваю я Гаррета.

— Нет, — ворчит он, прижимая мою спину к себе, пока мы наблюдаем за Коди, до тех пор, пока мы не можем его больше видеть.

Гаррет оставляет поцелуй на моих волосах до того, как останавливается возле своей машины. Сегодня вечером он был более тихий, чем обычно. Что для него означает, что он произнес не более чем несколько слов. Он переплетает наши пальцы, так же как делает, когда мы находимся в автомобиле. Дом полностью наполнен тишиной. Это не некомфортная тишина, но также она и не удобна.

Я устала. Я не ложилась спать до девяти, поскольку наслаждалась, проводя время с Гарретом и Коди. Хотя это приносит потери. Сейчас только восемь, а мои веки чувствуются тяжелыми, пока мы идем к дому.

— Я собираюсь лечь в кровать, Гаррет, — говорю я.

— Я скоро поднимусь наверх, — отвечает он, целуя волосы и ласково поглаживая мою задницу.

— Тебе не нужно.

— Я буду через пару минут, — повторяет он и поражает меня одним из тех пристальных взглядов.

Я киваю и продолжаю свой путь в его комнату.

Быстро расправляюсь с ежедневной ночной рутинной, надеваю одну из футболок Гаррета и забираюсь в постель. Я ужасно хочу заснуть, но не могу без него рядом. Одна неделя сна в его руках, и у меня выработалась зависимость.

Мой телефон оповещает о текстовом сообщении, и я нахожу обычное подшучивание моего лучшего друга.

Джордан: Всё ещё в пещере Гаррета?

Я: Я не знаю, о чём ты говоришь.

Джордан: Как насчет обреченного лица без секса на этой неделе?

Я: Неважно.

Джордан: Умный ответ. Я ожидал от тебя лучшего.

Я: Я скучаю по тебе.

Джордан: Я всегда здесь для тебя.

Я: Я знаю.

Джордан: Покатаемся завтра?

Я: Да!

Джордан: Люблю тебя. Увидимся завтра.

Я: И я тебя люблю. Хорошей ночи.

Лучшая вещь, которая произошла из-за попытки Адама всё разрушить, — он оставил меня в покое, начиная с Осеннего фестиваля. Он ни разу не звонил. Не было никаких записок. И я не видела его. Я думаю, что он наконец-то осознал, что я двигаюсь дальше. Я надеюсь, что это именно так. Гаррет не будет настолько же терпеливым, как был Джордан. А также я не думаю, что и Джордан будет продолжать в том же духе. Так что лучше всего Адаму всегда держаться от меня подальше.

Гаррет тихо заходит в комнату, пробуя не потревожить меня. Я поворачиваюсь к нему лицом, давая ему знать, что я всё ещё бодрствую. В ответ я получаю кивок подбородком. Он исчезает в гардеробной и выходит моментом позже с футболкой в руке, одетый только в боксеры.

Он бросает в меня футболку, даже если я уже в одной из них. Гаррет знает, что я люблю футболки, которые он носил в этот день, вместо чистой. Его запах все еще цепляется к ним, но он сильнее на футболках, в которых он ходил весь день. Я наблюдаю, как его татуированное тело исчезает за дверью ванной, и переодеваю футболку.

Я глубоко вдыхаю мягкий белый хлопок. Древесина, одеколон и мужской запах Гаррета объединяются, чтобы сделать наиболее опьяняющий аромат известный человеку. Я должна выяснить способ, как разливать его по бутылкам. Женщины во всем мире покроют им своих мужчин. Хотя маленькая эгоистичная часть меня не хочет делиться этим ни с кем. Я хочу этот аромат только для себя.

Я прижимаюсь к ткани и притягиваю футболку к своему носу, еще раз глубоко вдыхая. Когда Гаррет выходит из ванной только в одном полотенце, свободно обернутом вокруг его узких бедер, я решаю, что пришло время сделать мой ход. Я нуждаюсь в нем.

— Гаррет, — мурлычу я своим самым соблазнительным голосом.

Его глаза встречаются с моими, я вижу в них сексуальные циркулирующие калейдоскопы, пожирающие меня.

О мой...

Глава 18

Гаррет

Я держался вдали от Эмили целую неделю. Я обнимал её, целовал её, и она была в моих руках каждую ночь. Но я держал свой член вдали от неё. Я, бл*дь, умираю. Мое воздержание меня убивает.

Я хотел дать Эмили пространство, чтобы она могла всё оценить. Я хотел дать ей шанс уйти от меня. Я хотел, чтобы она выбрала меня, зная обо мне всё. Я не уверен, что выполнил свою цель. Я держал её здесь при себе. Я не проводил время без неё, кроме как на работе, где все равно постоянно наблюдал за ней. Мой брат пользуется её машиной, а я даже не пытался найти ему новую. Я сделал её пленницей, поскольку меня ужасает мысль, что она сбежит, если ей предоставить шанс, который я так ошибочно хотел ей дать.

По крайней мере, я могу держать свой член под контролем.

Мой член по-видимому дождался того же, что и Эмили. Ее глаза умоляют меня, чтобы я взял её... прекратил сдерживать себя. Она не нуждается в перерыве. Она ни разу не колебалась, с тех пор как я рассказал ей, каким куском дерьма являюсь. Кажется, что она смотрит на меня с большим обожанием, чем раньше. Это больно, но удивительно ощущать это от нее.

— Я сказал тебе, что сделаю это для тебя, — рычу я, сбрасывая свое полотенце на пол.

Ее глаза расширяются при виде моего твердого члена.

— Что ты сделаешь для меня? — спрашивает она с хриплым средне-западным протяжным произношением, которое заставляет мой член подпрыгнуть выше, а её задыхаться от увиденного.

— В прошлый раз, — ворчу я, возвышаясь над ней.

— Да? — спрашивает она озадаченно, переворачиваясь.

— Всё было слишком быстро. Сегодня ночью я буду действовать медленно. Но не сейчас. В следующий раз, я обещаю, или, может быть, позже, — жарко шепчу я в её ушко.

— Я собираюсь сжечь тыквенный хлеб, — стонет она, пока я скольжу своими грубыми руками по её рёбрам, снимая с неё футболку.

Какое-то время я восхищаюсь ее формами. Сейчас я не буду торопиться. Ее грудь поднимается с произвольными вздохами, украшенная розовым румянцем. Поднимается и опускается, подталкивая её полные груди мне на встречу, жаждущие моего прикосновения, так как её соски стали твердыми, аппетитными горошинками. Ее мягкий животик напряжен, как будто она может чувствовать мой пристальный взгляд. Когда я вижу её только в клочке черных кружев, составляющих ее трусики, я рычу от жажды.

«Хорошо, хватит смотреть, настало время прикоснуться».

— Пожалуйста, Гаррет, — хнычет Эмили, встречаясь с моим пристальным взглядом.

Я прижимаю свою грудь к ее и обхватываю её мягкие ягодицы, пробегаясь своим большим пальцем по её складочкам.

— Скажи мне, что ты хочешь, сладкая, — спрашиваю я у Эмили так нежно, насколько может позволить мой голос.

— Тебя, — шепчет она, пробегаясь своими пальчиками вниз по моей челюсти.

— У тебя есть я, — заверяю её.

— Внутри меня. Я хочу тебя внутри, — произносит она дрожащим голосом.

Я атакую её рот со всей своей страстью. Целуя ее со всеми эмоциями, которые она вызывает во мне. Я показываю ей, как сильно она мне нужна... как чрезвычайно сильно я жажду ее. В то время, пока мой язык кружит в ее рту, я тянусь ниже и срываю с неё кружево.

Я проглатываю звук удовольствия, как только он срывается с ее губ. Она настолько

влажная, что я легко проскальзываю внутрь, но всё ещё продвигаюсь медленно. Эмили такая тугая, что я могу кончить прямо сейчас. Могу, но не буду.

Я останавливаюсь, когда полностью вхожу в нее, затем нежно и мягко целую. Она не призывает меня двигаться, так что я всё ещё остаюсь в её горячей киске, в то время как прижимаюсь своим лбом к её. Эмили отпускает мои плечи, за которые цеплялась, и проводит одной рукой по моему лицу, а другую располагает на уровне сердца, где татуировка. Опять этот взгляд. Тот, который говорит, что я — ее мир. Если бы она только знала, что она мой тоже. Моя жизнь. Мои эмоции. Мой мир. Моя.

— Ты защитишь моё сердце, — нежно произносит она.

— Да, — говорю я, скользя внутрь и наружу ещё раз.

— Ты будешь оберегать меня.

— Да, — я толкаюсь снова.

— Ты не причинишь мне боль.

— Никогда, — в этот раз я резко толкаюсь вперед.

— Ты будешь заботиться обо мне, — выдыхает она.

— Всегда, — шепчу я и впервые начинаю заниматься страстной любовью со своей женщиной.

Я знаю, что никогда не испытаю этого с другой. Эмили для меня, и если я не буду обладать ею, то у меня не будет и никого другого.

Я утыкаюсь головой в ложбинку на ее шее, целую и облизывая её нежную кожу. Мои толчки длинные и короткие, но одинаково мощные и жесткие. Я просовываю руку под её плечами, обхватывая спину и прижимая ее к себе так близко, насколько могу.

Ноги Эмили оборачиваются вокруг моих бедер, так же как руки вокруг моих плеч. Я целую ее с любовью, наслаждаясь вкусом. Отдавая ей все, в то время как мы начинаем задыхаться и блестеть от пота. Она целует меня в ответ, показывая мне, что она получила меня и хочет то, что я могу ей дать... что я ей обещал.

Эмили сжимается вокруг меня, когда оргазм накрывает ее тело и разум. Я не прекращаю её целовать или двигаться в ней. Я продолжаю совершать бешеные, неистовые толчки. Я веду её из одного оргазма в следующий, ни разу не прервав контакт. Когда она нуждается в глубоком дыхании, я слегка отодвигаюсь и осыпаю ее лицо легкими целомудренными поцелуями, прежде чем возвращаюсь к её губам.

Эмили никогда не жалуется, когда я доминирую, забирая каждый кусочек теплоты, что у неё есть. Она просто дает мне ещё больше. Предлагает мне всё. Моя грудь болит от эмоций, бушующих во мне. Я влюбился в Эмили издалека и теперь, когда она здесь в моих руках, у меня нет никакого сомнения. Я люблю Эмили Гарнер.

Я хочу кричать об этом с крыши. Я хочу рассказать ей об этом, но я понимаю, что не могу. Она не знает, что я провел полгода, западая на её чистое, честное сердце. Прошло только две недели, как мы вместе. Я знаю, что это слишком быстро. Но я любил её, до того как я услышал её голос. Я любил её, прежде чем почувствовал её кожу. Я любил её, прежде чем узнал цвет её глаз. Я полюбил её с первого взгляда, когда увидел, как она запрокинула голову от смеха, заполняя мою уродливую, поврежденную душу теплотой.

— Как? — спрашивает она напротив моего рта.

— Что как, сладкая? — спрашиваю я, прижимаясь своим лбом к её, пока замедляю толчки.

— Я чувствую это, Гаррет. Я чувствую любовь вокруг меня, которую хотела всю свою

жизнь. Как ты можешь уже так любить меня?

Дерьмо.

Мои бедра останавливаются, яйца подтягиваются, как только паника прорывается сквозь меня.

Я смотрю в её золотисто-зелёные глаза, ожидая увидеть непонимание или недоверие, но не вижу. Я вижу признание. Я вижу счастье. Я вижу удовлетворение. И трахните меня, я вижу любовь.

— Я — вор, Эмили. Я воровал у тебя твоё тепло, начиная с того момента, когда впервые увидел в мае, — хрипло объясняю я.

Выражение её глаз становится ошеломленным, но она ничего не говорит и не отталкивает меня. Я хватаю одну из её рук, которая все ещё цеплялась в моё плечо, и прижимаю её к моему сердцу.

— Я не чувствовал что-либо. Я был зол всё время. Постоянно ощущал себя на взводе. Первый раз, когда я тебя увидел, ты была в своём кафе, твоя голова была откинута назад, и ты смеялась над Джорданом. В моей груди потеплело от этого вида. Я почувствовал что-то хорошее в первый раз, что я могу вспомнить. Каждый день с тех пор, я наблюдаю за тобой из своего магазина. Я ворую твою теплоту, Эмили. То, как ты светишься, когда наблюдаешь первые свидания, как будто ты чувствуешь этот трепет тоже. Это сжигает мою душу. Взгляд чистого блаженства, когда ты сидишь за столиком свиданий и наблюдаешь за речной долиной каждое утро, причина теплоты здесь, — я похлопываю по груди, где находится её рука. — Ты вернула меня к жизни, когда я не был уверен, что хотел жить. Ты олицетворение любви, и я воровал это у тебя.

Она делает судорожный вдох и заливается разрывающими душу рыданиями.

Дерьмо.

Я целовываю её слезы так быстро, как могу, пока её тело сотрясает от эмоций. Эмили запускает свои пальчики в мои волосы и притягивает мой рот к себе.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она до того, как обрушить наши губы друг на друга.

Я толкаюсь внутрь и наружу с мучительно-медленным темпом, когда пробую её солёные слёзы, смешанные с любовью. Она продолжает держать одну руку на моём сердце, пока другой обхватывает мою щеку. Я кружу её язык в чувственном танго наших эмоций.

Как только её киска сжимается вокруг меня, я теряюсь в желании сдерживать себя и заполнить её до краев. Я продолжаю толкаться в её тело после самого продолжительного оргазма, который когда-либо у меня был, мой член всё ещё полностью твердый.

Я беру её снова, медленно и нежно. Я поклоняюсь ей и шепчу слова любви и преданности. Она шепчет мне в ответ.

Я чувствую тепло с головы до пальцев ног, когда мы кончаем, мой член всё ещё внутри неё, и моё сердце колотится от чувства, которого я никогда не знал.

Любовь.

***

Я вытягиваюсь и заставляю замолчать мой будильник, постанывая от такого маленького количества сна, которое у нас было. Крошечное теплое тело Эмили мирно располагается на мне, мой член всё ещё внутри неё.

Я твердею, как только чувствую её вокруг себя. Девять лет без секса сделали меня жадным. «Это полный бред. Сейчас не время. Но это Эмили. Я не могу насытиться ею. Вероятно, никогда не смогу».

— Пора просыпаться, сладкая, — шепчу я в ее светлые волосы.

— Ммммм, — стонет она, двигаясь своими бедрами на моем члене.

— Ты хочешь снова? — шепчу я, мои руки обхватывают ее нежные округлые бедра, когда я толкаюсь в неё.

— Да, — произносит она тихо, целуя мою покрытую татуировками кожу.

Затем она садится, упираясь своими руками в мою грудь, и начинает объезжать мой член.

— Бл*дь, да, — стону я.

Её сиськи подпрыгивают, пока она двигается на мне. Я отпускаю её бедра, чтобы приласкать ее, сжимая ее соски. Эмили шипит от моего прикосновения, её голова откидывается назад в экстазе. Это горячо как ад, но я нуждаюсь в большем. Я должен почувствовать её, держать в своих руках.

Я дотягиваюсь до её плеч и притягиваю к своей груди, захватывая власть над наслаждением. Я втягиваю одну вершинку в рот, придерживая Эмили на месте рукой, которая крепко держит ее за ягодицу. Другая моя рука накручивает её волосы на кулак, так что я могу держать её голову, где мне бы хотелось.

Эмили кончает со стоном, который я проглатываю, прежде чем заполнить её снова. Она роняет свою голову на мою шею, пробегая рукой по татуировке старинных часов, пока я поглаживаю её задницу.

— Это реально, правда? — мягко спрашивает она. — Я не сплю?

— Это реально, — ворчу я.

— Ты ворчишь, так что это происходит, — парирует она и хихикает.

— Устала?

— Со мной все будет прекрасно.

— Душ?

— Ага.

Я выскальзываю из кровати с ней, всё ещё обернутой вокруг меня, и шагаю в ванную. Я включаю все насадки и жду, чтобы вода нагрелась, прежде чем я вхожу вместе с Эмили под душ. Затем я беру её, прижимая к плитке, прежде чем окончательно отпускаю её и помогаю помыться. Я чувствую иррациональное раздражение от того, что она смывает мою сперму со своего тела. Я загоню это чувство внутрь как можно дальше.

— Ты здесь, — говорит Эмили, располагая мою руку на своём сердце.

Она заверяет мою сумасшедшую задницу.

— Хорошо, — рычу я.

— Я наблюдала за тобой тоже, — шепчет она, лаская мою щеку.

Она мягкая и в мыльных пузырьках, с ручейками воды, бегущими вниз по ее совершенному телу. Хотя это её глаза, которыми я был очарован. Там нет ничего, кроме теплоты и честности, сияющих в них.

— Я не наблюдала за тобой каждый день, так как я могла увидеть тебя только, если ты находился в магазине или на улице. Но каждый раз, когда я видела тебя, то чувствовала притяжение к тебе. Клайд и Арлин сказали, что тебе нравится быть наедине с собой, поэтому я держалась в стороне. Хотя были дни... моменты, когда мне хотелось подойти к тебе и обернуть свои руки вокруг твоей шеи. Я всё ещё была с Адамом, когда это в первый раз произошло, Гаррет. Я застукала его с той девушкой тремя днями позже. Мне следовало прийти к тебе тогда. В тот момент, когда я от него избавилась, надо было бежать в твои

объятья.

Я чувствую, что мой мир переворачивается. Как кто-то настолько хороший может хотеть меня? Я продолжаю задавать себе этот вопрос. Я знаю, что заслуживаю в жизни, и не Эмили. Но если судьба облажалась и дала её мне, я не настолько тупой, чтобы упустить эту возможность.

— Рот, — ворчу я и не даю ей шанса повиноваться.

Я страстно целую ее, покусывая нижнюю губу. Затем зализываю укус, перед тем как снова прижимаю Эмили к плитке. Пока мой язык ласкает ее рот, Эмили насаживается на мой член, покачиваясь и сжимая, в то время как сама стонет. Затем она исчезает.

Мои глаза резко открываются, чтобы увидеть её на коленях передо мной с моей головкой, зажатой между ее сочных губ. Я упираюсь руками в стену и наблюдаю, как она берет меня глубоко до задней стенки своего горла. Кажется, мое тело не заботит, сколько раз я кончал за последние двадцать четыре часа. Я не продержусь более чем несколько секунд.

Эмили берет глубоко мой член и сосет, обхватывая ладонью мои яйца. Я начинаю дрожать от подавляющего желания трахнуть ее рот. Она втягивает щеки и глубоко заглатывает меня снова. Я могу лишь смотреть, подрагивая в её горле. Она стонет вокруг моего члена от этого действия, и я воспринимаю это как сигнал к действию. Я толкаюсь в неё, поскольку ее руки сжимают мои яйца. Я действую осторожно, чтобы не казаться настойчивым или грубым, пока мой член скользит и скользит у нее во рту.

Когда начинается покалывание в моём позвоночнике, я предупреждаю ее ворчанием, что вот-вот собираюсь кончить. Эмили поднимает свои золотисто-зеленые глаза на меня и улыбается с моим членом во рту, прежде чем хватает мои бедра, принимая меня глубже. Я выкрикиваю в момент оргазма её имя, громким гулом, что вырывается из моего горла. Она облизывает мой член и затем поднимается на ноги, где я захватываю ее губы в неистовом поцелуе. Когда она отрывает свой рот от моего, она едва может дышать. Я прижимаюсь своим лбом к её, пока мы задыхаемся и смотрим в глаза друг друга.

Она тоже наблюдала за мной.

— Никогда, — ворчу я.

У Эмили залегает морщинка от того, что она хмурит лоб, не понимая мою речь пещерного человека.

— Я никогда не позволю тебе уйти, — рычу я.

— Пожалуйста, не позволяй, — произносит она с любовью.

Я оставляю грубый поцелуй на ее губах до того, как выключаю воду.

Я вывожу нас из душа и вытираю ее тело с головы до кончиков пальцев ног, прежде чем заворачиваю в полотенце. Я едва способен сделать тоже самое для себя. Я пылаю от неё. Таким образом, не вытираясь, я могу понизить температуру своего разгоряченного тела, или же меня окончательно поглотит пламя.

Мы одеваемся в тишине, пристально наблюдая друг за другом. Я понятия не имею, что буду делать хотя бы день без нее рядом со мной. Это и так было достаточно трудно с тех пор, как это все закрутилось между нами. Наблюдение за ней станет пыткой, зная, что я обладаю ее сердцем. Я совершенно сошел с ума.

Как только она готова идти, я веду ее к своей машине и держу её за руку на протяжении всего времени, пока мы едем к центру города. Когда мы останавливаемся перед её кафе, я не хочу отпускать её. Я хочу развернуться и провести весь день, глубоко внутри ее тела. Она видит, что я колеблюсь отпускать её, и забирается на мои колени, также как и каждый день,

когда я подвожу ее. Глаза Эмили пристально прожигают мои, пока она обхватывает мои колючие от щетины щеки.

— Ты сможешь наблюдать за мной весь день и знать, что я думаю о тебе, когда улыбаюсь. Я буду поглядывать на твой магазин и знать, что я в безопасности, поскольку ты присматриваешь за мной. Я люблю тебя, Гаррет. Не подвергай это сомнению, — пылко произносит она до того, как прижимает свои губы к моим, ожидая, когда я захвачу контроль.

Я даю ей это. Я целую ее до тех пор, пока она не издает стон и не начинает потираться своей киской о мой член, чтобы почувствовать меня снова. Когда я, наконец, отпускаю её рот, мы оба тяжело дышим и задыхаемся. Я толкаю свою дверь, открывая, и ласково поглаживаю Эмили на прощание. Она соскальзывает с моих коленей и выбирается из машины. Эмили тянет руку за своей сумочкой, но я хватаю ее запястье и тяну к себе ещё раз.

— Я люблю тебя так, бл*дь, сильно, — рычу я.

— Я чувствую это, — нежно заверят она меня. — Хорошего дня.

— И тебе.

Я оставляю поцелуй на её ладошке до того, как вручаю ей сумочку. Она улыбается мне яркой улыбкой, а затем легко поднимается по лестнице в свое кафе. Я наблюдаю за ней, до тех пор, пока не могу больше ощущать ее. Затем я отправляюсь домой, чтобы выяснить у своего младшего брата, как прошла ночная подростковая вечеринка, на которую ходил Коди.

Глава 19

Гаррет

Эмили поехала кататься с Джорданом. И это хорошо, что её нет, потому что я, бл*дь, закипаю. Коди не показывался и не звонил. Он также не отвечает на мои смски и не подходит к своему проклятому телефону.

Я не тот человек, который вечно мучается сомнениями. Пацан заботился о себе слишком долго и теперь не нуждается во мне, так сильно опекающим его. Но у меня плохое предчувствие, ощущение в моём животе говорит, что что-то случилось.

— Привет! — быстро отвечает Клайд, когда я звоню ему.

— Где дом Донована? — рычу я.

— Что случилось? — обеспокоенно спрашивает он.

— Коди не появился и не отвечает.

— У него вероятно похмелье. Высыпается, чтобы избавиться от него, — произносит он пренебрежительно.

— Он сказал, что не будет пить, и я не могу также дозвониться до Хантера. Что-то не так.

— Это примерно в двадцати милях к северу от Блюфсайд. Находится в четверти мили от съезда с шоссе на утёсе. Ты не пропустишь его.

— Спасибо, — ворчу я.

— Дай знать, как найдешь его.

— Договорились.

Я отключаюсь и залезаю в свою тачку. Так-то уже за полдень. Вообще-то, я надеялся на тихое воскресенье с Коди и Эмили. Это такое странное желание для меня, что я даже более взбешен от того, что его всё ещё нет здесь. Я не могу сходить с ума от того, что Эмили проводит время с Джорданом. Я полностью монополизировал её время в течение недели. Она заслуживает провести день со своим другом.

Я бы хотел быть достаточно хорошим парнем, чтобы говорить, что я не обеспокоен

этим. Я могу рационально понимать ее потребность продолжать общаться с друзьями и посвящать себя кафе — делом ее жизни. Мой примитивный мозг превращает рациональность в дерьмо и хочет держать Эмили рядом с собой во время каждого вдоха, который она делает. Не то, чтобы я скажу ей об этом.

Я ускоряюсь на двухполосном шоссе и стараюсь утихомирить своё раздражение. Коди шестнадцать. Он будет делать дерьмо подобно этому. Он будет напиваться и всё просирать. Он будет забывать мыть посуду. Он будет устраивать вечеринки, громить мой дом. Он — ребенок, а дети всё просирают. Я знаю это. Я сам делал это. Я все ещё, бл*дь, и сам до сих пор так делаю.

Я вижу массивный особняк, выступающий на утёсе, и двигаюсь по следующей подъездной дорожке с воротами. Открытые ворота витиевато украшены декоративным литьём, демонстрируя фамилию — Донован, пока я двигаюсь через них. Я не прекращаю объявлять о своём приезде. Если вы оставляете ваши ворота открытыми, не ожидайте, что люди будут это уважать.

Я останавливаю машину на круговой дорожке рядом с массивным фонтаном, усеянным пластиковыми стаканчиками и другим мусором. Вечеринка явно вышла из-под контроля. Машины припаркованы повсюду, включая ухоженную лужайку. Один автомобиль разрушил живую изгородь.

Я потираю от разочарования рукой свою щетину, прежде чем двигаюсь дальше. Я звоню в дверной звонок рядом с массивными двойными дубовыми дверьми и вижу людей суесящихся вокруг через непрозрачные стеклянные панели, расположенные в древесине.

Я продолжаю нажимать на звонок с постоянным упорством. Наконец, я вижу фигуру, шагающую к двери. Это — мужчина. Не подросток. Я могу это определить по его размеру и походке.

— Я могу вам помочь? — спрашивает он, пока тянет дверь, открывая ее.

Он одет в джинсы и свитер, его почти черные волосы стилизованы в сплошной модный беспорядок. Он не выглядит с похмелья. Он также выглядит слишком старым, чтобы устраивать вечеринки для старшеклассников, но слишком молодым, чтобы быть родителем.

— Коди Мэттьюс, — ворчу я.

— Приятно познакомиться, Коди. Что тебе нужно?

Гребаный идиот.

— Я ищу своего брата — Коди Мэттьюса, — рычу я.

— О. Я не знаю его. Ты пробовал ему позвонить?

Придурок передо мной, как мне кажется, не хочет меня впускать. Он стоит в дверном проеме, придерживая дверь, закрывая проход своим телом. Что он скрывает?

— Ага. Я пробовал звонить. Теперь я здесь, чтобы посмотреть. Ты собираешься впустить меня или мне пододвинуть тебя? — огрызаюсь я, сытый по горло этим дерьмом.

— Послушайте, я понимаю, что вы беспокоитесь или что-то в этом роде, но я не впускаю Вас в мой дом, — парирует он, пытаясь задобрить меня.

— Как тебя зовут?

— Брендон Донован, — произносит он так, как будто это должно что-то для меня значить.

— Это может произойти двумя способами. Ты двигаешь свою грязную задницу с моего пути, и я собираюсь поискать своего брата без тебя и проблем. Или, я собираюсь отпинать твою задницу, а потом я поищу своего брата без тебя и проблем. Сделай правильный выбор.

Я начинаю двигаться к нему, как только прекращаю говорить. И моментом позже пистолет упирается в моё лицо.

— Ублюдок, ты, бл*дь, знаешь, с кем ты имеешь дело? — угрожает он, его светло-серые глаза мерцают властью.

Ошибка.

— Да мне по хрену кто ты, — грохочу я, прежде чем легко разоружаю его, захватывая дуло и выламывая его запястье.

Как только его оружие находится в моих руках, я бросаю его в фонтан и запускаю кулак ему в морду. Еще три удара, и он недвижимой кучей валяется на полу.

Я следую в дом, сканируя каждое бессознательное тело, на которое наталкиваюсь. Многие обнажены или на половину одеты. Лица вымазаны исчезающей краской, а костюмы неузнаваемы. Я также не нахожу большого количества подростков. Что, бл*дь, происходит?

Женщины, которых я пропускаю, выглядят очень знакомо. Не то, что бы я знал их, но знаю, чем они занимаются. Шлюх легко определить, даже если они высококлассные. Однако чтобы здесь не происходило вчера вечером, это не была вечеринка старшей школы на Хэллоуин. Мой желудок сжимается, пока я передвигаюсь из комнаты в комнату, не находя Коди.

Я расчищаю свой путь через главный этаж чудовищного дома. Брендон все ещё недвижимая куча на полу, в то время как я забираюсь по лестнице на второй этаж. Спальни переполнены. Тела перепутаны друг с другом, некоторые стонут, в то время как они приподнимаются, другие в блаженном неведении, пока я снимаю их маски или переворачиваю в поисках моего брата.

Его здесь нет. Я обошел несколько тысяч квадратных метров, а его здесь нет. Я вибрирую от ярости, когда спускаюсь вниз по лестнице, то нахожу стонущего Брендона. Быстрый пинок по его затылку, и он снова в отключке.

Подвал — это единственное оставшееся место. Пока спускаюсь, я понимаю, что вхожу во что-то очень похожее на темницу. Здесь настолько темно, что горстка тщательно встроенных светильников совершенно не помогает. Я избегаю смотреть на орудия пыток и устройства бандажа и фиксирования, которым пронизано это место с ещё большим количеством тел, и продолжаю свой путь к дверям в задней части открытого пространства.

Я открываю первую из них и встречаю мужчину слишком жестко вбивающимся своим членом в девушку с клыками, одетую в черный кожзам. Они не обращают никакого внимания на меня. Я оставляю их и вхожу в следующую комнату. Здесь черно как смоль, без включённого света.

— Коди! — кричу я, доставая телефон, чтобы использовать его как фонарик. — Хантер!

Я вожу телефоном вокруг комнаты и нахожу дверь. Я продолжаю свой путь, радуясь, что нашел выключатель на стене снаружи, тогда как понимаю, что это туалет.

Когда я дергаю следующую дверь, чтобы открыть ее... гнев не может описать то, что высвобождается внутри меня. Я падаю на колени и прижимаю к груди искалеченное тело моего брата, прежде чем выхватить телефон, набирая номер.

— Что хорошего, Шарп? — радостным тоном отвечает Девлин.

— Отследил моё местоположение. Доберитесь до дома Донована, сейчас, — рычу я.

— С чем мы имеем дело? — его тон немедленно становится серьезным и холодным.

— Коди на хер ушатали. Хантера тоже. А также с ними девочка лет двенадцати на вид.

Все трое дышат, но плохо выглядят. Мой мозг работает с невероятной скоростью,

пробуя собрать по кусочкам сцену передо мной.

— Десять минут, — ворчит он, прежде чем отключиться.

— Коди, — я прошу его очнуться, пробегаясь рукой по его голове.

Его лицо выглядит покалеченным и опухшим от побоев, которые на него обрушились. Костяшки его пальцев похожи на сырое мясо гамбургера от попытки сопротивляться. Я опускаю его обратно вниз на пол и приподнимаю его рубашку, чтобы выяснить, что всё его туловище в гематомах и синяках. Он весь покрыт запекшейся кровью от гигантской глубокой раны с боку на его голове, он едва дышит.

Настолько плохо выглядит мой брат, но Хантер ещё хуже. Единственная причина, откуда я знаю, что это он, только из-за его ярких зеленых сникерсов, которые он всегда носит.

Девушка... она голая, и она высечена. У нее много рассеченных порезов вдоль спины. Я не могу заставить себя осмотреть остальную её часть.

Я стаскиваю свою нижнюю футболку с длинным рукавом над головой, оставаясь в рубашке, и закрываю её тело, прежде чем подняться на ноги. Проблема быть закоренелым преступником в том, что я не имею хорошего опыта с полицейскими. Я не вызываю полицейских. Я не позволяю полицейским обращаться с тем, что является моим. Но этим троим, нужна немедленная медицинская помощь. Я должен принять решение. Я должен решить, как далеко в своё прошлое я готов зайти, чтобы отомстить за моего брата.

Я не сделаю дерьма, пока Девлин не доберётся сюда. Единственные мысли, которые прямо сейчас у меня есть — меня приведут назад в тюрьму, я буду снова делить клетку с Дэрилом. Но я готов.

Я дышу и отмеряю шаги вокруг пространства черной комнаты. Делаю глубокий вдох и выдыхаю — это единственная вещь, которую я могу делать в этот момент. Я вынуждаю свой пульс замедлиться, а мозг успокоиться с каждым дыханием, пока не слышу звук моего телефона с текстовым сообщением.

Девлин: Ты где?

Я: В подвале.

Я могу слышать слабые крики женщин и мужчин, пока президент МК «Хаос» держит свой путь ко мне. Я выхожу из подвального помещения, когда звук становится достаточно близким, чтобы объявить о его присутствии в темнице.

Он продвигается ко мне, волоча недавно избитого Брендона за заднюю часть рубашки. Лицо Девлина — маска убийственной ярости, когда он достигает меня. Некоторые из его братьев окружили людей в комнате, загоняя их в угол под дулом пистолета.

— Теперь отсюда никто не выйдет. Где Коди? — рычит Девлин, пиная безвольное тело Брендона, после того, как отшвыривает его.

Я показываю ему направление и иду за ним. Когда он видит трех детей, то в ярости запускает кулак в стену. У меня была такая же вспышка однажды в своей жизни. Теперь я держу ярость под контролем. Это делает меня более страшным противником, чем Девлин. Однако мы одинаково смертоносны.

— Им нужно в больницу, — рычит он.

— Да, — ворчу я.

Никто из нас не делает ни шага, пока мы оба пробуем составить план.

— Мы забираем их отсюда. Отвозим в больницу. Скажем копам, что нашли их так в машине. На обочине дороги или подобное дерьмо. Затем мы разберемся со всем

самостоятельно, — выкладываю я свой план.

— Вот это дерьмо по мне, — соглашается он.

— Мне нужны твои парни, чтобы найти машину Эмили.

Девлин кричит одному из своих и отправляет на поиски. Затем он вопит другому парню, чтобы тот помог нам переместить детей. Я хочу нести своего брата, но чувствую напряжение от необходимости вынести девочку отсюда.

Девлин, должно быть, почувствовал мою борьбу, поскольку он поднимает почти безжизненное тело Коди с пола и приказывает своему человеку взять Хантера. Когда мы выходим из маленького помещения, я наклоняюсь и оборачиваю свою рубашку вокруг девочки. Затем нежно прижимаю её к своей груди, а она начинает хныкать от боли.

— Как ты? — спрашиваю её я, пока стремительно двигаюсь из темницы.

— Хантер, — бормочет она.

— С ним тоже всё хорошо.

— Коди, — бормочет она, прежде чем снова отключается.

Когда я подхожу к верхней ступени лестницы, ее волосы цвета коры дерева падают с лица, и я могу впервые нормально ее разглядеть. Она выглядит точно также как Хантер.

Алисса.

Черт побери!

Я кладу ее тело в заднюю часть фургона с моим братом и Хантером, прежде чем дать газу.

Через несколько минут после начала нашего движения, звонит мой телефон.

— Нашли автомобиль твоей женщины, — рычит Девлин. — Он был с другой стороны дома.

— Может кто-нибудь из твоих парней отвезти его вниз по дороге и загнать в канаву? — инструктирую я.

— Сделаем.

Он отключается, а я продолжаю составлять сюжет, пока мы мчимся в сторону больницы. В связи с состоянием Алиссы, я не могу сослаться на автомобильную аварию, как на причину. Но я могу сыграть глупца с лучшим из копов. Мне только нужен один день, чтобы разгрести это дерьмо. Шериф не экипирован или не достаточно быстр, чтобы проанализировать то, что случилось, прежде чем я доберусь до того, что мне нужно. Он сможет отмыться, в независимости от того какой беспорядок я оставляю за собой.

Поскольку в данный момент у меня нет сомнений — то, что должно произойти, будет сопровождаться насилием.

Теперь я должен сделать звонок, который сделает всё это реальностью.

— Привет, Гаррет, — ее добрый, любящий голос раздается у меня в ухе.

— Эмили, — я могу слышать ее эмоции, пока хриплю ее имя.

— Что случилось? — она немедленно паникует.

— Сладкая, мне необходимо, чтобы ты встретила меня в больнице.

— Гаррет, что не так? Что случилось? Ты в порядке?

— Я да. Но Коди — нет.

— О боже! Джордан, нам надо в больницу прямо сейчас! — я могу слышать, как она бежит, задыхаясь, пока двигается до «Корветта», который ревет, возвращаясь к жизни. — Мы в пути. Гаррет, он в порядке? Пожалуйста, скажи мне, что он в порядке, — умоляет она меня.

— Всё плохо, — тихо говорю я.

— Нет, — тихо произносит она, пока ее первые слёзы начинают катиться по лицу.

Это ломает меня. Я рычу подобно дикому животному и бью своим кулаком о руль много раз, до того, как на моих костяшках сходит кожа. Я уничтожаю свой телефон в процессе как гребаный идиот. Я не хочу, чтобы Эмили видела меня таким. Я не хочу, чтобы она испытывала боль. Она заслуживает только хорошее в своей жизни.

Она любит Коди. Эмили светится, когда общается с моим братом. Это может разрушить ее. Я понятия не имею, что она будет думать о моём плане. Я не буду лгать ей. Я буду честен. И она, вероятно, не согласится с моим планом и бросит меня.

Таня не была первым человеком, которого я убил. Но она — единственная невинная жизнь, которую я когда-либо украл. Уничтожить подонков — не проблема. Если честно, я прямо сейчас чувствую что-то, чего у меня не было с той ночи девять лет назад. Я возбужден охотой. Я в предвкушении, что буду проливать кровь. И я, бл*дь, в экстазе от перспективы забрать жизни у тех, кто травмировал моего брата.

Потому что, как и Эмили, я люблю этого парня.

Когда мы подъезжаем к больнице, я вспоминаю, что должен привлечь Клайда. Я выдергиваю одноразовый телефон из бардачка. От старых привычек тяжело избавиться.

Я: В больнице.

Клайд: В пути.

Подъехав на место, я ворчу и рычу на работников больницы, чтобы они помогли детям быстрее и, бл*дь, были с ними осторожнее. Девлин — моё постоянное эхо.

Они погрузили Алиссу и Хантера на носилки первыми и помчались в отдел неотложной помощи. Я слышу скрип тормозов «Корветта» Джордана, когда медики вытаскивают Коди из фургона.

— КОДИ! — кричит Эмили, летя к нему. — Нет, нет, нет, — шепчет она много раз, пока наклоняется к его лицу.

— Мэм, нам необходимо, чтобы вы отошли, — какой-то чувак в халате, произносит это прежде, чем положить руку на ее плечо, подталкивая ее в сторону.

Я вот-вот вырву его руку из сустава, когда Эмили трясет от страха. Она негодующе смотрит на его руку и подкрепляет это убийственным взглядом, прежде чем возвращается к Коди.

— Коди, солнышко, с тобой все будет хорошо. Ты слышишь меня? С тобой всё будет в порядке. Я люблю тебя, — шепчет она, оставляя нежный поцелуй на его окровавленной голове, и отстраняется, чтобы его смогли увезти.

БМВ Дженны практически сбивает нас, пока она влетает на стоянку автомобилей. Она выпрыгивает из машины и бросается в руки Эмили, прежде чем у меня появляется шанс добраться до моей женщины. Затем Джордан обнимает их двоих, успокаивая женщин в своих руках.

Девлин и я стреляем друг в друга взглядом, который говорит, что нам такое не по душе, но мы понимаем это. Джордан более мягкий, чем мы. Не слабый, просто более мягкий. Они нуждаются в мягкости прямо сейчас, и у меня нет ничего напоминающего мягкость в этот момент.

— Давайте пойдем внутрь, — тихо предлагает Джордан.

И женщины кивают в его грудь, следуя в больницу, цепляясь друг за друга.

— Что, бл*ть случилось? — требует ответа Джордан, пропуская свои пальцы через

волосы.

— Ты хочешь правду или то, что мы будем выдавать за правду? — спрашивает Девлин.

Джордан изучает каждого из нас мгновение, прежде чем я вижу жесткого парня и бывшего байкера, что живет в нем, который прямо сейчас выходит на поверхность.

— Правду.

— Мы нашли Коди, Хантера и Алиссу в доме у Донована. Она была высечена чертовски сильно. Хантер и Коди, мать вашу, избиты. Место было заполнено шлюхами, наркотиками и всяким другим гребаным дерьмом. Мы собираемся найти того, кто это сделал, и разобраться по-своему, — сообщаю я ему тихо и хладнокровно.

— Я с вами, — немедленно произносит Джордан. Девлин начинает спорить, но Джордан поражает его жестоким пристальным взглядом, который заставляет того отступить.

— Кто-нибудь уже позвонил Джойс?

Я предполагаю, что это — мама Хантера. Я уверен, бл*дь, в том, что не звонил, поскольку никогда не встречал эту женщину.

— Пытался. Она не отвечает, — ворчит Девлин с намеком на раздражение.

— Как всегда, — хмурится Джордан.

Мы быстро излагаем нашу историю, а затем направляемся в комнату ожидания неотложной помощи. Дженна и Эмили сидят вместе, держась за руки, и шепчутся друг с другом. Как только я вхожу в комнату, моя женщина подсакивает на ноги и кидается ко мне в объятья.

Я сжимаю ее крошечное тело, которое сотрясается от эмоций. Она не плачет, что делает эту ситуацию только более отчаянной. Я сажусь на самый ближайший стул и усаживаю Эмили на колени. Мы просто сидим друг с другом, не произнося ни слова.

Дженна на коленях у Девлина, он шепчет ей на ухо, пока слезы катятся по ее лицу. Джордан здоровается с Клайдом и Арлин, когда они входят. Я стреляю в старика взглядом, чтобы передать ему то, что случилось, и он склоняет подбородок в понимании.

Я не могу больше здесь находиться. Мне необходимо что-то делать. Я хочу вернуться в дом Донована, чтобы найти тот кусок дерьма, что сотворил это.

— Я люблю тебя, — наконец шепчет мне на ухо Эмили, примерно через час без новых сведений об их состоянии. — Ты заставишь их заплатить.

Я смотрю вниз на её лицо и вижу маску решимости, что воцаряется на ее лице.

— Ты знаешь, что это означает? — спрашиваю её я, желая убедиться, что она справится с тем, что произойдет дальше.

— Ты. Заставишь. Их. Заплатить, — произносит она с нажимом, до того, как оставляет крепкий поцелуй на моих губах.

«Бл*дь, я люблю эту женщину».

— Вы семья детей Джеймс? — спрашивает медсестра.

— Да, — бормочу я.

Никто не смог дозвониться до их матери. Кто-то должен заняться этим.

— Доктор хотел бы поговорить с вами и вашей женой наедине, — произносит медсестра.

Я отодвигаю жар, растущий в моем животе, когда Эмили упоминают, как мою жену. Сейчас не время, чтобы отвлекаться.

Моя женщина спрыгивает с моих колен, и я следую за ней, Джордан одаривает меня

гордым кивком головы, когда мы идем следом за медсестрой. Она ведет нас к отделенному занавеской пространству, где маленькое тело Алиссы лежит на животе, показывая защиту и перевязанную спину.

Ярость зарождается во мне, как только доктор, работающий с девочкой, начинает говорить.

— Я — доктор Крэйн. Хантера отвезли в операционную для проведения диагностической лапаротомии с целью исследования источника внутреннего кровотечения в его животе (Прим. пер. Лапаротомия — это хирургическая процедура, предполагающая разрез передней брюшной стенки для того, чтобы исследовать и назначить лечение органов брюшной полости, а также для диагностики причины боли внизу живота). Мы делаем всё, что возможно. Повреждения Алиссы главным образом, находятся здесь, на её спине. Нет никакого свидетельства сексуального насилия, — говорит он профессиональным тоном, пока заканчивает шов. — Департамент шерифа и окружные органы опеки в пути. Всё, что я хочу узнать, — это Джойс сделала? — спрашивает он, наконец, поднимая на меня свои глаза.

Мужчина средних лет выглядит так, как будто одержим такой же яростью, что и я. Его голубые глаза мерцают, а губы сжаты в тонкую, твердую линию.

— Я не знаю, кто это сделал, — отвечаю я честно.

— Вы их семья?

— Нет. Я — брат Коди.

— Тогда я отведу Вас, чтобы увидеть его. Мы можем поговорить, пока идем.

— Гаррет, — обращается ко мне Эмили.

Я смотрю вниз в её грустные золотисто-зеленые глаза и вижу её борьбу. Она не хочет оставлять Алиссу, но она отчаянно хочет добраться до Коди.

— Вы можете привести сюда Джордана Монро? — спрашиваю я медсестру.

Она кивает, соглашаясь, прежде чем выйти из комнаты. Я оборачиваю напряженную руку вокруг плеч Эмили, пока мы оставляем Алиссу и следуем к моему брату.

— У Коди множественные лицевые переломы, которые требуют операционного вмешательства. Эти повреждения не опасны для жизни, нам потребуется привлечь челюстно-лицевого специалиста, поскольку у нас нет такого в штате. Большая часть его ребер сломана и одно из его легких повреждено. Я ожидаю, что он полностью восстановится, но он должен будет оставаться в больнице некоторое время для наблюдения, — заканчивает доктор Крэйн, придерживая занавес, чтобы показать моего избитого младшего брата.

— У него сотрясение мозга. Хорошие новости — его череп не повреждён. Нет никакого отёка головного мозга, но он ещё не приходил в сознание, — объясняет доктор, пока Эмили ставит стул к кровати и держит разбитую руку Коди. Доктор проверяет несколько вещей, а затем оставляет нас одних.

Я не могу двигаться. Кровь стучит в моих ушах, делая меня глухим ко всему, кроме ярости, умоляющей меня действовать. Он сплошь покрыт синяками, лицо опухло до неузнаваемости. Он никогда не будет выглядеть, как прежде. Невинная симпатичная внешность исчезнет. Она была украдена. Избиение как это — останется шрамом в его душе, а это хуже, чем всё то, что было сделано с его телом.

Я хочу поддержать его, ослабить его боль. Я хочу разорвать человека, который это сделал, по частям. Я хочу...

— Гаррет! — кричит Эмили.

Я прихожу в себя и вижу её взволнованное лицо, прежде чем Коди хрипит:

— Гаррет, — и я двигаюсь.

Я практически немедленно оказываюсь рядом с ним, наклоняясь близко к его лицу, чтобы услышать его слабый голос.

— Я прямо здесь, Коди. Прямо здесь, — заверяю его я.

Он не может открыть свои глаза, но он собирает все силы и дотягивается своей свободной рукой до моего предплечья.

— Они мертвы? — спрашивает он подавленно.

— Хантер и Алисса здесь в больнице. Никто не умер, — рычу я.

— Я не смог... — затихает он.

— Не говори больше ничего, приятель. Я с тобой. Я всё исправлю. Не волнуйся.

— Эм, — произносит он с тоской.

Она поднимается на ноги, вытирая слёзы с лица.

— Я прямо здесь, солнышко, — говорит она мягко, нежно дотрагиваясь до него.

Всё напряжение покидает его тело, как только несколько слезинок вытекают из опухших глаз.

Я не могу, бл*дь, сделать это. Я не приспособлен для этого. Я не знаю, как успокоить его. Хотя я хочу. Мне это необходимо.

— Ты в безопасности теперь, — шепчу я, и он сжимает мою руку, цепляясь за неё.

Затем его силы ослабевают, и он проваливается в сон снова. Я перекидываю его руку к нему до того, как обойти кровать, чтобы добраться до Эмили. Я обхватываю её руками и обнимаю так сильно, как только могу, не причинив ей вреда.

— Я должен разобраться с этим, сладкая. Ты сможешь побыть здесь сама? — бормочу я в её волосы.

— Я собираюсь сказать, чтобы они разместили их рядом друг с другом, так, чтобы мы могли быть близко ко всем. Я могу организовать это. Я настолько безумна прямо сейчас; это будет хорошо, когда они будут рядом, чтобы присматривать за ними. Ты должен найти маму Хантера. Я не могу поверить, что ее нет здесь, — раздражается она, поднимая свои сердитые глаза на меня.

— Парни Девлина смогут найти ее. Я должен добраться до того, кто это сделал, прежде чем шериф будет вовлечен. Постарайся удерживать их, чтобы они не задавали вопросы детям. Я должен знать, что ты справишься с этим, Эмили. Таким образом, ты поддержишь дерьмо, которое я сказал. Это вещи, такие как эти, ты не должна быть связана с ними.

— Думаешь, департамент шерифа найдет того, кто это сделал, если ты не найдешь?

— Скорей всего, нет. Деньги позволят этому дерьму ускользнуть, — рычу я, думая, что случится с моим мертвым телом.

— Это — то, о чём я думала. Я в порядке, Гаррет. То, что они сделали с Коди... с Алиссой... — она делает паузу до того, как продолжить. — Я не мстительный человек. Прощение является основной частью моего существа. Но то, что они сделали, — непростительно. Человек или люди, которые это сделали — зло, бездушные трусы, которые заслуживают того, чтобы им причинили боль. Ты заставишь их заплатить. Я буду здесь ждать тебя.

— Я люблю тебя, сладкая, — рычу я, прежде чем взять ее рот в грубом, собственническом поцелуе.

Я позволяю ей восстановить дыхание, пока прижимаю свои губы к её лбу, стискивая ее крепко за задницу. Затем я покидаю палату, чтобы найти Джордана. Он опирается о дальнюю стену, смотря в окно, стоя к Алисе спиной, когда я добираюсь до него.

— Давай сделаем это, — ворчу я.

Он поднимает взгляд на меня, прежде чем следует к Алиссе, целуя её нежно в голову. Мы идем вместе обратно в комнату ожидания. Каждый поднимается на ноги, когда мы входим.

— Хантер в операционной. Нет ни слова о том, как он. Эмили с Коди, так что кому-то нужно сидеть с Алиссой. Удостоверьтесь, что их разместят в палатах рядом друг с другом, как только их переведут из неотложки. Что-то не так с Хантером... — я затихаю, поскольку не знаю, что сказать.

— Мы займемся этим, — заверят меня Клайд, похлопывая по спине.

Я оставляю комнату, приподняв подбородок. Я должен выйти отсюда.

— Мистер Шарп, — завет меня шериф, пока я выхожу из здания.

Мать вашу.

— Шериф, — ворчу я.

Джордан и Девлин выходят из больницы, когда Шериф Белчер пожимает мою руку. Я благодарен Джордану за то, что он протягивает мне сигарету. Если бы я смог выкурить двадцать за раз прямо сейчас, я бы так и сделал. Девлин прикуривает вместе с нами, пока мы ждем, чтобы шериф начал задавать свои вопросы.

— Я так понимаю, что вы тот, кто нашел семейство Джеймс и Коди Мэттьюса, — начинает он, щелчком открывая блокнот.

— Да, я. Я разыскивал своего брата, когда он не пришел домой и не отвечал на телефон, — произношу я так спокойно, насколько могу, выдувая устойчивый поток дыма из моего носа, когда заканчиваю.

— Ваш брат — Коди Мэттьюс?

— Да.

— Какой Ваш текущий статус опекунства над ним?

— Органы опеки предоставили мне временное опекунство на этой неделе.

— Где вы нашли разбитую машину?

Он не смотрит на меня, пока записывает. Я едва что-то сказал, а он уже накатал манускрипт. Шериф приближается к возрасту отставки, с поседевшими волосами и лоснящейся кожей. Я думаю, что он — хороший полицейский, но вы никогда не будете излишне осторожны, когда правоохранительные органы выражают обеспокоенность.

— Я нашел их разбитыми в канаве на шоссе один двадцать девять, — лгу я, не моргнув и глазом.

— И вы решили не вызывать власти?

— Я знал, что Калев может добраться до нас быстрее. Моя главная задача была в том, чтобы доставить детей в больницу

Он издает хриплый звук, пока записывает, но не комментирует.

— Где был Коди вчера вечером?

— Он, как предполагалось, проводил ночь с Хантером.

— Хорошо. Это всё, что мне прямо сейчас от вас нужно. Вам скоро будет необходимо сделать полное заявление, но я позволю Вам вернуться назад к своему брату, — говорит он, наконец-то смотря на меня своими резкими бледными синими глазами.

— Я знаю, что их повреждения не были следствием автомобильной аварии, шериф. У вас есть идеи, что с ними случилось? — я включаю дурака и делаю озабоченное лицо, хмуря брови.

— Не на этот раз. Я буду держать Вас в курсе о ходе расследования, — безучастно произносит он.

Это было самой большой ложью, которую я когда-либо слышал.

Он пожимает мою руку и обходит нас, направляясь в больницу.

— Давайте поговорим в моей машине, — рычу я.

Мы втроем забираемся внутрь и прикуриваем еще по одной сигарете.

— У меня сопляк Донован и несколько других подозрительных людей в клубе. Нам надо убрать их до того, как шериф там появится. Вы вдвоем встречаете меня там, и мы раскрутим это дерьмо, — руководит Девлин.

— Почему бы тебе не поехать со мной, а я расскажу тебе, что случилось? Затем ты сможешь объяснить мне дело с Джойс, пропавшей без вести, — говорю я Джордану.

Он кивает, и мы посылаем Девлина к его байку до того, как направиться в МК «Хаос». Чем ближе мы подъезжаем, тем больше я понимаю и сильнее осознаю, что в этот день я воскресил Гаррета Шарпа из моего прошлого. Только на этот раз он будет умнее. Он будет более злым. Он будет более осторожным. И он будет смертоносным.

Глава 20

Эмили

— Я собираюсь спуститься в кафетерий. Тебе принести что-нибудь на обед? — спрашивает Арлин, заглядывая в палату Коди.

— Может быть, салат. У меня нет аппетита, — честно отвечаю я ей.

Она дарит мне грустную улыбку, прежде чем уйти.

Коди приходил в себя несколько раз с тех пор, как его перевели в палату. Я потребовала, чтобы Алисса и он были размещены рядом друг с другом. Я не самый убедительный человек в мире, но я доказала свою точку зрения, что Алисса должна находиться рядом за соседней дверью с Дженной внутри.

Клайд и Арлин курсируют между нами и проводят некоторое время внизу в зале в ожидания.

Я в оцепенении из-за Хантера. Медсестра заходила час назад, чтобы сообщить мне, что они нашли источник его внутреннего кровотечения. Были повреждены его селезенка и печень. Они думали, что остановили кровотечение, но пока он был в послеоперационной палате, что-то случилось, и его увезли обратно в операционную.

Его матери всё ещё здесь нет. Я начинаю волноваться, что что-то случилось с ней так же, как и с её детьми. Я не задавала Коди никаких вопросов. Когда он приходит в себя, я просто пытаюсь заверить его, как сильно я его люблю. Ему не нужны расспросы о том, что произошло. Я дала шерифу и его представителям знать об этом.

Шериф Белчер продолжает спрашивать меня, где Гаррет. Я не уверена, что именно говорить ему. Так что честно каждый раз отвечаю, что не знаю, но думаю, что он ищет Джойс. Это — большее, что я могу сказать ему, и я не планирую менять свой ответ.

Я дала Гаррету карт-бланш для того, чтобы отомстить за брата. Это не что-нибудь, что я ожидала от себя. Но в тот момент, когда увидела Коди, я знала, что кто-то ужасно его травмировал. Это не было автомобильной аварией. Мне не надо было видеть Алиссу или Хантера, чтобы подтвердить мои подозрения, но, когда я увидела их, то была уверена в том,

чего я хотела.

Мести.

Кто-то, кто связан с семьей Донован, сделал это. У Донованов есть деньги так же, как и у семьи Адама. Я знаю, что люди с деньгами как у них, не отвечают за последствия своих действий. Я не настолько глупа, чтобы доверять системе правосудия в чем-то подобном.

Мой отец, однажды сказал мне, когда я была молода, что некоторые плохие парни получают дополнительное наказание по жизни. Он был человеком, который принимал меры для наказания, когда это было необходимо. Это заманчиво, позвонить отцу сейчас. Мой отец выполнял заказы от лица правительства, и я не думаю, что он согласится совершить убийство, как гражданское лицо. Хотя я не могу быть в этом уверена. Если Гаррет не найдет того, кто это сделал, я позвоню отцу. Я не успокоюсь до тех пор, пока животные, которые причинили боль этим детям, не заплатят за то, что они сделали.

— Хантер всё еще в операционной, — объявляет медсестра Коди, Карен, заходя в комнату.

Это — женщина средних лет с любезным лицом и теплым сердцем. Тот человек, которого я рада видеть, чтобы ухаживать за Коди.

— Вы дадите мне знать, когда я смогу его увидеть? — бормочу я, молясь, чтобы он выкарабкался.

Мое горло пересохло от слёз и сдерживания криков, которые я отчаянно хочу выпустить.

— Конечно. Как дела у нашего парня? — спрашивает она, пока меняет 4-ю капельницу.

— Он больше не просыпался.

— Потребуется некоторое время. Отдых полезен для него, — заверяет она меня. — Часы посещения почти закончились, но я поговорила с дежурным по посещениям, и он согласился, чтобы вы все могли остаться с детьми сегодня ночью. У нас есть несколько дополнительных коек внизу в педиатрии, которые я принесу, так что вам не придётся спастись на этом стуле.

— Спасибо Вам, — шепчу я, сдерживая очередной поток слёз.

Карен сжимает моё плечо до того, как выходит из комнаты. Я кладу голову на край кровати и проливаю несколько слёз в тишине. Я ненавижу это. Ненавижу чувствовать эту беспомощность. Это хуже, чем то, через что я прошла с моей мамой.

Она была родителем, борцом. Я была поддержкой и ребенком. На этот раз я взрослая. Я не родитель, но я была ответственна за Коди всю прошлую неделю. Я чувствую вину, что не сохранила его в безопасности. Что не проверила вечеринку, до того, как он на неё пошел. Что я не сделала чего-нибудь большего, чтобы защитить этого мальчика, который уже и так достаточно пережил в этой жизни.

— Эмили, — грубый голос Клайда пробует успокоить меня.

Я сажусь и вытираю своё лицо свободной рукой. Я не отпускаю Коди с тех пор, как села на этот стул много часов назад. Я не планирую покидать его до тех пор, пока мой мочевой пузырь не потребует освобождения.

Клайд скользит на стул через кровать от меня, снимая свою бейсболку с надписью «Джон Дир», чтобы потереть лысую голову. Его глаза цвета мёда — это комбинация гнева и горя.

— Арлин и Беверли собираются управлять твоим магазином до тех пор, пока Коди не встанет на ноги. Ты остаешься здесь с вашим мальчиком столько, сколько потребуется,

милая.

— Хорошо, — соглашаюсь я, поскольку я не хочу спорить с этим планом.

— Шериф, доставляет беспокойство тебе на счет Гаррета? — ворчит он.

— Немного. У меня нет ответов для него, так что он может продолжать спрашивать, а я буду продолжать говорить ему, что ничего не знаю. Так и будет.

— Ты — хорошая женщина, Эмили Гарнер.

— И Вы — хороший человек, Клайд Лестер.

Он фыркает на это, в то время как берет разбитую руку Коди. Кожа на его костяшках сбита из-за его борьбы. Я могу лишь представить, какую боль он чувствовал. Фактически я пытаюсь прекратить представлять это. Я хочу знать столько же, сколько не хочу.

— Эм? — зовет Дженна из дверного проема.

— Да?

— Алисса очнулась и плачет из-за брата. Я не знаю, что делать, — говорит она страдальческим голосом.

— Я схожу, — произносит Клайд, поднимаясь на ноги.

Дженна меняется местом с ним, а он целует каждую из нас в голову, прежде чем выходит. Я хотела бы пойти к Алиссе, но она не знает меня. Она знает Клайда и Арлин немного из того, что они мне рассказали. Я хочу, чтобы здесь с ней была её мать. «Где носит эту женщину?»

— Я, бл*дь, ненавижу это, — спокойно говорит Дженна, держа руку Коди так же, как и я. — Я надеюсь, что Калев разорвет этих людей на кусочки. Как кто-то мог сделать это с детьми?

— Я не знаю, — произношу я раздраженно.

— Если шериф Белчер попытается поговорить с Алиссой ещё раз, я собираюсь закончить в тюрьме за нападение на офицера. Она едва очнулась, и когда она в сознании, она плачет. Я знаю, что мужик делает свою работу, но черт бы меня побрал, дайте девочке оправиться немного.

— Мы можем быть сокамерниками, — шучу я.

Мы обе улыбаемся этому, но не чувствуем себя хорошо. Это больно.

— Вы двое в тюрьме — вызовете бунт, — хрипит Коди.

— Могу поклясться своей задницей, что так и будет, — с уверенностью выговаривает Дженна. — Как себя чувствуешь, парень?

— Как дерьмо, — произносит он, кривя лицо. — Вы расплющите мои руки.

— Извини, — произносим мы одновременно, ослабляя немного хватку.

— Хантера выпустили из операционной?

Хотела бы я, чтобы он мог открыть свои красивые темно-зеленые глаза. Хотя они полностью распухли и закрыты. Ему необходима операция на костях вокруг одного, а другому просто нужно время, чтобы восстановиться.

— Нет ещё.

— Он выкарабкается? — его голос дрожит от душащих его эмоций.

— Этот парень так просто не сдастся, — заверяет его Дженна.

— Они собирались убить его, — шепчет Коди. — Я не знаю, как выжил после этого.

— Он выжил. И он всё ещё борется, Коди. Он будет продолжать бороться, — заверяю я его, настойчиво пожимая его руку. — Ты знаешь, кто это сделал с вами?

Я не хочу давить, но, если я смогу достать имя для Гаррета, это могло бы ускорить весь

процесс.

— Нет, — ворчит он. Но способ, посредством которого он это делает, говорит мне, что он врет.

— Все в порядке.

— Где Гаррет?

— Он все еще ищет Джойс, — лгу я.

— Я не могу поверить, что она снова свалила, — раздражается он, и затем его лицо вновь кривится от боли.

— Она делала это раньше? — спрашивает Дженна.

— Несколько лет назад. Её не было примерно три месяца. Алисса и Хантер были с нами. Мы втроем заботились друг о друге. Моя мама полностью выписалась, а у Джойс были проблемы с наркотиками. Хотя она была полностью чистой, когда вернулась. Я думал, что она стала лучше.

— Они найдут ее, — говорю я мягко, когда он снова начинает отключаться.

— Я люблю тебя, Эм, — шепчет он.

— Я тоже тебя люблю, — бормочу я в его ладонь.

— Это так, черт побери, ненормально. Что, черт возьми, происходит? — выдает Дженна.

— Я не знаю.

Я не могу найти смысл в чем-либо, что произошло. Я действительно ничего не знаю. Гаррет не объяснил то, что случилось. Клайд заверил меня, что знает не больше моего. Дети были найдены в некой жуткой сексуальной темнице. Эта информация не позволяет успокоить мой разум. Это было именно тем, что заставляет мой разум продумывать все варианты ужасающих сценариев.

— Эмили, Хантера привезли из операционной, он очнулся, — зовет Карен из дверного проема.

— Иди, — произносит Дженна, подгоняя меня рукой.

Я целую голову Коди, прежде чем выбегаю из палаты.

— Он довольно утомлен, но я хотела, чтобы у вас был шанс увидеть его. Двумя этажами выше. Только следите за указателями — «Хирургия» и «Реабилитация».

Я киваю, благодаря ее, и быстро убегаю.

Я пробегаю вверх несколько лестничных пролетов и вниз по коридору, прежде чем могу услышать крик Хантера. Я бегу быстрее в его направлении и врываюсь в отделение реабилитации. Когда мои глаза видят открывшуюся картину передо мной, я практически срываюсь.

Хантер не узнаваем. И только его голос, дает мне знать, что я смотрю на него. Он кричит и борется против двух больших санитаров, пробуящих привязать его руки ограничителями.

— Остановитесь! — ору я на них, дергая одного парня за плечо.

— Эм? — спрашивает он с паникой в голосе, неспособный видеть меня через его опухшие глаза точно такие же, как и у Коди.

— Хантер, ты должен успокоиться. Тебя только что привезли с твоей второй операции. Пожалуйста, просто успокойся, — умоляю я его.

Он немедленно прекращает бороться.

— И вы двое, — говорю я мужчинам, которые удерживают Хантера, — отпустите его.

Нет необходимости его связывать.

Они не делают ни одного движения, чтобы послушаться меня, когда медсестра врывается со шприцом в палату.

— Вы не посмеете, — закипаю я на женщину. — Он в порядке теперь. Он был испуган и один. Посмотрите, он не сопротивляется. Развяжите его!

Она изучает меня в течение мгновения, прежде чем кивает мужчинам, и они начинают развязывать Хантера.

— Он не оставил мне выбора. Ему необходимо оставаться спокойным и тихим, или мне придётся сделать укол успокоительного, — угрожает она перед уходом.

Как только ограничители сняты с Хантера, я двигаюсь мимо неповоротливого человека, самого близкого ко мне и прячу свое лицо в шею Хантера, удерживая его, как только могу.

— Они умерли? Эм, пожалуйста, скажи, что они не мертвы, — хныкает он.

— Они не мертвы. Они внизу в своих собственных палатах, ждут тебя, — успокаиваю я его.

После моих слов вся его напряженность тает, и затем он тихо рыдает.

— Шшш, — произношу я тихо, садясь и поглаживая его спутанные с кровью волосы.

Я продолжаю так поглаживать его, пока он не начинает нормально дышать, и слезы останавливаются.

— Где моя мама? — каркает он.

— Я не знаю, солнышко. Мы не можем найти её, — отвечаю я честно.

Он фыркает и вздрагивает от боли из-за того, что так сделал.

— Ты не знаешь, где я могу её найти?

— Нет. Если она ушла, то ушла. Вы не найдете её, — с отвращением рычит он.

Я киваю, но он не может видеть, и от этого я чувствую себя довольно глупо.

— Хорошо, я здесь, и если ты хочешь, то я останусь с тобой, — предлагаю я, целуя его в лоб.

Он тут же кивает, прежде чем выяснить:

— Кто с Алиссой и Коди?

— Прямо сейчас Клайд с Алиссой, и я оставила Коди с Дженной.

— Где Гаррет и Джордан?

— Разыскивают твою маму, — лгу я.

— Как мы здесь очутились?

— Гаррет нашел вас, парни.

— Они ведь не разыскивают мою маму? — парирует он сознательно.

Я не отвечаю. Я не буду лгать ему снова. Одно дело защитить его, и со всем другим унижать.

Мы сидим в тишине, пока не заходит хирург и объясняет мне подробности операции Хантера. Его печень, и селезенка были разорваны. Так же, как и у Коди большинство ребер сломано, а также нос и орбитальные переломы обоих глазниц. Он попал в ужасный переплет. Ему повезло, что он выжил. Хирург повторил это дважды. Мне не надо повторять, чтобы признать этот факт.

— Вы можете перевести его в комнату к сестре? — спрашиваю я медсестру, когда она говорит, что время перевозить Хантера.

Она не рада мне с тех пор, как я остановила введение седативного препарата Хантеру. Но мне плевать.

— Я посмотрю, что можно сделать, — бормочет она раздраженным тоном.

Несколькими минутами позже, она входит, чтобы объяснить мне, что они — кто бы они ни были — предпочли держать их отдельно. И тут я не выдерживаю.

— Мне плевать, что вы предпочли бы сделать. Эти дети пережили кошмар! Я не буду стоять здесь и позволять вам держать их раздельно по любой причине, если это не касается их здоровья. Я знаю, что вы делаете это специально. Вероятно, вы делаете так, поскольку я смутила вас, не разрешив сделать укол седативного Хантеру. И я не сожалею об этом. Ему не нужно было успокоительное. Ему необходимо было утешение. Пробуйте в следующий раз сделать свою работу, вместо того, чтобы запихивать лекарство. Если вы не разместите их в одной палате, я пойду к руководству больницы. Палата Алиссы рассчитана на двух пациентов. Нет ничего, что мешает их совместному размещению. Я буду бороться на смерть за это. Я могу быть очень настойчива. Не проверяйте меня, леди. Я нахожусь на волоске от срыва. Вы не захотите видеть меня, когда я психую. Это очень неприятно.

Хантер тихо хихикает, выводя меня из моего запальчивого состояния. Я смеюсь вместе с ним. Это больно, но также чувствуется хорошо.

— Какие-то проблемы? — спрашивает хирург Хантера, Доктор Робертс.

Он привлекательный мужчина, примерно моего возраста с песочными волосами и добрыми голубыми глазами. Хотя он не Гаррет Шарп.

— Да, — произношу я, в то же самое время, когда медсестра в гневе отрицает.

— Я просила, возможно ли разместить Хантера в палате его сестры. А медсестра Рэтчел (Прим. имя нарицательное для жестокой медсестры, появилось после выхода романа К. Кизи “Пролетая над гнездом кукушки”) достает меня по этому поводу. В этом нет необходимости, после всего, через что мы прошли.

Крошечная ухмылка трогает его губы, когда я назвала её медсестрой Рэтчел. Я обычно не такая грубая или боевая, но я на пределе и очевидно, когда я добираюсь до этой точки, я становлюсь немного злой.

— Я думаю, мы можем узнать, чем вам помочь, — заверяет меня Доктор Робертс.

— Спасибо Вам.

— Я отвезу его вниз и возьму все на себя, — говорит он, отклоняя помощь медсестры. — Мне жаль насчет Керри. Она немного чувствительна.

Я киваю, соглашаясь, пока он начинает передвигать кровать Хантера к лифту.

— Я был в вашем магазине несколько раз, — небрежно произносит Доктор Робертс, пока закрываются двери лифта. — Ваш тыквенный хлеб просто удивительный.

— Любимый у горожан.

— Так же, как и Вы, — флиртует он.

— Она занята, док, — вклинивается Хантер.

— Я не удивлен этим.

Слегка неудобная напряженность заполняет пространство, заставляя меня вздохнуть от облегчения, когда мы достигаем нашего этажа.

— Могу я увидеть Коди, до того, как Вы отвезете меня в мою палату? — спрашивает Хантер.

— Несомненно, — мило отвечает Доктор Робертс, напряженность ушла.

Карен придерживает дверь открытой, пока я прохожу через неё. Дженна вскакивает на ноги, закрывая свой рот обеими руками при виде Хантера. Слезы потоком льются по её лицу, пока рыдания сотрясают ее миниатюрное тело. Я слатываю большой ком в горле и

иду к кровати Коди.

— Коди, солнышко, — шепчу я ему в ухо. — Мне надо, чтобы ты проснулся. У тебя посетитель.

— Кто? — хрипит он.

— Привет, мужик, — эмоционально произносит Хантер, пока Доктор Робертс и Карен располагают его кровать рядом с Коди.

— Хантер. Ты в порядке?

— Довольно херово, но я жить буду, — заверяет он друга.

Дженна и я оборачиваем наши руки вокруг друг друга, пока Коди и Хантер тянутся друг другу для слабого, слепого удара кулаком.

— Мы можем побыть минутку вдвоем? — тихо спрашивает Коди.

— Конечно, — немедленно отвечаю я.

— Не слишком долго. Вам обоим нужен отдых. Просто нажмите кнопку вызова, когда будете готовы, — добавляет Карен, прежде чем мы оставляем их одних.

Оба мальчика молчат, пока мы покидаем палату. Карен и Доктор Робертс идут на пункт медсестер, пока Дженна и я зависаем у двери в палату Коди.

— Он выглядит ужасно. Я думала, что Коди выглядит плохо... Эм... — шепчет Дженна, в то время как я притягиваю её в свои объятия и позволяю себе выпустить слезы, которые я сдерживала с тех пор, как увидела Хантера.

После длительного времени, мы опираемся о стену и держимся за руки, вытирая наши слезы.

— Они живы, Дженна. Всё могло быть намного хуже. Я продолжаю говорить себе это, так, чтобы я могла пройти через это прямо сейчас.

— Всё могло быть хуже, — повторяет она, успокаивая себя.

— Я сделала всё, что могла наверху с впечатлительной капризной медсестрой, и Хантера разместят с Алиссой.

— Ты дала ей в морду и прокляла её?

— Я назвала её медсестрой Рэтчед.

Мы с Дженной обе фыркаем, прежде чем она говорит.

— Я останусь с Хантером и Алиссой сегодня ночью. Я знаю, что они будут вместе, но я хотела бы остаться с ними.

— У тебя, что, нет пар завтра?

— К черту пары, — усмехается она.

— Правильно, — отвечаю я с усмешкой.

Я знаю, что не стану покидать эту больницу до выписки Коди. Нет никакой возможности, что я оставлю его здесь одного. Арлин и Беверли могут легко справиться с моим магазином, и они будут с удовольствием это делать.

Теперь, когда опасность покинула детей, я не могу прекратить думать о Гаррете.

Я надеюсь, с ним все в порядке.

Я надеюсь, что он нашел монстров, ответственных за это.

Я надеюсь, что он заставляет их расплачиваться.

Я думала, что мне плевать на его прошлое. Но я знаю теперь, что это не так. Я рада, что у него есть прошлое, чтобы воспользоваться им прямо сейчас. Я рада, что он — мужчина, который сейчас вспомнил, кем он был. Поскольку эта ситуация требует, чтобы он стал мужчиной, которым был ранее — прежним Гарретом Шарпом.

И я без сомнения знаю — я люблю обе его стороны.

Глава 21

Гаррет

— Они сказали нам, что девушка, одетая как «Женщина-кошка», представляет собой «подарочек вечеринки», — произносит бессвязно Дейв Бушинг, отплёвываясь полным ртом крови.

Джордан только что выбил ублюдку все зубы фигурным молотком (Прим. слесарный молоток с круглым бойком и полусферическим обушком). Это было ужасно и полностью заслужено. У Джордана появлялась усмешка на губах от каждой трещины, давая мне многое понять о лучшем друге моей женщины.

Не заняло много времени найти Дейва, Пола, Эндрю и Гэри. Четыре предпринимателя из другого города, которые немного позабавились на вечеринке вчера ночью у Донована. Они заплатили, чтобы попасть на секс-вечеринку. Очевидно, они верили, что Алисса была их извращённым трофеем. Хотя они, бл*дь, ошибались.

Брендон сдал этих четырех придурков через двадцать минут, проведенных со мной. Мы находимся в подвале старой скотобойни — это место весьма подходит для МК «Хаос». Никто не услышит крики, поскольку нет ничего вокруг этого дома на расстоянии в несколько миль.

Здесь пахнет кровью, грязью, плесенью, дымом и смертью. Я нахожу это очищающим.

Джордан, Девлин и я составляем хорошую команду. Мы взяли этих четверых в течение нескольких часов. Добывая кровавую информацию от них... буквально.

— Кто сказал вам, что она «подарочек вечеринки»? — сердито ворчит Джордан.

— Все говорили это. Но, возможно, был парень, который обеспечивал развлечение. Я не знаю его имени. Я, бл*дь, клянусь, что не знаю. Я даже не видел этого парня! — выбалтывает Дейв в панике, пока Джордан обрабатывает его рёбра ломом.

— А кто использовал трубу на парнях? — рычит Девлин, дергая голову Дейва вверх.

Он подвешен за запястья на цепи, прицепленные к потолочной балке, так что только пальцы его ног достают до земли.

— Пол и Гэри, — хрипит он.

— А где ты был, пока это происходило?

— Держал их, — шепчет он.

Мы уже знаем всю историю. Гэри был первым из группы, кто провел с нами время, и он провизжал каждую деталь. Главный этаж дома, по-видимому, представлял собой безобидную вечеринку, посвящённую Хэллоину для старшеклассников. А тем временем в подвале — сексуальная версия. Оказывается, брат Брендона — подросток Майк, и они решили провести одновременно две вечеринки.

Настолько глупая идея.

Вечеринки оставались разделёнными примерно тридцатью минутами, прежде чем объединились. Команда из четырех придурков услышала, что девочка, одетая как «Женщина-кошка» была специальным подарком для них. Они нашли Алиссу, когда она выходила из ванной, потащили ее вниз и высекли. План состоял в том, чтобы после этого устроить групповуху.

Хантер прервал их развлечение и пришел в ярость, однако четверо мудаков превосходили его по силе, чтобы бороться с ними. Коди пришел и нашел их выбивающих дерьмо из Хантера и паникующую Алиссу, кричащую от боли. Коди и Хантер стали лучшей

частью развлечения ублюдков в течение тридцати минут.

Алисса упала в обморок, когда они закончили их избивать. Они закинули их троих в туалет, чтобы спрятать тела. И оставили их там умирать, по словам Пола. Он думал, что Хантер мертв, а Коди осталось совсем немного. Судя по всему, они рассматривали вопрос о передозировке Алиссы спидболом (Прим. смесь, в которой героин используется для компенсации кокаина, а барбитураты — амфетаминов), но они не были уверены, что смогут повернуть это. У нее были завязаны глаза и заткнут рот, пока они её секли, так что они не думали, что она сможет их опознать.

Каждый раз, когда один из этих ублюдков рассказывает о произошедших событиях, я становлюсь всё более кровожадным. Настало время принимать решение.

Несколько парней Девлина запихивают Дейва в мясохранилище, где мы их держим. Каждый из них подвешен на крюке для мяса, ожидая, чтобы выяснить свою дальнейшую судьбу.

— Как мы закончим с этим? — спрашивает Девлин, вытирая кровь со своих рук.

— Те четверо — покойники. Что делать с Донованом? Он нежелательный свидетель происходящего, от которого будет намного сложнее избавиться, — произносит Джордан, снимая через голову рубашку, пропитанную кровью.

— Мы отпустим его. Я не думаю, что он станет проблемой. Я хотел бы выяснить, кто торгует девочками в округе, прежде чем мы позволим ему «уйти», — отвечает Девлин со зловещей усмешкой.

Брендон не в курсе, что у нас четверо чертовски избитых бизнесменов. Его держали наверху в клубе с парочкой сопровождающих под предлогом, что мы пытаемся решить, что же с ним делать.

Мы поднимаемся по бетонной лестнице до того, как входим в главную часть строения. Здесь стены обшиты деревянными панелями с коллекцией частей мотоциклов и символикой МК «Хаос». Также тут есть длинная барная стойка с несколькими шестами для стриптизерш. Это то, что вы ожидаете от МК, наполненного сильно потертыми кожаными стульями и бильярдными столами.

Брендон сидит с двумя парнями Девлина, оглядываясь по сторонам, пока чертовски надрывается от смеха. Мое видение застилает ярость, но я сдерживаю себя от создания проблем. Я опираюсь о конец барной стойки, скрещивая руки на груди, пока Джордан и Девлин подходят к компании.

— Хорошо проводишь время? — спрашивает Девлин, приближая свое лицо к разбитому лицу Брендона.

Я не причинил ему особого вреда, если он всё ещё может смеяться и пить.

— Да, — коротко отвечает он, пока Джордан натягивает через голову новую рубашку, которую бросил ему бармен.

— Как ты достал развлечение для своей вечеринки вчера вечером? — беспечно спрашивает Девлин, наклоняясь назад за рюмкой и предлагая другую Брендону.

— Я думал, что ты уже знаешь. Они — девочки моего папы, — усмехается он.

Девлин и Джордан обмениваются взглядами, прежде чем бросить такой же взгляд на меня. Это интересный поворот.

— Твой отец был на вечеринке вчера вечером? — задает вопрос Джордан, опрокидывая две рюмки.

— Нет. С чего бы вдруг?

— Просто интересуюсь, как шлюхи добрались туда.

— Кто-то другой в процессе привез их. Я не уверен кто. Я был... занят, когда они появились, — ему становится неудобно от ответа.

— Ты знаешь, как держать свой рот закрытым, Брендон? — произносит Девлин угрожающим тоном, пока он приближает свое лицо еще ближе к его трусливому выражению.

— Да, — шепчет он.

— Хорошо. Я думаю, что мне не стоит рассказывать тебе, что происходит с людьми, которые меня обманывают. Но вот еще одно предупреждение. Если ты напишешь кому-то про то, что случилось, ты лишишься руки. Если ты позвонишь, ты потеряешь уши. Ну а если ты заговоришь об этом, я отрежу твой гребаный язык и засуну тебе в задницу.

Идиот, который пихал мне в лицо пистолет сегодня днем, — теперь просто сопливый ребенок. Он чертовски напуган. Я не думаю, что он произнесет хотя бы слово о сегодняшнем дне. Если он это сделает тогда то, что сейчас описал Девлин, будет слишком легко, по сравнению с тем, что произойдет с ним на самом деле.

— Сейчас мои парни подбросят тебя домой, — бормочет Девлин, быстро опрокидывая в себя стакан виски.

— Мне, бл*дь, действительно жаль, что тех парней травмировали. Я не знал, — приносит извинения Брендон, и я ему верю. Он — идиот, но он говорит правду. — Ты теперь не собираешься идти за моим братом, не так ли?

— Я не бью детей. Извлеки урок из этого дерьма. Если что-нибудь подобное ещё раз произойдет — ты будешь ответственен, — прохладно произносит Девлин.

Брендон кивает и поднимается на ноги, чтобы его проводили три парня из команды Девлина. Он отводит глаза, когда проходит мимо меня. Хорошая, бл*дь, идея, поскольку у меня чешутся руки снова ударить его в голову. Он счастливчик, что у меня есть четверо других, на ком выплеснуть мою агрессию.

— Выпьешь? — спрашивает меня Девлин.

Я качаю головой и разворачиваюсь на пятках, чтобы вернуться в подвал. Я готов покончить с этим дерьмом, чтобы потом добраться до моей женщины и брата. Клайд прислал смс несколько часов назад, чтобы рассказать, что Хантер перенес операцию. Если бы пацан умер, это всё было бы совсем по-другому.

Девлин и Джордан следуют за мной. После маленькой остановки в гараже, чтобы захватить стальную трубу. Мы приступаем в том же порядке, что и прежде, и начинаем с Гэри.

Девлин всякий раз начинает одинаково.

— Последний вопрос для тебя. Обрыв или река?

Он получает в ответ что-то похожее на вопрос «Что?»

— Где мы должны развеять твой пепел? Обрыв или река? — разъясняет он, и они все начинают умолять.

Затем Джордан и Девлин держат его тело, пока я забиваю его трубой до смерти. Они почувствуют тоже, что мой брат и Хантер, пока они ещё могут чувствовать. Двое парней Девлина забирают недавно убитого мною и закидывают в их установку для сжигания отходов. Весь процесс занимает три часа.

Мои руки трясутся к тому времени, когда я проломил череп Дейва. Я истощен и исчерпал адреналин, подпитывающий меня от чистой ярости.

Я отбрасываю трубу, когда последнее тело утаскивают прочь, а Джордан передает мне

сигарету. Я покрыт кровью, плотью и костями с головы до пальцев ног. Мне необходимо убрать это дерьмо с себя. Но я делаю перерыв на перекур.

— Напомни мне никогда не выводить тебя из себя, — саркастически замечает Джордан, когда мы соскальзываем по стене, уставившись на огромный бассейн крови посередине комнаты.

Я приподнимаю бровь. Я не отличаюсь от Джордана. Я бы никогда не поверил в это, если бы мне рассказали несколько недель назад, но у Джордана есть что-то темное внутри. Это мерцало в его глазах, пока он обрабатывал этих ублюдков, это рассказало мне, что он хорошо себя чувствовал, проливая кровь. Хорошо, это и постоянная ухмылка.

— Ты — трахнутый ублюдок, даже больше чем я, Шарп, — выдает он комплимент, склоняя голову в жесте признательности.

Я фыркаю.

— Какой план с Джойс? — меняет тему Девлин.

— Она снова исчезла, мужик. Она либо вернется, либо нет. Вопрос в том, что делать с Хантером и Алиссой, — раздражается Джордан, прикуривая сигарету до того, как передать нам ещё по одной.

Я прикуриваю новую и жду пока найдется решение. Я не имею никакого, бл*дь, понятия, что делать в такой ситуации.

— Я не могу взять их. Ты не можешь взять их. У Шарпа уже есть Коди. Их разделят и разошлют по всему округу, если их отдадут на патронажное воспитание. Вы знаете, что органы опеки уже заняли круговую оборону. Ты должен будешь поработать с ними, чтобы они держали рты закрытыми о том, что произошло, Джордан. Если шериф станет копать около дома Донована, это в конечном итоге может привести к этим ублюдкам, которых мы только что убили.

— Какую историю мы будем рассказывать?

— Они не помнят, что случилось. Они пошли на вечеринку и отправились домой. Машина разбилась, и они ничего не помнят. Спина Алиссы была чертовски высечена, но, если она будет отказываться об этом говорить, никто ничего не сможет сделать. Именно поэтому мы должны держать её и Хантера вне системы.

Я знаю, Девлин пытается сделать что-то хорошее здесь. Но эти дети нуждаются в помощи, чтобы пережить случившееся. Алиссе будет психологически херово из-за этого дерьма. Я уверен, что Хантеру и Коди тоже. Замалчивать проблемы чревато опасностью сделать всё только хуже.

— Давайте поговорим с Эм и Дженной, прежде чем решим, что нам делать. Они провели день с ними. Они знают, что именно для детей будет лучше. Моя вагина не функционирует без девочек вокруг, — шутит Джордан.

Он уже возвратился к светлой стороне себя. Чувак меня поражает. Как будто он совершенно равнодушен к тому, что мы только что сделали, также как Девлин и я. Хотя есть такая уверенность.

— Шарп, я знаю, что беседа это не твоя сильная сторона, однако ты не сказал ничего с тех пор, как мы покинули больницу. Ты в порядке? — осторожно спрашивает Девлин, не глядя на меня, в то время как выдыхает ровную струйку дыма.

Я жду мгновение, пока несколько раз затягиваюсь, рассматривая его вопрос. В порядке ли я?

— Нет, — ворчу я и поднимаясь на ноги.

— Хорошо, — отвечает Девлин. — Давайте примем душ и переоденемся, чтобы потом сжечь эту одежду.

Джордан и я тащимся позади Девлина в клуб, оставляя подвал смерти, который надо прибрать. Этим займется очень странный персонаж МК «Хаос», Зеро, он наслаждается разбором беспорядка. Каждому своё.

Сегодня несколько человек крутилось рядом, однако, когда время приближается к четырем утра — клуб практически пуст. Девлин ведет нас к главной зоне длинного коридора, где расположены небольшие комнаты.

Я захожу в первую предложенную и быстро раздеваюсь, избегая делать слишком много беспорядка, чтобы Зеро мог убрать. Я поднимаю взгляд в темное зеркало над раковиной, долго и тяжело пялясь на своё отражение.

Это похоже на что-то из фильмов ужаса. Запекшаяся кровь, испачкавшая всю кожу, которая является частью моего зверства. Куски костей и плоти смешались в беспорядке, образуя поверхность, похожую на солнечные ожоги. Позади моих густых черных ресниц — тьма, отраженная в глазах. Это помимо карего, который является цветом моих глаз, когда я взбешен. Нет никакого разделения между моей радужной оболочкой глаз и зрачками. Это цвет смерти.

Я стою перед своим отражением ещё какое-то время, впитывая месть. Я должен стыдиться того, что я сделал. Я убил четырех человек. Я бил их, так, чтобы они прочувствовали каждый удар, пока я не решил это закончить. Я мучил их. Я травмировал их. Я искалечил их. Я убил их.

Я ничего не чувствую.

Я не счастлив.

Я не удовлетворен.

Я не освободился от вины, грызущей меня.

Я не освобожден.

Я не зол.

Делая глубокий вдох, я скольжу в маленькую душевую кабину и приступаю к очищению своего тела под обжигающей водой. Потребуется много времени, чтобы стать чистым после того, что я только что сделал. Я мою себя ещё раз. Мои мускулы воспалены и горят с каждым движением, но я приветствую боль.

Я выключаю душ и грубо вытираю тонким белым полотенцем своё тело до того, как оборачиваю его вокруг бёдер. Я шагаю в главную комнату и нахожу стопку одежды, ожидающую меня на кровати.

Когда я натягиваю через голову футболку с длинным рукавом МК «Хаос», дверь в комнату открывается. Входит Зеро со спортивной сумкой в руках. Он поправляет свои толстые очки на своем носу, когда видит меня. Есть что-то странное в нем. Он — тот парень, которого вы видите и немедленно думаете, что он серийный убийца.

Он среднего роста, среднего веса, он средний во всем. Никто, вероятно, никогда не замечает его. Если бы я был другим человеком, он бы испугал бы меня до чертиков.

Я киваю ему, пока надеваю ботинки. Вся одежда подошла мне, так что она, видимо, Девлина. Он такой же большой, как и я; вообще-то, он может быть даже немного шире в плечах и толще в талии. Однако мы те же шесть с половиной футов утрашения.

Зеро не разговаривает со мной, но, когда он открывает дверь ванной, то улыбается так, как будто только что узнал про Рождество.

Я выхожу из комнаты и держу путь назад к главному клубу, чтобы обнаружить Джордана и Девлина, тянущих по большому стакану виски. Я не планировал пить. Я должен добраться до больницы.

— Ты на улице? — спрашивает Девлин, пока я приближаюсь.

Я киваю.

Я действительно не способен разговаривать прямо сейчас.

— Мы собираемся посидеть здесь некоторое время. Ты уверен, что не хочешь поспать, прежде чем мы вернемся? — спрашивает Джордан с небольшим беспокойством в голосе.

Он просто смотрел и помогал, пока я избивал четырех людей до смерти. Возможно, он не хочет, чтобы я был с Эмили. Я не дам ему то дерьмо, что он хочет. Но я понимаю его озабоченность.

— Мы вернемся туда в восемь, когда начнутся часы посещения. Не думаю, что нам следует привлекать слишком много внимания. Ты собираешься увидеть своего брата, это не покажется подозрительным, — поддерживает его мнение Девлин.

Я хлопаю их обоих по спинам и направляюсь к заднему входу, где припаркован мой автомобиль в пристройке. Здесь всю ночь нет никаких любопытных глаз, как я знаю. Когда я достигаю металлической двери, то останавливаюсь.

— Спасибо, что прикрыли меня, — низко и глубоко рычу я.

Девлин и Джордан оборачиваются, чтобы посмотреть на меня, как будто не верят своим глазам. Я говорю, и я благодарю их. Я не удивлен их реакцией.

— Всегда рад, брат, — грубо отвечает Джордан.

Джордан и я на некоторое время смотрим друг на друга. Я начинаю разворачиваться и уходить, когда он произносит.

— Я уважал тебя, Шарп. Но теперь я чертовски тебе доверяю.

Я киваю несколько раз и ухожу. Я не знаю, что делать с тем, что Джордан только что мне сказал. Так что принимаю это. Я принимаю его доверие, поскольку после произошедшего сегодня, я тоже доверяю ему. Я прикрою его спину, а он — мою. Если я почувствовал что-то, то это ощущается хорошо.

Я двигаюсь к больнице и борюсь с усталостью, охватывающей моё тело. Из-за всего произошедшего я был на ногах в течение более двадцати четырех часов. Последняя вещь, в которой нуждается Эмили, это чтобы я заснул за рулем.

В больнице тихо, когда я направляюсь к справочному бюро. Охранник сообщает мне, что мне следует вернуться в часы посещения и дает мне номер комнаты Коди, когда я дарю ему взгляд, говорящий, что часы посещения ко мне, бл*дь, не относятся.

Медсестра за стойкой встает, чтобы приветствовать меня, когда я практически у палаты Коди.

— Вы, должно быть, Гаррет, — по-доброму произносит она. — Я — Карен. Я забочусь о Коди, Хантере и Алиссе. Они все сейчас спят. Дженна с Хантером и Алиссой. Эмили всё ещё с Коди. Я заканчиваю в семь, но снова дежурю завтра ночью. Дайте мне знать, если Вам что-нибудь понадобится.

Я должен сказать что-нибудь, но я только киваю и толкаю дверь Коди, чтобы войти. Там в палате только небольшое количество света от его мониторов. Эмили спит на крошечной раскладушке практически на полу справа от кровати и держит за руку Коди, находящуюся намного выше ее головы.

Я обхожу кровать с другой стороны и наклоняюсь к избитому лицу Коди. Я бушую

снова, пока прикасаюсь губами к его голове. Убийство того мусора не принесло мне никакого успокоения. Я уставился на него в течение двадцати минут, пробуя успокоиться самостоятельно. Когда я осознаю, что это не произойдет, я иду к моей женщине.

Я сбрасываю ботинки и приподнимаю Эмили с кровати. Она сначала пробуждается, но узнает меня, прежде чем заговорить.

— Гаррет, — хнычет она.

Я располагаю нас на раскладушке, где мои ноги свешиваются с края на добрых шесть дюймов, и располагаю Эмили поверх себя. Она прижимается к моей груди, не отпуская Коди. Моя рубашка мокрая там, где впитываются ее тихие слезы. Я поглаживаю ее спину и держу её так крепко, как только могу, успокаивая эту удивительную женщину, которая отдает мне всё в этот момент.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— Я тоже люблю тебя, — убежденно произносит она, сжимая мои ребра так крепко, как только она может.

И я чувствую это. Я чувствую теплоту. Я чувствую больше теплоты, чем в другие разы, когда она говорила мне это. Это более значимо сейчас. Она не знает, что я сделал сегодня ночью, но в независимости от этого она любит меня.

Я приподнимаю ее за подбородок грубым движением пальцев и беру её рот. Это не сексуальный поцелуй. А чувственный. Я демонстрирую ей всё, на что способен своими губами и языком, показываю ей, как много она для меня значит. Я двигаюсь медленно и преднамеренно, лаская её рот. Я наслаждаюсь ее вкусом и краду её теплоту, пока у нее не перехватывает дыхание.

Эмили делает вдох и быстро засыпает в моих руках, цепляясь за моего избитого брата. Я поднимаю свою руку вверх и накрываю их обе руки своей, прежде чем истощение затягивает меня под мягкое теплое одеяло любви.

Глава 22

Эмили

Потребовалось две недели, чтобы Коди и Хантера выписали из больницы. Алиссу отпустили через четыре дня, но она отказалась покидать брата. Служба опеки предоставила Клайду и Арлин временное опеку над Алиссой и Хантером. Это стало огромной победой для всех нас.

Шериф сильно давил, чтобы отправить их в детский дом. По словам Гаррета, Калеба и Джордана, это был такой ход, чтобы заставить Алиссу говорить. Она не будет ни с кем разговаривать о том, что произошло. Особенно с сотрудниками правоохранительных органов. Она, в действительности, вообще не разговаривает, иначе как шепотом и только со своим братом или Коди.

Я знаю, что именно произошло с Алиссой и мальчиками той ночью. Я заставила Гаррета рассказать мне. Он не хотел. Он хотел оградить меня от этого, но я спорила, что я не могу помочь им, если я не знаю, с чем имею дело, так что он рассказал мне.

Я плакала.

Я кричала.

Меня практически стошнило.

Я чувствовала, будто мое сердце вырвали из груди.

Гаррет посадил меня в свою машину и рассказал все. Когда я поборола свою эмоциональную истерику, то побежала через больницу, забралась в кровать Коди и сжала

его так сильно, насколько только могла. Он позволил мне сделать это. Я знаю, что причиняла боль его ребрам, когда делала это, а он не жаловался и не вздрагивал. Он просто дал мне возможность обнимать его.

Так что все мы знаем, что случилось с детьми той ночью. Мальчики сказали шерифу, что они ушли из дома Донована, попали в автомобильную аварию на моей машине и не помнят ничего после этого. Это — ложь. Это ужасная и не правдоподобная ложь. Но шериф не может вынудить их говорить. Это напрягает, когда он и его заместители крутятся вокруг. Я стараюсь оставаться вежливой. Он пытается делать свою работу. Но мне кажется, что у него нет никаких идей о том, что нужно делать.

Помощники шерифа опросили множество людей с вечеринки, включая парней Донован, которые устраивали вечеринку, но вернулись ни с чем. Коди и Хантер сказали нам, что они не знали людей, которые сделали это с ними. Так что, даже если они не были честны относительно событий той ночи, я не верю, что шериф найдет преступников.

Гаррет это сделал.

Я не знаю, что произошло той ночью. Гаррет отказывается говорить об этом, он готов рассказать мне, что угодно, кроме того, как он заставил их заплатить. Когда я сказала, что волнуюсь, что они могут вернуться за детьми, Гаррет сказал мне, что этого никогда не произойдет. Он сказал это так, что я поняла — они мертвы. Означает ли это, что он убил их или просто знает, что они мертвы. Я нашла успокоение в этой информации. Я не знаю, должна ли я, но я успокоилась от его слов.

Гаррет также сказал детям, что они в безопасности теперь. Не было особой реакции на это заявление, кроме благодарности. Коди знает о прошлом Гаррета. Его мать рассказала ему, когда он был маленьким. Она звезд с неба не хватала — это всё, что я о ней знаю. Коди обременяла эта информация гораздо меньше, чем необходимость позаботиться о себе, поскольку его мать отстранилась, как только её мужчина сел за решетку.

Сегодня мой первый день возвращения в магазин и в реальную жизнь. Я приходила несколько раз, чтобы помочь, но практически в течение месяца я была с Коди. Сплетни о несчастном случае были довольно непродолжительными. Но люди всё ещё спрашивают о детях, когда делают заказ и расплачиваются. Я ничего не имею против. Они не спрашивают о деталях, они спрашивают, поправились ли дети, вылечились ли.

— Латте, пожалуйста, — отвечает молодой человек, когда я спрашиваю, что он будет заказывать.

Он нервничает перед свиданием. Парень продолжает оглядываться через плечо и вытирает свои пальцы о джинсы. Он симпатичный как Джастин Тимберлейк в шестнадцать. Тугие кудри в волосах и яркие голубые глаза. Он получает сердце в свою кружку. Я придвигаю её к нему, когда молодая девушка всплывает в магазин, как дуновение свежего воздуха.

Она расплывается для него в улыбке, и он улыбается ей в ответ.

Она заказывает капучино, а он платит за него до того, как направляет её своей рукой, слегка прикасаясь к спине, за столик свиданий. Он помогает ей снять пальто и выдвигает стул, успокаивая своё дыхание до того, как занять своё место.

Она получает лебеда. У неё платиновые волосы, бледно-голубые глаза и длинная нежная шея. Она напоминает лебеда или балерину. Я ставлю её кружку перед ней, но она хватает меня за запястье.

— Я не хочу совать свой нос, но Вы не можете мне сказать, как Коди Мэттьюс себя

чувствует? — спрашивает она вежливо.

— У него всё хорошо, дорогая. Спасибо за заботу. Он вернется в школу после каникул на День Благодарения.

Я говорю это каждому, кто спрашивает. Это была правда и неправда. Он вернется в школу, но у него всё не так и хорошо. Он борется. Все мы.

— Я рада это слышать. Моя сестра была с ним на той вечеринке, и она действительно очень переживает, — объясняет девушка, выпуская мое запястье.

— Хорошо, мы ценим твою заботу.

Она выглядит так, как будто хочет что-то ещё сказать, но в итоге только кивает. Я улыбаюсь ей и возвращаюсь за прилавок. Она кажется холодной и уверенной, пока разговаривает на своём свидании, но ее нервы берут над ней верх.

Она смахивает своей рукой кружку и обжигает себя горячей жидкостью. Её парень немедленно хватается за руку и вытирает, внимательно осматривая. Когда он смотрит ей в глаза, она смотрит на него с потрясенным выражением. Затем он подносит её поврежденный палец к своим губам и нежно потирает кожу. Она тает.

Я таю.

— Простофиля, — шепчет Джордан мне в ухо.

— Мне не хватало кружек любви, — отвечаю я, опираясь на его плечо.

— Без тебя всё здесь было по-другому, Эм, — произносит он, целуя мои волосы.

Я стою там с моим лучшим другом, поглощая трепет теплоты от наблюдения за молодой парой и чувствуя жар, опаляющий мое лоно, от знания, что Гаррет наблюдает за мной. Моя улыбка растягивается немного шире, и моё сердце начинает биться немного быстрее.

У меня есть свои собственные кружки любви сейчас.

Гаррет купил кофемашину себе домой, и я делаю для него так много кофе, сколько он мне позволяет каждый день. Это веселый способ практиковаться в моём искусстве латте. Гаррет фыркает и ухмыляется от того, что я обслуживаю его.

Для моего мужественного альфа-самца ничего не значат сердечки и цветочки, но, когда я отступила и налила ему обычную кружку, он сказал: «Сладкая, если ты хочешь делать сердечки и всякую другую хрень на моем кофе, я ничего не имею против. И мне насрать, что там изображено, пока это заставляет тебя так улыбаться».

Он получает меня.

— Дерьмо, — шипит Джордан, прижимая меня к себе. — Иди на кухню.

Я смотрю в витринное окно и вижу, как мимо проходит Адам, прежде чем открыть дверь. Он хорошо выглядит. Хотя Адам Уоррен всегда хорошо выглядит. Я не видела его со времен Фестиваля Осени. Он не звонил и не появлялся. Я думала, что он наконец-то отвалил.

— Я пришел с миром, — говорит он Джордану, который пытается спрятать меня за своей спиной.

— Просто уходи, Уоррен. Ей не нужно твое дерьмо прямо сейчас, — спокойно рычит Джордан, помня о наших клиентах.

— Эм, я могу поговорить с тобой секунду? — спрашивает Адам, игнорируя Джордана. — Это не займет много времени.

— Пойдем, — говорю я, следуя на кухню.

Джордан сможет услышать, если Адам выйдет из себя. Пока я иду, Джордан поражает

меня несчастным пристальным взглядом, но не комментирует. Нет никакой необходимости бороться, и он знает об этом. У Адама нет больше надо мной никакой власти.

Адам ждет, чтобы дверь перестала раскачиваться, пока я опираюсь бедром о мраморный рабочий стол и перекрещиваю руки на груди.

— Страховая прислала чек по твоей машине ко мне. Я просто хотел, чтобы ты знала, — произносит он, вытаскивая из своего новенького пальто конверт.

Я наклоняюсь вперед и беру его, прежде чем принимаю своё первоначальное положение.

— Ты мог просто отправить его мне. Я не знаю, почему он оказался у тебя в доме. Я думала, что обновила свой адрес в документах, когда обновляла их, — произношу я.

— Это не проблема, Эм. Я хотел увидеть тебя сам. Удостовериться, что ты в порядке.

Он выглядит дерганым. Адам не нервничает. Возможно, он боится Джордана больше, чем я думала.

— Произошел несчастный случай, — отвечаю я с приподнятой бровью.

Его белокурые волосы зализаны на бок, а темно-синие глаза нечитабельны как обычно. Но есть что-то в его позе, что выглядит неправильно.

— Несчастный случай, ага, — усмехается он.

— Что бы это значило?

Я немедленно обороняюсь. Каждый в городе верит, что дети пострадали в аварии. Департамент шерифа — единственные люди, кто не верит. Этот город не настолько маленький для того, чтобы это была общедоступная информация.

— Я слышал всякое. Брендона Донована избили. Его отец не слишком счастлив из-за этого. Ты же знаешь — они мои клиенты.

— Я всё ещё не понимаю, как это связано с несчастным случаем, — лгу я.

Он медленно приближается ко мне, наклоняясь к моему лицу.

— У тебя неприятности? Что-то плохое случилось с теми детьми. Я не знаю, что именно, но я знаю, что это было плохо. Твой парень — уголовник. Возможно, он причина произошедшего? — шепчет он.

— Гаррет не имеет никакого отношения к несчастному случаю, — подчеркиваю я слова, пока шиплю.

— Не будь наивной, Эм. Ничего никогда не происходит в Блаффсайд. Внезапно Шарп находит давно потерянного брата и через несколько дней что-то плохое случается с ним. Тебе не приходило в голову, что возможно его прошлое возвращается, преследуя его? Ты не думаешь, что ты можешь быть в опасности тоже?

— Я в безопасности с Гарретом.

Я знаю, что Адам пытается сломить меня, но я отказываюсь ломаться. Я доверяю Гаррету. Я знаю, что он никогда не позволит чему-либо случиться с Коди или со мной.

— Нет. Ты не в безопасности. Но я вижу, что ты не веришь мне. Я знаю, что причинил тебе боль, Эм. Я, бл*дь, ненавижу это, но я бы никогда не подверг твою жизнь опасности. Этого никогда не произойдет. Только пообещай, что ты придёшь ко мне, если тебе понадобится помощь. Я знаю, что у тебя есть Джордан, но я могу то, чего он не может.

Адам кажется таким честным прямо сейчас; это выводит меня. Он не оскорбляет или травит меня. Он просто разговаривает со мной.

— Этого никогда не произойдет, но спасибо за предложение.

Он кивает и отходит от меня. С единственным последним взглядом он исчезает из

кухни. Я стою здесь, пытаюсь понять, что же произошло в течение некоторого времени, пока не приходит Джордан.

— Я не избил его задницу, поскольку мы здесь и магазин полон. Скажи, что я не ошибся в этом дерьме, — требует Джордан, оборачивая руку вокруг меня.

— Он просто передал мне мой чек за страховку автомобиля, — бормочу я в его грудь.

— И он попытался покопаться в этом?

— Он не думает, что с детьми произошел несчастный случай.

— Бл*дь, — раздражается он, отпуская меня. — Он что-то сказал? Что-то определенное?

— Только то, что Брендона Донована избили.

— Да. Так. Он провернул это, как будто все случилось на вечеринке.

— Я уверена, что Адам не знает, что произошло. Он просто пытается задать мне вопросы о Гаррете. Это его фишка, — произношу я презрительно.

— Гаррет?

— Адам намекал, что то, что случилось с детьми — это прошлое настигло Гаррета, и что я могу быть следующей, — объясняю я со стоном.

Это прозвучало еще более глупо, когда я произнесла это вслух.

— Это, бл*ть, полная херня!

— Я это понимаю. Давай не беспокоиться об этом.

Он снова меня обнимает и ведет за прилавок. Я хочу сосредоточиться на счастливой паре и моих покупателях. Меня давно здесь не было, и я отказываюсь позволять Адаму или его сумасшедшим теориям разрушать мой сегодняшний день.

Как только мы закрываемся, Джордан провожает меня до моего дома, чтобы я могла собрать некоторое количество одежды. Я почти не была здесь за последние несколько недель. Я всегда нахожусь у Гаррета и начинаю рассматривать необходимость провести разговор с ним на тему — что дальше. Его вроде устраивает наша нынешняя ситуация, но я бы хотела убедиться в этом.

Я знаю, что Гаррет хочет быть со мной, но съехаться вместе после пяти недель и большого количества травм может быть не лучшей идеей. Как только Коди вернется в школу на следующей неделе, я больше не буду нужна Гаррету рядом.

Я могу распределить всё это время, так как у меня есть Беверли, Арлин и Джордан. У Гаррета есть только Клайд. Он должен был вернуться к работе практически немедленно, в то время как Коди всё ещё был в больнице. Дженна была рядом в перерывах между занятиями, но она должна обратить свое внимание на учёбу. Калев был с ней и детьми в больнице постоянно. У него, очевидно, нет “реальной” работы, так что он выручал меня.

Он сидел в больнице с Хантером и Алиссой, пока я была с Коди. Затем мы менялись на некоторое время. Я обожаю этого большого пугающего байкера.

Так, вместе, мы смогли справиться с ситуацией. Если быть честной, мне нравится это. С тех пор как умерла моя мама, я долго была одна. Это было моим личным выбором. Но Джордану удалось пробиться сквозь стену, и у меня некоторое время был Адам, но кроме того, я была сама по себе почти всё время. Это помогало мне исцелиться и скорбеть. Но прогулка в мебельный магазин Шарпа одним вечером изменила всё для меня... в лучшую из возможных сторон.

— Не хочешь продать мне свой дом? — спрашивает Джордан, опираясь о дверную раму в мою спальню.

Я смотрю на него поверх плеча, желая дать ему понять, чтобы он прекратил нести чепуху, но я вижу, что он серьезен.

— Действительно?

Он пожимает плечами и идет к моей кровати, шлепаясь на нее.

— Тебя никогда здесь нет, а я устал от аренды. Это — шикарный ход.

Мне нравится идея о Джордане в моем доме. Я не буду чувствовать, как будто потеряла его, просто переехала.

— Я имею в виду, мне придётся избавиться от всего твоего девичьего дерьма. Возможно, установить шест для стриптизерш в гостиной. Поставить бильярдный стол в столовой, это может и сработать.

— Это хорошая идея, — произношу я сквозь улыбку.

— Шест для стриптиза и бильярдный стол?

— Ни капельки, придурок, — раздражаюсь я, бросая в него футболку. — Идея о тебе здесь.

— Мой договор аренды — ежемесячный, так что я могу сделать это, как только ты будешь готова. Я знаю, что вы с Шарпом недолго вместе, но, кажется, вопрос об этом уже решен. Ты уже живешь с ним.

— Я просто оставалась там, чтобы помочь с Коди.

— В тебе столько дерьма, — произносит он с фырканьем. — Ты провела с кретином более двух лет, но ты никогда не выглядела так, как сейчас. Ты, бл*дь, светишься от макушки до пальчиков ног всё время. Я думаю, что это от огромного количества секса, о котором я не хочу думать.

Я награждаю его моей самой лучшей сияющей улыбкой, что приводит нас к тому, что мы хихикаем.

— Серьезно, Эм, ты как будто новая женщина с ним. Ты была довольно удивительной раньше, но теперь ты лучше. Более живая.

Я встаю между его ног и оборачиваю свои руки вокруг его плеч, пока он обхватывает меня за талию.

— Ты сам довольно удивительный — Джордан Монро, — бормочу я в его волосы, прежде чем поцеловать их.

— Это, правда, — язвит он.

Это правда, так что я не смеюсь.

— Я поговорю с Гарретом и узнаю, что он об этом думает.

— Хорошо. Давай я отвезу тебя к нему. У меня игра, на которую надо попасть, — произносит он, вставая.

У него всегда есть видеоигра, на которую надо попасть.

Джордан помогает мне погрузить парочку сумок в его «Корветт», и мы срываемся к дому Гаррета.

— Коди! — кричу я, когда мы заходим.

Он на кухне, прикрепляет гипсокартон... один.

— Иисус Христос, ты испугала меня до усрачки, — раздражается он, выдергивая свои наушники.

— У вас неприятности, мистер, — угрожаю я.

Джордан уже хихикает от моей попытки проявить твёрдость. По крайней мере, Коди пытается смотреть робко, но я могу сказать, что он борется с улыбкой.

— Предполагалось, что ты не будешь делать это. Доктор сказал не напрягаться. Крепить гипсокартон непросто. Это трудно. Я знаю, потому что делала это однажды. И в результате, когда я сделала и закончила с очень текстурированной стеной, у меня получилось так, словно что-то пошло не так с моим художественным проектом. Мне пришлось позвонить папе, чтобы он устранил это, и он хихикал всё время. Это было неловко.

Я говорю сумбурно. Это стало моей новой формой общения. Я не делала так до Гаррета. Он перевернул мой мир вверх тормашками, а мой разум находится в состоянии хаоса, даже когда его нет рядом.

Джордан издает громкое фырканье, а Коди начинает смеяться надо мной. Я присоединяюсь, поскольку, если я не могу смеяться над своим сумасшествием, в чем смысл?

— Извини, — задыхается Коди. — Мне просто дико скучно. Кухню нужно доделать, а Гаррет делает все в одиночку.

— Его это не заботит. Он хочет, чтобы ты поправился, солнышко.

— Мне лучше, — утверждает он.

Он выглядит лучше. Большинство кровоподтеков ушли или стали зелено-желтыми. Его операция по восстановлению глазницы прошла успешно, и нос вправлен. Его лицо выглядит немного по-другому теперь. Его переломы скул изменили овал лица, когда их вправили. Он выглядит более угловатым и мужественным теперь.

У него навсегда останется длинный шрам, который пробегает вдоль его головы с боку, но он говорит, что хочет сохранить свои волосы короткими. Его не беспокоит внешний вид.

Он так силен. Я поражаюсь этому каждый день.

— Я это знаю, — мягко говорю я.

Я подхожу к нему и притягиваю его к себе для хорошего объятия. Он сильно обнимает меня. До несчастного случая, как мы это называем, чтобы мы не попали впросак рядом не с теми людьми, он всегда отказывался демонстрировать мне сильную привязанность. И теперь я получаю это в полной мере, и я люблю это. Я также заставляю его обнимать меня постоянно.

— Я помогу прикрепить эти два последних листа, — предлагает Джордан.

— Спасибо, мужик, — отвечает Коди, отпуская меня.

Я потираю его голову, а он наклоняется к моему прикосновению немного, прежде чем вернуться к работе. Я оставляю мужчин с их забавами и поднимаюсь наверх в комнату Гаррета, чтобы убрать свои вещи.

Когда я захожу в гардеробную и щелкаю свет, я поражена реальностью ситуации. Половина гардеробной заполнена моими вещами. Мои рубашки и джинсы разложены с моими свитерами и штанами. Я выхожу из гардеробной и вытаскиваю, открывая несколько ящиков комода. Своих ящиков. И опять, здесь мои вещи разложены прямо рядом с его ящиками. Я оглядываю комнату и обнаруживаю некоторые из моих украшений на моей прикроватной тумбочке. Мои шлепанцы на полу перед обитым материей стулом, куда я скидываю свою одежду. Мои часы и некоторая наша мелочь лежат на подносе, на комод.

Я направляюсь в ванную и нахожу все свои вещи вокруг моей раковины. Моя зубная щетка стоит рядом с щеткой Гаррета в держателе. Мои лосьоны и продукты для защиты волос в шкафчике над раковиной. Моя бритва, шампунь, кондиционер, гель для тела и губка в душевой.

— Эмили, — завет меня Гаррет из спальни.

Я иду в комнату и подглядываю за тем, как Гаррет, освобождает свои карманы на

КОМОД.

— Ты знал об этом? — гневно спрашиваю я.

— О чем? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне лицом.

— Об этом, — произношу я, обводя комнату рукой.

Он смотрит на меня, как будто я сошла с ума, а затем пробует скрыть ухмылку.

— Сладкая, тебе стоит быть более конкретной, — говорит он, пока прочищает горло, пытаюсь не рассмеяться.

— Я живу здесь, Гаррет. Здесь все мои вещи. У меня есть ящики. Мои вещи в твоих ящиках. Мы даже не обсуждали это. Я просто положила свои вещи в твои ящики. Как это произошло? Ты должен был сказать: «Эй, я освободил для тебя несколько ящиков», а затем я бы сказала тебе: «Спасибо. Это мило. Но тебе не следовало». Но ты не сказал мне. Ты никогда не говорил мне этого. Я просто положила свои вещи в твои ящики. А потом в твою гардеробную. Я заполнила твою гардеробную. Я, имею в виду, что потребуется гардероб в стиле Дженны, чтобы заполнить твою гардеробную. У меня даже не было возможности определиться в жизни. Но всё же. Все мои рубашки и джинсы там. И разложены. Я даже разложила твои вещи.

— Спасибо за это.

Я игнорирую его и продолжаю.

— Ванная полна моими вещами. Девичьими вещами, Гаррет. Ты никогда не говорил мне, что я могу положить тампоны в твою ванную. Я знаю, что ты их видел, и ты ни разу не сказал мне ни слова. Не то чтобы мужчины хотели бы разговаривать о женской гигиене. И у меня есть своя сторона кровати. И раковина! Я могу забрать твою раковину. Я не хочу быть похитителем раковины. Что за человек, который ворует раковины?

Я жду, пока он ответит, но он продолжает просто смотреть на меня.

— Я переехала в твой дом, а мы даже не обсудили это. Моя жизнь проходит в твоём доме, а я до этого момента даже не знала об этом. Я потеряла свой разум. Официально! Он пропал. Я не могу закрыть свой рот. Я создаю отношения. Я больше не ем одна. Я добилась того, чтобы заботиться о тебе и Коди, потому что чертовски люблю. Моя жизнь настолько полна и чувствуется так хорошо, что я забыла заметить. Я не заметила.

И я заплакала. Сильно.

Массивные руки Гаррета прижимают меня к груди, и он располагает на кровати со мной на коленях. Я рыдаю в его шею, пока он поглаживает мою спину, пробуя успокоить мою истерику. Я продолжаю плакать до тех пор, пока Гаррет не захватывает мои щеки и не вынуждает меня посмотреть в его заинтересованные синие глаза.

— Сладкая, — мягко произносит он. — Ты не забыла заметить. Ты счастлива и наслаждаешься жизнью. Время пролетает с пользой, и ты не должна прекращать обращать внимание на это, поскольку, когда всё хорошо ты не нуждаешься в напоминании.

Мой немногословный мужчина может в паре слов лучше выразиться, чем любой человек, которого я встречала. Он прав. Я ликующе счастлива. Даже со всем, что случилось с детьми, я счастлива в жизни. Я не думаю, что я была грустной раньше, но я и не была такой как теперь. Живой.

Я вытираю своё заплаканное лицо рукавом рубашки — поистине привлекательное движение.

— Я украла твою раковину? — спрашиваю я.

Он усмехается и дарит мне жесткий поцелуй в губы.

— Я — вор, помнишь? — шутит он.

Теперь я смеюсь одна.

— Я хочу, чтобы ты была здесь, со мной и Коди. Ты можешь заполнить весь этот дом своими штучками, и я, бл*дь, полюблю это, потому что я люблю тебя. Я хотел, чтобы ты переехала сюда с тех пор, как ты впервые вошла в мой магазин. Я вижу тебя в моём доме. В моей кровати. В моих руках. В моей жизни. Ты — мой мир, Эмили. Разве ты этого не знаешь?

Слезы потекли снова. Гаррет вытирает их большими пальцами, ожидая пока я отвечу на вопрос.

— Ты смотришь на меня так — как будто я твой мир, — прошептала я.

— А ты на меня — как будто я твой.

Я киваю, поскольку если я попробую что-нибудь сказать — это выйдет в той истеричной наполовину-болтливой-девичьей-беседой, в которой никто не найдет различия.

Затем он целует меня. Он вкладывает каждую каплю любви, которую он чувствует ко мне, и я испиваю это. Затем я отдаю ему всё, что у меня есть. Его язык ласкает и дразнит мой медленным соблазнительным движением, от чего у меня поджимаются пальчики ног. Когда он отстраняется от моего рта, он упирается своей головой в мой лоб. Калейдоскопы.

— Джордан хочет купить мой дом, — мягко говорю я, пробегаясь своими пальцами по его пятиминутной тени.

— Хорошо, — ворчит он.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Что это значит? Хорошо?

— Ага.

— Хорошо.

Я люблю, когда он так говорит, и я люблю, когда он ворчит.

— Мне лучше пойти приготовить обед, — произношу я, соскальзывая с его колен.

Он ласково поглаживает меня по попке, прежде чем поднимается на ноги. Гаррет следует за мной вниз по лестнице на кухню, где Коди и Джордан заканчивают прикреплять намного больше, чем два листа гипсокартона. Я хмурюсь на них, а они игнорируют меня, пока я начинаю готовить. Гаррет присоединяется к работе.

Мы едим вместе.

Мы убираемся вместе.

Мы немного смотрим телевизор вместе.

Затем после моих ежедневных ночных процедур в моей раковине, я скольжу на свою сторону кровати и выключаю лампу на моей прикроватной тумбочке, Гаррет тратит время, показывая мне что я — его мир.

Я снова живу.

Глава 23

Гаррет

Праздники.

Я чертовски ненавижу праздники. Всегда ненавидел. Даже когда был маленьким ребенком, я знал, что Санты не существует. Пасхальный кролик — шутка. Хэллоуин — просто ночь для людей, которые хотели устраивать неприятности. День Благодарения был таким днем, когда я хотел есть, а магазины были закрыты для меня, чтобы украсть там что-

нибудь. Четвертое июля — День независимости позволял легче маскировать выстрелы пистолета в моем трейлерном парке. И день рождения... я по-прежнему ещё ни разу в жизни не праздновал его. Был период, когда Дэрил и Клайд отсутствовали, когда я не мог вспомнить, было ли мне восемь или девять.

Я ненавижу праздники.

И, тем не менее, вот он я на моей недавно переделанной кухне с улыбкой на лице, в то время как Эмили печет пироги и другое дерьмо для завтрашнего обеда. Она как сверкающий луч солнечного света, который все наполняет своим теплом. Окружающие ее: мои шкафчики из грецкого ореха, столешница из цветного песчаного кварца, огромная шести конфорочная «Викинг ранж» и встроенная двойная духовка — кажутся правильными. Это — её место.

Совместно Коди, Хантер, Джордан, Девлин, Клайд и я смогли закончить кухню и положить новый пол на всем первом этаже дома. Я быстро за выходные реконструировал основную ванну внизу, прежде чем Коди вернулся домой. Ему было необходимо чистое, безопасное место, чтобы мыться.

С новой кухней и полом необходимо было обновить и мебель. Моя женщина позаботилась об этом. Она была настолько осторожной со мной при выборе всего, что мы едва это обсуждали. Мне было бы насрать, если бы она заполнила дом диванами с цветочным принтом и розовыми занавесками. Это её дом. Мне всё равно, чем наполнен дом, до тех пор, пока она в нем. Она получила меня, так что мы покончили с серой и глубоко горчично-желтой цветовой гаммой. Мои стены завешаны картинами, в основном местными изображениями пейзажей в тяжелых рамах черного дерева, которые я сделал сам.

Это тепло.

Это комфортно.

Это прижилось.

Это — мой первый настоящий дом.

— Что ты думаешь о шоколадно-карамельном ореховом пироге? — спрашивает Эмили, выставляя какие-то другие пироги на островок разделочного стола.

— Хорошо, — ворчу я.

Она в обтягивающей белой футболке, насыщенных фиолетовых леггинсах, её песочные волосы собраны на макушке, а на её восхитительном лице усталая улыбка. Мне нет никакого дела до пирога. Мне необходимо быть внутри нее снова. Прошел уже час с тех пор, как я был в ней, и мне кажется, что это было вечность назад.

— О... нет, не смей, — ругает она, заметив мой горячий взгляд. — Мне надо всё доделать. Я не смогу печь завтра и готовить еду.

Я встаю из-за стола и подкрадываюсь к ней, пока она пытается игнорировать меня, раскатывая еще один корж. Я оборачиваю руки вокруг неё, обхватывая её сиськи.

— Гаррет, — пробует пожаловаться она, но это выходит со стоном.

Я сжимаю и покручиваю её соски, опуская свой рот на её учащенный пульс справа — на родинку в виде кофейного зернышка. Я облизываю и покусываю до тех пор, пока Эмили не уступает, отклоняя свою голову назад, чтобы предоставить мне лучший доступ. Я доволен, что мой способ убедительно работает. Эмили всегда готова для меня. Она не использует секс как оружие. Она отдает мне себя добровольно, а я чертовски уважаю это. Мне больше не приходится задумываться, что мне нужно сделать, чтобы заполучить её в кровать. Наши отношения не бартерная система, где мне требуется делать определенные вещи, и только затем она вознаградит меня своим телом. Я люблю её за это и за многое другое.

Я запускаю одну руку в её леггинсы, сдвигая трусики в сторону, и скольжу пальцем глубоко внутрь её влажной киски. Эмили стонет и покачивает бёдрами на моей руке, пока я прижимаю мой твердый член к её мягкой заднице. Я использую большой палец, чтобы вырисовывать круги вокруг её клитора, пока скольжу пальцем в неё, я могу чувствовать, как её стеночки сжимаются вокруг меня. Её оргазм прорывается сквозь тело, пока она сжимает край кухонного островка, сохраняя вертикальное положение.

Я не жду, пока она кончит, дергаю её леггинсы вниз и усаживаю её голую задницу на разделочный стол. Я захватываю её рот в собственническом поцелуе, пока освобождаю свой член из джинсов, едва стягивая их на бедра. Подтягиваю её к краю и толкаю своей рукой её в грудь так, чтобы она легла. Затем резко подаюсь вперед, заполняя её полностью одним толчком.

Дожидаясь, когда она вздохнет, привыкая ко мне, задираю вверх футболку и сдвигаю лифчик так, чтобы я мог получить в рот её розовые соски. Когда Эмили оборачивает лодыжки вокруг моей спины, я начинаю двигаться. Я держу своё лицо в её сиськах, покусывая и посасывая. Её крошечные руки тянут меня за волосы, притягивая моё лицо к себе. Она хочет мой рот.

Я пылко целую её, толкая свой язык в одном ритме с членом. Она стонет и хныкает в мой рот от удовольствия. Я беру её жёстче и целую грубее. Я чувствую потребность отметить её сегодня. Я не знаю, почему это более интенсивно сегодня. Я всегда чувствую потребность дать миру знать — что она моя. Я хочу, чтобы она пахла мной. Я хочу, чтобы она проводила свои дни с румянцем на щеках, который я там оставил. Я хочу её губы, опухшие из-за моего рта. Я хочу её киску, насквозь промокшую от моего семени. Она моя.

Я прикусываю её нижнюю губу, как только её ногти впиваются в кожу моей головы. Я глотаю её крики, прежде чем освободить её рот, чтобы отклонить свою голову назад и зарычать, пока я заполняю её до краёв. Я замедляю удары и смотрю вниз на сексуальную женщину подо мной.

Опухшие губы.

Румяные щеки.

Сексуально светящиеся золотисто-зеленые глаза.

Маленькая, удовлетворенная улыбка, растянувшая ее щеки.

— Стало лучше? — спрашивает она, пробегаясь рукой вдоль моей челюсти.

— Ага, — ворчу я.

Мой член всё ещё находится в ней, в то время как я завладеваю её ртом в медленном страстном поцелуе. Я запутываю и массирую, выпивая её. Мой член оживает, когда я слышу Корветт Джордана, паркующийся у дома. Я целую её ещё раз, прежде чем поднимаюсь.

— Джордан, — рычу я.

— О Боже! — визжит она, отталкивая меня и борясь со своими леггинсами.

Она мчится к раковине и хватается оттуда антибактериальные салфетки, возвращаясь, чтобы протереть островок. Через две секунды Джордан и Коди вышагивают из новой передней двери там, где Коди решил, что она должна быть. Он был прав. Это сделало комнату в два раза больше и добавило прихожую, которой раньше не было.

— Снег валит как безумный, — объявляет Джордан. — И здесь пахнет пирогом и киской.

— Джордан, — визжит Эмили.

— Пожалуйста, скажите мне, что вы нашли рецепт пирога из киски. Мы станем

миллионерами, — продолжает насмехаться он над ней.

— Коди стоит прямо за тобой, — указывает она паническим голосом.

Её щеки немного красные от смущения. Я уверен: представлять меня трахающего Эмили не комфортно для него. Он любит её как сестру. Никто не хочет думать о своих сестрах и их сексе.

— Я уверен, Коди влюбится в пирог из киски.

— Джордан Монро, ты — отвратительный человек. Закрой свой рот, прежде чем я вынуждена буду помыть его с мылом.

— Шарп, ты видимо делаешь всё не правильно. Она должна быть спокойной и расслабленной сейчас.

Джордан падает на стул на кухне, пока Коди смотрит на меня со смехом в его темно-зеленых глазах.

— Он делает всё просто прекрасно. И я была спокойна и расслаблена до того, как ты пришел сюда с миссией унизить меня. Я не планировала разрушать моё приятное воспоминание. Но Гаррет может быть весьма убедительным, а я готовлю пирог по такому рецепту, в котором нужно четко соблюдать время приготовления. О... Коди, закрой свои уши! — визжит она, закрывая свой рот рукой.

Я рассмеялся с Джорданом и Коди. Она не может унять своё бормотание. Это происходит постоянно. Джордан говорит, что это так, как будто у неё раньше был фильтр, и она тщательно подбирала слова для использования, чтобы не сказать лишнего. Сейчас же она позволяет этому вылетать. Я дал ей это. Комфортное место, где она может быть собой.

Эмили немного хихикает, прикрывая рот своими ладонями прежде, чем поворачивает своё лицо ко мне. Я оборачиваю свои руки вокруг неё, располагая ладони на её заднице, прижимая губы к её шее.

— Люблю тебя, — бормочу в её кожу.

— Я тоже тебя люблю. Я должна пойти освежиться, — шепчет она.

Я нежно шлепаю ее по заднице, и она уходит. Я чувствую некомфортное раздражение, что она собирается смыть мою сперму с себя. У меня всегда была такая реакция. Каждый гребаный раз. Я не высказываю это. Я знаю, что это безумие, но я испытываю это собственническое чувство и не могу избавиться от него. И оно только ухудшается.

Эмили официально живет здесь в течение недели, но она жила со мной в течение шести недель и раньше. Джордан купил её дом. Он переехал в последний уикенд, сохранив большинство из её мебели. Точнее, сохранил те вещи, которые он не считал слишком девчачьими.

— Не думаю, что семья Эм преодолет это, — сообщает мне Джордан, в то время как Коди измождённо падает на нашу огромную замшевую секцию цвета древесного угля.

Я присоединяюсь к Джордану за столом с двумя бутылками пива в руке, выглядывая в окно. Снег валит с неба, разнося густо припудренные полосы по ветру.

— Дерьмо, — раздражаюсь я.

Эмили была так взволнована, что её семья проведет здесь праздники. Она действительно хочет, чтобы я познакомился с её отцом. Я никогда не знакомился с родителями. Я не переживаю из-за этого. Я не буду нервничать. Но, это что-то значит для Эмили, так что она будет разочарована из-за снежной бури, ставившей палки в колёса её планам.

— Ага, Джордан только что приехал, — говорит Эмили в телефон, пока всплывает

обратно в комнату, одетая в удобную пару черных леггинсов.

— Я знаю. Я просто действительно хотела, чтобы это произошло. Я позвоню тебе завтра, и, возможно, мы сможем поболтать по Skype или ещё как-нибудь.

Она делает паузу, слушая своего папу, опираясь бедром о столешницу.

— Я тоже тебя люблю. Пока.

— Шторм ещё хуже в Канзас-Сити. Они ожидают более фута снега к завтрашнему утру, — сообщает нам Эмили, подходя ко мне с грустным взглядом на лице.

Я притягиваю её на свои колени, целуя в лоб.

— Мы можем отправиться в Канзас-Сити на следующих выходных, Эм. Ты же знаешь, я люблю дорожные путешествия, — пытается поднять ей настроение Джордан.

— Хорошо, — произносит она со вздохом, потираясь о мою шею.

— Ты нормально отнесешься к тому, что я зависну здесь? Мой Корветт плох во время снега, — спрашивает меня Джордан

— Без проблем, — ворчу я.

— Подвинься, Коди. Давай начнем нашу игру.

Джордан поднимается на ноги только для того, чтобы плюхнуться рядом с Коди, отодвигая его наушники. Они не будут двигаться в течение многих часов.

— Мне жаль, сладкая, — бормочу я в волосы Эмили.

— Я никогда не была далеко от моего папы в праздники, с тех пор как умерла моя мама. Она любила праздники, Гаррет. Наш дом всегда был украшен. Она меняла полотенца, основываясь на сезонах. Там были небольшие безделушки, которые она вытаскивала за месяц перед каждым праздником. Я не так хороша в этом, но надеюсь, что буду, когда у меня появятся дети, — произносит она тихо.

Это первый раз, когда она упомянула детей. Я не знаю, начали ли мы обсуждать к чему мы идем или она просто говорит об этом.

— Ты будешь прекрасна в любом случае, — заверяю её я.

Я не сомневаюсь в том, что она будет прекрасной матерью. Она так внимательна к людям, которых любит. Нет ни единого мгновения, когда она не задумывается о том, как помочь кому-то. Когда она такая с Коди, это наполняет меня теплотой, которую я краду каждый раз, когда становлюсь свидетелем этого. Она — сама любовь во плоти, и я уверен, что это только возрастет к её собственным детям.

— Я хочу кучку детишек. Я была удивлена, когда моя мама так любила их называть. С военной карьерой моего папы, они откладывали планирование детей на более поздний срок. Одна ночь, слишком много вина и появилась я через девять месяцев. Моя мама пожертвовала жизнью со своим мужем, чтобы она могла растить меня в одном месте, окруженном семьей. Она дала мне всё. Я знала, что она сделает для меня всё, что угодно. Мой папа тоже. Его просто не было рядом, чтобы управлять событиями. Но их разделение означало, что у меня не будет братьев или сестер. Я понимаю это теперь, но я так ужасно хотела младшего братика или сестрѐнку. Я хотела сообщника по проказам, кого-то, с кем можно играть. Так что у меня самой определено будет больше чем один ребенок. Я хотела бы больше двух, если честно. Даже если я потеряла свою маму слишком рано, я хочу то, что у меня было с ней. Этого было слишком мало, но это было лучшее время в моей жизни, которое я провела с ней. Точнее, до тех пор, пока не заполучила тебя, — заканчивает она со сладкой улыбкой на лице, пока пристально смотрит на меня.

— Ты будешь потрясающей мамой, Эмили, — шепчу я, прижимая свои губы к её.

— Ты хочешь детей? — робко спрашивает она.

НЕТ. Я не хочу детей. У меня дерьмовые примеры воспитания. Я не могу себе представить, что я буду хорош в этом. Забота и любовь, как в Эмили, не существует во мне. Вы нуждаетесь в этом, чтобы быть хорошим родителем. Моё ворчание и рычание не будет хорошим для детей. И если бы у меня были дети, я бы стал таким опекающим, что они бы возненавидели меня. Я не готов стать родителем. Я также не готов стать мужем. Но с Эмили на моих коленях, говорящей о будущем и желающей знать, смогу ли я стать его частью — я хочу попробовать. Я хочу попробовать стать тем мужчиной, которого она видит, когда смотрит на меня, так как будто я её мир.

— Ты не Дэрил, — отчаянно произносит Эмили, ощущая мое колебание. — Ты — удивительный мужчина, Гаррет Шарп. Твое отношение к Коди заставляет таять моё сердце. В тебе так много терпения и понимания с ним. Я могу представить, это пугает тебя так, что выбивает почву из-под твоих ног, но ты справляешься. Тебе не нужно пытаться быть кем-то другим, чем тем, кем ты являешься. Поскольку в тебе есть всё, что мечтает видеть ребёнок в родителе. Подумай об этом. Возьми минутку, чтобы рассмотреть, что ты упустил маленьким мальчиком. Ты хотел, чтобы кто-нибудь кормил, защищал и любил тебя. Ты будешь делать эти вещи для ребенка? Конечно, будешь и даже гораздо больше. Ты делаешь это с Коди, Хантером и Алиссой. Не позволяй своим родителям разрушить твою возможность — дать ребенку этот дар.

— Рот, — рычу я, и она немедленно слушается.

Я провожу своими грубыми руками по её лицу и жадно поглощаю её. Она так много видит во мне. Я не знаю как, но она всматривается до самой глубины моей порочной души и видит хорошее. И черт бы меня побрал, если я не чувствую себя хорошо, когда она смотрит на меня.

Наши языки медленно переплетаются со страстью. Я готов утащить её в кровать и послать на хер День Благодарения. Ногти Эмили врезаются в мои плечи, и наш поцелуй превращается в голодный. Я сдвигаю её голову на бок, чтобы получить лучший доступ, в то время как я глотаю заполненный желанием стон. Когда она посасывает мой язык и прикусывает мою нижнюю губу, это время направиться в спальню.

— Отстой! — кричит Джордан, разрушая наш момент.

Эмили улыбается возле моего рта. Я не улыбаюсь. Я раздражен, что нас прервали. Я дарю один последний сильный поцелуй в губы, прежде чем спрашиваю.

— Сколько?

— Сколько детей я хочу? — уточняет она вопрос, который я проворчал.

Я киваю.

— Может быть, четырёх. Я не становлюсь моложе, так что я могу изменить планы. Но я всегда хотела четырёх.

— Придётся добавить, — рычу я.

— К чему?

— К дому. У нас нет достаточного количества спален.

Глаза Эмили наполняются слезами, пока она пристально изучает мое лицо.

— Правда? — спрашивает она самым тихим шепотом.

— Коди уже занял одну комнату, и я не хочу, чтобы он чувствовал, что ему некуда вернуться домой, когда он отправится в колледж. Это оставляет только комнату для гостей. Нам нужна комната для гостей. Так что, это означает, что нам необходимо ещё четыре

спальни. Мы должны их добавить, — объясняю я.

— Я не спрашивала о дополнении, Гаррет. Ты действительно хочешь детей со мной? — в шоке спрашивает она.

— Я всего хочу с тобой, сладкая. Я не знаю, буду ли я хорош в этом, но если ты этого хочешь, то и я тоже, — честно отвечаю я.

Несколько слезинок падают из её глаз, пока она пристально смотрит на меня, так, как будто я её мир. Её золотисто-зеленые глаза мерцают с любовью и признательностью.

— Ты будешь лучшим отцом, — заверяет она меня. — Я люблю тебя так сильно.

— Не так сильно, как я люблю тебя.

— Спасибо, что обсудил это со мной. Адам никогда не разговаривал о семье или нашем будущем, кроме работы. Я знаю, что это рано для нас, но хорошо осознавать, что мы одинаково мыслим.

Адам — гребаный ничего не стоящий кусок дерьма. Я был с Эмили в течение нескольких недель, и я хочу этого до конца моих дней. Я могу пойти на компромисс и сделать любые уступки, которые необходимы, чтобы всё получилось с ней. Тот факт, что Адам не мог сделать это, говорит мне, что он больший идиот, чем я предполагал. Я счастлив, что он слепой засранец, поскольку его потеря стала моим лучшим выигрышем.

— Ты всегда можешь поговорить со мной, сладкая. Я могу не всегда поддержать беседу, но я всегда буду слушать.

— Я не давлу на тебя, не так ли? Этой весной многое свалилось на тебя. Что-то в разговоре с моим папой заставило меня задуматься о том, чтобы стать родителем. Мне не хватает моей мамы так сильно в это время года. Но впервые мне не грустно. Я счастлива от того, что у меня есть ты и Коди. Я держала в себе так много, с тех пор как она умерла. Я никогда ни с кем не проводила время, кроме Джордана и только потому, что он безжалостный. И сейчас я живу... хорошей жизнью, и я хочу разделить её. Я не собираюсь сделать что-то глупое и заманить тебя в ловушку или что-то типа того. Не думай так. Я не сумасшедшая. Ты можешь контролировать мои противозачаточные, если хочешь. Я могу принимать их перед тобой и высовывать язык, как это делают в кино. Но каждый раз затем ты видишь, что человек спрятал свои лекарства. Хотя я не знаю, как это сделать. Так что не волнуйся. Или если ты хочешь использовать презервативы, мы тоже можем. Я не буду делать в них дырки. Такое возможно? Я думаю, что да — но это выше моего понимания. Я не хочу обманывать тебя. Я не буду этого делать, — сбивчиво заканчивает она.

Я ухмыляюсь на её тираду, хотя она и бесит меня. Эмили действительно думает, что я не доверяю ей? Если она хочет детей, я дам ей детей. Если она хочет замуж, я встречу её у алтаря. Если она хочет, чтобы я отвез её на луну, я куплю ей космический корабль. Я сделаю что угодно... всё, что угодно.

— Ты — бесишь меня Эмили, — рычу я, наклоняясь к её лицу. — Я доверяю тебе. Это дерьмо не дается мне легко, так что не сомневайся. Ты хочешь забеременеть, и все, что ты должна сделать, — это сказать мне об этом. Я буду наслаждаться практикой. Ты хочешь прекратить принимать противозачаточные сегодня — прекрасно. Ты хочешь подождать несколько месяцев — я не против. Ты хочешь четырёх детей, тогда мы должны начать, чем раньше, тем лучше.

— Прошло всего несколько недель, — виновато произносит она.

— И? — парирую я с поднятой бровью.

— Я боюсь, что отпугну тебя.

Вот и всё. Я, бл*дь, закипаю. Я внезапно встаю, заставляя её взвизгнуть. Я держу её на руках, пока следую вверх по лестнице, избегая гребаной ухмылочки, размазанной на лице Джордана. Эмили молчит, пока я двигаюсь, цепляясь за мои плечи.

Я пинаю закрытую дверь, заставляя стены вибрировать от силы, которую использую. Эмили подскакивает, но всё ещё ничего не говорит. Я кладу её на нашу кровать и поворачиваюсь спиной, расхаживая туда-сюда несколько раз. Я должен успокоиться. Я должен дышать.

— Извини, — шепчет она, и я ломаюсь.

Я поворачиваюсь и реву:

— Прекрати, бл*дь, извиняться!

Эмили не вздрагивает. Она сдерживает себя, наблюдая за мной с края кровати.

— Ты думаешь, я слабак? — рычу я.

— Нет, — немедленно отвечает она.

— Ты думаешь, что я — трус?

— Нет.

— Ты веришь в то, что я люблю тебя?

— Да.

— Ты, бл*дь, представляешь на сколько?

— Да.

— Нет, ты, бл*дь, не представляешь. Если бы это было так, то ты никогда бы не беспокоилась, что можешь отпугнуть меня. Я сказал тебе, что никогда не отпущу тебя. Я имел в виду это дерьмо. Я всё ещё имею это в виду, и я имею это ещё больше в виду теперь, чем в первый раз, когда я это сказал. Время — иллюзия, Эмили. Я потратил восемь лет в клетке, и это походило на десять жизней. Я провел шесть недель с тобой и это ощущается так, как будто прошла секунда. И в этой секунде я испытал больше жизни, чем у меня было за всю мою жизнь, которую я упустил. Я не Адам, бл*дь, Уоррен. Я — мужчина. Я плохо веду разговоры, но я стараюсь показывать тебе каждый день, что ты значишь для меня. Если я не делаю это правильно, ты должна сказать мне об этом. Я сделаю лучше. Но не задавай гребаный вопрос, что я чувствую к тебе. Я — ничто, если я не с тобой. Ты вернула мне жизнь.

— Ты вернул мне жизнь, — нежно произносит она. Затем Эмили улыбается мне лучезарной улыбкой, и весь мой гнев исчезает в теплоте, которую она дает мне.

— Я хочу ребенка, — объявляет она с усмешкой.

— Сейчас? — ворчу я.

— Скоро.

— Хочешь сначала выйти замуж? — спрашиваю я, склоняясь к ней.

— Хорошо, — шепчет она, в то время как я подталкиваю её дальше на кровать, накрывая своим телом.

— Ты хочешь выбрать себе кольцо?

— Нет.

Я захватываю её в поцелуе. Я погружаю язык между её мягкими губами и трусь об неё своим членом. Я женюсь на ней завтра, если здание суда будет открыто. Меня не интересует время. Я знаю, как потерять жизнь в одно дыхание. Я знаю, как впустую растрачиваются распланированные годы. Я знаю, что ничто не гарантировано. Но, возможность любить Эмили является одной из тех, что я отказываюсь упустить. Я не заслуживаю её. Хотя у меня

есть она, я не глуп. Я дам ей ту жизнь, которую она хочет. Я дам ей всё, что в моих силах и, если я не смогу ей это дать, я найду способ сделать, чтобы это дерьмо случилось, так или иначе.

Я перемещаю свой рот к её шее, когда у неё сбивается дыхание. Я облизываю и кусаю, пробуя управлять интенсивностью.

— Выбрось свои противозачаточные, — рычу я в её ухо.

— Хорошо, — с облегчением стонет она, пока я сжимаю её грудь.

Затем я осознаю, что это то, что она хотела. Она хотела, чтобы это было моим решением. Бл*дь, я люблю эту женщину. Время найти кольцо и сделать это дерьмо правильно. Она заслуживает гораздо большего от меня.

Я быстро раздеваю нас. И когда я двигаюсь внутри неё, это чувствуется по-другому. В глазах Эмили надежда, в то время как я прижимаюсь своим лбом к её. Когда её губы прижимаются к моей татуированной груди, я чувствую, как воспаляюсь до кончиков пальцев ног. Она получает меня. А я получаю ее.

Она моя.

Глава 24

Эмили

Расправляя свои волосы на плечах, я валяю дурака с камерой в течение миллиона лет, прежде чем щелкнуть по кнопке вызова.

Я взволнована тем, что мой папа познакомится с Гарретом и Коди, даже если это происходит по компьютеру. Пришло время. Я предоставила своему папе достаточно детальные сведения о Гаррете. Он знает о его прошлом. Он знает о его преступной жизни и почему Гаррет сидел в тюрьме. Это была не легкая беседа с моим отцом. Он задавал кучу вопросов. Я уверена, что он самостоятельно покопал под Гаррета, как только мы закончили разговор по телефону. Однако вопрос, который получил осторожное одобрение со стороны моего папы, был таким: чувствовала ли я себя в безопасности с Гарретом.

— Я никогда не чувствовала себя более в безопасности за всю жизнь, пап, — произнесла я с осуждением.

Это было для него всем.

Так что это следующий шаг. Момент лицом к лицу.

— Привет, Эмми, — воркует мой папа, пока на экране появляется его красивое лицо.

Он выглядит практически также, как, когда я была маленькой девочкой. Высокая и жесткая стрижка, что теперь имеет намек на седину, полностью покрывающую его волосы. Сильная челюсть. Его глаза цвета орешника обрамляют вокруг морщинки. И улыбка, которая всегда теплая и приветливая, оставившая небольшие складки с краю его рта.

— Привет, папа. Счастливого Дня Благодарения.

— Мне жаль, что этот шторм разделил нас сегодня. Ты приедешь на следующие выходные, так что я смогу получить мою маленькую девочку в свои руки.

— Мы будем там.

— Твои бабушка и дедушка остались в доме престарелых. Я ходил и поел с ними, но я не хотел выводить их наружу во время этого. Так что, я полностью в твоём распоряжении.

— Я позвоню им позже. Так хорошо видеть тебя, пап. Я скучаю без тебя, — произношу я искренне.

Я тоскую без него. Я также солгала своему отцу в первый раз в моей жизни несколько недель назад и чувствую себя невероятно виноватой из-за этого. Я рассказала ему историю о

несчастном случае. Ту же историю, что мы рассказываем всем. Правду о случившемся так сложно попытаться объяснить кому-то из вне. Было так много всего внутри неё. Я не хочу, чтобы он волновался обо мне.

Мы говорим некоторое время ни о чем и обо всем. Я вижу, что ему не терпится познакомиться, когда он начинает хаотично рассказывать о спортивных состязаниях. Он всегда бессвязно болтает, когда нервничает. Я полагаю это у меня от него. Разница в том, что мой отец редко беспокоится о чём-либо, а я же, как бутылка с газированным напитком в последние дни.

Я оставляю планшет на столе на кухне и направляюсь в гараж, где Коди, Калев, Хантер, Джордан и Гаррет работают над новым автомобилем Коди. Голова Гаррета выглядывает из-под капота, когда я захожу в помещение.

Он отталкивается и направляется ко мне, вытирая свои грязные руки о тряпку, которая была в его заднем кармане. Тряпка отправляется брошенной на стол, в то время как он извлекает зеленый вязаный свитер, что я купила ему. Он натягивает его на футболку, демонстрируя мне свои мощные мускулы. Как только он одет, его руки приглаживают волосы цвета карамельного шоколада на сторону. Так чертовски сексуально.

Гаррет останавливается передо мной и пристально смотрит вниз своими калейдоскопами, прежде чем произносит:

— Ты должна себя контролировать, пока я буду разговаривать с твоим отцом. Я не могу быть со стояком, когда встречу с ним.

Я чувствую, как мое лицо вспыхивает, пока я киваю.

— Коди, — ворчит Гаррет через плечо.

Коди выкатывается из-под машины и поднимается на ноги. Манера, с какой он идет к нам, это то же самое, что наблюдать за Гарретом снова и снова только без сексуально соблазнительного подтекста. Коди двигается также, как и Гаррет. Его манеры практически идентичны. Я могу представить, как Коди преобразится из подростка в молодого мужчину, и его тело, в конце концов, будет представлять собой зеркальное отражение Гаррета, и девочки накинутся на него.

Гаррет быстро целует меня в губы и ласково шлепает по попке. Я двигаюсь обратно в дом с моими мужчинами, следующими за мной. Мои мужчины. Я люблю, как это звучит.

Я усаживаюсь на тот же стул, что и раньше, и изменяю, масштаб изображения камеры так, чтобы мой папа смог увидеть всех нас троих. Гаррет от меня справа, а Коди от меня слева. Гаррет переплетает свои пальцы с моими и сильно сжимает. Я кладу свою руку на колено Коди, когда замечаю, что он выглядит очень нервно.

— Пап, это — Гаррет Шарп и Коди Мэттьюс. Парни, познакомьтесь с моим папой — Джеральд Гарнер, — счастливо представляю я.

— Приятно познакомиться с Вами, Господин Гарнер, — почтительно произносит Гаррет.

— Пожалуйста, зовите меня Гэрри. Приятно познакомиться также с вами двумя. Коди, мне было жаль слышать о твоём несчастном случае. Как ты себя чувствуешь? — спрашивает мой папа с обеспокоенностью на лице.

— Приятно с Вами познакомиться. У меня всё довольно-таки хорошо. Спасибо, что спросили, — тихо отвечает Коди.

— У тебя хорошие данные для спорта. Играешь во что-нибудь?

— Нет, сэр. Гаррет думает, что я должен попробовать футбол в следующем году.

— Я думаю, что ты бы нашел что-то в этом. Я пробовал заставить Эмми заниматься спортом, но она имеет координацию новорожденного жеребенка, — хихикает мой папа, и Коди присоединяется к нему.

— Я хороший пловец, — спорю я. Он прав. Я не могу заниматься спортом, даже под страхом жизни. Но я как рыба в воде.

Мой папа кивает и обращает своё внимание на Гаррета.

— Я уверен, что вы знаете, что Эмми рассказала мне о вашем прошлом.

— Да.

— Моя дочь — самый сопереживающий человек, которого я знаю. А я знал свою жену. Эмми получила её дар, а это что-то да значит. Я не всепрощающий человек, но я логичный. Я не стану использовать твое прошлое против тебя, если это не затрагивает настоящее. Прошлое, как предполагают, призвано, чтобы наслаждаться хорошим, а не упиваться плохим. Именно так я решил жить. Ты оберегаешь мою дочь, и пока она выглядит так же как сейчас — добро пожаловать в семью.

— Я могу это сделать, — заверяет его Гаррет.

— Я никогда не видел тебя настолько жизнерадостной, Эмми. Хотел бы я, чтобы твоя мама была здесь, чтобы это увидеть. Она бы гордилась тобой, — мягко заканчивает папа.

— Папа, — шепчу я, сдерживая слезы.

Рука Коди накрывает мою и Гаррет быстро пожимает мою руку.

— Хорошо. Расскажите мне об этой машине, над которой Вы работаете, — меняет тему мой папа и тяжелое чувство оседает вокруг меня.

Гаррет, Коди и мой папа проводят следующие сорок пять минут, обсуждая машины. Это — действительно скучная беседа, но она делает меня такой счастливой. Дженна и Алисса появляются из комнаты Коди, где они дремали после обеда в честь Дня Благодарения, где-то на середине нашего разговора. Они быстро поздоровались, а затем проследовали в гараж.

Клайд и Арлин дают обед в своем доме сегодня вечером для всей семьи Арлин. Дети чувствовали себя неудобно из-за этого и попросились прийти сюда. Я была окрылена из-за них и опустошена из-за того, что они продолжают бороться без своей мамы. Хантер зол, а Алиссе больно. Я так благодарна, что они есть друг у друга.

Гаррет пробовал найти её. Но ничего из этого не вышло. Как будто она испарилась. Хантер верит, что парень, с которым она встречалась, снова посадил её на наркотики. Вот что он имел в виду, когда сказал, что ему нужно было разобраться со своей матерью в первый день нашей встречи. Она бросила своих детей из-за наркотиков... снова. Я ненавижу это. Меня от этого тошнит. И будь я проклята, если позволю чему-то плохому случиться из-за её ужасного решения.

— Мы должны отпустить тебя, папа. Я уверена, что у тебя по расписанию просмотр футбольного матча, — говорю я, когда беседа об автомобилях усыпляет меня.

— Ты можешь оставить меня на минутку со своим отцом? — спрашивает Гаррет, шокируя меня до чертиков. — Если Вы не против, — говорит он моему папе.

— Конечно, — соглашается мой папа.

— Я люблю тебя, папа. Увидимся на следующих выходных, — произношу я, посылая ему воздушный поцелуй.

— Люблю тебя тоже, Эмми. Было хорошо поговорить с тобой, Коди. Приезжай на следующих выходных, чтобы мы могли увидеться.

— Да, сэр. Было бы не плохо. Полагаю, что мы скоро увидимся. Счастливого Дня

Благодарения, — заканчивает Коди, поднимаясь на ноги с небольшой волной.

— Мне нравится этот парень, — комментирует мой папа, как только Коди исчезает в гараже.

— Я люблю этого парня, — отвечаю я с широкой улыбкой. — Мама бы полюбила его тоже.

— Да, так бы и было.

— Я оставлю Вас двоих, чтобы поговорить. Я пойду в гараж и притворюсь, что обращаю внимание, пока они будут пытаться объяснить мне о запчастях. Счастливого Дня Благодарения, Папа. Я позвоню тебе завтра.

— Пока, Эмми.

Я машу и выхожу в гараж, после того как поцеловала Гаррета в щеку. Мой папа не зарычал, когда я это сделала, значит, он одобрил. Я не имею понятия, почему Гаррет захотел поговорить с моим папой наедине. Я не волнуюсь, но есть некоторое количество очень любопытных бабочек, порхающих в моем животе.

— Я закончила с этим автомобильным дерьмом. Давайте пойдем и слепим снеговика, — указывает Дженна, как только я вхожу в комнату.

Я думаю, что это прекрасная идея. Я рада, что моё пальто здесь. Гараж отапливаемый, но я всегда мерзну, когда бываю здесь с Гарретом. Натянув свои варежки, я присоединяюсь к Алиссе и Дженне в переднем дворике.

Снег перестал идти около часа назад. Это красивая зимняя страна чудес более полутора футов глубиной. Пахнет как на Рождество, хрустяще и свежо с намеком на гикори (Прим.: североамериканский орешник) в дыме, вылетающим из дымохода. Огни на передней части дома в совокупности с открытым гаражом, дают нам достаточное количество света, чтобы начать наш проект.

— Как всё прошло? — спрашивает Дженна, пока мы начинаем лепить огромный снежный ком, который будет основой нашего снеговика.

— Действительно хорошо, — произношу я с улыбкой.

— Гаррет, конечно, горячий, но я сомневаюсь в том, что это сработало с твоим отцом. Так что, если всё прошло хорошо, то это из-за того, что твой папа увидел, какой хороший у тебя парень. Коди — только дополнительный бонус.

— Гаррет захотел поговорить с моим папой наедине.

Дженна останавливается и встает, оттряхивая снег со своих черных кожаных перчаток. Её большие синевато-зеленые глаза изучают меня мгновение, прежде чем она озаряется лучезарной улыбкой. Улыбкой знания.

— Что? — спрашиваю я, отталкивая комок в сторону с молчаливой помощью Алиссы.

Дженна взрывается песней и танцем, от которого мы с Алиссой чуть не умерли со смеха. Она исполняет наиболее веселую версию «Одиноких Леди» (Прим. Single Ladies). Я хватаюсь за живот, когда начинаются судороги, пока я понимаю, почему Дженна танцует и поет.

— Ты думаешь, что он просит у моего папы разрешение сделать мне предложение? — визжу я немного слишком громко.

С драматическим щелчком рукой, как делает Beyoncé, Дженна кивает.

— Ты ненормальная, Дженна. Мы вместе только несколько недель, — говорю я и начинаю катать комок снега снова.

— Он любит тебя, — спокойно говорит Алисса.

Она редко говорит, так что я принимаю её слова всерьёз, когда она это делает, также как и Гаррета.

— А я люблю его. Но не думаю, что он готов к этому, дорогая, — мягко говорю я.

— Херня, и ты знаешь это, Эм, — усмехается Дженна. — Вы может быть вместе и всего шесть недель, но вы оба были влюблены в течение месяцев через улицу друг от друга. Так что, какой смысл ждать? Вы хотите одних и тех же вещей. Вы живете вместе. Нет никакой книги правил для того, как всё должно происходить. На хер правила: ожидания годами и планирования огромной свадьбы, которая заставляет тебя ненавидеть саму идею брака. Делай то, что считаешь правильным. Я гарантирую тебе — Гаррет делает ход, чтобы сделать тебя своей женой. И тебе это чертовски нравится.

— Что относительно тебя и Калеба? Я чего-то не вижу тебя бегущей к алтарю, — пробую я поменять тему.

— Если он спросит меня прямо сейчас, я скажу — да. Я знаю, чего хочу. Я не настолько глупа, чтобы избегать этого. Я сделала свой выбор, когда решила встречаться с ним. Теперь я иду ва-банк.

— Ты хочешь замуж? — спрашивает Калев низким голосом у нас за спиной.

— Это беспонтовое предложение? — саркастически выдает Дженна, поворачиваясь лицом к своему мужчине.

Калев следует к Дженне и хватает её за лицо, сминая её губы своими. Она наклоняется с ним, сжимая кулаками его футболку. Я не думаю, что он замёрзнет, даже не смотря на то, что он раздет. Джордан, Хантер и Коди наблюдают из гаража, сосредотачиваясь на моменте между влюбленными голубками.

Когда Калев отпускает лицо Дженны, он опускается на одно колено, и Алисса вздыхает. Я хватаю её за руку, и мы наблюдаем за разворачивающейся романтикой.

— Я люблю тебя. Я любил тебя с того момента, как положил на тебя глаз. Ты — всё хорошее в моей жизни, Дженна. Будь моей женой и позволь мне прожить хорошо остаток моей жизни, — произносит так нежно Калев, как только может позволить его грубый голос.

Затем он залезает в карман и вытаскивает кольцо. Кольцо!

— Святое дерьмо, — шепчет Дженна. — Да! Да, чёрт возьми!

Калев одевает ей кольцо на палец, после того как срывает перчатку. Затем он отрывает её от земли, и они кружатся, пока целуются. Хантер свистит через пальцы, прежде чем Джордан и Коди громко хлопают.

Алисса и я хихикаем и обнимаем друг друга. Это лучше, чем кружки любви. Я не думаю, что я когда-либо была свидетелем такой открытой любви, как эта. Вы можете почувствовать их потребность друг в друге. Это можно ощутить.

Как только Калев ставит Дженну на ноги в снег, я мчусь к ней. Я сжимаю её тонкое тело в руках и визжу вместе с ней.

— Поздравляю, — бормочу я в её плечо.

— Будешь моей подружкой невесты? — спрашивает она.

— Да!

Теперь мы смеемся и скачем, пока не падаем. Мы держим наши руки, обернутыми вокруг друг друга, пока мы лежим в снегу, как маленькие дети. Я так счастлива за неё. Она заслуживает любовь, которую ей дарит Калев.

Алисса прыгает в нашу кучу, и мы притягиваем её в наше объятие.

— Ты хочешь быть помощницей невесты? — спрашивает Дженна у Алиссы.

— Правда? — сомневается она, смахивая темные волосы от лица.

— Ага, — отвечает Дженна с грубым покачиванием.

Алисса кивает и прижимается к шее Дженны. Я целую Алиссу в волосы и поднимаюсь на ноги. Меня немедленно подхватывают огромные руки Калеба.

— Я так счастлива за вас, — бормочу я в его щеку, прежде чем её поцеловать.

— Ты следующая, дорогая, — шепчет он, прежде чем поцеловать меня в волосы.

— У тебя есть ещё одно кольцо в кармане? — подразниваю его я.

— Если бы я думал, что Дженна примет это, я бы забрал Вас обеих. Но я у меня есть предчувствие, что Шарп выпотрошит меня, если я проверну это.

— Отвали, — рычит Гаррет, приближаясь к нам по снегу.

Калев обнимает меня сильнее, прежде чем самодовольно высказывается.

— Только что говорил о том, чтобы сделать Эм моей второй женой.

Дженна поднимается на ноги и бросается в руки потрясенного Гаррета.

— Я выхожу замуж! — ликующе объявляет она.

Гаррет немедленно смягчается от её радости, прижимая её ближе к груди. Он закрывает глаза и дарит поцелуй в её волосы.

— Моя очередь, — требует Хантер, и Гаррет отпускает Дженну, в то время как Калев ставит меня на ноги.

Калев обходит вокруг меня и поднимает Алиссу с земли. Он держит её как младенца. И даже, несмотря на то, что ей пятнадцать лет, она обнимает его как ребёнок. Они беседуют шёпотом, и я замечаю, что её плечи начинают трястись, пока Гаррет оборачивает свои руки вокруг моей талии сзади.

— Он не равнодушен к ней, — бормочет Гаррет в мои волосы.

— Мы все, — отвечаю я.

— Мы можем остаться здесь сегодня вечером? — спрашивает Хантер, скользя рядом с нами.

— Конечно, солнышко, — отвечаю я.

— Алисса хочет жить с Калевом. Ей хорошо в доме Арлин и Клайда, но она постоянно чертовски напугана. Она больше не чувствует себя со мной в безопасности, — печально заканчивает он.

— Это неправда, — рычит Гаррет. — Она также, бл*дь, беспокоится о тебе. Алисса знает, что Девлин может оберегать вас двоих. Она не боится быть с тобой. Она боится, что что-то может случиться с тобой.

— Я не сберег её.

— Ты, бл*дь, спас ей жизнь.

Гаррет отпускает меня и обхватывает своей огромной рукой шею Хантера, прежде чем продолжить.

— Те ублюдки практически убили тебя, а ты уберег от этого свою сестру. Ты знаешь насколько она гордится тобой? Насколько мы все гордимся тобой? То, что случилось — это просто пи*дец. Без вопросов. Но то, что ты сделал для неё... боролся за неё, был таким чертовски храбрым. Алисса чувствует себя в безопасности с тобой, Хантер. Она только хочет удостовериться, что и ты в безопасности тоже.

У Хантера дрожит дыхание, и он поминутно кивает, прежде чем переводит свой пристальный взгляд на младшую сестрёнку, находящуюся всё ещё в колыбели мощных рук Калеба.

— Вы убили их? — откровенно спрашивает Хантер.

— Да, — ворчит Гаррет.

— Я в безопасности с Вами, парни, — произносит он мягко, всматриваясь в глаза Гаррета.

— Ага, — грохочет Гаррет, прежде чем прижимает его лицо к своему плечу.

Руки Хантера обнимают талию Гаррета, и несколько слезинок падает из его глаз. Мы сказали, что не будем лгать детям о том, что произошло той ночью. Мы также не предлагали им никаких подробностей. Хантер должен был узнать. На его лице было облегчение, когда он встал.

Я всматриваюсь в лицо Дженны и вижу большой поток слёз, бегущий по её щекам. Коди и Джордан наблюдают за нами с беспокойством на их лицах.

— Девлин, — зовет Гаррет.

Калевб отрывается от лица Алиссы, чтобы найти нашу группку в муках множества эмоций.

— Да?

— Как думаешь, ты сможешь сам достаточно хорошо проделать бумажную работу, чтобы ты и Дженна стали опекунами Хантера и Алиссы?

Он смотрит на свою женщину, и она утвердительно кивает. Это слишком много для неё, чтобы принять. Ей только двадцать четыре. Но Дженна прожила больше жизней, чем это позволено в её годы.

— Ага, — ворчит Калевб очень похожим на Гаррета звуком.

— Правда? — слышится тоненький голос Алиссы.

— Вы уже мои, дорогая, — отвечает Калевб, и я разрыдалась вместе с Дженной и Алиссой.

В своем первом материнском долге, Дженна направляется к Хантеру, в то время как Гаррет сжимает его шею, чтобы освободить его. Она обнимает Хантера руками и ведет его к Калевбу и Алиссе. И в поистине великолепном подвиге, Калевб окутывает их всех своими руками и улыбается самой большой улыбкой, которую я когда-либо видела на лице страшного человека.

Гаррет притягивает меня к потоку своего излучающегося жара, и я дрожу от контакта.

— Замерзла? — ворчит он, прижимая меня плотнее.

Я взглянула на хихикающих Коди и Джордана, пока они возвращались обратно в гараж. Затем я обратила свой пристальный взгляд туда, где Калевб всё ещё обнимал всех. Посмотрев из-под ресниц вверх в зелёные счастливые глаза Гаррета, с нежностью произнесла:

— Нет. Мне теплее, чем когда бы то ни было.

Затем он улыбнулся мне, и я немедленно превратилась в лгуню.

Сейчас мне теплее, чем когда-либо.

Глава 25

Гаррет

Исчезновение четырех бизнесменов из Канзас-Сити распространилось везде, но перестало быть новостью на данный момент. Всегда что-то приходит на замену любой истории. Стрельба в школе. Свадьба знаменитостей. Новейшая технологическая разработка. Пятнадцать минут славы те же самые и для преступлений.

Отключая телевизор, я вдыхаю аромат, окутывающий дом: имбирный хлеб и яблоки. Эмили готовит у плиты обед, пока Коди сидит за столом на кухне, склонившись над книгой

и бумагами. Я поднимаюсь с дивана и, широко шагая, быстро подхожу к огню, который заставляет украшенную Рождественскую ёлку мерцать. Я осторожно подкладываю несколько поленьев, чтобы не сбить чулки в огонь.

Я ощущаю, как уголки моих губ приподнимаются в улыбке, пока я изучаю наши инициалы, которые Эмили вышила сверху каждого чулка. Она больше похожа на мать, чем сама это понимает. Каминную полку украшают снежные шары и небольшие статуэтки эльфов. Ёлка полностью завешена красными и золотыми украшениями. Это выглядит, как будто Северный полюс стошнило прямо здесь. Но мне нравится.

Вместе с Коди я украсил внешнюю сторону дома белыми гирляндами, которые вы можете увидеть на расстоянии в половину мили. Когда мы это сделали, Эмили спросила, могли бы мы разместить несколько верениц лампочек на крыльце. Я фыркнул, но сделал так, как она просила. Всё что угодно для моей женщины.

Теперь, когда наступил Новый Год, я продолжаю спрашивать Эмили, должны ли мы снять гирлянды. И каждый раз, когда я спрашиваю, она отвечает, что через несколько дней. Мы собираемся стать теми людьми, у которых Рождественская ёлка такими темпами установлена круглогодично.

Рождество прошло здесь хаотично. Семья Эмили приехала из Канзас-Сити с двумя наборами бабушек и дедушек, и её отцом. Они все легкие люди, находящиеся рядом, а её бабушка по матери — бунтарка. Кажется, она сказала достаточное количество неуместного дерьма, чтобы заставить меня покраснеть.

Калев и Дженна были здесь с Хантером и Алиссой, с которыми теперь вместе живут. Я не думаю, что Калев получил своё дерьмо прямо на бумаге, но я уверен, что он заплатил нужным людям, чтобы получить опеку над детьми. Алиссе намного лучше, да и Хантеру тоже. Это было правильное решение для них.

Джордан также был здесь на празднестве. Он — постоянная переменная в наших жизнях. Он не отпустил Эмили. Мне нравится это. Я не ревную к тому, что между ними, и никогда не буду пытаться заставить его отступить. Я знаю, что он любит её как члена семьи, и знаю насколько это важно для Эмили. Так что я принял его, и он стал моим другом. Я знаю, что могу ему доверять с той ночи с бизнесменами, но я не знал, как сильно он мне понравится до тех пор, как мы стали проводить практически все дни вместе. Хорошо, когда есть друг помимо Девлина.

Канун Нового Года не был очаровательным для нас. После того, что произошло, когда ребята последний раз были на вечеринке, мы решили просто проболтаться в нашем доме и играть в игры. Это была очень семейная ночь для меня. Девушки приоделись, и я провел большую часть ночи с болезненным стояком, смотря на стройные ноги Эмили, в её коротком обтягивающем красном платье. Я встретил Новый год с моей женщиной, кричащей моё имя.

Сейчас жизнь прекрасна. Обычная жизнь. Я пытаюсь принять это, но мне кажется, что должно произойти что-то плохое. Именно так жизнь всегда работает. Я надеюсь, что всё это закончилось. Я заплатил за то, что был дерьмовым человеком, и теперь я возьму кусок хорошего в этом мире.

Только время покажет.

— Эй, — ворчу я Коди, сжимающему заднюю часть своей шеи. — Как продвигается?

Ему надо сдать домашнюю работу в понедельник, когда школа начнет работать.

— Прекрасно, — ворчит он в ответ, не глядя на меня.

Я направляюсь к Эмили и оборачиваю свои руки вокруг её талии, целуя её в родинку.

— Обед почти готов, — произносит она со вздохом.

— Устала?

— Кто-то долго не давал мне заснуть, — дразнит она, помешивая горшочек с жарким, от которого текут слюни.

— Извини, — произношу я с усмешкой.

— Я продолжаю тебе говорить — ты не можешь извиняться и улыбаться при этом, — жалуется она.

— Может быть, ты согласишься нанять кого-нибудь, чтобы печь? — спрашиваю я, в то время как она закрывает горшочек и поворачивается ко мне лицом.

— Зачем? — спрашивает она, обороняясь.

Я задел за живое.

— Потому что тырываешься, бегая между магазином, Коди и мной, — честно отвечаю я ей.

— Я в порядке. Мне просто нужно больше спать, — упрекает она меня, пытаясь закончить беседу.

— Сладкая, нанять кого-нибудь печь, так чтобы ты не работала двенадцать часов в день не так уж и плохо.

— Поскольку так будет лучше для меня, чтобы быть здесь, ждать тебя и ублажать во всем? — закипает она, вырываясь из моего объятия.

Какого черта?

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как она исчезает вверху лестницы, топая вплоть до нашей комнаты, где она хлопает дверью. Я оглядываюсь на Коди, чья челюсть отвалилась. Я думаю, что моя тоже. Я никогда не видел Эмили такой.

— Пригляди за обедом, — рычу я, пока прохожу его.

Я взлетаю по лестнице и бросаюсь в открытую дверь, чтобы обнаружить комнату пустой. Затем я нахожу голову Эмили, выглядывающую из-за самого края кровати. Когда я подхожу, то нахожу её на полу с коленями, прижатыми к груди.

Её золотисто-зеленые глаза наполнены огнем, когда она смотрит на меня.

— Я не брошу магазин из-за тебя, Гаррет. Я хотела это место, с тех пор как мне исполнилось шесть. Я разговаривала с моей мамой об этом до дня её смерти. Она знала, как он должен будет выглядеть, даже если она никогда не увидит его сама. Я могу ощутить её в этих стенах. Я провожу каждый день с моей мамой, и я не прекращу этого делать, только потому, что ты требуешь это, — кипит она.

— Я не знаю, почему ты так разошлась, но позволь мне разъяснить некоторое дерьмо для тебя прямо, бл*дь, сейчас, — рычу я.

Она смотрит вдаль мимо меня, и моя ярость возрастает.

— Смотри на меня, — резко приказываю я.

Медленно Эмили возвращает свой взгляд ко мне.

— Я не требовал от тебя бросить долбанное дело. Я спросил, можешь ли ты нанять кого-нибудь, чтобы печь. Только чтобы печь в четыре ё*аных утра, так чтобы ты могла спать как нормальный человек. Я никогда не скажу тебе бросить свой магазин. Почему, бл*дь, ты обвиняешь меня в этом?

— Адам хотел, чтобы я бросила свой магазин, — жалуется она.

Теперь я ослеплён яростью. Я должен убраться от неё, прежде чем скажу что-нибудь, о чём я пожалею или разобью своим кулаком каждую стену в доме.

— Я рад узнать, что ты такого, бл*дь, высокого мнения обо мне, — усмехаюсь я.

— Я не говорила, что ты такой же, как Адам.

— Нет, но ты наказываешь меня за его лажу.

— Я устала, Гаррет, — произносит она печально. — Я знаю, что ты не Адам. Извини что борюсь с тобой. Я просто чувствую себя перегруженной всем сегодня. Я не знаю почему.

Я расслабляюсь немного, когда сожаление распространяется по её лицу. Я никогда не видел её такой. Немного обеспокоенности в легкости Эмили. Что-то тревожит её.

— Что происходит с тобой? — рычу я, наклоняясь вниз, прежде чем подхватить её на руки с пола и разместить на своих коленях на краю нашей кровати.

— Я не знаю, — лжет она.

— Эмили, — ворчу я.

Это — только её имя, однако оно устанавливает связь такую как мне необходимо.

— Я думаю, что беременна, — шепчет она.

— Хорошо.

Я жду, пока она скажет что-нибудь ещё об этом. Она не принимала противозачаточные почти шесть недель. Я не удивлен, что она залетела. Таков был план, в конце концов.

— Я испугана, — хнычет она, делая вдох у моей шеи.

— Чем?

Я пробегаю пальцем вверх по её позвоночнику, пробуя успокоить её, пока оставшаяся ярость просачивается в мои яйца.

— Всем. Если я не буду хороша в этом. Если я заболею, как моя мама. Что, если я сумасшедшая мамаша, и наш ребёнок, в конце концов, возненавидит меня? Что, если я буду подавлять его или её, и они превратятся в серийных убийц? Что, если я не смогу остановить словесный понос и буду постоянно смущать их? Если это слишком рано для нас. Что, если ты решишь, что ты не хочешь меня, когда я буду толстой и капризной? И есть кое-что о какашках. Я точно не помню, но помню что-то о какашках и рождении с урока развития детей со средней школы. Что, если тебе придётся увидеть мои какашки? Это ужасно, Гаррет. Ты никогда не будешь смотреть на меня так же. А когда Джордан узнает, что я покакала публично, он будет дразнить меня этим всю оставшуюся жизнь, — на половину плачет, на половину стонет она.

— Сладкая, — пытаюсь я сказать, стараясь не смеяться над ее болтовней.

— Не смей смеяться надо мной, Гаррет Шарп, — предупреждает она, смотря в мои глаза.

Я не хочу, но хихикаю. Это забавно. Она смешная.

Эмили ударяет меня в грудь несколько раз, прежде чем сама начинает хихикать. Это мой фейерверк, быстро загорающийся в пламени и быстро шипящий теплым свечением.

— Ты хочешь, чтобы я ответил на те вопросы? — спрашиваю я, когда мы успокаиваемся, и я целую её, пока не перехватывает дыхание.

Она кивает. Я разворачиваю её на своих коленях так, чтобы она сидела верхом на мне, и обхватываю её мягкие щёчки, смотря в её очаровательные глаза.

— Ты будешь удивительной матерью. Мы не знаем, заболеешь ли ты так же, как и твоя мама. Я чертовски надеюсь, что этого не произойдет, но мы никогда не узнаем этого и мы не можем прожить наши жизни в страхе перед неизвестным. Наши дети будут, бл*дь, любить тебя и не станут серийными убийцами. Твоя болтовня, возможно, самая милая вещь в мире, и это будет смущать наших детей. Это будет хорошо для них. Это не слишком рано для нас.

Мы решили, что мы готовы несколько недель назад. Доверяй этому дерьму. Мне насрать, если ты будешь огромная как дом и чёрт на колёсиках. Я люблю тебя, Эмили. Это не изменится. Я не имею понятия о какашках. Но если ты покакаешь, ты сходишь в туалет, и мы двинемся дальше. Ты принесёшь моего ребенка в этот мир. Главное, чтобы Вы оба были в безопасности и здоровые, и не важно, что ещё произойдет. Я не расскажу ничего Джордану и избыю его задницу, если он будет тебя дразнить этим, — заверяю её, потираясь своими губами о ее гладкую щеку.

— Спасибо, — шепчет Эмили, прижимая свой рот к моему.

Я перехватываю поцелуй, поглощая ее рот в нем. Пока она потирается бёдрами об меня, я рычу и переворачиваю нас, так что она оказывается подо мной. Я ласкаю её язык, облизываю и прижимаю к себе. Крошечная ручка Эмили запутывается в моих волосах, потягивая их, пока она выгибается навстречу ко мне.

Я не хочу ничего больше чем погрузиться в неё, но я хочу знать: беременна ли она. Она не уверена, так что предполагаю, что она не делала тест. Я проведу всю ночь похороненным в ней, независимо от результата.

— Ты сделала тест? — хриплю я в её челюсть, пока дотягиваюсь своими зубами до её ушка.

— Нет, — стонет она, скользя ниже, пытаюсь схватить меня за задницу.

— Я пойду и достану тебе один.

— Позже, — произносит она своим хриплым голосом.

— Я должен знать, — отвечаю я, отодвигаясь от неё.

Она хмурится мне, пока я встаю и поправляю свой напряженный член.

— Ты не можешь сказать мне, что ты думаешь, что беременна и ожидать от меня, что я подожду и не стану выяснять это, — отчитываю её я.

— Хорошо, — мягко уступает она.

— Люблю тебя, сладкая. Хотя сделай мне одолжение: никогда больше не сравнивай меня со своим бывшим куском дерьма, — велю я.

— Прости. Я не знаю, почему сделала это. Я знаю, что ты не такой, как он. Ты такой хороший для меня, Гаррет. Я знаю это. Я верю в это. Это был просто неудачный момент, привязанный к паршивым воспоминаниям, — говорит она искренне, садясь, чтобы обернуть свои руки вокруг моей талии, прижимая голову к матрасу.

— Я всегда буду заботиться о тебе, — обещаю я, притягивая её голову ближе.

— Я знаю, — бормочет она в мою рубашку. — Возвращайся скорее.

Я прижимаю свои губы к её светлым волосам и тяну её на ноги, прежде чем спускаюсь с ней вниз по лестнице.

— Не имею никакого, бл*дь, понятия, что я делаю, — ворчит Коди у плиты.

— Прости! — восклицает Эмили, подбегая к моему брату.

Она потирает его голову и берет всё на себя.

— Вернусь через сорок пять минут, — ворчу я, направляясь в гараж.

— Люблю тебя! — вопит Эмили.

— Люблю тебя тоже, сладкая, — мурлычу я, даря ей соблазняющий взгляд.

Я определенно фанат джинсов, футболок и пушистых носков. От вида Эмили в этом текут слюни, поскольку её щеки зарумянились. Нам придётся вскоре обсудить то, что она должна нанять пекаря, поскольку мне необходимо больше времени ночью, чтобы находиться внутри нее. Намного больше.

Я направляюсь в гараж, проскальзываю в свою тачку и направляюсь в дальнюю часть города. Там расположен розничный парк с сетевыми магазинами, ресторанами и работающей допоздна аптекой. Не то, чтобы было поздно для субботы, но аптека в центре города закрывается в пять.

Я должен купить тест для Эмили. Какого хрена здесь так много тестов? Почему не один? Единственный тест, который покажет: да или нет? Я простоял здесь, по крайней мере, минут двадцать, пытаюсь разобраться в этом дерьме. Я слишком горд, чтобы позвонить своей женщине. Я смогу сделать это.

Я делаю то, что бы сделал любой другой мужчина. Я захватываю по одному каждого. Один из этих будет тем самым. Когда я сваливаю содержимое моей корзины у кассы, молодая женщина, работающая здесь, смотрит на меня со смехом. Я, должно быть, поразил её суровым взглядом, поскольку, когда она сталкивается со мной глазами, она закрывает свой рот и пробивает мне чек.

Расплатившись, я возвращаюсь к тачке и следую домой, чтобы узнать стану ли я отцом. Если бы Вы мне сказали об этой возможности три месяца назад, я бы ударил Вас кулаком по лицу. Никаким образом я не планировал семью, жить с женщиной и быть влюбленным.

Эмили Гарнер перевернула мой мир до основания. Я не мог себе представить что-либо ещё в моей жизни теперь. У меня есть семья. Настоящая грёбаная семья, которую я люблю, а они любят меня в ответ. Я провел всю свою жизнь без этого, не зная, каково это испытать. Они говорят, что ты не можешь упустить то, чего у тебя никогда не было, но я упустил. Я упустил это дерьмо.

Мой телефон звонит, когда я на полпути к дому. Моя оценка с сорока пяти минутами провалилась. Я отсутствовал где-то час. Дерьмо.

— Эй, — ворчу я Коди.

— Что-то не так, — произносит он быстро с паникой в голосе.

— Что? — рычу я, выжимая сильнее педаль газа.

— Эм позвонили, что Джордана необходимо отвезти домой. Она уехала сразу после тебя и до сих пор не вернулась. Что-то не сходится.

— Куда?

— Она не сказала, — раздражается он, разочарованный тем, что не спросил.

— Бл*дь, — рычу я. — Я перезвоню.

— Окей. Прости, Гаррет, — мямлит он.

— Не смей, — предупреждаю я его. — Это, скорее всего, ерунда. Я перезвоню тебе.

Я отключаюсь и немедленно набираю Эмили.

Она не отвечает.

Я оставляю ей отрывистое сообщение и пытаюсь дозвониться до Джордана.

Попадаю на голосовую почту.

Он получает от меня более сердитое сообщение.

Я пытаюсь снова дозвониться до Эмили, пока шарахаюсь по улице и набираю скорость к дому Джордана. Я выскакиваю из тачки, когда вижу огни в его доме. Я пытаюсь утихомирить ярость, пока колочу в его дверь. Она знает лучше, что не стоит сваливать и не отвечать.

— Какого хера, Шарп? — ворчит Джордан, натягивая рубашку через голову, в то время как застегивает свои джинсы.

Я смотрю над его плечом и вижу девушку с волосами цвета воронового крыла на диване,

прикрывающую видимо свое полностью обнаженное тело одеялом, с паникой в синих глазах, уставившихся на меня.

— Где Эмили? — рычу я.

— Какого черта я должен это знать? Она должна быть у тебя, — раздражается он, а затем улавливает подёргивание моей челюсти.

— Она сказала Коди, что поехала забрать тебя.

— Я не разговаривал с ней с тех пор, как мы закрыли магазин, мужик. Что, бл*дь, происходит?

Он пробегает разбитой рукой по своим грязным белокурым кудрям, а затем запихивает сигарету к себе в рот.

— Она не отвечает на свой телефон.

— Бл*дь!

Он вырывает свой телефон из кармана и ворчит что-то про короткий срок службы аккумулятора, прежде чем топает к заряднику в столовой, где теперь установлен бильярдный стол. Это теперь холостяцкая берлога, а не дом Эмили.

— Где ты, бл*дь, Эм? Позвони мне! — ревет он в телефон. — Детка, тебе лучше одеться и пойти домой, — ворчит Джордан женщине на диване.

Она несётся прочь с одеждой, собранной в руках, одеяло обёрнуто вокруг неё.

Я приподнимаю бровь на него, но он отмахивается от меня.

— Почему она сказала, что поехала забрать меня? Ты знаешь, она ни хрена не врет. Она оставила тебе сообщение или что-то?

— Коди. Он только что позвонил испуганный.

— Грёбаное дерьмо!

— Позвони Дженне. Она, может быть, захотела некоторое девчачье время, — раздражаюсь я, не желая давать Джордану детали.

Теперь он приподнимает бровь на меня. Я пытаюсь держать свое лицо пустым, в то время как он держит свой телефон у уха.

— Калерб, ты видел Эм?

Следует длинная пауза, прежде чем он говорит снова.

— Не можем её найти. Она сказала Коди, что поехала забрать меня. У меня здесь в доме взбешённый Шарп, не имеющий представления, где она может быть, — ворчит он.

— Ты хочешь привлечь клуб к этому? — спрашивает меня Джордан, пока теперь уже одетая женщина появляется в прихожей.

Она выглядит потерянной и слегка расстроенной, когда Джордан кивает подбородком в сторону двери, а затем игнорирует её. Она хватается своё пальто из шкафа и выскакивает наружу, не оглядываясь назад. Я рад, что у меня нет больше такого дерьма в жизни.

— Только Девлин, — отвечаю я после обдумывания, что нам следует предпринять.

— Мы сможем охватить большую территорию земли с большим количеством людей, — спорит со мной Джордан.

Я киваю. Он прав. Я не хочу, чтобы нам пришлось охватывать территорию.

— Скажи ему заскочить в дом Адама по пути к моему дому, — рычу я. — И, если он, бл*дь, найдет там Эмили, это мудака мой.

Джордан усмехается этой хитрой убийственной улыбкой мне и обеспечивает информацией.

— Я с тобой. Моя тачка не устойчива на грунте, и у неё замкнуло задние стоп-сигналы.

Собирался разобраться с этим сегодня вечером, но меня слегка отвлекли.

Он шевелит бровями, а я фыркаю. Мы направляемся к моей тачке, и до того, как я вспоминаю, что лежит на пассажирском сиденье, Джордан обнаруживает пакет. Даже в темноте ночи, я могу видеть, как его глаза вылезают из орбит.

— Что. Бл*дь. Это?

Он отбрасывает мешок с тестами на беременность, как будто они заразны.

— Теперь ты знаешь, что случилось, — произношу я, пожимая плечами, и направляю свою машину к центру города, чтобы начать искать Эмили, бушуя от того, что все дольше и дольше я ничего не слышу от неё.

— Она залетела? — недоверчиво спрашивает Джордан. — Ты обрюхатил её?

— Я пока не знаю, — рычу я.

— Она пропустила таблетку или что-то в этом роде?

— Нет.

Иисус, я не хочу продолжать эту гребаную беседу.

— Прыснуть и молиться — не лучший противозачаточный метод, мужик, — упрекает он, подкуривая две сигареты и передавая одну мне.

Я беру её и глубоко затягиваюсь, выдыхая дым через свой нос с силой.

— Срань господня, ты сделал это специально! — восклицает он, ударяя кулаком в моё плечо.

Я не отвечаю. Я не продолжаю эту беседу. Особенно, когда я не знаю, где Эмили.

— Она не свалила. Что-то, бл*дь, происходит, и я гарантирую тебе, что это ублюдок Уоррен, — рычит он, оставляя в покое тему беременности.

Я остаюсь тихим остальную часть поиска, заканчивая курить и немедленно закуривая следующую сигарету у Джордана.

Моя женщина пропала. Возможно, моя беременная женщина пропала. Впервые в моей жизни, я чувствую что-то помимо гнева и счастья, которым наполняет меня Эмили.

Страх.

Глава 26

Эмили

Я заезжаю на стоянку автомобилей у «Руби», готовая для того, чтобы забрать пьяную задницу Джордана домой. Я не могла поверить, что он слишком пьян, чтобы доехать до дома в шесть часов вечера в субботу. Он не говорил мне, что пойдет сюда. Он говорил, что он пойдет домой, чтобы поработать над своей машиной.

Я не сказала Гаррету, что я ушла по одной очень конкретной причине. Адам был тем, кто мне позвонил. Номер Джордана промелькнул в моем телефоне, но когда я ответила, Адам был тем, кто заговорил. Я чуть не упала. Нет никакой возможности, чтобы Джордан был с Адамом, если только что-то плохое на самом деле случилось. Так что, когда Адам сказал, что звонит мне с телефона Джордана, поскольку знает, что я не отвечу ему, это имело смысл.

Адам сказал, что когда он появился у «Руби», Джордан устроил беспорядок и собирался подраться. Я закончила разговор, сказала Коди, что собираюсь забрать Джордана и помчалась сюда. Джордан болтлив, когда пьян, и ему в конечном итоге не нужно оказаться в тюрьме за драку... снова.

Он не делал ничего подобного годы. Я удивлена, что это случилось. Джордан выглядел прекрасно сегодня. Как обычно дразнил и был беззаботен. Что-то должно было произойти,

что заставило его устроить пьяный дебош.

Я действительно хочу, чтобы он не был пьян, поскольку я всё ещё обрабатываю мысль, что беременна. Мне не мешает мой лучший друг сейчас, чтобы всё обсудить. Я не сделала тест, но у меня задержка. Неделя задержки и полный гормональный бардак. Это за пределами ПМС. Мне так не хватает моей мамы прямо сейчас. Именно поэтому я начала сражаться с Гарретом. Я раздражена и напугана. Я хочу к маме. Мне не хватает её с того момента как она умерла, но я не хотела так к ней как прямо сейчас с тех пор, как я была маленькой девочкой.

Я знаю, что всё будет хорошо. Женщины беременеют каждый день, рожают каждый день. Я смогу это сделать. И Гаррет на моей стороне, я знаю, что со мной всё будет хорошо. Мне просто нужно держать моё остроумие при себе и доверять мужчине, которого я люблю.

Я выскальзываю из моего нового «Мини Контримена», что Гаррет купил для меня. Я делаю один шаг, прежде чем рука в перчатке закрывает мой рот, и острая боль от иглы пронзает мою шею. Я хочу бороться, но я мгновенно замедляюсь, пока мое зрение улавливает бегущего ко мне человека, все погружается во тьму.

Помогите!

***

— Он это сделает. Едва ли он пустит её, бл*дь, побоку. Нет никакого способа, что он не захочет заплатить, — слышу я хриплый голос женщины, прежде чем хлопнула дверь.

Я нахожусь на кровати, твёрдый матрас с катышками утыкается в мою спину и тонкое одеяло на мне. Комната, в которой я нахожусь практически полностью во тьме, в то время как я пытаюсь разлепить свои глаза. Моя голова ощущается ватной. Я не связана, но боюсь пытаться встать. Мой пульс учащается, и я начинаю потеть.

Я тянусь вверх и ощупываю свою шею, куда я помню, меня укололи. Там воспаление на ощупь, но других повреждений я не чувствую.

Где я?

Кто забрал меня?

Эти вопросы крутятся в моей голове, когда всполох света появляется слева от меня, прежде чем дверь полностью открывается.

— Хорошо. Ты очнулась, — произносит женщина с хриплым голосом, скользя по мне взглядом.

Мои глаза быстро приспособляются к свету, и я изучаю её, пока она идет. На ней обтягивающие черные штаны и ещё более обтягивающая алая украшенная узором рубашка. Её рост должен быть, по крайней мере, шесть футов, а её макияж яркий. С распущенными чернильными волосами до талии и глазами, которые выглядят экзотично. Я не представляю, кто она.

— Улыбайся, — приказывает она, прежде чем щелкает несколько фотографий на свой телефон.

Я не улыбаюсь. Я шурю и гримасничаю от яркой вспышки в дюйме от моего лица.

— Гаррет, конечно, решил переключиться на отбросы. Хотя я не удивлена. Я уничтожила его, — говорит она перед тем, как хохочет, словно ведьма.

Моё тело всё ещё вялое от того, чем они меня накачали. У меня непреодолимое желание разорвать ей лицо, но я знаю, что никогда не преуспею в моем текущем состоянии.

— Анжелика, — хриплю я.

Это очевидно теперь. То, как она выглядит. Корыстолюбивая ухмылка на её

накрашенных малиновых губах. Я ненавижу её. До глубины моей души, я ненавижу эту женщину, стоящую рядом со мной.

— По крайней мере, ты смышлёная. Это компенсирует твоё уродливое лицо, — насмехается она.

Её оскорбление не задевает меня. Вечное дерьмо от Сары годами закалило меня от этого ребяческого поведения. Плюс, мне все равно, что Анжелика думает обо мне.

— Не думай о побеге. Ты далеко от дома, и никто в округе тебе не поможет. Оставайся в этой комнате и не создавай проблем. Это всё закончится, как только Гаррет отдаст мне мои гребаные деньги. Но если ты хочешь рискнуть, я буду рада отдать тебя некоторым из тех парней там, — угрожает она.

Я не отвечаю. В этом нет смысла. Я не глупа. Ей бы понравилось, если бы люди причинили мне боль. Она — трусиха, которая обожает причинять людям боль. Позор женскому населению. Я бы плюнула на неё, если бы мой рот не был настолько сухим.

Она фыркает на отсутствие реакции с моей стороны, перед тем как выйти из комнаты. Как только я снова остаюсь одна в темноте, я присаживаюсь. У меня кружится голова, но я заставляю себя оставаться в вертикальном положении. Я очевидно здесь ради выкупа. Я знаю, что Гаррет сделает всё, что угодно, чтобы получить меня, но деньги могут стать коварной штукой.

Мы не в кино, где он может пойти в банк и снять все деньги со счета за пять минут. Банки закрыты и не будут открыты снова до утра понедельника. Я проторчу здесь, по крайней мере, ещё полтора дня. Я не думаю, что Анжелика предложит мне еды или воды. Я должна хотя бы больше пить.

Мой папа однажды застрял на миссии и выжил в течение десяти дней при помощи земли. Я — не мой отец. Хотела бы я позволить ему преподать мне больше о выживании сейчас. Хотя я не полностью беспомощна. Я могу импровизировать.

Прежде чем Анжелика заперла меня, я увидела другую дверь в конце комнаты. Здесь не было никаких окон и в основном пронизывающе сырой запах, бетонные стены и проведенный по потолку водопровод — я в подвале. Единственная вещь в комнате — кровать, в которой я лежу, или более правильно сказать — матрас, лежащий на полу.

Я двигаюсь ползком по бетонному полу, пока не достигаю двери, которую Анжелика использовала. Я хочу взломать и открыть её, чтобы убежать к своей жизни, но я не настолько сумасшедшая. Мне нужен план и некоторая сила, прежде чем я попытаюсь провернуть это.

Я следую к соседней двери и легко её открываю. Я шарю своими руками по каждой поверхности и нахожу металлически ощущаемую раковину. Пожалуйста, пусть она работает. Когда я добираюсь до крана, я кручу его и практически чуть ли не плачу, когда ничего не вытекает из него. Я продолжаю пытаться открыть его, но воды нет.

Я раздражаюсь и заваливаюсь на свою задницу, отказываясь плакать. Я нуждаюсь в тех слезах, которые есть в моём теле сейчас.

Я обследую дальше, пока не нахожу унитаз. При этом мой желудок скручивает, я погружаю мои руки в чашу.

Сухо.

В ванной больше ничего нет. Нет ни душа, ни ванны. У меня нет никакой воды.

Я ползу назад к своему матрасу и сворачиваюсь на тонком одеяле, которое пахнет плесенью и рвотой, сдерживая себя от слез.

Мои мысли возвращаются к Адаму. Он видел меня, прежде чем меня схватили?

Пробовал ли он освободить меня? Помог ли он им забрать меня? Я не могу найти смысл в чём-либо.

Гаррет. Он будет в ярости. Жестокой, беспощадной ярости, чтобы вернуть меня. И у него будут скованы руки до понедельника, и это сведет его с ума. Это безумие заставит его захотеть прийти за мной без денег.

Джордан. Если он пьян, то недостаточно протрезвеет, чтобы искать меня. А когда он будет способен на это, он будет винить себя за то, что неспособен был сделать это скорее. Вина уничтожит его.

Моему отцу придётся отправить отряд наемников за мной, как только он всё выяснит. Он возьмет оружие в свои руки, и война будет в его глазах. Я знаю, он ни перед чем не остановится, чтобы обеспечить мне безопасность.

Всем людям, которых я люблю, больно прямо сейчас, и я ничего не могу сделать, чтобы помочь им или себе. Я должна выжить. Я должна быть умной. Я должна держать свои эмоции под контролем. Я должна быть сильной ради своего ребенка. Это моё первое испытание в материнстве, и я отказываюсь его провалить.

Я пытаюсь уснуть. Мне необходимо, чтобы наркотики вышли из моего организма, так чтобы я смогла восстановить свою силу. Я хочу найти утешение в тишине этого места, но не могу. Оно жутко тихое, агрессивное и мрачное.

— Помоги мне, Мама. Пожалуйста, — шепчу я, пока закрываю свои глаза, и жду рук ангела, чтобы прикоснулись ко мне.

***

Я просыпаюсь с криком от того, что меня стаскивают с матраса за волосы. Мои руки взлетают к корням, пробуя остановить обжигающую боль, пока меня вытаскивают за дверь. Я пинаюсь и царапаюсь, как только могу, от отчаянья, чтобы убраться подальше от мужчины, вытаскивающего меня в другую комнату.

Он отбрасывает меня вперед, и моё лицо врежется в бетон. Струйка крови бежит по моей щеке, когда я поднимаюсь на руки и колени.

— Гаррет, видимо, не так сильно беспокоится о тебе, как я говорила, — рычит Анжелика, отдергивая мою голову назад за волосы. — Ты собираешься убедить его.

Она пихает свой телефон к моему лицу, не позволяя своей хватке ослабнуть на мне. Лицо хмурающегося Гаррета высвечивается на экране, и, наконец, мои слёзы начинают течь.

— Эмили, — болезненно шепчет он.

— Гаррет, — рыдаю я, приближаясь к его лицу.

— Разве это не трогательное воссоединение? — саркастически говорит Анжелика, — Гаррет, я хочу, чтобы ты увидел её ещё один раз, перед тем как я позволю Свитчу разобраться с ней по-своему. Если она не стоит десять миллионов для тебя, я также могу получить кое-что от её использования.

— Анжелика, — рычит Гаррет, сочась ядом. — Что угодно, что произойдет с Эмили, произойдет также с тобой, твоими сестрами и твоей матерью.

— Обещания, обещания, — саркастически комментирует она, но я слышу небольшое опасение в ее голосе.

— Свитч! — ревет Гаррет, и мужчина, который притащил меня сюда, становится за мной.

Я не могу его увидеть отсюда, где меня удерживает Анжелика, но его лицо отображается в углу телефона. Он выглядит как смерть. Нет ничего в его серых глазах,

никакой жизни. Его белокурые волосы неопрятные и сальные.

— Притронешься к моей женщине, и я приду за тобой. Я знаю, что у тебя нет семьи и тебе на это плевать, но твоя собака имеет значение, насколько я помню. Эта дворняга с тобой? Её голова будет прибита к моей гребаной стене с твоими яйцами во рту, — рычит Гаррет.

— Пошел на хер, Шарп, — бормочет Свитч, прежде чем щелкает, открывая нож около моего лица. — Я выпотрошу твою суку просто ради забавы, и я сделаю так, что она прочувствует каждое движение моего лезвия.

Он пробегает холодной сталью по моей щеке, пока говорит. Глаза Гаррета становятся полностью черными — они наполнены гневом.

— Я знаю, что у тебя есть наличка под рукой, Гаррет. Прекрати прикрываться банками. У тебя есть час привезти десять миллионов в «Дамочки». Если ты этого не сделаешь — Свитч получит её. Мне насрать, какой силой ты якобы обладаешь. Ты — ничто теперь. Достань, мои гребаные деньги! — вопит Анжелика, прежде чем завершает звонок.

Свитч отрывает меня от Анжелики и тащит назад в комнату, прежде чем швыряет на пол. На этот раз я удерживаю себя, но жду, пока он закроет дверь до того, как начать двигаться. Как только я оказываюсь на матрасе, я использую одеяло, чтобы прижать глубокую рану на моем лбу.

Как Гаррет собирается достать десять миллионов долларов за час? Нет никакой возможности. Я должна выбраться отсюда. Куда-нибудь с телефоном, это всё, что мне нужно. «Дамочки» — это стрип-клуб в Канзас-Сити. Мы должны быть недалеко, если именно там хочет Анжелика, чтобы бросили деньги. Я знаю дороги вокруг города достаточно хорошо, чтобы сориентироваться, как только окажусь на улице.

У меня здесь нет никакого оружия. Нет ничего, чтобы я смогла оторвать со стен, чтобы использовать против Свитча и Анжелики. И если в этом здании есть другие люди, я должна буду отбиваться от них, чтобы сбежать. Я уверена, что я в здании какого-то типа, поскольку комната, в которой я только что была — бойлерная. Время импровизировать.

Я ползу к ванной и проверяю, как прикреплена ручка. Если я смогу вырвать её, то смогу сделать заостренное оружие. Она слегка болтается, и я начинаю виснуть на ней всем телом. Это тот момент, когда Вы нуждаетесь в шпильке. Опять же это не кино, так что на мне нет ничего, чтобы я могла использовать.

Я устала. У меня всё болит. Я голодна. Я под действием гормонов. Я испугана. Не больше всего я безумна. Я пробую использовать это, чтобы получить эту тупую ручку. Я немного видела, когда Свитч вытащил меня отсюда, но видела металлическую лестницу справа. Именно туда я и направляюсь.

После того, как прошла, кажется, целая жизнь, дверь рассыпается на щепки. Трещина издает достаточно громкий звук, чтобы я замерла, ожидая, что дверь распахнется. Но ничего не происходит. Я дергаю ещё некоторое время и возвращаюсь с округлой ручкой, которая помещается в моей ладони с продолжительной зазубренной частью выступающего металла, с другой стороны. Это практически как нож для колки льда. Это оружие.

Единственное, что я могу использовать в этой комнате, — это сама дверь. Мой план состоит в том, чтобы ударить ею того, кто бы ни зашел в эту дверь. Я перекрещиваю свои пальцы на ней, чтобы я смогла дать кому-то хороший сильный удар по голове и устроить свой побег.

Я опираюсь на стену и жду с моей дверной ручкой в переднем кармане, а мои плечи

отведены назад — готовы к удару. Мой папа заставил меня изучать самооборону, но я сомневаюсь, что это поможет мне против Свитча. Я собираюсь попробовать все самое лучшее. Я задолжала моему будущему ребенку и себе эту борьбу.

Я отказываюсь сдаваться и позволять этим людям забрать мою жизнь, когда я только начала жить.

Я выбираю жизнь.

Когда дверь открывается, я задерживаю своё дыхание. Свитч смотрит вокруг двери, и я клянусь, что слышу, как моя мама шепчет:

— Сейчас.

— Бл*дь! — ревет он, держась за свой нос.

Он слегка спотыкается, так что я снова бью его. Так что он снова горбится, я хлопаю краем тяжелой металлической двери по его макушке. Он падает на колени, пока безуспешно тянет свою руку за пояс.

— Беги, — я снова слышу голос моей матери.

Я перепрыгиваю Свитча, в то время как он пытается схватить меня за ноги. Я спотыкаюсь немного, прежде чем ставлю свою правую ногу, и бегу к лестнице. Я радуюсь, что никого больше не вижу, пока передвигаюсь. Но для того, чтобы перестраховаться, я возьму с собой своё импровизированное оружие, и оно у меня наготове, пока я поднимаюсь по металлической лестнице.

Свитч кричит на меня, чтобы я остановилась, в то время как он преследует меня. Его тяжелые шаги отдаются по всей лестнице. Я фокусируюсь: сначала одна нога, затем другая. Если я упаду, он достанет меня. Огни наверху мерцают, но не вижу дверь, а я поднялась уже на три пролета на данный момент.

Я следую всё дальше, вынуждая себя не оглядываться на Свитча. Мои легкие горят, а мои ноги кричат на меня, но я их не слушаю. Я заставляю их передвигаться.

Наконец, передо мной дверь. Я тараню её моим плечом и практически падаю, когда она распаивается. Я в подземном гараже. Пустом подземном гараже с яркой оранжевой строительной сеткой и в строительных лесах повсюду.

Я гоню в другой конец по бетону в сторону съезда.

— Стой! — ревет Свитч, а затем пули свистят мимо меня.

Я кричу о помощи во весь голос, пока достигаю съезда и начинаю бежать по нему. Я пытаюсь оставаться с краю, где он не сможет меня пристрелить, так как он продолжает палить в меня.

Когда я достигаю края, мое сердце обрывается. Выход заколочен, а остальное затянуто сеткой. Он достанет меня теперь. Я быстро осматриваю территорию, пока шаги Свитча становятся ближе.

Я вижу крошечный промежуток в древесине и решаю, что это мой единственный выход. Он маленький, но я должна попробовать. Я пропихиваю свою голову и плечи, несмотря на мучительную острую боль, разрывающую мою голень. Он подстрелил меня. Я продолжаю прорываться через свой путь, в то время как его мясистый кулак зажимает внизу мою рану.

Я визжу от боли, пока пытаюсь отбиться от него, падая на землю. Я пинаю и пинаю, прежде чем чувствую ствол пистолета, прижимающейся к моей голени.

— Бл*дь, не двигайся, — кипит он.

Я останавливаюсь, пока он разбивает деревянную баррикаду на щепки. Свитч наклоняется и отрывает моё тело с земли, и я нападаю. Я погружаю зубчатый конец дверной

ручки в его шею, и его безжизненные глаза искрятся, поскольку он задыхается, а струя крови брызжет мне в лицо.

Его пистолет выпадает из руки, в то время как я борюсь против него. Я хватаю его пистолет с земли и направляю на него, в то время как борюсь своими ногами. Ручка двери всё ещё в его шее, так что он задыхается и давится, падая лицом на начало мостовой.

Я медленно двигаюсь в обратном направлении, лихорадочно оглядываясь вокруг, чтобы узнать достопримечательность или уличный знак. Я теряю много крови и ужасно хромаю, в то время как двигаюсь. Я не смогу бежать, если Свитч вернется. Однако, судя по тому, как он лежит некоторое время... возможно, он умирает. Моё сердце сжимается от этой мысли, пока я не отталкиваю её. Он собирался убить меня.

И я продолжаю осматриваться, я понимаю, что нахожусь в центре города Канзас-Сити. Всё закрыто. Предприятия не работают. Нет ни людей, ни машин на улице. Сейчас середина ночи, темная и холодная. Всё же я не знаю, на какой я улице. Я должна пойти и обыскать Свитча и забрать его телефон, но я не могу так рисковать.

Так как я достаточно далеко, я отрываю свои глаза от его тела и действительно смотрю, где я. Двенадцатая улица. Здание суда должно быть близко. Я не знаю, есть ли там кто-нибудь, но полицейские всегда вокруг здания.

Я вынуждаю свою раненую ногу хромать дальше, в то время как мое зрение становится туманным. Я опираюсь на фонарный столб, чтобы отдохнуть на мгновение и затем снова передвигаюсь, оглядываясь назад, чтобы увидеть, что Свитч не двигается.

Когда я вижу перекресток с Гранд Бульваром, я знаю, что я близко. Фешенебельный район Канзас-Сити только в нескольких шагах от меня. Между горячими точками ночной жизни и зданием суда я должна увидеть патрульную машину в любую минуту.

Мне смутно известно, что «Дамочки» находятся всего в нескольких кварталах тоже. Я не могу волноваться об этом сейчас. У меня есть пистолет. Мой папа удостоверился, что я знаю, как из него стрелять. Я не великий стрелок, но я знаю, как стрелять из этого оружия, если мне понадобится.

На расстоянии я вижу долгожданные огни патрульной машины «Полицейского департамента Канзас-Сити». Но они поворачивают не туда. Я должна их остановить.

— Помогите! — кричу я во весь голос, размахивая как лунатик.

Они продолжают удаляться.

Я импровизирую.

Я поднимаю пистолет над моей головой и стреляю. Автомобиль останавливается и вспыхивает огнями, делая разворот в мою сторону. Я опускаюсь на колени на тротуар. Когда два офицера подбегают ко мне с оружием на изготовку, я пытаюсь сообщить им, что случилось. Но я не могу разговаривать. Перед глазами рябят точки, и я чувствую, как моё тело покачнулось вперед, прежде чем все погружается во тьму.

Глава 27

Гаррет

Я отказался платить за Эмили. Без предъявления доказательств, что она жива. Мне необходимо увидеть, что она дышит. Сейчас я — дикий зверь, замышляющий прикончить суку, которая уже украдала годы моей жизни и угрожает уничтожить единственное, что имеет для меня значение.

Анжелика позвонила мне через час, после того как мы с Джорданом добрались ко мне. Именно тогда этот бардак превратился в ночной кошмар.

Джордан, Девлин и несколько из его парней вместе со мной немедленно помчались по дороге в Канзас-Сити. Эта сука хочет десять миллионов долларов. Деньги, которые она пообещала Дэрилу. Они у меня есть. У меня есть больше — дома, но она не получит и цента из них. Она позволит Свитчу убить Эмили, в независимости от того заплачу я или нет. А Свитч убьёт Эмили. Он будет наслаждаться этим. Сначала он будет мучить её. Вероятно, изнасилует, пока она будет истекать кровью, а затем прикончит её.

Мой единственный шанс спасти Эмили — пойти за ней самому.

Так что я сижу в пабе в Канзас-Сити, из которого я обычно управлял своей бригадой. Я — кипящий сгусток ярости, теперь, когда я увидел в своём телефоне Эмили, рыдающую из-за меня. Не было ничего, чтобы дало подсказку о комнате, где они её держат, или относительно того, где она. К счастью, Зеро — не только серийный убийца, но также технический гений, и сейчас он пытается что-то сделать с моим телефоном, чтобы отследить их местоположение.

— Она жива, — хрипит Джордан.

— Мы вернем её, — заверяет нас двоих Девлин.

Я не отвечаю. Здесь нет другого варианта. Я должен вернуть её.

Дверь паба распахивается, и Гэрри Гарнер, отец Эмили, заходит с четырьмя парнями позади него в боевой экипировке. Решение позвонить ему далось не просто.

— Стало известно что-нибудь? — ворчит он, достигая нашего столика.

Сэмми — владелец паба «Гален», очистил место для меня, чтобы я мог его использовать. Он задолжал мне. Вообще-то, до сих пор должен.

— Почти, — шепчет голос Зеро в ответ.

— Простите, — извиняюсь я перед мужчиной напротив меня.

Он уже потерял свою жену, и теперь его дочь в руках жестокого убийцы. Это моя ошибка. Я должен был завязать всё в узел, когда я вышел, вместо того, чтобы попытаться начать новую жизнь. Жизнь, которую я, бл*дь, не заслуживаю.

— Сынок, это не твоя ошибка, — уверенно произносит Гэрри.

Я остаюсь молчаливым. Мы оба знаем, что это не правда.

Гэрри разговаривает со своими парнями, пока Девлин делает тоже самое со своей бригадой. Джордан и я сидим, уставившись на Зеро, желая о том, чтобы, что он ни делал, прошло быстрее. Я не выживу, если что-нибудь случится с Эмили. Я не могу жить без неё, зная, насколько хорошим может быть мой мир, когда она в нём. Я — ничто без неё. Ничто.

Зазвонил телефон Гэрри, и его брови хмурятся, пока он смотрит на него.

— Гарнер, — отрезает он — Где? Я буду там!

— Она в Больнице Трумэна, — объявляет Гэрри, и меня потряхивает от облегчения и паники. Джордан уже на ногах, бежит к двери, но я прирос к своему месту.

— Шарп! — ревет Джордан.

— Иди, — приказываю я, смотря на Гэрри.

Он кивает, как только понимает. Я должен закончить это.

— Ты заканчиваешь это и тащишь свою задницу в больницу, — указывает Гэрри. — Возьми моих людей с собой.

Я даю ему понять взглядом что то, что я собираюсь делать не будет и близко легально. Мужчина ухмыляется мне, а затем разворачивается на пятках. Как только они с Джорданом исчезают, я поднимаюсь на ноги.

— Какой план? — рычит Девлин.

— Мы идем в «Дамочки». Зеро, у тебя есть проблемы с убийством женщин? — спрашиваю я, зная, что в независимости от того, насколько я ненавижу Анжелику, — этого не хватит, чтобы я убил её. Но она должна умереть.

— Нет, — произносит он с садистской улыбкой.

— Это клуб мафии. Обычно, десять парней внутри и вокруг места, — объясняю я молчаливым мужчинам Гэрри, которых он оставил мне. — Мы пойдем вооруженными.

Они все кивают и проверяют своё оружие, прежде чем мы выкатываем. Я делаю глубокий вздох ледяного воздуха и кидаюсь к своей тачке. Это короткая поездка, но достаточно долгая для меня, чтобы подумать об Эмили. Я хочу быть рядом с ней. Я хочу быть с ней. Незнание того, почему она в больнице и сможет ли она выжить после того, через что она прошла — пытка. Но я должен сделать это. И если быть честным, я не достоин, быть рядом с Эмили. Я сделал это с ней. Моя теплота была сорвана с моей жизни, потому что я плохой человек, который не заслуживает её.

Я задолжал ей мечь.

Я паркуюсь на дорожке позади «Дамочек». Один парень у дверей. Он выглядит знакомым, и немедленно вытаскивает свою пушку, когда тактическая команда выскочила из фургона, который следовал за мной. Девлин и его парни зайдут с переднего входа.

Самый большой парень во главе тактической команды сшибает вышибалу одним выстрелом между глаз. Глушитель практически не издаёт звука.

Я переступаю через мёртвое тело и захожу в клуб. Здесь чёрные стены пульсируют от вибрации музыки, и светят розовые неоновые огни. Здесь недостаточно громко, чтобы приглушить крики, исходящие из главного клуба. Выстрелы раздаются между битами, пока ядвигаюсь к VIP-секции на второй этаж, где я знаю, будет Анжелика.

Я слышу несколько выстрелов позади меня, но не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, с кем столкнулась группа. Я сосредоточен на поставленной задаче.

Когда я достигаю вершины лестницы, то нахожу Анжелику, стоящую за двумя головорезами мафии. Они оба стреляют в меня, но промахиваются. Большой парень из тактиков, отталкивает меня назад, в то время как двое его парней уничтожают головорезов, распрысывая кровь и мозговое вещество по Анжелике.

Наконец, музыка замирает, пока я плююсь вниз на отвратительную тварь передо мной. Крики из клуба затихают, в то время как я следую вперед. Возможно, я могу убить женщину, поскольку мои руки зудят, чтобы обернуться вокруг её горла.

— Он убьет её, Гаррет. Ты облажался! — вопит Анжелика, её грудная клетка колеблется, пока её руки дрожат, опущенные по сторонам.

— Ты облажалась, — рычу я.

Я останавливаюсь в футе от неё и осматриваю с ног до головы. Что я когда-то видел в ней? В ней нет ничего настоящего. Она — пластиковая, бездушная. Я отхаркиваюсь и плюю ей в лицо. Она визжит и лихорадочно вытирается, только размазывая кровь, которой покрыта.

— Ты не причинишь мне вред, — насмехается она. — Ты сломался, когда убил ту суку. Я знаю, что ты не можешь причинить мне боль.

Я улыбаюсь ей. Холодными, безжизненными уголками моих губ. У Анжелики перехватывает дыхание от этого движения.

— Где я могу поиграть? — незабываемо спокойный голос Зеро спрашивает позади меня.

— В клубхаусе, — ворчит Девлин, располагая свою руку на моём плече. — Мы закончим это. Иди к своей женщине.

— Как Вы забрали Эмили? — спрашиваю я у Анжелики, игнорируя моего друга.

— Я скажу тебе, если ты позволишь мне уйти, — с колебанием в голосе произносит она.

— Хорошо, — лгу я.

— Ты отпустишь меня? — спрашивает она с надеждой.

— Я позволю тебе выйти отсюда, если ты скажешь мне, как вы захватили Эмили.

Она размышляет об этом минуту. Никто в комнате не двигается. Мужчины со мной знают, что я лгу. Нет ни одного варианта, что я позволю ей уйти. Самодовольная улыбочка «Я знаю, что ты ничего мне не сделаешь» растягивает утиные губы Анжелики.

— До меня дошел слух, что ты в Блеффсайде. Так что я послала нескольких клиентов проверить тебя. Я знала, что ты опознаешь любого человека из прежней жизни, так что отправила людей, которых ты не знал. Они должны были попасть в твой магазин, но так или иначе, они выяснили о твоей маленькой сучке, прежде чем это произошло. Это было удивительно, но не настолько удивительно как выяснить, что её бывший управляет сетью борделей и выводит деньги из страны на её имя. Мы обратились к этому парню, Адаму, и он предложил помочь нам, если мы поможем освободить Эмили от тебя. Она нужна ему, чтобы снять деньги с его оффшорных счетов или что-то в этом роде. Проблема в том, что клиенты, которых я послала, так и не вернулись. Адам сказал, что ты что-то сделал с ними. Так что мне пришлось выждать время до того, как планировать похищение. Адам сказал, что он сможет заставить Эмили выйти одну, а нам надо просто ждать. Свитч был в Блеффсайде в течение недели, когда, наконец, получил звонок. Ты знаешь остальное, — заканчивает она с дерзкой ухмылкой.

Это всегда было проблемой этой суки. Она думает, что может управлять и перехитрить любого. Я проглатывал это дерьмо, пока мы были вместе. Я не тот мужчина больше.

Анжелика вышагивает мимо меня и подмигивает, она действительно полагает, что я позволю ей уйти. Моя рука взмывает вверх и хватает её за плечо. Она яростно вырывается, разрывая мою кожу своими фальшивыми ногтями. Немного больше давления, и я раздавлю её трахею. Я хочу этого. Я никогда не хотел убить кого-то так сильно, как прямо сейчас.

Вместо этого, я бросаю её тело Зеро, который легко ловит её. Она вопит и борется, пока Зеро не зажимает её шею, лишая сознания.

— Иди к Эм, — приказывает Девлин. — Мы схватим его, как только вернёмся в город.

— Он мой, — рычу я.

Девлин фыркает и хлопает меня по плечу, прежде чем произносит:

— Я буду наслаждаться, наблюдая.

— Вам что-нибудь ещё нужно? — спрашивает большой парень из отряда ее отца, в то время как Зеро несет Анжелику вниз по лестнице.

— Спасибо за вашу помощь. У Вас, парни, есть какой-нибудь способ отследить оффшорные деньги, о которых она говорила? — спрашиваю я, пока пожимаю его руку.

— Без проблем. Эмили — хорошая женщина. Оберегай её, — указывает он, прежде чем уводит свою команду прочь.

— Я вижу в тебе грёбаную борьбу, брат. Ты должен задвинуть это. Тащи свою задницу в больницу, — рычит Девлин, толкая меня в спину.

— А если бы это была Дженна? — бормочу я, потирая поцарапанной рукой небритую челюсть.

— Я бы боролся. Я бы пробился через это. И был бы рядом с ней. Не бросай Эм, после того через что она прошла. Это чертовски эгоистичный путь, и ты им не пойдешь. Вали отсюда до того, как я буду вынужден снести тебе голову.

Я киваю и убеждаю свои ноги двигаться, переступая через тела, пока иду. Я увидел команду ее отца в комнате безопасности: уничтожающей все свидетельства того, что мы здесь были. Есть ещё один свободный конец, с которым надо иметь дело. И с Адамом Уорреном будет покончено.

Дорога по пути в больницу, словно нечёткое воспоминание. Я бессмысленно иду вниз по коридорам до тех пор, пока медсестра не говорит мне, что это палата Эмили. Она находится в палате. Она не мертва. С булыжником в желудке, я толкаю дверь, чтобы открыть ее.

Гэрри и Джордан поворачивают головы в мою сторону, но я сосредоточен на Эмили. У неё повязка-бабочка на лбу, провода подключены к её телу, несколько катетеров торчат из её руки и умиротворенное выражение на спящем лице.

— Она спрашивала о тебе, — шепчет Джордан.

Я киваю и двигаюсь к месту рядом с ее кроватью, падаю на стул, ожидающий меня рядом с Джорданом. Я глажу своей мозолистой рукой её окровавленные светлые волосы, пока моё сердце сжимается.

— Её подстрелили в голень. Потеряла много крови. Они вытащили пулю и сделали ей переливание, — спокойно объясняет Гэрри.

Свитч подстрелил её.

Этот ублюдок — мертвец.

— Она убила его, — произносит Джордан с гордостью. — Полицейские только что ушли. Они сказали нам, что это было, похоже, что её украли и удерживали против её воли. Мы согласились. Они спросили, где она была сегодня вечером, и мы сказали им, что она уехала от папы, чтобы отправиться домой. В это должны поверить.

— Она убила его? — спрашиваю я в чрезвычайном шоке от того, что моя милая Эмили смогла кого-то убить. Она не способна убить даже паука.

Джордан кивает.

— Это моя девочка, — с восторгом произносит Гэрри, сжимая её руку.

Мои глаза следуют ниже по её телу и останавливаются на её плоском животе. Я хочу спросить, беременна ли она. Или мы потеряли нашего ребёнка из-за того, через что ей пришлось пройти. Но я не могу заставить свои губы двигаться.

— Гаррет, — произносит хриплым голосом Эмили, и я в дюйме от её лица через мгновение.

— Привет, — мягко произношу я, протирая её щеки большими пальцами.

Её золотисто зелёные глаза распахиваются, и я вижу, как облегчение отражается на нём, прежде чем слезы начинают литься.

— Ты в безопасности, — успокаиваю я её, целуя.

— Я люблю тебя, — рыдает она.

— Я тоже люблю тебя, сладкая, — шепчу я. — Я так, бл*дь, сожалею.

Эмили отчаянно трясёт головой.

— Это не твоя вина.

Я ничего не говорю. Это моя вина. Анжелика — моё прошлое. Никто не виноват кроме меня.

— Ты станешь папой, — нежно произносит она, обхватывая мою щеку.

Я пронзительно выдыхаю и закрываю свои глаза, заставляя себя не плакать.

— На счет этого... — ворчит Гэрри.

— Не начинай, папа, — бормочет Эмили.

Я несколько раз легко прикасаюсь своими губами к её губам, прежде чем возвращаюсь на своё место. Моя рука достигает и накрывает её животик. Я дошёл от чувства холода и безжизненности к опаляющему чувству теплоты. Моя женщина всегда заставляет меня чувствовать теплоту. Холодная рука Эмили накрывает мою, а после этого следует к рукам Джордана и Гэрри. Я смотрю на Эмили и улыбаюсь.

Я не заслуживаю её. Но она моя. И ничто не встанет между нами снова.

***

Тонкие пальцы, бегущие вдоль стороны моего лица, будят меня. Я уткнулся своей головой в живот Эмили. Я не могу забраться к ней в кровать, так что я сделал лучшее, что смог. Солнце сияет через окна, в то время как я открываю свои глаза, захватывая золотисто-зелёные.

— Привет, — говорю с хриплым голосом.

— Привет, — отвечает Эмили с усмешкой.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, садясь.

— Как будто меня подстрелили, — честно отвечает она, немного шевеля пальцами ноги. — Я ударила его дверной ручкой в шею.

— Дверной ручкой?

— Я знала, что мне надо бежать. Он в любом случае собирался убить меня. Я могла почувствовать это. Я знала, что ты не сможешь собрать деньги и даже с деньгами, я была бы мертва. Так что я вырвала ручку двери ванной и ждала, пока Свитч или Анжелика вернутся за мной. Они прятали меня в подвале многоэтажного гаража. Не то чтобы я это знала, но я знала, что была в подвале, и когда они вытащили меня в другую комнату, чтобы позвонить тебе, я видела лестницу. Это был мой единственный шанс. Я хлопнула дверь Свитча, когда он просунул свою голову чуть позже. Разбила ему нос, а затем стукнула по голове ещё раз. Я бежала вверх по лестнице и чуть не умерла от карабканья по ступеням, чтобы найти дверь. Мне надо больше заниматься кардио. Когда я побежала через гараж, Свитч начал стрелять. Я смогла оставаться вне его обзора, пока бежала вниз по съезду, но затем я добралась до выхода, а он был полностью забит. Там было отверстие между двумя досками так, что я пропихивала свое тело через него, тогда он подстрелил меня. После этого он схватил меня за ногу, но я пыталась отбиться от него. Тогда он прижал пистолет к моей голени, и я остановилась. Свитч пробивался через баррикаду, как Халк — разъярённый и весь в крови из разбитого носа. Затем он наклонился вниз, чтобы поднять меня с земли, куда я упала, когда он схватил мою ногу. Я использовала шанс и нанесла удар заострённым концом дверной ручки прямо ему в шею. Я не целилась ему в шею. Так получилось... я не знаю как. Я просто замахнулась. Так или иначе, я ударила его в шею, и я уверена в том, что убила его. И я не чувствую себя плохо из-за этого. Хотя я знаю, что должна. Я забрала его жизнь, но он собирался забрать мою. В его глазах ничего не было, Гаррет. Было, похоже, что он уже мёртв. Это не означает, что произошедшее нормально. Или означает. Я должна была спасти нашего ребёнка. Это всё, о чём я могла думать. Он собирался убить меня и ребёнка. Я только начала жить. Действительно жить. Я не могла сдаться. Я должна была бороться, — действительно заканчивает она.

— Бл*дь, — ворчу я.

Этого слишком много. Это не обычная тирада Эмили, и я киплю от ярости теперь. Свитчу повезло, что Эмили убила его. Он бы висел на крюке для мяса месяц, прежде чем я бы прикончил его. Моей доброй, сладкой женщине пришлось убить этого ублюдка, чтобы спасти свою жизнь. Я бы не добрался до неё вовремя. Я бы не уберёг её. Я бы не уберёг своего ребёнка.

— Ты не должен себя плохо чувствовать из-за этого, Гаррет Шарп, — указывает она, дёргая меня за руку, так что оказываюсь близко к её лицу.

— Эмили, — предупреждаю её я.

— Ты не посмеешь! Я знаю, что тебе плохо. Я понимаю, что Анжелика — часть твоего прошлого, но это всё. Ты сказал ей забрать меня и действовать как сумасшедшей? Ты обрезал все связи с прошлой жизнью и построил новую с Коди и со мной. Ты сожалеешь о жизни, которая у нас есть?

— НЕТ.

— Хорошо, потому что ты застрял с моей беременной капризной задницей. Сейчас я хорошо себя чувствую, но уверена, что мне потребуется время, чтобы отойти от этого. Мы должны быть сильными друг для друга. Пожалуйста, не бросай меня. Анжелика и Дэрил победят, если ты это сделаешь. Они пытаются украсть твою жизнь, также как намеривались в начале. Они не получают тебя, Гаррет. Ты мой, — собственнически рычит она, притягивая мои губы к своим.

Затем она ждет, когда я перехвачу инициативу. И я это делаю. Я скольжу своими губами по её, пробуя на вкус каждый дюйм. Когда я провожу языком по шву её губ, она открывает их для меня, медленно пробегая своим языком вдоль моего. Это продуманный, страстный поцелуй, полный чувств. Я впитываю её теплоту и вливаю всю мою любовь в неё. Подтверждение жизни, осязаемое и настоящее.

— Отстой! — вопит Джордан, заходя в комнату.

Эмили улыбается около моего рта, прежде чем я дарю ей целомудренный поцелуй.

— Эм? — подавая голос, Коди колеблется за мной.

Я отстраняюсь от неё, и прежде чем я могу обнять моего брата, Коди ныряет к Эмили, шмыгая носом. Я заставил его ждать до сегодняшнего утра, чтобы навестить её. Больница уже изошла на дерьмо, ругаясь с нами на счет часов посещения, которые подошли к концу. Гэрри уехал сегодня ранним утром со своей командой, чтобы разыскать больше информации об Адаме. Я думаю, что он рассматривает возможность взять его лично. Я не могу упрекать его в этом. Если я потеряю возможность убить Адама, потому что Гэрри сделает это первым, я не изойдусь на говно. Адам обидел его дочь и использовал её, как заложницу в грёбаной жестокой игре. Если у меня будет дочь... будем надеяться, что этого не случится. Для безопасности всех будущих подростков парней, давайте надеяться, что я у меня не будет дочери.

Эмили крепко прижимает Коди к своей груди, поглаживая его голову, так она успокаивает его.

Сопение в дверях, и я поворачиваюсь, чтобы найти Хантера, держащего Алиссу в своих руках и Дженну, пытающуюся держать их обоих. Когда Девлин входит, он подхватывает Алиссу у брата, занимает стул рядом с Джорданом в конце кровати и укачивает её как младенца в своих руках. Он делает многое для девочки-подростка.

— Могу я поучаствовать в этом? — спрашивает Хантер, пытаясь звучать как обычно в

своей подшучивающей манере, но провалился, звуча грустным.

Эмили тянется к нему, и он ныряет с другой стороны кровати. Она обнимает обоих мальчиков, а я двигаюсь к Дженне, у которой поток слез струится по щекам. Я прижимаю её к груди и целую в волосы.

— Я так зла, — бормочет она в мою шею.

— Я тоже, — ворчу я.

Она цепляется за меня немного больше до того, как Эмили зовет:

— Алисса.

Алисса поднимается с колен Девлина и идёт к Эмили, в то время как Хантер и Коди освобождают её. Затем Алисса потрясает меня до усрачки, когда забирается своим крошечным телом на кровать Эмили и сворачивается вокруг неё.

Коди поворачивает свои покрасневшие тёмно-зелёные глаза ко мне, вина омрачает их. Ему хуже от этого дерьма, чем мне. Я вжимаю его голову в своё плечо и сильно обнимаю, пока его руки сжимают меня мёртвой хваткой. Хантер падает в объятия Дженны, пока Девлин и Джордан молчаливо смотрят на нас.

— Ребята, хотите услышать некоторые счастливые новости? — спрашивает Эмили у наконец-то переставших плакать травмированных подростков.

— Пожалуйста, — выдыхает Джордан с облегчением.

— У нас будет ребёнок, — произносит она с улыбкой, направленной на меня.

— Что?! — визжит Дженна, подпрыгивая вверх-вниз. Хантер отодвигается от сумятицы, хихикая.

— Ты в порядке? Ребёнок в порядке? — спрашивает Коди в панике.

— Мы оба в порядке, солнышко. Всё будет просто прекрасно, — уверенно отвечает она.

Я надеюсь, что она права. Я мог бы прожить прекрасную жизнь. Я нуждаюсь в хорошей жизни с этими людьми... моей семьёй. Всё будет прекрасно. Я удостоверюсь в этом.

Глава 28

Эмили

— Нам придётся вернуться в больницу, если ты заработаешь грыжу. Вообще-то, я предпочитаю ходить, Гаррет, — пробую пожаловаться я, пока он несёт меня в дом.

— Нет, — ворчит он.

Мой рычащий, ворчащий мужчина переутомлён. Он не отходил от меня ни на шаг и едва ли сказал пару предложений, с тех пор как впервые добрался до больницы. Четыре подобных дня до того, как меня выписали сегодня днем. Теперь я получаю всего одно слово: здесь или там. По большей части положительные и отрицательные эмоции. Он борется.

Я второй раз в моей жизни солгала полицейским. В последнее время это входит в привычку. В действительности я не так много и солгала, так как не могла не согласиться с гипотезой детективов о том, что случилось со мной. История такова: я уехала из дома папы после визита, и меня украли вместе с машиной. Угон машины был уловкой, чтобы держать меня с целью выкупа от папы, который хорошо известен в городе. Это неплохая история и представленные доказательства подтвердили её. Когда Свитч схватил меня, он забрал мою машину, и кто-то бросил её по соседству в неблагополучном районе.

В моём организме были обнаружены следы седативных веществ, когда меня проверяли в больнице. Я сказала, что моя память туманна. Ложь. Ложь, в которую они поверили. Ложь, которую нужно было сказать, поскольку я знаю, что Гаррет, клуб Калеба и команда людей моего отца пошли за людьми, которые это сделали, а именно за Анжеликой. Никто не

расскажет мне, что с ней произошло, но везде в новостях всколыхнулась история: о нападении мафии на место под названием «Дамочки». Я довольно хорошо складываю...

Есть ещё один человек, с которым необходимо разобраться после всего этого.

Адам.

Он отдал меня на съедение монстрам. Я не знаю, как он провернул эту фишку с телефоном Джордана, но очень жуткий мужчина по имени Зеро из МК «Хаос» предположил, что мой номер телефона был скопирован. Что он имел в виду или как это работает, я не имею ни малейшего понятия, но я не собираюсь задавать вопросы Зеро.

У Адама миллионы долларов на оффшорных счетах, открытых на моё имя. Деньги, что он заработал с помощью огромной сети проституции.

Сети борделей.

Я потратила два года своей жизни на этого мужчину. Это извратливое, отвратительное человеческое существо, которое охотилось на женщин. Женщин, которых он продавал в рабство и делал другие непристойности. Я действительно верила, что любила Адама, когда была с ним. Но я никогда не любила его. Я нутром ощущала, что он недостоин любви. Если бы только мои глаза смогли разглядеть дьявола передо мной все эти годы.

Я идиотка.

Гаррет укладывает меня в нашу кровать, взбивая подушки под моей головой. Мой задумчивый мужчина, взбивающий подушки, то ещё зрелище. У него постоянно только злые карие глаза. Я отчаянно хочу облегчить его страдания, но знаю, что я ничего не могу сделать. Не раньше, чем он найдет Адама.

Коди заползает в кровать рядом со мной и пытается ухватить пульт от ТВ с прикроватной тумбочки со стороны Гаррета. Коди отказывался оставлять меня также как Джордан и Гаррет. Джордан только что пошёл домой, чтобы захватить несколько вещей, прежде чем он вернётся, чтобы остаться здесь. Я бы чувствовала себя задушенной, если бы это не чувствовалось так хорошо.

— Арлин и Беверли приготовили кучу еды. Ты голодна? — спрашивает Коди, пролистывая каналы.

— Немного супа было бы хорошо.

Гаррет ворчит и выходит из комнаты, чтобы налить мне немного супа.

Я гримасничаю, пока пытаюсь устроиться удобнее. Моя нога убивает меня. Я не могу принимать много обезболивающих из-за беременности. Передо мной длинный путь физиотерапии. Мои мышцы были сильно повреждены, но пуля прошла, не задев костей и артерий. Могло быть хуже.

Кошмары начались две ночи назад. Свитч схватил меня, а я промахиваюсь, когда пытаюсь нанести ему удар. Каждый раз, когда он хватает меня, злясь перед моим лицом, я просыпаюсь с криком. Я знаю, что, в конечном счете, они пройдут. Я начну встречаться с консультантом на следующей неделе. Я отказываюсь позволить этому разрушить мою жизнь, после того, когда я так много боролась, чтобы выжить. Я буду продолжать бороться.

Истощение обрушивается на меня, пока Коди оседает на спортивном канале «ESPN» обнимая моё плечо. Я засыпаю, пытаюсь задвинуть подальше и пробуя пробиться через ужас, который скрывается за занавесом бессознательного состояния.

Я просыпаюсь от того, что моё тело перемещают на рельефную голую грудь. Я вдыхаю глубоко, втягивая больше воздуха древесины и мускуса, продолжая обнюхивать Гаррета. Я могу ощущать напряжённость, просачивающуюся из его пор, в то время как он поглаживает

мою спину своей грубой рукой.

— Джордан здесь? — сонно хриплю я.

— Ага.

— Я никогда не поем.

— Голодная? — спрашивает он, перемещаясь, чтобы сесть.

— Нет, — лгу я, так как не хочу, чтобы он вставал.

Он замирает на мгновение, а затем возвращается к поглаживанию моей спины.

— Коди должен вернуться в школу, — шепчу я.

— Ага.

— Ты планируешь начать разговаривать снова в ближайшее время? — искренне спрашиваю я.

— Нет, — ворчит он, притягивая меня практически полностью сверху на своё тело

Я вздрагиваю, пока моя нога изменяет своё положение, но не пытаюсь его остановить.

Он не мог обнимать меня почти неделю. Я нуждаюсь в этом. Он нуждается в этом. Мы нуждаемся в этом.

— Хорошо, — бормочу я напротив дедушкиных часов.

Гаррет долго целует мои волосы, прежде чем спокойно приказать:

— Спи.

— Я люблю тебя, — нежно произношу я, прежде чем его устойчивое сердцебиение убаюкает меня, и засыпаю.

Прямо перед тем, как я засыпаю, он шепчет:

— Я люблю тебя, Эмили.

Усмешка растягивает мои губы, и никакие кошмары не достанут меня, пока я нахожусь в безопасных объятьях Гаррета.

***

Я ненавижу костыли. Я не могу ничего сделать без шатания или падения, или чего-нибудь ещё менее изящного. Поэтому стала прыгать поблизости, когда одна. Прошло три недели, с тех пор как меня подстрелили. Физиотерапия болезненна, но она работает. Я могу немного нагрузить ногу теперь, когда мои мышцы начинают заживать.

Я делаю несколько прыжков от островка до плиты, а затем снова назад, в то время как я пробую закончить обед, прежде чем Гаррет и Коди доберутся до дома. Фактически Джордан живёт здесь тоже. Прямо сейчас он в своём доме, но появится здесь на обед.

Я захватываю стопку тарелок и прижимаю их к груди до того, как прыгаю к столу на кухне. Из гаража открывается дверь в дом, когда я прыгаю назад. Чёрт.

— Эмили, — угрожающее рычание Гаррета поражает меня посередине прыжка.

— Привет, парни, — произношу живо, пока продолжаю прыгать. — Как прошёл ваш день?

— Где твои костыли? — рычит Коди, так сильно напоминая брата.

Я указываю на них: те подпирают стену возле закруглённого островка, и я останавливаюсь у плиты. Я не посмотрела ни на одного из них. Я знаю, что они безумно злы. Мне не надо смотреть на них, чтобы почувствовать раздражение, вибрирующее через комнату.

Тяжёлая поступь шагов Гаррета следует ко мне, а затем я взлетаю на островок. Я начинаю визжать и подготавливаю себя к боли, исходящей от ручного перемещения меня Гарретом, но она не приходит. Он придерживает мою ногу в колыбели рук, защищая рану.

Я воспользовалась его широкими плечами, пока он осторожно опускает мою ногу, чтобы подразнить. Он встаёт между моими ногами, обхватывает мои щеки и вынуждает встретиться с его постоянно карими сердитыми глазами.

— Не стоит, — резко ворчит он.

— Со мной все прекрасно, — произношу я пренебрежительно, прижимая свой рот к его. Он рычит и прикусывает мою нижнюю губу.

— Я думал, мы договорились: что не будет никакого секса на кухне, — саркастически изрекает Джордан, прежде чем хлопает передней дверью.

Одна из рук Гаррета оставляет мое лицо, и я уверена, что он щелкнет Джордана, исходя из сильного хихиканья от моего друга.

Я бы хотела немного секса на кухне. Гаррет не прикасается ко мне. Он был только осторожным и нежным со мной, но я нуждаюсь в некоторой близости с ним. У меня никаких ограничений от докторов. Я готова к сексу. Любому виду секса: на кухне или где угодно.

Гаррет уходит, перехватывает мои костыли и помогает мне слезть со столешницы. Затем он шлёпает мою попку с предупреждением в его пристальном взгляде, который говорит: «Больше никаких прыжков».

Я закатываю глаза, но использую свои костыли, чтобы подойти к чили, кипящему на плите. Таймер звенит несколькими минутами позже, и я достаю свежие буханки хлеба. Джордан и Гаррет пьют пиво, в то время как Коди рассказывает о предстоящем зимнем бале в школе. Он не хочет идти. Представьте это.

— Алисса идет, — встречаю я.

— С кем? — раздражённым тоном спрашивает Коди.

— Мне кажется, его зовут Беннетт, — отвечаю я, пожимая плечами. Три мальчика пригласили её. Дженна так возбуждена, что можно приодеть Алиссу, но Кaleb требует, чтобы Алисса не ходила.

— Она, бл*дь, не пойдет с ним, — рычит Коди.

— Почему? — нет никакой возможности, чтобы Кaleb или Дженна позволили ей пойти, если проблема в мальчике.

— Потому что.

— Это великая причина, мужик, — подразнивает Джордан, прикладывая пиво к своим губам.

— Я заберу её, прежде чем позволю этому члену околачиваться поблизости от неё. Он крутит девочками, как турникет на Центральном вокзале.

Это яркое описание. Если Кaleb выяснит это, Алиссе не разрешат пойти. Он безумно защищает её. Здорово быть свидетелем этой опеки.

— Я позвоню Дженне и выясню, знает ли она насчет Беннетта. Лучше уж мне поговорить с ней об этом. Ты можешь мне с этим помочь?

— Дайте Калебу разобраться с этим, — инструктирует меня Джордан, в то время как поднимается на ноги, чтобы помочь нам с Коди и Гарретом.

— Кaleb угрожал, что она будет обучаться дома, поскольку мальчик нёс её рюкзак на прошлой неделе. Я не думаю, что он рационален в этом уравнении.

Я шлёпаюсь на свой стул, в то время как парни накрывают стол. Затем я заливаю тонной уксуса свой чили, прежде чем начинаю, есть его. Эта беременность заставляет меня жаждать кислой еды. Я ем квашеную капусту, как будто это последняя в мире вкусная вещь.

Это отвратительно, и ничего не могу с этим поделать.

Джордан поднимает свой нос в мою сторону, но не комментирует.

Коди не попробовал и кусочка, потому что неистово печатает смс или что-то ещё в своём телефоне.

— Коди, — ворчит Гаррет.

— Извините, — приносит он извинения, убирая свой телефон в карман. Он загребаёт несколько кусков, а затем стонет. — Ты такой необыкновенный повар, Эм.

— Спасибо, солнышко.

— Ты уже посмотрела резюме? — спрашивает меня Джордан.

— Несколько, — лгу я.

Я должна, по крайней мере, нанять пекаря, но, вероятно, и других сотрудников тоже. Между тем, что случилось с детьми и теперь, когда меня подстрелили, я пропустила практически два месяца работы. Настало время, чтобы сделать что-нибудь с этим, но я не могу себя заставить.

— Ты должна сделать это, Эм. Арлин и Беверли не могут потянуть это. Я знаю, что они продолжают говорить тебе, что всё прекрасно, но они не молодые женщины. Они не могут взять на себя твои и мои часы. Я говорю всё это не для того, чтобы быть придурком, но ты должна нанять кого-нибудь в помощь.

— Я назначу собеседования завтра. Честное слово.

Я сделаю. Джордан прав. Я эгоистична. К тому же прямо сейчас эта беременность заставляет меня сильно уставать. Не думаю, что я буду способна работать также как раньше, даже если бы захотела. Я могу работать, но я буду спать всё оставшееся время, и никогда не буду видеть Коди или Гаррета. Я не оставлю магазин. Я всегда буду там, но должна отпустить это немного.

— Я не сойду с ума, если ты наймёшь рыженькую, — произносит он, шевеля бровью.

— Я прослежу за этим во время собеседования, — надсмехаюсь я.

Телефон Коди издаёт звуковой сигнал и когда он читает экран, он усмехается, прежде чем засунуть его обратно в карман.

— Надеюсь, у тебя будет не девочка, — ворчит он, перед тем как заглядывает «Гаторейд».

— Почему?

— Потому что они это, бл*дь, заноза в заднице. Они не слушают. Они ведут себя каждую секунду слишком по-разному. Они плачут по никчёмной причине, а затем бесятся, что вы их не понимаете. Одежда и макияж — центр их мира. Их дружба больная и манипулирующая. Девочки просто отстой, — раздражается он.

— Спасибо тебе, — раздражаюсь я в ответ.

Я не имею это в виду, но хочу, чтобы он понял, что не надо думать так обо всех женщинах прямо сейчас.

Щёки Коди становятся ярко-красными, а его тёмно зелёные глаза закрываются.

— Я не имел в виду тебя, Эм.

— С точки зрения девочки-подростка, мальчики не лучше. Они думают только о сексе. Они отказываются демонстрировать свои чувства. Они незрелые. Они прикладывают больше усилий для своей дружбы, чем для своих отношений. И они воняют.

Джордан и я хихикаем, прежде чем он говорит:

— Быть подростком хреново, чувак. Девочки станут лучше.

— Иногда, — ворчит Гаррет своё мнение.

Я подготавливаю вставить аргумент, становясь чувствительной под действием гормонов, но Гаррет поражает меня одним из своих взглядов, который говорит: «Если ты намекаешь, что я имею в виду тебя, я не буду счастлив». Так что я держу свой рот закрытым. Я знаю, что он имел в виду меня. С другой стороны, мои гормоны хотят поспорить. По крайней мере, когда он будет разговаривать со мной или рычать на меня.

Я ненавижу, что он весь закрыт. Я не рада этому. Я страдаю из-за него.

— Я бы всё равно предпочёл племянника, чем племянницу, — заявляет Коди с большим усилием.

— Мы скоро узнаем, — произношу я с удовлетворённой улыбкой, потирая свой живот.

Гаррет слегка приподнимает подбородок к Джордану, привлекая моё внимание к нему. Но затем Джордан произносит.

— Гаррет и я собираемся отправиться в МК «Хаос», чтобы какое-то время поработать над Шевроле Калеба. Ты справишься здесь с Коди?

— Почему ты спрашиваешь меня вместо Гаррета? — выдавливаю я.

— Это была моя идея, — отвечает Джордан, пожимая плечами.

Всё тоже придирчивое подозрение прокручивается во мне, которое было с Адамом. Мне не нравится это ощущение в своём теле. Я не думаю, что Гаррет будет изменять мне. И я знаю, что Джордан никогда не будет помогать прикрывать его в этом. Но они оба лгут мне.

— Мы бы могли пойти с вами и поболтаться с Дженной и детьми, — пробую я.

— Нет, — немедленно огрызаются Джордан и Гаррет.

Я вливаюсь взглядом в своего лучшего друга, прежде чем обратить взгляд ледяных глаз на Гаррета.

— Мы пойдём в клуб. Дженна и дети у Калеба дома, — пробует прикрыться Джордан.

Это не сработает со мной.

— Хорошо провести вечер, — спокойно говорю я, поднимаясь на ноги.

Я оставляю свои костыли и прыгаю по лестнице, используя узкие стены, чтобы раскачивать себя. Я обрушиваюсь на кровать и сворачиваюсь клубком. Когда первые слёзы падают из уголков моих глаз, дверь открывается, и мои костыли гремят об пол.

— Эмили, — рычит Гаррет на краю кровати.

Я не отвечаю и не смотрю на него. Его руки сжаты в кулаки по швам, пока он борется со своим разочарованием из-за меня.

— Эмили, — требует он снова.

— Если ты изменяешь мне, я уйду от тебя. Я не буду такой женщиной снова. Так что, если ты собираешься пойти и трахнуть кого-то ещё, и используешь моего лучшего друга в качестве прикрытия, я полагаю тебе лучше сказать об этом сейчас, чтобы я смогла упаковать свои вещи и уйти. Из-за этого ты не хочешь прикасаться ко мне? Ты нашёл кого-то ещё, пока я восстанавливалась?

Гаррет надвигается на меня.

— Не смей, — рычит он в моё лицо, вливаясь взглядом чёрных разъярённых глаз в меня.

— Ты не смей, — протестую я, пробуя столкнуть его с себя.

Это бесполезное усилие, так что я закрываю свои глаза, чтобы заблокировать его. Я знаю, что он не изменяет мне. Нет такого варианта. Это было сумасшедшей болтовней беременной дамочки. Но что бы он ни делал сегодня вечером, он лжет мне, и в этом нет никакой разницы.

Гаррет опускает своё лицо к моей шее и мурлыкает:

— Никогда.

Никогда не позволю тебе уйти.

Он сказал это много месяцев тому назад. И одним словом, он напоминает мне об этом. Он никогда не обидит меня. Он никогда не бросит меня. Он никогда не перестанет любить меня.

Я выпускаю вздох облегчения и расслабляюсь под его весом, в то время как он прикусывает и посасывает мою кожу. Я запускаю свои пальцы в шоколадно-карамельные волосы, подгоняя его. Я так ужасно нуждаюсь в этом.

— Пожалуйста, Гаррет, — стону я, пока он потягивает мочку моего уха.

Я оборачиваю свою здоровую ногу вокруг его бедра и потираюсь об него, умоляя его, чтобы он взял меня. Он мягко рычит и захватывает мой рот в грубом поцелуе. Я цепляюсь за его плечи, в то время как хныкаю от потребности.

Одна из его мозолистых рук скользит по моей груди до того, пока не находит мой чувствительный сосок. Он щипает и потирает его через кружево, в то время как я шиплю от контакта. Это больно, но я не останавливаю его. Будьте прокляты воспалённые соски.

Его другая рука пробегается по здоровой ноге, захватывая подол моей макси юбки. Я не могу носить джинсы с моей травмой, так что у моего мужчины свободный доступ. Слава Богу!

Материал скручивается вокруг моей талии, Гаррет оставляет мой рот и размещает свои широкие плечи между моими бедрами.

— Да, — шепчу я.

Он хватает мои кружевные трусики и срывает их прочь с моего тела. Затем его язык внутри меня: пронзает и кружит. Огромная рука Гаррета по-прежнему прижимает мои бедра к матрасу, пока я вырываюсь и тащу его за волосы.

Мой оргазм уже набирает обороты. Только чувство его теплоты вокруг меня заводит, он поглощающий, как будто я — его последняя пища. Его язык умело щёлкает по вершине моего клитора, в то время как он двигает пальцами внутри меня.

И когда он нежнее действует своим языком, просто лаская меня им с правильным давлением, я взрываюсь. Дрожь сотрясает меня от кончиков пальцев ног до головы, когда я испытываю сильный оргазм.

Я задыхаюсь, когда Гаррет садится и расправляет по ногам мою юбку.

— Эй, — протестую я.

Мы только начинали.

— Позже, — ворчит он.

Я начинаю спорить, когда ловлю его взгляд. Калейдоскопы. Слезы немедленно струятся из моих глаз от этого вида. Нет больше сердитых коричневых.

— Сладкая, — произносит он спокойно, заключая мои щеки в свои ладони.

— Калейдоскопы, — рыдаю я. — Мне так сильно не хватало этих глаз.

Он понимающе кивает.

— Люблю тебя, — бормочет он, прежде чем оставляет крепкий поцелуй на моих губах.

— Я тоже люблю тебя, — бормочу я напротив его рта.

Он встаёт и помогает мне укрыться, прежде чем выходит из комнаты. Хотела бы я знать, куда он пойдет сегодня. Но я доверяю Гаррету. Если он не может мне сказать, то для этого есть серьёзная причина.

Глава 29

Гаррет

День первый (в больнице)

— Коди, я собираюсь выйти и подымить. Скажи Эмили, что я сразу же вернусь, когда она проснётся, — шепчу я, поднимаясь на ноги.

Коди кивает с другой стороны кровати и держит Эмили за руку чуть крепче. Его виноватые темно-зелёные глаза делают всё намного хуже, чем я ожидал. Это не его бремя, чтобы нести, и я должен убедить его в этом, чем раньше, тем лучше.

Я следую за Девлином и его семьёй, выходящей из палаты Эмили, Джордан молчаливо идет рядом со мной. Гэрри пришел и уже ушел. Он сражается с больницей, насколько я могу судить. Я могу только представить его воспоминания, которые затягивают его здесь. Но он не останется вдали от своей дочери независимо от того, насколько сильно травмирует его нахождение здесь.

Я приветствую чистый холодный порыв воздуха, пока мы выходим из автоматических дверей. Девлин что-то шепчет Дженне, которая едва машет нам, прежде чем направляется с детьми к внедорожнику Девлина. Джордан, Девлин и я идем к обозначенной для курения области, которая к счастью пуста и освещена.

Я курю как паровоз, с тех пор как похитили Эмили, и это только ухудшилось, как я приехал в больницу сегодня утром. Я не могу остановить себя. Прямо сейчас я нуждаюсь в этом, чтобы поддерживать любое подобие здравомыслия.

— Мы взяли его, — произносит Девлин, и я выдыхаю огромный клуб дыма, прежде чем сильно затянуться. — Он бежал. Этот кусок собачьего дерьма упаковался, и самолет ждал его на летном поле. Один из моих парней полетел, одетый как Уоррен на Карибы. Судя по всему, он отправился в дальнюю командировку по словам его помощника, с которым я разговаривал сегодня утром. Он сделал это дерьмо, бл*дски лёгким для нас. Он охренительно облегчил нам это дерьмо.

Я стоял в тишине, прокручивая мысли и эмоции настолько интенсивно, что моей голове стало больно.

— Где сейчас этот ублюдок? — рычит Джордан.

— Висит на крюке для мяса.

— Мы все отомстим ему. Вы знаете, что он ответствен за Алиссу и мальчиков. Я дам вам это дерьмо. Джордан у тебя будет кусок мяса за то, что он сделал с Эмили. Я позвоню Гэрри и выясню, захочет ли он прийти. Но, сначала это задница моя. Это будет продолжаться, пока я не закончу. Недели. Месяцы. Да мне по хрену. Он висит на крюке, пока я не скажу — всё, — походно произношу я.

— Да, бл*дь, — говорит Джордан, потирая в предвкушении руки друг об друга, пока кончики его губ складываются в зловещую усмешку вокруг сигареты.

— Бери столько времени, сколько тебе нужно, брат. Я буду держать его задницу свеженькой для тебя, — отвечает Девлин со своей собственной жестокой улыбкой.

Мы все получим месть.

***

День пятый (первый день Эмили дома)

Девлин и Джордан закончили приковывать Адама цепями к потолочной балке, в то время как я наблюдал за его тёмно синими глазами, наполненными паникой.

Эмили дома с Коди, Арлин и Клайдом. Она наконец-то выписана из проклятой

больницы. Она по-прежнему больше спит, чем бодрствует. Я планирую оказаться дома до того, как она поймёт, что я ушёл. Она не знает, что я здесь. Она всё ещё думает, что мы не нашли Адама. Я сказал ей, что он сбежал, и мы пробуем разыскать его.

Я ненавижу лгать ей, но она уже достаточно пережила. Ей нет необходимости знать, что я делаю. Что мы все делаем.

Я хочу убить Адама прямо сейчас. Забить его кулаками до смерти. Почувствовать, как его жизнь ускользает сквозь мои пальцы. Хотя, это не то, как мы собираемся поступить. Из-за него люди, которых я люблю, пострадали. Так что теперь — его очередь.

У Адама кляп во рту, так что мне не придётся слушать, что он говорит. Если я услышу, как он умоляет, я сломаюсь. Его крики агонии будут моим топливом, но они не толкнут меня за край.

Сегодня его наказанием будет то, что вынесла моя женщина. Но я не собираюсь стрелять Адаму в голень.

Шум моего перфоратора, оснащённого остроконечным долотчатым буром, перекрывают жалкие рыдания. Джордан привязывает ноги Адама к полу, пока я приближаюсь. Я не слышу ничего другого, пока стою на коленях, хватая его колено одной рукой, и медленно вдавливаю в его плоть другой.

Это ужасно, зверски и недостаточно, когда я делаю углубление в его мускулах. Адам вырубается от боли в какой-то момент, так что я остаюсь, прикуриваю сигарету, а затем прикладываю её к ране, его неблагозвучный вопль приводит в сознание.

Музыка для моих ушей.

Калев

День девятый

Джордан и Шарп вздёрнули ничтожество, скулящее как расплакавшийся трус. Отверстие, которое просверлил в нём Шарп, даже начало гноиться, так что мой мужик Зеро вколол ему некоторые антибиотики, чтобы мы смогли продолжать растягивать эту хрень.

Джордан использует нож, чтобы срезать рубашку с придурка, выставляя мне и моему кнуту его спину. Хотя не я нанесу первый удар. Это будет моя женщина. У неё хватит смелости и ярости для того, чтобы отстегать его.

Я твёрдый только от ожидания этого, наблюдая за ней.

Её длинные каштановые волосы приподняты, попка, чертовски туго обтянута, чёрными штанами и соответствующая футболка с длинными рукавами. Я собираюсь трахать её до восхода солнца после этого.

— Это всё для тебя, детка, — шепчу я ей на ухо, вручая кнут.

Дженна практиковалась в течение последних пару дней, когда я сказал ей, что она получит свой шанс с этим лохом. С хлестким ударом, рассекаемым по цементному полу, Шарп и Джордан отодвигаются в сторону, чтобы наблюдать за шоу. Когда она первый раз разматывает кнут, Адам Уоррен кричит как девчонка. И я представляю крики моей девочки, когда слышу его. Сколько умоляла Алисса, чтобы её пытки закончились?

Дженна не смягчается, пока её руки не начинают трястись, а трус не вырубается. Джордан захватывает ковш с водой и выплёскивает ему в лицо, приводя его в чувство. Я дёргаю крошечную фигуру Дженны и прижимаю её к своей груди, поскольку у неё затруднено дыхание.

— Хорошо сделано, — бормочу я в её волосы.

— Было приятно, — хрипло говорит она.

Я ухмыляюсь, глядя на ее восхитительное лицо: её большие сине-зелёные глаза мерцают от облегчения. Бл*дь, да, она получит это сегодня ночью. Время ускорить это дерьмо.

Я выпускаю Дженну и хватаю кнут с пола, мгновенно разрывая ублюдку спину. Я истязую его плоть, до тех пор пока единственная вещь, которая остаётся от спины, — мясо. Я получил свое количество мести. Он задолжал мне больше, но я закончил на сегодня.

Я плюю на бетон, киваю Шарпу и оставляю подвал с моей женщиной в обнимку. Месть хорошо ощущается. Действительно, бл*дь, хорошо.

Джордан

День тринадцатый

Вина — это тяжёлый камень, придавливающий Вас весом каждый день, пока Вы не скинете её, пока Вы не отпустите её.

Я несу вину на своих плечах за смерть своего отца. За отказ помочь мужику, когда знал, что он нуждался во мне. Мой эгоизм стоил ему жизни.

Я несу вину глубоко в себе за то, что случилось с Алиссой, Хантером и Коди. Я знал о шлюхах. Когда Эмили нашла Адама, трахающего девочку, она сказала, что той едва ли было восемнадцать, это разожгло мой интерес. И так как моя лучшая подруга не позволила мне пойти за мудаком, я использовал своё любопытство, чтобы успокоиться.

Это заняло время, чтобы понять, Сара Беллефонт использовала свой магазин, чтобы нанимать и снабжать нарядами шлюх. Она глупая и самоуверенная. Я думаю, что у меня заняло часа два наблюдения, чтобы раскрыть её поганую игру, как только я узнал, во что она была втянута.

Чего я не ожидал, насколько большая это была деятельность. Уоррен любил проверять самых новых девочек. Его не волновало, где он трахал их и как долго его крошечный хер оказывался в них. Может быть, он стал небрежен, после того как Эмили поймала его, но находясь возле его офиса, когда он врезался в девочку, которая выглядела на возраст Алиссы, я почувствовал, как смертоносный гнев во власти вины просочился в мои кости.

Поскольку я люблю Эмили, так как я никогда не любил другого человека в этом мире, я ничего не сказал ей об этом. Она была далеко от Уоррена и, если он хотел торговать телами, это его дело. Хотя тот факт, что несовершеннолетние девочки использовались для этого, почти делал невозможным держать мой рот на замке. Так, что я сказал Саре, что раскусил её задницу. Я бы не оставил всё так, зная масштаб их деятельности. Я только пригрозил что, если она не прекратит использовать несовершеннолетних, я передам копам фотки, которые у меня есть.

Шантаж — красивая сука.

Я продолжил наблюдать, но никогда не видел другую несовершеннолетнюю девочку под Уорреном.

Затем дети были атакованы. Это было моё бремя вины, чтобы нести. Я недостаточно глубоко рыл, чтобы узнать, что семья Донован была частью сети. Я недостаточно глубоко рыл, чтобы узнать, что Уоррен спланировал это дерьмо, и надеялся, что Шарпа снова арестуют, когда он примет ответные меры.

К счастью, Шарп позвонил Калебу, и клуб забрал все видеозаписи службы безопасности, так что не было никаких доказательств, что Шарп когда-либо был в том доме. Убедить Брендона Донована держать свой рот на замке было достаточно просто. Так что, мой новый друг избежал возвращения в тюрьму, а я продвигался вперед в тумане мучений с моими тайнами.

Если бы я просто открыл свой рот, мы бы выяснили, что та сучка из Канзас-Сити составляла заговор. Моя потребность ограждать Эмили подвергла её смертельной опасности. Я сделал это дерьмо. Это будет мой камень, чтобы нести его всю оставшуюся жизнь. Но сегодня я немного облегчу груз.

Я сын своего отца. Настолько, насколько я никогда не хотел, чтобы это было правдой, но это так. Его кровь бежит по моим венам, перетаскивая зло за счет каждой клеточки моего тела. Я решил не следовать по его скользкой дорожке, не по благочестивой причине, а просто потому что я знал, как сильно я любил темноту внутри себя. Моя мать заслужила лучшего сына. И когда я встретил Эмили через недели, после того, как моего отца расстреляли, я знал, что сделал правильный выбор.

Она сделала всё, чтобы тёмное испорченное дерьмо исчезло на заднем плане моей жизни.

Я задолжал ей эту месть.

Я задолжал ей мою жизнь.

Я размахиваю своими обагрёнными кровью руками в стороны, в то время как поднимаюсь на ноги где я присел над телом Уоррена. Я удалил каждую его часть, что прикасалась к моей лучшей подруге. Пальцы, пальцы ног, уши и язык — разбросаны по бетонному полу.

Большая задница Зеро будет удерживать Уоррена в живых. Он не заслуживает милости смерти. Я не заслуживаю всплеска облегчения, когда Шарп хлопает меня по спине в знак благодарности.

Я буду нести вину. Это моё бремя, чтобы нести.

Гэрри

День девятый

Запах смерти, проникающей из подвала старой скотобойни, скручивает мой живот, но это ничего не значит и не остановит моё продвижение.

С моим пистолетом, подготовленным для мужчины, которого я приветствовал в своём доме, впустил в свою жизнь и в сердце моей дочери, я считаю своим долгом сделать контрольный выстрел. Но я не буду.

Я был свидетелем: пыток, казней и всех других развращённых действий войны. Живой труп, висящий передо мной, всё ещё потрясает меня с первого взгляда. Но теперь я уверен всеми фибрами моего существа, что Гаррет Шарп никогда не навредит моей маленькой девочке. Он будет оберегать её любой ценой. И для отца нет лучшего в мире.

Я опустошаю всю обойму своего пистолета в Адама Уоррена, избегая его главных органов, просто пробуя причинить боль его телу. Когда я заканчиваю, убираю своё оружие в кобуру, шагаю к Гаррету и пожимаю его руку.

Я горжусь мужиком.

Я горжусь тем, что он в моей семье.

Я горжусь своей дочерью, что она смогла увидеть его, несмотря на его прошлое.

Я горжусь тем, что он имел храбрость быть честным со мной, зная, что моя реакция, возможно, лишит его любого шанса, который у него был с моей дочерью.

Я горд назвать его моим сыном.

Гаррет

День двадцать второй

Тело Адама наконец-то сдалось. Девлин написал мне как раз перед тем, как я добрался

до дома сегодня вечером, что мы были должны покончить с этим дерьмом прямо сейчас, если мы собираемся это сделать по-своему.

Эмили больно. Напряжение от необходимости скрыть это всё от неё работает на меня. Я не говорю. Я едва ворчу. Я причиняю ей боль, когда это последняя вещь, что я хочу делать в этой жизни.

Время заканчивать.

Со вкусом киски Эмили на моих губах, я шагаю из моего дома с Джорданом, чтобы наконец, покончить с Адамом Уорреном.

Поездка к МК «Хаос» молчалива, мы оба соглашаемся, что затея с нашими неделями пыток наконец-то заканчивается. С помощью Зеро, мы растянули это дольше, чем я мог бы когда-либо вообразить. Хорошо иметь рядом с собой психопата, когда вы совершаете непрерывные пытки на протяжении большей части месяца.

Я не приходил в «Хаос» каждый день. Но бывал там часто. Я дал каждому шанс с Адамом. Каждому, кого он обидел, и я позаботился, что они получили всё, что хотели от него. Клайд кипел, пока бил его своими мясистыми кулаками. Джордан улыбался всё время, когда расчленял его. Дженна вздохнула с облегчением, когда отхлестала его. Девлин ревел от ярости, пока распускаял его на ленточки. А Гэрри смотрел на меня как гордый отец, после того, как опустошил в него свою обойму.

Я дал людям, которые любят Эмили, облегчение. Теперь моя очередь.

Рука Джордана сжимает моё предплечье, когда я начинаю выбираться из своей тачки, останавливая моё движение. Когда я ловлю его синие глаза, они наполнены чувствами.

— Ты закончишь это дерьмо сегодня вечером и отпустишь его. Эм заслуживает хорошую гребаную жизнь. Ни одного дня с темным дерьмом, притаившимся рядом с ней. Я знаю, что мы все боролись, держа её подальше от этого, но это был правильный ход. И когда с этим будет покончено сегодня вечером, дай ей то, что она заслуживает, Шарп. Я отдаю тебе мою девочку прямо сейчас. Не заставляй меня пожалеть об этом дерьме, — рычит он, смущая меня в течение момента до того, как выскользнуть из машины.

Хорошо.

Я следую за Джорданом в главную комнату клуба МК «Хаос» и нахожу её пустой. Как только мы глухо спускаемся по лестнице, там практически ощущается возбуждение в воздухе. Весь МК здесь также, как и Клайд, Дженна и Девлин. Гэрри не смог приехать, но большой парень из тактиков здесь вместо него. Он кивает мне, пока я прохожу мимо него.

Этот подвал выглядит как ринг бойцовского клуба, кроме моего оппонента, по сути, являющегося куском порубленного мяса. Не так много всего я могу сделать с ним из того что с ним уже произошло. Адам вялый и без сознания. Я всё ещё жду угрызений совести, которые разорвут меня изнутри, когда я вижу его, но этого никогда не произойдёт. Я не чувствую себя плохо из-за того, что мы сделали.

Развращенное дерьмо, что мы выяснили о нём...он легко отделался. Торговля людьми. Детская проституция. Использование имени Эмили с его незаконными деньгами, так чтобы она могла взять вину на себя, если бы его когда-нибудь поймали. Организация нападения на Алиссу так, чтобы мой брат заступился и сделал бы ровно то, что и произошло с этими мудаками, которые травмировали его. Он скормил любовь всей моей жизни мелким тварям, которые планировали изнасиловать и измываться над ней.

Адам был весьма откровенен в дни до начала его пыток, пока я сидел у кровати Эмили. Этот идиот полагал, что мы отпустим его, если он не сдаст каждого вокруг себя. Никто не

был огражден от его предательства. Сара. Семья Донован. Его собственный отец. Адам сдал всех их без любого убеждения.

Точно также как и Дэрил.

Пока я оглядываю группу людей, находящихся здесь для того, чтобы поддержать меня. Они здесь, потому что любят кого-то, кому Адам причинил боль, или разрушил, или уничтожил. Мне известно, что настоящая преданность существует. Мы может быть и преступники. Мы забирали жизни. Добавляли наркотиков миру. Перемещали оружие по всему Среднему Западу. Мы нехорошие люди. Но мы прикроем друг другу спины. Никто в этой комнате не повернется спиной к другому ни по какой причине.

Эмили привела меня к этому. Это то место, где я могу доверять и верить в людей снова. Она дала мне жизнь.

Теперь я собираюсь мстить за неё.

Я срываю Адама вниз от потолка и сажусь верхом на его грудную клетку, прежде чем обрушиваю мощные удары на его голову. Он умирает после минимального контакта, но я продолжаю бить. Я продолжаю бить своими кулаками его череп, пока кости не ломаются и кровь не разбрызгивается. Тишина окутывает толпу, пока я реву от облегчения, позволяя чувствам, которые я подавлял всю свою жизнь, выплеснуться наружу.

Непролитые слезы жгут мои глаза, злые всхлипывания подавляются в моём сердце, маниакальный смех забил моё горло, однако всё здесь. Каждая единичная эмоция циркулирует через меня, пока мои руки начинают трястись, и рука каждого опускается мне на плечо.

Я расслабляюсь, руки опускаются по сторонам, и я смотрю вниз через пропитанные кровью ресницы на разрушение. Нет никаких определяющих особенностей, которые смогут рассказать вам, что это когда-то был человек. Адам Уоррен ушел и даже его труп не оказано чести сохранить его когда-то смазливое лицо.

Джордан и Девлин помогают мне встать на ноги, один из них дает мне полотенце, другой сигарету.

— За Алиссу, — кричит Дженна, и толпа улюлюкает в согласии.

— За Хантера, — продолжает Клайд.

— За Коди, — рычит Девлин.

— За девочек, которых мы не смогли спасти, — произносит Зеро, своим незабываемым больным голосом, шокируя комнату, но они все хлопают и свистят.

— За Эмили, — вымучивает из себя Джордан с чувством, переполняющим его голос.

Комната взрывается криками и воплями, перемещая что-то в мою грудь. Моя женщина что-то значит для каждого, с кем она встречалась и даже для людей, с которыми нет. Её свет прикоснулся к максимально возможному количеству людей в Мире, как и солнца.

Затем толпа замолкает, ожидая, когда я добавлю свои слова, делаю судорожный вздох, прежде чем выдавливаю:

— За моего ребенка.

Минута молчания, затем раздаются возгласы и поздравления, отражающиеся по комнате. Мужики толкают меня в плечи и хлопают по спине, в то время как уходят праздновать нашу месть с выпивкой и женщинами.

Большой парень из тактиков кивает мне подбородком, прежде чем шагает прочь, плюя на пол, когда проходит мимо устроенного мною окровавленного беспорядка.

Клайд приближается ко мне, оборачивая свою мускулистую руку вокруг моей шеи.

— Твой старик — кусок дерьма. Никогда не следовало тратить своё время на мужика типа него. Но мне не жаль, что я так сделал, потому что, в конечном счете, у меня есть ты. Ты сын, которого у меня никогда не было, Гаррет. Я люблю детей Арлин, но я знаю тебя с тех пор, как ты родился. Я не поступал правильно с тобой. Но я, бл*дь, стараюсь восполнить это дерьмо теперь. Я горжусь тобой, парень. Я так, бл*дь, горд, — заканчивает он с тяжелым вздохом, сильно сжимая меня, пока я киваю, прежде чем он глухо уходит.

Я глотаю ком в горле размером с дыню, когда Дженна подходит ко мне.

— Чертовски, люблю тебя, Гаррет Шарп, — говорит она, прежде чем несколько слезинок капаят из её глаз.

Я не буду притягивать её своими руками, покрытыми кровью, но я очень хочу этого. Я знаю, что ей было больно за Алиссу и Хантера. Она молодая женщина, но я видел годы опыта за её возрастом. Она жила тяжелой жизнью и прошла через дерьмовые года. Но она не плачет, от того что травмирована тем, чему стала свидетельницей. Она плачет слезами облегчения и благодарности за то, что Адам, который обидел её детей, покинул этот мир. Поскольку независимо от того, как она получила Алиссу и Хантера, они её теперь.

— Я тебя тоже, Дженна, — шепчу я.

Ее глаза увеличиваются от взаимного обмена, пока она рыдает в грудь Девлина, который крепко держит её. Она цепляется за своего мужчину так долго, пока комната не пустеет, оставляя только нас. Девлин велит ей идти наверх, и она повинуется с мягким касанием губ, перед тем как освещает меня широкой улыбкой. Я слегка касаюсь её губами тоже.

— Позвонил и дал наводку шерифу и ФБР относительно сети борделей в Блаффсайд. Шериф взял Уоррена старшего и старика Донована прямо перед тем, как ты добрался сюда. Сару тоже взяли. Это должно завернуть всё это дерьмо, — объясняет Девлин, потирающий свою темную щетину.

— Никогда не думал, что у меня будут дети. Встретил Дженну и знал, что хочу её, но не предполагал, что смогу сделать эту фишку с ребенком. Вы дали мне это дерьмо. Я твой должник. Без вопросов. И остального дерьма. Я всегда прикрою твою спину... всегда, — он пожимает мою руку, не беспокоясь о крови, которая её покрывает.

— Я пришлю Зеро вниз через некоторое время, — произносит Девлин с ухмылкой перед выходом из подвала.

— Ты никогда не задавался вопросом: почему я работаю в магазине Эм? — спрашивает Джордан, передавая мне прикуренную сигарету.

Я киваю.

— Когда моего старика пристрелили, это уделало меня. Я сделал звонок той ночью. Плохой выбор, я не был с ним. Чувствовал, как будто это моя ошибка. По-прежнему... — затихает он. — Так или иначе, я был как-то днём в центре города, чтобы передохнуть от этого дерьма. Пытался очистить голову, после того как поездка не помогла. Я шел мимо окна Эм и заглянул внутрь, увидел её, пробивающуюся вокруг, разговаривающую с людьми с самой большой гребаной улыбкой на её лице. Это дерьмо согрело мою мёртвую душу. Я забрёл в её магазин и предложил помощь. Она взяла две секунды на размышление и бросилась ко мне в объятия, благодаря меня. Это всё, что потребовалось. Она покорила меня. Я знаю, что ты получил тоже дерьмо с ней. Не так как кто-то ещё, кто встречал её и просто хотел узнать, поскольку она такого рода человек. Она заставляет тебя чувствовать то, чего у тебя никогда не было. Тебе необходимо знать, что ты делаешь то же самое для неё. Она

всегда светится, но с тех пор, как ты с ней, она, бл*дь, ослепляет. Спасибо тебе за это. Я паршиво себя чувствую, что не заметил дерьмо, что ускользнуло от неё, но теперь, когда я вижу её полностью расцветшей... я не могу насытиться. Так, что ты сделал что-то хорошее и для меня. Я знаю, что тебя подставили в прошлом. Но этого не случится здесь, Гаррет. Этого не произойдет со мной. У меня есть ты, — отчаянно произносит Джордан, рывком притягивая меня, чтобы похлопать по спине. — Хорошо, теперь, когда я в крови, я не чувствую себя как маленькая сучка после этого. Давай почистимся и пойдем домой к твоей женщине. Я принес затычки для ушей, — саркастически комментирует он.

Я фыркаю, перед тем как взорваться от хохота, пока он шевелит своими бровями.

Даже если я покрыт грязью, я чувствую очищение в моей душе. Я свободен, чтобы жить своей жизнью теперь. Хорошей жизнью. Лучшей жизнью.

***

Я проскальзываю в кровать рядом с Эмили после моего второго душа, аккуратно притягивая её тело к своему.

— Привет, — хрипло произносит она, приподнимая голову от моей груди, чтобы заглянуть в мои глаза.

Её золотисто-зелёные искрятся от любви, пока на её щёчках появляются ямочки, а уголки губ растягиваются в медленной ленивой улыбке.

— Он никогда не обидит тебя снова, — произношу я первое полное предложение за недели.

Дыхание Эмили перехватывает в горле, и она хочет задать миллион вопросов, но я пресекаю это.

— Я не собираюсь рассказывать тебе, что произошло. Ты не должна этого знать. Это не было хорошим. Но знай, то, что я сделал, я делал, потому что люблю тебя и забочусь о тебе. И теперь ты в безопасности, Сладкая. Всегда так блядь, будет.

— Я люблю, когда ты так говоришь, — произносит она спокойно.

— Мне нравится, когда ты болтаешь чепуху, — парирую я, целуя её нос.

— Ты в порядке? — шепчет она, с заинтересованным выражением лица.

— Никогда не было лучше, — заверяю её я, прежде чем опрокидываю на спину, не забывая о её ноге.

Я завладеваю её ртом, прежде чем она понимает, что я иду за ней. Мой язык погружается между её губ, пробуя каждый дюйм, пока я стаскиваю футболку с её тела.

Я опускаюсь своими губами вниз по её шее, счастливый от того, что на ней нет трусиков, так что мой член упирается в её вход.

— Сейчас, Гаррет. Я нуждаюсь в тебе сейчас, — умоляет она, в то время как я прикусываю её родинку.

Я не буду заставлять её ждать. Я нуждаюсь в ней так же, как и она нуждается во мне, если не больше.

Я обхватываю свой член и толкаюсь внутрь неё, наслаждаясь каждым дюймом при погружении. Она стонет и выгибает спину, в то время как я полностью заполняю её, замирая и предоставляя ей возможность привыкнуть к моей длине. Эмили не хочет этого, так что она дергает меня за волосы, заставляя опустить свой рот на неё. Она неистово целует меня, пока я начинаю толкаться долгими, медленными ударами.

Эмили цепляется за мои плечи, пока я обхватываю руками её щеки, стараясь передавать всё то, что я чувствую. Хотя не только для неё. Так много я чувствую из-за неё. То, что я

могу любить теперь. То, что я могу чувствовать теперь. Я никогда не был эмоциональным человеком. Я всё ещё больше ворчу, чем говорю. Я всё ещё рычу в большинстве случаев. Но я чувствую всё время, поскольку Эмили привела меня к жизни.

Я увеличиваю темп, когда Эмили отрывает свой рот от моего, чтобы сделать вдох. Опускаю свою голову на её шею, оборачиваю её здоровую ногу вокруг своей талии, прежде чем скольжу рукой по её маленькой попе, слегка приподнимая её, так чтобы я мог погружаться ещё глубже.

Я хочу раствориться в ее теле. Так и должно быть.

Ногти Эмили врезаются в мою спину, когда оргазм прорывается через неё, моё имя срывается с её губ. А я не иду на уступки. Я продолжаю толкаться в неё, показывая ей и отдавая ей всё. Я не могу остановиться. Я никогда не остановлюсь.

— Выходи за меня, — рычу я в её кожу, пока прекращаю движение, чтобы изучить её глаза.

Я не знаю, что я ожидал найти в её пристальном взгляде, однако взгляд высшего блаженства и любви скручивает меня.

— Да, — произносит Эмили с ослепляющей улыбкой.

Я беру её рот в собственническом поцелуе, клеймя её. Это всё, в чём я нуждаюсь. У меня теперь всё есть. Всё правильно в мире.

Когда я, наконец, позволяю Эмили заснуть, солнце начинает вставать, а я держу её на татуированной груди, пристально смотря вниз на слова, которые означают так много для меня. Время — иллюзия. Я проживу всю жизнь хорошо, каждое мгновение, которое я проживу, будет с Эмили. Я буду лелеять каждый момент. Каждое дыхание. Каждую унцию теплоты. И когда мои часы закончатся, я буду знать, что у меня было больше времени, чем у любого, который когда-либо жил.

Я буду счастлив.

Эпилог

Эмили

— Латте, пожалуйста, — отвечает мне молодая девушка, когда я спрашиваю её, что бы она хотела. Она в симпатичном бледно-голубом с цветочным принтом сарафане, нервно перебирает подол, поглядывая в витринное окно.

— Я принесу его прямо к Вам, — произношу я с широкой улыбкой.

Пока она присаживается за столик свиданий, рослый Хантер Девлин перешагивает через мой порог. Его волосы черного дерева наилучшим образом в беспорядке от шлема. Он подмигивает своей девушке, прежде чем вышагивает ко мне.

— Привет, Эм, — приветствует он меня, наклоняясь через прилавок, чтобы поцеловать мою щеку.

— Как обычно? — спрашиваю я, и он кивает. — Она милая.

— Все они, — саркастически комментирует он.

Я закатываю глаза до того, как разворачиваюсь, что бы вытащить чашки эспresso для их напитков. Джордан выходит из кухни и разговаривает с Хантером некоторое время. Я делаю самое большое сердце для Хантера, которое только могу сформировать в его кружке и тюльпан для его девушки. У него много свиданий, но у меня такое чувство, что это другое, по тому, как он продолжает поглядывать на неё через своё плечо, пока болтает с Джорданом.

Другая молодая девушка, которая получает аналогичное внимание от Хантера —

Алисса. Он наблюдает за ней практически так же внимательно, как и Калев. Это — хорошо, что Дженна может заставить своего мужика отступить, когда это необходимо, но понимаю, что Алиссе намного комфортней, когда Хантер просто присматривает за ней. Даже, когда он сводит её с ума.

Как только Сара села в тюрьму за своё соучастие в сети борделей, Дженна выкупила «Шьём на заказ» и превратила его в модный, элегантный магазин.

Семья Девлин счастлива.

Мои подозрения относительно свидания Хантера усиливаются, когда он несёт их кружки к столу свиданий с небольшой дрожью в руках. Он нервничает.

— Придурок, — подраживает Джордан, подталкивая меня плечом.

— Брюзга, — парирую я.

Мы хихикаем до того, как моё любимое зрелище проходит мимо окна.

Мой муж, несущий нашу дочь на бедре, сияющий ей огромной улыбкой, пока заходит в мой магазин. Я кладу руку на мой большой живот, в то время как внутри него всё трепещет. Каждый раз. Не имеет значение, сколько раз я вижу его или Амелию, мои внутренности наполняются теплом и счастьем. И когда это происходит, мой сын тут же шевелится вместе с моими эмоциями.

— Мамочка, — визжит Амелия, как только она замечает меня.

— Привет, божья коровка, — воркую я, наклоняясь к ней.

Гаррет опускает её на прилавок, после того как целует меня в губы.

— Дядья, Джоудан, папочка показал мне этот маслосбольник!

— Тебе понравилось, букашечка? — спрашивает Джордан, прежде чем перехватывает мою дочь из моих объятий, чтобы пойти на кухню и покормить её сладостями. Он балует её хуже, чем кто-либо ещё, а мы говорим о моём отце, Арлин, Беверли и Клайде.

Не вынуждайте меня даже говорить про Коди с ней. Возможно, он и не мечтал о племяннице, но в момент, когда он получил одну, она с легкостью окрутила его. Он сделает для неё что угодно. Всё.

Находиться далеко в колледже в этом году стало для него испытанием. Он часто приезжает домой и постоянно звонит, но это хорошо для него, выбраться из Блаффсайд. Коди превратился в мужчину. В искреннего хорошего мужчину, которым я так горжусь и люблю.

Амелия выпускает визг восхищения, когда Джордан, конечно же, даёт ей кекс.

Я облакачиваюсь о плечо Гаррета и подсматриваю за Хантером, держащим свою девушку за руку, у них такие сладкие улыбки. Опять это покалывание. Кружки любви делают свою работу.

— Люблю эту улыбку, сладкая, — мурлычет Гаррет, огибая прилавок, прежде чем пожирает мой рот, не заботясь о том, что у меня полный магазин покупателей.

Когда он отпускает меня, то опирается своим лбом о мой и шепчет:

— Влюбился в эту улыбку через улицу. Она, бл*дь, намного лучше при личной встрече.

Я свечусь от него и прижимаюсь своей головой к его груди, слушая его устойчивое сердцебиение. У меня собственные кружки любви с Гарретом каждое утро. Я сижу за столом напротив него и улыбаюсь больше и счастливее чем, когда чувствую это покалывание от свиданий. Я чувствую это для себя. Я ощущаю всем нутром теплоту любви с человеком, который украл моё сердце через улицу.

Моя кружка никогда не будет пустой.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net